

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш.Ш.УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ
ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

«EDU.E-HISTORY.KZ»
ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

№ 3(11) шілде-қыркүйек 2017

ISSN 2710-3994

EDU.E-HISTORY.KZ
**ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҒЫЛЫМИ
журнал**

2017, № 3(11)

EDU.E-HISTORY.KZ
электронный научный журнал

2017, № 3(11)

EDU.E-HISTORY.KZ
electronic scientific journal

2017, № 3(11)

Құрылтайшы:

Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Басредактор

Қабылдинов Зиябек Ермұханұлы

Редакциялық алқа:

Р. Абдуллаев (Өзбекстан), Н. Аблажей (Ресей), Б. Аяған, М. Әбусейітова, С. Әжіғали,
Н. Әлімбаев, Б. Байтанаев, Қ. Жұмағұлов, Ғ. Кенжебаев, Б. Көмеков,
Мансура-Хайдар (Үндістан), Р. Масов (Тәжікстан), Ә. Мұқтар, В. Плоских (Қырғызстан),
Ю. Петров (Ресей), О. Смағұлов, Сон Ен Хун (Оңтүстік Корея), Е. Сыдықов,
У. Фиерман (АҚШ), А. Чубарьян (Ресей)

Жауапты редактор:

З. Төленова

Редактор:

Р. Көбеев

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ.,
Шевченко көшесі, 28,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,
«Edu.e-history.kz»
электрондық ғылыми журналының редакциясы
Телефон: +7(727)272-47-59
E-mail: edu.history@bk.ru
Электрондық мекен-жай: <https://edu.e-history.kz/>

Ғылыми журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің
Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2014 ж. 29 қазанында тіркелген.
Тіркеу нөмірі № 14602-ИА. Жылына 4 рет жарияланады (электронды нұсқада).

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде міндетті
түрде журналға сілтеме жасау қажет.

Учредитель и издатель:

РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им.Ч.Ч. Валиханова»
Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Главный редактор

Кабульдинов Зиябек Ермуханович

Редакционная коллегия:

Р. Абдуллаев (Узбекистан), Н. Аблажей (Россия), Б. Аяган, М. Абусейтова, С. Ажигали,
Н. Алимбай, Б. Байтанаев, К. Жумагулов, Г. Кенжебаев, Б. Комеков,
Мансура-Хайдар (Индия), Р. Масов (Таджикистан), А. Муктар, В. Плоских (Кыргызстан),
Ю. Петров (Россия), О. Смагулов, Сон Ён Хун (Южная Корея), Е. Сыдыков,
У. Фиерман (США), А. Чубарьян (Россия)

Ответственный редактор:

З. Толенова

Редактор:

Р. Кубеев

Адрес редакции:

050010, Республика Казахстан,
г. Алматы,
ул. Шевченко, 28.

Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова,
«Edu.e-history.kz»

Редакция электронного научного журнала

Телефон: +7(727)272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Сайт журнала: <https://edu.e-history.kz/>

Научный журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан, свидетельство о регистрации:
№ 14602-ИА от 29.10.2014 г. Публикуется 4 раза в год (в электронном формате).

При повторной публикации статей, съемке на микрофильмах и других копиях необходимо обязательно ссылаться на журнал.

Founder and publisher:

RSE on REM "Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology"
of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of
Kazakhstan

Editor-in-chief:

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich

Editorial board:

R. Abdullaev (Uzbekistan), N. Ablazhey (Russia), B. Ayagan, M. Abuseyitova, S. Azhigali,
N. Alimbai, B. Baitanaev, K. Zhumagulov, G. Kenzhebaev, B. Komekov,
Mansura-Khaidar (India), R. Masov (Tajikistan), A. Muktar, V. Ploskikh (Kyrgyzstan),
Y. Petrov (Russia), O. Smagulov, Song Yong Hoon (South Korea), E. Sydykov,
W. Fierman (USA), A. Chubaryan (Russia)

Executive editor:

Z. Tolenova

Editor:

R. Kobeev

Editorial address:

050010, Republic of Kazakhstan,
Almaty,
28 Shevchenko Str.
Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology,
«Edu.e-history.kz»
Editorial electronic scientific journal
Phone: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59
E-mail: edu.history@bk.ru
Journal website: <https://edu.e-history.kz/>

The scientific journal is registered at the Committee for Communications, Informatization and Information of the
Ministry for Investments and Development of the Republic of Kazakhstan, r
egistration certificate:

No. 14602-ИА dated October 29, 2014. The journal is published 4 times a year (in electronic format).

When re-publishing articles, shooting on microfilm and other copies, it is necessary to refer to the journal.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

МУЗЕИ КАЗАХСТАНА КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Алиясова В.Н.

Павлодарский государственный педагогический институт (г. Павлодар, Казахстан) Кандидат культурологических наук

Аннотация. В основе статьи лежит анализ комплекса исторических материалов, литературных и музейных источников, позволяющих достоверно изложить процесс сохранения, популяризации и презентации палеонтологических коллекций в музеях Казахстана и других странах. В ходе исследования были использованы общенаучные методы: анализ и синтез, исторический и логический методы. В статье показана роль музеев Казахстана и других стран в развитии культурной и просветительской деятельности. Отмечены сложности формирования и сохранения музейных коллекций в их презентации в музейных собраниях. Изучен и описан опыт работы с палеонтологическими коллекциями естественно-научных музеев Франции, США, Великобритании, Германии, Испании, России и Казахстана. Особое внимание уделено краеведческим музеям Северного и Восточного Казахстана, предоставляющих реалистичный опыт, который вызывает интерес общества к палеонтологии и таким образом повышает уровень грамотности в этой области, осведомленность в вопросах сохранения природного наследия. Показаны аспекты деятельности музеев по презентации палеонтологических коллекций, выставок и других форм работы с коллекциями, поднимаются проблемы показа коллекций в экспозиции с учетом их аттрактивности и экспрессивности. В статье отражена специфика экспозиционно – выставочной работы музеев. Особо отмечена роль музеев как научных центров по изучению, сохранению и популяризации палеонтологических коллекций.

Музеи Казахстана осуществляют важную культурологическую функцию на особом, только им свойственном языке. Они обогащают и формируют историческое сознание, память, чувство патриотизма и сопричастности к мировому и региональному наследию. Современные технические достижения (компьютеры, видео и аудиозаписи) позволяют расширить познавательные функции музея. Коммуникационные процессы, осуществляющиеся в музее, многомерны, включают как процессы специфически-музейной обработки информации, которая реализуется в основных направлениях музейной деятельности (фондовой, экспозиционной, образовательной и т.д.), так и процессы, позволяющие включить музейную коммуникацию в общекультурные коммуникационные процессы, связанные с сохранением и интерпретацией историко-культурного наследия, его включением в диапазон современной культуры.

Ключевые слова: Музей, палеонтологические коллекции, культурное наследие, экспозиция.

ҚАЗАҚСТАН МҰРАЖАЙЛАРЫ ПАЛЕОНТОЛОГИЯЛЫҚ КОЛЛЕКЦИЯЛАРДЫ САҚТАУ ЖӘНЕ НАСИХАТТАУ ОРТАЛЫҚТАРЫ РЕТІНДЕ

Алиясова В.Н.

Павлодар мемлекеттік педагогикалық институты (Павлодар қ-сы, Қазақстан) Мәдениеттану ғылымдарының кандидаты

Аңдатпа. Мақала тарихи материалдардың кешенін, әдеби және мұражай көздерін талдау арқылы Қазақстан мен басқа елдердегі мұражайлардың палеонтологиялық коллекцияларын сақтау үдерістерін көрсету, насихаттау және таныстыруға арналған. Зерттеу барысында қолданылған зерттеу әдістері - жалпы ғылыми: талдау және синтез, тарихи және логикалық әдістері. Мақалада Қазақстан және басқа да елдердің мұражайларының мәдени және ағартушылықтың дамуындағы қызметі көрсетілген. Мұражай жинақтарындағы мұражай коллекцияларын қалыптастыру және сақтау ерекшеліктері атап айтылған. Франция, АҚШ. Ұлыбритания, Германия, Испания, Ресей және Қазақстанның жаратылыстану ғылыми мұражайлардың палеонтологиялық коллекциялармен жасайтын жұмыс тәжірибесі зерттеліп жазылған. Ерекше назар Солтүстік және Шығыс Қазақстанның өлкетану мұражайларына аударылды. Себебі өңіріміздегі мұражайлар өзекті және шынайы тәжірибе ұсынады және осы тәжірибе арқылы қоғамның палеонтология ғылымына қызығушылықты тудыра отырып халықтың табиғи мұра сақтау сұрақтарындағы сауаттылық деңгейін көтереді. Сонымен қатар мақалада мұражайлардың палеонтологиялық коллекциялар, көрмелер және коллекциялармен жасалатын тағы басқа жұмыс түрлері жөніндегі қызметі көрсетілген. Мақалада мұражайлардың экспозициялық – көрме жұмыс ерекшеліктері және палеонтологиялық коллекцияларды зерттеу, сақтау және насихаттаудағы мұражайлардың ғылыми орталық ретіндегі ролі көрсетілген.

Қазақстан мұражайлары тек өздеріне тән, ерекше тілдегі аса маңызды мәдениеттану функциясын жүзеге асырады. Олар әлемдік және өңірлік мұраға деген ортақтастық, патриотизм сезімін, тарихи сана-сезімді қалыптастырып рухани байытады. Заманауи техникалық жетістіктер (компьютерлер, видео и аудиожазбалар) мұражайдың көрнекілік қызметін айтарлықтай кеңейте алады. Мұражайда іске асырылатын коммуникациялық үдерістер алуан түрлі, олардың қатарына ақпаратты ерекше-мұражайлық әдіспен өңдеу де кіреді. Аталмыш үдеріс мұражайдың негізгі жұмыс бағдарында қолданылады, олар қор, экспозициялық, білім беру және басқа да бағыттар. Мұражай коммуникацияларының жалпымәдени процестерге қосу арқылы біз қазіргі кездегі дүниежүзілік мәдени кеңістікке тарихи-мәдениеттік мұраға еңгізе аламыз..

Түйін сөздер: Мұражай, палеонтологиялық коллекциялар, мәдени мұра, экспозиция.

MUSEUMS OF KAZAKHSTAN AS CENTERS OF PRESERVATION AND POPULARIZATION OF PALEONTOLOGICAL COLLECTIONS

Aliyassova V.N.

Pavlodar state pedagogical institute (Pavlodar, Kazakhstan) Candidate of culturology science

Abstract. The article is based on an analysis of a complex of historical materials, literary and museum sources, which allow to reliably state the process of preservation, popularization and presentation of paleontological collections in museums of Kazakhstan and other countries. In the course of the research, general scientific methods were used: analysis and synthesis, historical and logical methods. The article shows the role of museums in Kazakhstan and other countries in the development of cultural and educational activities. Difficulties in the formation and preservation of museum collections in their presentations in museum collections were noted. The experience of working with paleontological collections of natural science museums in France and the USA has been studied and described. Great Britain, Germany, Spain, Russia and Kazakhstan. Special attention is paid to the local and regional museums of Northern and Eastern Kazakhstan, which provide a realistic experience that causes public interest in paleontology and thus raises the level of literacy in this field, awareness of the conservation of natural heritage. The aspects of the museums' activity are presented on the presentation of

paleontological collections, exhibitions and other forms of work with collections, the problems of showing collections in the exposition taking into account their attractiveness and expressiveness are raised. The article reflects the specificity of the exposition and exhibition work of museums. The role of museums as scientific centers for studying, preserving and popularizing paleontological collections was especially noted.

Museums of Kazakhstan carry out an important cultural function in a special, only their own language. They enrich and form historical consciousness, memory, a sense of patriotism and ownership of the world and regional heritage. Modern technical achievements (computers, video and audio recordings) allow to expand the cognitive functions of the museum. The communication processes carried out in the museum are multidimensional, including both the processes of specific museum information processing, which is realized in the main areas of museum activity (stock, exposition, education, etc.), and processes that allow the inclusion of museum communication in general cultural communication processes, connected with the preservation and interpretation of the historical and cultural heritage, its inclusion in the range of modern culture.

Key words: Museum, paleontological collections, cultural heritage, exposition.

Введение

Глобализация, экономический кризис и социальные преобразования, происходящие в мире в начале XXI века, изменили отношение общества к наследию. Одним из главных социокультурных институтов, призванных заботиться о сохранении наследия являются музеи. Актуальность исследования подтверждается тем, что во многих странах именно музеи становятся центрами выявления, изучения, сохранения и популяризации памятников природы, истории и культуры.

Музеи, это особая коммуникативная система, которая является частью культурного пространства страны, они могут выполнять роль посредника в «диалоге» современных культур, что говорит о важности изучения культурного наследия, хранящегося в фондах музеев (1, с.196).

В основе специфики экспозиционно – выставочной работы музеев с палеонтологическими коллекциями лежит научно-исследовательская деятельность, результатом которой является презентация подлинных свидетельств развития природы. Экспозиция в данном случае выступает как основной канал коммуникации.

Историко-краеведческие музеи Казахстана имеют палеонтологические экспозиции, отражающие биологическую историю региона в соответствии с определенной научной концепцией. Как правило, они строятся как на собственных материалах музея, так и на материалах, поступивших из других собраний.

Выставки музеев организованы по тематическому принципу в зависимости от характера экспозиционных материалов (фондовые, из других собраний, комплексные) и от места размещения. Временные выставки отражают направление научных исследований, научные достижения в изучении конкретных проблем, результаты полевых экспедиций. Уровень технической оснащенности музея часто не позволяет это показать в стационарной экспозиции, поэтому выставки привлекательны для посетителей, пробуждают интерес к музею, способствуют развитию музейной коммуникации.

Обзор литературы

Сегодня для многих казахстанских музеев очень актуальна проблема экспозиционного показа коллекций. Палеонтологическая экспозиция предстает как особая информационная система, отражающая явления исторического процесса через музейные предметы (экспонаты) как знаковые компоненты. Экспозиция строится авторами через осмысление экспонатов в расчете на

определенное понимание их воспринимающим субъектом (2, с.48). В последнее время проблема создания палеонтологических экспозиционных комплексов находится на стадии дискуссионного обсуждения, проблема эта для современного казахстанского музееведения весьма важна и своевременна, поэтому необходим дальнейший анализ данной проблематики, обсуждение его в научной и исторической, музееведческой среде (3, с.64,66).

В практике научных учреждений и краеведческих организаций России проведение Палеонтологических музейных коллоквиумов "Палеонтология в музейной практике". Ежегодно в нём принимает участие более сорока специалистов музееведов, ученых из университетов России, Монголии, Украины и других стран (4, 174 с.).

В презентации естественно-исторических коллекций большой опыт у музеев России. Следует отметить Палеонтологический музей им. Ю.А. Орлова (Палеонтологический институт РАН), который является одним из крупнейших естественноисторических музеев мира, Санкт-Петербургский (Музей Зоологического института Российской Академии Наук), Московский (Музей Московского государственного университета), Казанский (Музей Казанского университета) и др.

Музеи научно-естественного профиля Великобритании широко использует в просветительских и образовательных целях бережно хранит многочисленные коллекции. Активно использует в системе научного, делового и других видов туризма (5, с.452).

Широко известен Смитсоновский музей естественной истории США (Smithsonian Natural Museum of Natural History) с его исследовательскими и обучающими программами (Research Training program), включающими лекции, научные дискуссии, общение с музеологами.

Миссией Палеонтологического музея Университета Беркли (Калифорния, США) является презентация палеонтологических коллекций и исследование истории развития органического мира и разнообразия биоты Земли. Ежегодно Музеем проводятся различные научные курсы. Одним из последних был "A new look at old bones: Insights into dinosaur growth, development and diversity". Такие курсы является идеальным способом для привлечения публичных аудиторий, в частности учителей и преподавателей, интересующихся исследованиями в области палеонтологии.

В опыте работы музея Природы Амстердама хранятся используются фотографии редких или вымерших животных, которые представляют научный интерес. В освещении проблем эколого-культурной среды большая роль отводится «экомузеев», которые выполняют функции оценки и сохранения культурного и природного наследия, создавая парки-музей, заповедники под открытым небом (6, с.64).

Музей Терра Амата (Ницца, Франция) занимается изучением и презентацией объектов, относящихся к доисторическому периоду. В работе с посетителями используется традиционная лекция-экскурсия (для старших школьников) и активный визит (для младших школьников): после короткой вводной части дети сами осматривают экспозицию, гид следует за ними и, если возникают вопросы, отвечает на них. По окончании осмотра он собирает детей для выяснения результатов их самостоятельного исследования. Каждый ученик получает памятку с кратким описанием всего увиденного. Старшие школьники сдают мини-экзамен: они должны определить, к какому знаменитому месту раскопок относится изображение на фотографиях или диапозитивах предметов. Метод получил высокую оценку Министерства просвещения Франции. При музее существуют также специальные мастерские, где дети приобщаются к технике и технологии проведения раскопок, воспроизводят сцены доисторической жизни (7, с.33-37).

Музей Аквитании (Бордо, Франция) представляет доисторический период с точки зрения палеонтологии, геологии и биологии. В работе со школьниками музей предлагает им изучить музейную коллекцию на тему «Доисторический период». Детям раздаются анкеты-визитки с

вопросами, ключевыми словами, рисунками, которые нужно дополнить, или с заданием придумать текст к изображению какого-либо доисторического сюжета. Темы о доисторических ящерах изучаются детьми 8-12 лет в созданном при Музее клубе юных натуралистов «Амузеум». Для взрослых демонстрируются научные фильмы, дающие основные сведения по остеологии, эволюции видов, среде обитания первобытного человека на четырех европейских языках (8, с.25-32).

В практике зарубежных музеев в презентации палеонтологических коллекций особое место занимают выставки. В Национальном музее Гете в Веймаре представлена специальная выставка «Тюрингские окаменелости из собрания Гете». Эта выставка знакомит с увлечением поэта – естественнонаучным коллекционированием. Окаменелости представлены на фоне исторических документов по палеонтологии и современных геологических изображений. Наглядно представлены пять систем геологической временной шкалы наиболее часто встречающихся групп окаменелостей, часть которых еще сегодня можно встретить на территории Тюрингии (9, с.47-51).

В «Геологическом музее» Национального научно-природоведческого музея НАН Украины наряду с монографическими палеонтологическими коллекциями, являющимися национальным научным достоянием, государственными эталонами международного значения, хранятся старые коллекции, которые, уникальны благодаря своей исторической, научной ценности, невозможности повторного сбора образцов - старые коллекции фирмы “Krantz in Bonn” (Германия). Часть этой коллекции в тридцатые годы двадцатого века была передана в музеи Австрии и Франции (10, с.157-161). Научное значение коллекций несомненно, так как они могут выступать в качестве сравнительного научного материала. Благодаря великолепной сохранности коллекция репрезентативна, аттрактивна, доступна для презентации в экспозиции. Музейная ценность предмета заключается не только в нем самом, но и в относящейся к нему информации (11, с.35-36).

Информативность и хорошая презентация музейных палеонтологических коллекций является необходимым условием для привлечения туристов в музеи. Например, члены Трансильванского общества "Siebenbürgischen Vereins für Naturwissenschaften zu Hermannstadt" основало Музей естественной истории в котором экспонируется более миллиона предметов по естественной истории региона, в том числе и по палеонтологии (12, с.172-187).

В музее естественных наук Университета Сарагосы находится одна из самых значительных в Испании коллекций окаменелостей. Это новый музей, в котором собраны ископаемые коллекции Палеонтологического музея Университета Сарагосы с историческими коллекциями университета. Все материалы инвентаризуются в базе данных File Maker и доступны для консультаций любому исследователю, который обращается к ним (13, с.1-8).

На основе анализа развития музееведения (в частности презентации палеонтологических коллекций) в разных странах можно отметить, что опыт музеев Казахстана вполне сопоставим с ними. Рассмотрим некоторые аспекты деятельности музеев Казахстана в этом направлении.

В Северо-Казахстанском областном историко-краеведческом музее с 2005 года открылась новая экспозиция отдела природы. Палеонтологические экспонаты представлены в зале «Возникновение жизни на Земле». Из всех музеев Северного и Восточного Казахстана только в экспозиции Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея имеется карта палеонтологических местонахождений области. Палеонтологические экспонаты представлены на фоне панорамных ландшафтных панно, отражающих внешний вид и среду обитания ископаемых животных.

В Кокшетауском областном историко-краеведческом музее основные палеонтологические экспонаты, представляющие особую ценность, расположены очень низко (подиум 15 см от пола),

что неудобно для взрослого человека и воспринимается с должным эффектом только детьми. Такая «презентация», например черепа этрусского носорога, заметно принижает значение этой редкой для Казахстана находки. Однако связано это в первую очередь с отсутствием экспозиционных помещений, т.к. экспозиция строилась с учетом выделенного под палеонтологию зала, и поднятие на высокий подиум палеонтологических экспонатов значительно уменьшило бы пространство для показа не менее интересных палеонтологических находок.

Восточно-Казахстанский музей долгое время не имел помещения, где можно было бы развернуть работу. Только в 1967 г., областному музею было предоставлено новое здание, в котором он и находится сейчас. Общая его площадь составляет 1200 кв. м., экспозиционная 800 кв.м. Палеонтологическая экспозиция музея (при богатом палеонтологическом фонде) отражена не во всей полноте. Связано это в первую очередь с отсутствием специалиста-палеонтолога и увлеченностью сотрудников отдела природы изучением современной флоры и фауны.

Кустанайскому областному историко-краеведческому музею постоянное помещение под музей было предоставлено только в 1937 г. Во дворе у кирпичной стены проводились массовые расстрелы партийных и советских работников, красных партизан. Эта стена и поныне хранит следы от пуль. В память о павших борцах за народное дело в 1938 г. здание со всеми надворными постройками было передано музею в постоянное пользование как памятник, имеющий историко-революционное значение. В этот период в музее была открыта стационарная экспозиция по природе и истории края, велась активная выставочная работа. При музее содержался живой уголок и опытный участок, где выращивали растения-каучуконосы и давались агрономические рекомендации. В 1937 г. в музее были организованы три отдела: отдел природы, отдел истории, отдел современной истории региона. Такая концепция историко-краеведческого музея была долгое время свойственна большинству музеев Казахстана.

Из краеведческих музеев Северного и Восточного Казахстана в настоящее время только в одном (Кустанайском музее) нет постоянно действующей экспозиции древней природы. В практике работы этого музея – разработка научной концепции природоведческой экспозиции в специфической выставочной экспозиции палеонтологических редкостей «Далекое прошлое Земли». На обозрение были выставляются ранее не экспонировавшиеся палеонтологические материалы. Гарантией востребованности выставки у учащихся и студентов послужила её соотнесенность с учебными планами и уникальность экспонируемого материала. Следует отметить тот факт, что проведение палеонтологической выставки было очень ценным опытом работы, в результате которой музей приобрел высокий рейтинг в работе по этому направлению среди учреждений культуры и досуга. Музей имеет свою методику выставочной работы и оборудование для проведения выставок. Заинтересованные учреждения, организации, частные коллекционеры предоставляют музею необходимые предметы, коллекции, документальный материал, который впоследствии пополняет фонды музея.

Палеонтологический зал Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Г.Н. Потанина вызывает зрелищное и яркое восприятие мира древних животных. Два больших скелета ископаемых животных – мамонта и гигантского большерогого оленя - являются не только гордостью музея, но и его визитной карточкой. В экспозиции музея презентуются палеоматериалы с уникального палеонтологического памятника природы «Гусиный перелет» - скелет гиппариона, фрагмент челюсти древней гиены, и череп носорога хилотерия и другие не менее интересные экспонаты (14, с.491-503).

В палеонтологических коллекциях областных историко-краеведческих музеев Северного и Восточного Казахстана представлены значительные материалы по ископаемой флоре и фауне исследуемого региона. Очевидна важность сохранения и создания условий доступности палеонтологического материала для развития направлений биологических и геологических наук

и образовательного процесса будущих поколений.

Изучение палеонтологических материалов происходило параллельно с углубленным изучением остатков организмов отдельных систематических групп. Данный подход способствует квалифицированной инвентаризации музейного фонда, изучению ранее накопленных коллекций и ревизии ранее установленных таксонов. Это позволило открыть и описать новый вид ископаемого слона, провести исследования и уточнить время обитания сибирского эламотерия (15, с.189-199)

Методы исследования

В основе анализа музея как объекта исследования использован историко-системный подход, который, являясь в настоящее время наиболее распространенным направлением методологии научного познания и социальной практики, ориентирует на раскрытие целостности объекта, его механизмов, на выявление многообразных типов связей объекта и сведение их в единую теоретическую картину.

Для изучения ископаемых материалов использовались методы палеонтологии, основанные на анализе последовательной смены комплексов животных и растений во времени, сборы с поверхности, раскопки, механическая и химическая препаровка, шлифование, определение остатков ископаемых животных. При участии авторов выполнялись историческая реконструкция, консервация, реставрация скелетов ископаемых животных.

Исследование работы музеев по комплектованию палеонтологических коллекций проводилось с использованием методов количественного и качественного анализа собранной информации.

При комплектовании материала, положенного в основу исследования, использованы так же эмпирические методы сбора источников и информации. Для определения научной значимости коллекций была изучена специальная научная литература.

Методы обработки данных и анализ палеонтологических коллекций в музеях выполнялся посредством изучения палеонтологической литературы и музейных источников. Такой подход используется в течение последних 200 лет. С появлением компьютерных технологий, связанных с современными базами данных (оцифровка коллекций, статистика). Новые формы визуального представления позволяют переход на использование новых методик и значительно расширяют возможности для исследований.

Результаты и дискуссия

Одной из основных проблем при создании палеонтологической экспозиции является то, что большинство музеев Казахстана располагается в зданиях, не приспособленных для презентации палеонтологических экспонатов (в большинстве случаев здания музеев это памятники истории и архитектуры). Во-первых, содержание такого здания является достаточно сложным и требует реставрационных работ практически каждые пять лет. Во-вторых, их нельзя подвергать каким-либо внутренним перестройкам, поэтому экспозиции музеев строятся с учетом уже имеющейся структуры расположения залов здания. Таким образом, экспозиции приходится строить, подгоняя под имеющиеся помещения, что не только не удобно, но и не всегда позволяет во всей полноте отразить замысел экспозиционера. Как правило, палеонтологические находки менее привлекательны в представлении их в экспозиции. Они более репрезентативны, когда представлены в виде реконструкций скелетов ископаемых животных, что не всегда возможно при малой площади, высоте и ширине приспособляемых под экспозицию залов.

Группировка и интерпретация палеонтологического материала в большинстве музеев выполнена по историко-хронологическому принципу построения экспозиции. Соответствуя

этому принципу, палеонтологические материалы экспонируются по принятой в науке хронологии. Поскольку любой музей по сути является историческим (идет ли речь об истории общества, природы, искусства и т.п.), то применение этого принципа отнюдь не ограничивается музеями исторического профиля. Этот принцип лежит в основе построения Палеонтологического музея в Москве, многих залов Политехнического музея, биографических частей экспозиций мемориальных музеев и т.п. Не являются исключением и историко-краеведческие музеи Казахстана.

Содержание и построение экспозиций в старинном здании делает музей достопримечательностью культурно - досуговой и туристической сферы города. Такие здания, являясь памятниками истории и архитектуры, сами являются экспонатами в ландшафте города. С учетом содержания экспозиции, порядка группировки и организации палеонтологических материалов в областных историко-краеведческих музеях Северного и Восточного Казахстана выделяются два метода экспонирования: систематический и ландшафтный.

При систематическом показе палеонтологические материалы расположены согласно геохронологической шкале (Войткевич, 1984), в основе которой - соответствие пластам различного возраста, определенное сочетание ископаемых органических форм. Этот факт является доказательством непрерывных изменений в развитии жизни на Земле, что и позволило расшифровать каменную летопись земной коры. Систематический показ палеонтологических материалов использовался при построении экспозиции Павлодарском областном историко-краеведческом музее им. Г.Н. Потанина и в Восточно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее.

При ландшафтном методе чаще всего используется прием панорамного показа. В ландшафтной панораме пейзаж служит вспомогательным средством для показа места и времени обитания ископаемого животного, костные остатки которого экспонируются на переднем плане. Данный метод использовался при построении экспозиции в Семипалатинском областном историко-краеведческом музее и Северо - Казахстанском областном историко-краеведческом музее.

При подготовке палеоландшафтных панорам в музеях художники – экспозиционеры отражают изображения окаменелостей, реставрации растений и животных, а также экологические реставрации в диорамах, графики, скульптуры. Такие научные иллюстрации являются достаточно популярными в детских учебниках, книгах по палеонтологии, о коллекциях музеев (Davidson, 2008).

Заключение

Таким образом, большинство историко-краеведческих музеев Северного и Восточного Казахстана, имеющих в своей структуре отделы природы, представляют в экспозиции палеонтологические экспонаты. Презентации палеонтологических коллекций исследуемого региона можно совершенствовать, если изучить опыт работы в этом направлении у зарубежных музеев естественнонаучного профиля. Краеведческие музеи и музеи естественной истории предоставляют реалистичный опыт, который привлекает общество к палеонтологии и таким образом повышает уровень грамотности в этой области, осведомленность в вопросах сохранения природного наследия.

Музей осуществляет важную культурологическую функцию на особом, только ему свойственном языке. Он обогащает и формирует историческое сознание, память, чувство патриотизма и сопричастности к мировому и региональному наследию. Современные технические достижения (компьютеры, видео и аудиозаписи) позволяют расширить познавательные функции музея.

Коммуникационные процессы, осуществляющиеся в музее, многомерны, включают как процессы специфически-музейной обработки информации, которая реализуется в основных направлениях музейной деятельности (фондовой, экспозиционной, образовательной и т.д.), так и процессы, позволяющие включить музейную коммуникацию в общекультурные коммуникационные процессы, связанные с сохранением и интерпретацией историко-культурного наследия, его включением в диапазон современной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Patrusheva G.M. Muzeologicheskoe obrazovanie v Omskom gosudarstvennom universitete // IV Kongress jetnografov i antropologov Rossii, Na'chik, 20-23 sentjabrja 2001 g.: Tezisy dokladov.- S.196.
- Arzamascev V.B. O semanticheskoy strukture muzejnoj jekspozicii // Muzevedenie. Na puti k muzeju XXI v: Sb. nauchn. tr. NII kul'tury. – M.,1989. – S.48.
- Nurpeisov M.M. Nekotorye teoreticheskie voprosy arheologii i problemy otrazhenija drevnej istorii Kazahstana v muzejnoj jekspozicii // Problemy otrazhenija osnovnyh jetapov Otechestvennoj istorii v muzejnoj jekspozicii. – A.,1998. – S.64,66.
- Naugol'nyh S.V. "Paleontologija v muzejnoj praktike", Moskva: Media-Grand, 2014, 174 s., ISBN 978-59904241-2-8
- Hudson K., Nicholls A. The Cambridge guide to the museums of Britain and Ireland/K. Hudson, A. Nicholls.- Cambridge-New York-Melbourne-Sydney: Cambridge university press, 1987. - 452 p.
- Volkova E.V. Zritel' i muzej (ponimanie i ob#jasnenie, soperezhivanie i soznanie) / E.V. Volkova. - M.: Znanie, 1989.- 64 s.
- Goudet M. La pedagogie au Musee de Terra Amata//Musees et collections publignes de France.-1988.-N 180-181.- P.33-37: ill.
- Memoire N. La prehistoire au Museum de Bordeaux//Musees et collections publignes de France.-1988.-N 180-181.- P.25-32: ill.
- Kahler M.-L., Kahlke R.–D., Maul G. Thuringer Fossilien aus agoethes Sammlung//Neue Museumskunde.-1990.-N1.- S.47-51:III.-Рез.рус., англ., фр., исп.
- Anfimova G.V. Relikvii paleontologicheskogo sobranija Geologicheskogo muzeja: kollekcii Kranca, Proceedings of the National Museum of Natural History, 2010, Nr 8, 157-162 r.
- Guthe C.E. The management of small history museums, 2-nd ed. — Nashville, American Association for State and Local History, 1964, pp. 35-36.
- Ciobanu R., Stoica R.. Educational tourism in the natural sciences museums of Sibiu, Sargetia, Acta Musei Devensis, Series Scientia Naturae Deva Vol. XX – 2005-2007, p. 172 - 187
- Canudo J.I. The Collection of Type Fossils of the Natural Science Museum of the University of Zaragoza (Spain). Geoheritage.2017. P. 1–8
- Aliyassova V.N., Akhmetov K. K., Aspanova I. R.Preservation and prospects for the musefication of the natural heritage site“Gussinyi perelet”. TERRA SEBVS.ACTA MVSEI SABESIENSI, Special Issue / / Romanian 2014. Centrul Cultural „Lucian Blaga”, Sebeş, Alba. P.491-503
- Shpansky A.V., Aliyassova V.N. and S. A. Ilyina.The Quaternary Mammals from Kozhamzhar Locality (Pavlodar Region, Kazakhstan) American Journal of Applied Sciences, 2016,Vol 13 (2): 189.199.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

К ИСТОРИИ КАЗАХСКО-ИНДИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVI-XVIII ВВ.

Атыгаев Н.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nuratygaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории казахско-индийских взаимоотношений в период XVI-XVIII вв. Автор, основываясь на письменных исторических источниках («Михман-наме-йи Бухара», «Тарих-и Кипчаки», архивные материалы, эпистолярные памятники), приходит к выводу о существовании казахско-индийских взаимоотношений в указанный исторический период. Эти взаимоотношения носили разнообразный характер; в некоторые периоды истории правители и жители Казахского ханства и средневековой Индии находились во враждебных отношениях, в другие периоды заметно их стремления к установлению дружественных контактов. По мнению автора, данная тема достаточно перспективна для исследования и необходимо продолжить ее разработку. Для этого требуется введение в научный оборот новых исторических источников, прежде всего, восточных трудов, хранящихся в первую очередь в рукописных фондах Индии и Великобритании, а также тщательный критический анализ ранее известных материалов.

Ключевые слова: Казахское ханство, Индия, источники, «Михман-наме-йи Бухара», «Тарих-и Кипчаки», архивные материалы, эпистолярные памятники, Турсун-хан, Жангир-хан, Тауке-хан.

XVI–XVIII ҒҒ. ҚАЗАҚ-ҮНДІС ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ ТАРИХЫНА

Атыгаев Н.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, доцент
E-mail: nuratygaev@mail.ru

Аңдатпа: Мақала XVI-XVIII ғғ. қазақ-үндіс қарым-қатынастары тарихына арналған. Автор, жазба тарихи дереккөздері («Михман-наме-йи Бухара», «Тарих-и Қыпчаки», мұрағат материалдары, эпистолярлық ескерткіштер) негізінде, көрсетілген тарихи кезеңде қазақтар мен үндістер арасында қарым-қатынастар болғаны туралы тұжырым жасайды. Бұл қарым-қатынастар түрлі сипатта болды. Кей тарихи кезеңдерде Қазақ хандығы мен ортағасырлық Үндістанның билеушілері мен тұрғандары бір-бірімен соғысса, өзге кезеңдерде олар бейбіт қарым-қатынас орнатуға талпынды. Автордың пікірінше, бұл тақырып әлі де зерттеуді талап етеді. Ол үшін жаңа дереккөздерді, ең алдымен Үндістан мен Ұлыбританияда сақталған шығыс шығармаларын, ғылыми айналымға енгізіп, бұрыннан белгілі материалдарды қайта сын көзқараста талдау қажет.
Түйін сөздер: Қазақ хандығы, Үндістан. источники, «Михман-наме-йи Бұхара», «Тарих-и Қыпчаки», мұрағат материалдары, эпистолярлық ескерткіштер, Тұрсын-хан, Жәңгір-хан, Тәуке-хан.

ON THE HISTORY OF KAZAKH-INDIAN RELATIONS IN THE XVI-XVIII CENTURY

Atygaev N.

Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E- mail: nuratygaev@mail.ru

Abstract: The article is dedicated to the history of Kazakh-Indian relations in the XVI-XVIII century. The author, based on written historical sources (Mikhman-naming-yi Bukhara, Tarih-i Kipchaki, archival materials, epistolary monuments), comes to the conclusion about the existence of Kazakh-Indian relations in this historical period. These relationships were of a diverse nature ; in some periods of history, the rulers and residents of the Kazakh Khanate and medieval India were in hostile relations, and during other periods their aspirations for establishing friendly contacts were quite noticeable. According to the author, this topic is quite promising for research and it is necessary to continue its development. This requires the introduction of new historical sources into scientific circulation (above all, Eastern works, stored primarily in the manuscript funds of India and the UK), as well as a thorough critical analysis of previously known materials.

Keywords: Kazakh Khanate, India, sources, Mikhman-name-yi Bukhara, Tarih-i Kipchaki, archival materials, epistolary monuments, Tursun Khan, Zhangir Khan, Tauke-khan.

Введение

Еще в 1998 г. д.и.н. М.Х. Абусейтова, тогда директор Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова ИОН РК, в своей монографии писала: «Немаловажный интерес представляет новый аспект взаимоотношений Казахстана с Индией в XVI-XVIII вв., который до настоящего времени не исследовался» [1, с. 144]. Можно с уверенностью сказать, что по прошествии почти 20 лет в этом отношении ничего кардинально не изменилось. История казахско-индийских взаимоотношений в период позднего средневековья все еще остается одной из слабоосвещенных, почти неизученных тем отечественной исторической науки. Исследователей интересовали в основном современные казахско-индийские связи, а их истоки и развитие в различные исторические периоды остались вне поля их зрения.

В связи с этим мы в этой работе решили рассмотреть вопрос об истории казахско-индийских взаимоотношений в позднесредневековый период, посредством поиска и анализа соответствующих сведений в исторических источниках.

Как известно, взаимоотношения народов, проживавших на территории Казахстана и Индии, уходят своими корнями в глубокое историческое прошлое. На протяжении нескольких тысяч лет населения этих стран взаимодействовали между собой в области культуры, искусства, религии и многих других аспектов жизни. Письменные источники свидетельствуют, что эти связи не прерывались и в позднесредневековый период. Еще на начальном этапе истории Казахского ханства его правители, а также простые казахи имели общие представления об Индии (هندوستان) и его жителях. Некоторые сведения они получали непосредственно от самих индусов. Одно из первых подтверждающих это материалов содержится в известном историческом сочинении «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфажани и относится к началу XVI в. Шибанидский историк, описывая третий поход узбекского правителя Мухаммад Шейбани-хана, который состоялся в 1509 г., упоминает об индийском рабе-гуляме в улусе султана Таныша, сына казахского хана Жаныбека. По-видимому, молодой индус сначала находился в рабстве у узбеков в Средней Азии и затем в результате одного из походов казахов оказался на территории

Казахского ханства.

Ибн Рузбихан пишет: «У некоего казаха из улуса Таниш-султана, брата Джаниш-султана, был индийский гулям (غلامى هندویى) [2, 234 с.] в возрасте около четырнадцати лет. Вследствие дурной услуги, которая была им оказана, он подвергся страданию от когтей наказания и порицания господина и пояснице его доставили боль сильными ударами, и вследствие мучительных ударов и наказания он был охвачен страданием и болезненным беспокойством» [3, с. 135].

Этому индийскому гуляму удалось сбежать и он попал к Шибаниду Суйунчи-ходжа-султану. Затем он привел узбекское войско в месторасположение улуса Таныш-султана и тем самым помог Шибанидам разгромить и разграбить казахский улус [3, с. 137]. Очевидно, что помимо этого индуса у казахов могли быть и другие пленники из далекой Индии.

Другое сведение, относящееся к истории средневековых казахско-индийских взаимоотношений, содержится в персоязычном сочинении «Тарих-и Кипчаки» («Тарих-и Кипчак-хани») Аштарханидского историка Ходжамкули-бека Балхи (Кипчак-хана). Исследователи указывают на наличие 7 списков этого труда, которые хранятся в библиотечных и рукописных фондах Лондона, Парижа, Ташкента и Санкт-Петербурга [4, с. 447–448; 5, с. 146–148; 6, с. 72–73; 7, с. 17; 8, с. 386–397; 9, с. 290–291; 10, с. 118–125; 11, с. 113–114; 12, с. 45–55].

Сведения о казахах в «Тарих-и Кипчаки» относятся к середине XVII в., когда на территории Северной Индии существовала могущественная империя Великих Моголов, основанная некогда Тимуридом Захир ад-Дином Бабуром. Потомки Бабура предпринимали активные попытки расширить территорию государства, в том числе военными кампаниями. В связи с одним из таких походов Бабуридов автор «Тарих-и Кипчаки» сообщает и о казахах.

Согласно этому источнику, казахские правители принимали участие в походе узбекского хана Абд-ал-Азиза против своего отца Надир-Мухаммад-хана и поддерживавших его войск Великих Моголов и Сефевидов. Этот поход, о котором известно из нескольких письменных источников, состоялся в 1648 г. Ему предшествовали следующие обстоятельства.

В 1646 г. Аштарханид Надир-Мухаммад-хан, которому перестали подчиняться его же сыновья, решил для укрепления своей власти обратиться за помощью к Шах-Джахану, правителю империи Великих Моголов. Бабурид, который посчитал это удобной возможностью для захвата Балхского вилайета (современная территория Северного Афганистана), направил сначала к Надир-Мухаммаду своего сына Мурад-Бахша во главе большого войска. Сам же отправился следом по Кабульской дороге.

Об этом походе индийских войск на Балх есть сведения и в «Силсилат ас-салатин» Мир Мухаммад Салима, хотя в нем не упоминаются казахи. Автор сочинения сообщает, что индийское войско через Кутвал и Гиндукуш достигло пределов Балха. В источнике приводятся очень интересные сведения по истории культурной жизни региона. По словам Мир Мухаммад Салима, захватив Балх и Бадахшан Бабуриды вывезли из захваченных областей в Индию большую группу ученых, богословов и деятелей культуры. Всем им была выделена «в качестве сюрюгала земли в разных областях Индии» [13, с. 118, 166]. Этим, по мнению исследовавшего «Силсилат ас-салатин» А.Х. Зияева, Бабуриды надеялись обезглавить народ и окончательно подчинить население завоеванных земель [13, с. 166].

Приход индийских войск, однако, не укрепил положение Надир-Мухаммад-хана. В «Тарих-и Кипчаки» говорится, что он «узнал о тайных планах [индийцев]» и разуверившись в них ушел к Аббас-шаху II, правителю Сефевидского (Кызылбашского) государства. По сообщению Мухаммеда Юсуфа мунши, автора «Тарих-и Муким-хани», Надир-Мухаммад-хана предупредил один из могольских эмиров, который сказал, что «этот народ (индийцы – авт.) имеет намерение покорить (Балхскую) область и захватить самого хана и что их помощь – ложная» [14, с. 98].

Сефевид Аббас-шах II, также как и Шах-Джахан, надеялся установить свой контроль над Балхским вилайетом или по крайней мере вернуть в состав государства город Кандагар, важный пункт караванной торговли. Поэтому он, решив оказать поддержку Надир-Мухаммад-хану, дал ему войско и отправил его в Балх.

В условиях угрозы потери Балха, а возможно всей своей власти, Абд-ал-Азиз-хан, не обладавший необходимыми для борьбы с противником ресурсами, был вынужден искать союзников среди соседних правителей. Автор «Тарих-и Кипчак-хани» пишет: «Абд ал-Азиз-хан созвал всех узбекских военачальников и полководцев и устроил великий курилтай. После совещания и гадания было решено, что без содействия казахских султанов [эта] черная напасть не будет отражена. Шейхи, ученые и нойаны вместе с ханом ради устройства того дела направились в Ташкент» [8, с. 355–356].

Можно предположить, что Абд ал-Азиз-хан надеялся на помощь казахского хана Жангира, который не так давно стал его тестем [15]. Как известно, Ташкент с конца XVI в. до середины XVIII в. за редким исключением находился в составе Казахского ханства [1, с. 110; 16, с. 56–57, 84–86; 17, с. 83–90]. Вероятно, Жангир-хан, также как ранее Турсун-Мухаммад-хан, сделал этот город своей столицей.

Согласно «Тарих-и Кипчаки», Абд ал-Азиз-хан получил военную помощь от казахского правителя, однако ее конкретная численность не совсем ясна. Хотя и В.П. Юдин, и российский востоковед А.К. Алексеев пользовались одним и тем же списком «Тарих-и Кипчаки» (СПб ФИВ РАН С. 433), они указывают разное количество казахского войска. Их переводы соответствующего отрывка сочинения отличаются. В переводе В.П. Юдина, он звучит следующим образом: «Узбеки, казахи и каракалпаки устроили большое собрание. После совета триста тысяч человек с одним лаком {I} конных казахов повязали пояс для помощи» [8, с. 396]. В переводе же А.К. Алексеева этот отрывок выглядит так: «Узбеки, казахи и каракалпаки, собравшись в великом множестве, составили совет из 300 человек и с 1 лаком воинов затянули пояса выступления в поход» [18, с. 310]. По его мнению, в походе участвовали около 200 тысяч казахских воинов [19, с. 131]. Узбекистанский историк Э.У. Хуршут, который пользовался 3 списками сочинения, но при этом предпочтение отдает Лондонскому (Бодлеанская библиотека, №117) списку, дает следующий перевод интересующего нас отрывка: «В окрестностях того города (*Ташкента – авт.*) узбеки, казахи и каракалпаки устроили большой курултай. После совещания триста тюре казахов с одним лаком всадников поднялись на помощь» [20, с. 110]. Точно такой же перевод дает и казахский исследователь Ж.М. Тулибаева, которая в своей работе также пользовалась Лондонским списком [12, с. 45–55].

Мы имели возможность сверить переводы исследователей с текстами трех из семи списков «Тарих-и Кипчаки». Электронную копию одного списка сочинения (неполный список), хранящегося в Ташкенте (№4468/II), нам любезно предоставила д.и.н. Ж.М. Тулибаева. Сотрудники Института литературы и искусствоведения им. М.О. Ауэзова Ю. Пилтан и Е. Нуржума дали нам возможность ознакомиться с копией списка «Тарих-и Кипчаки», полученной, по их словам, в Душанбе (№538) {II}. Также нами был использован привезенный Ж.М. Тулибаевой микрофильм Лондонского (Бодлеанская библиотека, №117) списка «Тарих-и Кипчаки» (в рукописи он назван «Тарих-и Кипчак-хани»), который сейчас хранится в Фонде редких книг и рукописей Национальной библиотеки Республики Казахстан (Инв.№112766 (6795 РК)). Сверка этих списков «Тарих-и Кипчаки» показала, что в некоторых случаях переписчики внесли свои правки в текст сочинения и в его рукописях имеются небольшие различия. В целом, тексты Ташкентского и Душанбинского списков «Тарих-и Кипчаки» схожи, несколько отличается текст Лондонского списка.

Основываясь на Ташкентском (№4468/II, л. 114б) и Душанбинском (№538, л.994а) списках «Тарих-и Кипчаки» можно предположить следующий перевод интересующего нас отрывка: «Узбеки, казахи и каракалпаки устроили большое совещание. После совещания {III} триста (человек) торе с одним лаком всадников казахов {IV} повязали пояс для помощи». Как видели выше, по Лондонскому списку (переводы Э.У. Хуршута и Ж.М. Тулибаевой), на помощь к узбекам отправились также триста казахских торе со стотысячным (1 лак) войском.

Итак, Абд ал-Азиз-хан во главе большого войска, половину которых составляли казахи, направился в поход на Балх против войск Бабуридов.

Автор «Тарих-и Муким-хани» об этих событиях пишет: «Когда владычество индийцев (над областями Балха) достигло двух лет, высокостепенный государь Абдулазиз-хан, собрав войска Турана, перешел через (Аму-)Дарью и под вращающимся куполом (вселенной) громко забил в барабан войны, заиграл на флейтах битвы и повел в бой против того коварного народа (своих) героев, злобных львов, сокрушающих вражеские ряды, и храбрецов, (по лютости) подобных Марсу» [14, с. 100].

Имеются расхождения в переводах исследователей «Тарих-и Кипчаки» и в других интересующих нас отрывках. Так далее А.К. Алексеев переводит: «Абд ал-Азиз-хан вместе с казахскими хаканами и Йалангтуш-бием аталыком из племени алчин, Углы-беком бахрином {V} с 2 лаками казахов, узбеков и каракалпаков перешел через Аму-Дарью и расположился в местности Кули-Акча» [18, с. 131]. В.П. Юдин дает следующий перевод данного отрывка: «Абд ал-Азиз-хан с казахскими хаканами и Йалангтуш-аталыком, Алчин-бек-оглы-бием с двумя лаками всадников-кровапийц узбеков и казахов переправился через Джайхун в Герат и остановился лагерем в Чигинак-Кули и Акча» [9, с. 396].

Основываясь на Лондонской рукописи Э.У. Хуршут дает более детальный и несколько различающийся от предыдущих перевод: «Абд ал-Азиз-хан вместе с ханами Туркестана, Йалангтуш аталык алчином, Бек оглы-бий бахрином, Назар-бий бурути катаганом и Баки юзом с двумя лаками кроважанных узбекских и казахских всадников переправились через Джайхун и подступили к Чаганак Кули Акча» [20, с. 110–111].

У Ж.М. Тулибаевой этот фрагмент выглядит так: «Абд ал-Азиз-хан с ханами Туркестана, Йалангтуш аталык алчином, Бек оглы-бий бахрином, Назар-бий бурути и Баки юзом с двумя лаками кроважанных узбекских и казахских всадников переправились через Джейхун и подступили к Чиганак Кули и Акча» [12, с. 48].

В вышеприведенных переводах можно заметить некоторые неточности. Например, В.П. Юдин ошибочно принял слово «алчин» как имя собственное. Другие исследователи сочинения указали правильно, что «алчин» (алшын) – племя которому принадлежит Йалангтуш-аталык. Это подтверждается и сведениями как письменных источников [13, с. 78], так и фольклора [21, 82 б.].

Из вышеприведенного перевода В.П. Юдина следует, что союзные войска переправились через Амударью в сторону Герата. К сожалению, у нас не было возможности ознакомиться с Санкт-Петербургским списком «Тарих-и Кипчаки» и для нас не совсем понятно, из чего исходил В.П. Юдин указывая топоним «Герат». В Ташкентском списке (л. 115а) сочинения на это нет никакого указания. В Душанбинском же списке (л. 994б) «Тарих-и Кипчаки» в этом фрагменте есть слово, которое читается как «بهرات» и, возможно, он воспринял его как «بهرات» – «в Герат». Однако мы не можем согласиться с его чтением, т.к. в средневековых источниках [22, с. 1342], в том числе и в самом «Тарих-и Кипчаки» (№ 538, л. 540, 678, 759 и др.), Герат пишется как «هرات». Расстояние от упоминаемой местности Акчи, находящегося северо-западнее современного Мазар-и Шарифа, до Герата составляет более 500 км. Поэтому сомнительно, что Ходжамкули-бек Балхи в данном случае писал о Герате.

Возможно, в тексте речь идет о местности Хери (Хари) или реке Теджен, который в Афганистане и Иране называют Херируд или Харируд (هريرود) – река Хари. Река Хери (Хари) отмечена Махмудом ибн Вали в географической части «Бахр ал-асрар» [23, с. 97].

Э.У. Хуршут и А.К. Алексеев считают, что Бек-оглы-би был из рода бахрин («بهرين»). Так указано в Лондонском списке сочинения [20, с. 38], в Ташкентском списке же указывается другое происхождение Бек-оглы-бия – племя кинекес (кенегес). Согласно «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, Бек-оглы-би кенегес, сын Абд ас-Самад-бия, был при Имамкули-хане некоторое время правителем Ура-Тепе, позже Ташкента [13, с. 55]. Возможно, Махмуд ибн Вали, занимавший при Аштарханиде Надир-Мухаммед-хане, должность начальника дворцовой библиотеки (китапдар) [18, с. 21]., лично знал Бек-оглы-бия.

Основываясь на Ташкентском (№4468/II, л. 115а) и Душанбинском (№538, л.994б) списках «Тарих-и Кипчаки» можно предложить следующий перевод этого отрывка: «Абд ал-Азиз-хан с казахскими хаканами и Йалангтуш-аталыком [из племени] Алчин {VI}, Бек-оглы-бием [из племени] Кинекес {VII} с двумя лаками всадников-кровопийц узбеков и казахов переправился через Джайхун в [сторону реки] Хари, расположились лагерем в Чиганак-кули (озера) в Акча».

Перевод данного отрывка Лондонского списка «Тарих-и Кипчаки» Э.У. Хуршута более предпочтителен, так как в переводе Ж.М. Тулибаевой пропущено присутствующее в тексте (275а) указание, что Назар-бий бурути был из рода Катаган {VIII}.

К этому времени Бабурид Мурад-Бахш самовольно покинул Балх и вернулся в Индию. Шах-Джахану пришлось вместо него отправить другого своего сына Аурангзиба (Аурангзеб). Занявший Балх Аурангзиб выставил против Абд ал-Азиза и его союзников свое войско {IX}, численность которого, согласно В.П. Юдину, составляла около 1 лака (100 тысяч) человек [8, с. 396], по переводу Ж.М. Тулибаевой, шестьдесят тысяч человек [12, с. 49]. Между противниками произошло ожесточенное сражение, которое заняло весь день, но не выявило победителя. В течение 50 дней между противоборствующими войсками произошло множество кровопролитных сражений. «Из убитых образовались груды трупов. Было похоже на день страшного суда» – говорится в «Тарих-и Кипчаки» [15, с. 396].

Абд ал-Азиз-хан с союзниками перекрыл индийским войскам пути подвоза хлеба и подхода свежих войск. В результате в Балхе начался страшный голод. Относительно положения осажденных автор «Тарих-и Муким-хани» пишет следующее: «В Балхе сделался такой голод и такая дороговизна, что стоимость одного ослиного вьюка пшеницы дошла до тысячи рупий. (К тому же) В ту зиму холода и стужа были таковы, что индийские гуламы, чтобы хоть немного согреться, сжигали тела в печах. Ни у кого не было силы высунуть голову за ворота» [14, с. 100].

Поняв сложность положения войск Аурангзиба, Шах-Джахан приказал ему передать Балхский вилайет Надир-Мухаммад-хану и вернуться в Индию. Индийское войско, несмотря на преследование и нападения войск Абд ал-Азиз-хана и Йалангтуш-бия, смогло вернуться через перевал Гиндукуш в Индию.

Таковые сведения Ходжамкули-бека Балхи относящиеся к теме интересующей нас. Эти данные персоязычного нарративного источника подтверждаются сведениями русского посла Анисима Грибова, который ездил в 1646-1648 гг. с дипломатической миссией в Бухарское ханство и Сефевидское государство. В своем отчете он сообщает об участии в этих событиях казахского хана Жангира. Русский посол пишет: «И после де того вскоре пришла к ним, Абдул-Азизу царю и Ялантешу князю, из Бухар весть, что идет де на Бухарскую их землю войною от Ташкени города Казачьи орды Янгирь царь со многими ратными людьми. И бухарский де Абдул-Азиз царь ратных своих людей, которые стояли с ними под Балхом, розделил на двое: одну половину ратных людей оставил под Балхом з ближним своим человеком, с Ялантешом князем, а з другою половиною с ратными людьми пошел ис-под Балха в Бухарскую землю навстречу Казачьи орды к Янгирю

царю ... И бухарской де Абдул-Азиз царь по присылке к себе Ялантеша князя, шедши Казачьи орды с Янгирем царем, бою с ним не чинил, помирясь и соединясь с ним, Янгирем царем, и со всеми своими бухарскими и Казачьи орды с ратными людьми, пришли под Балх восток к Ялантешу князю» [24, с. 77]. По его сообщению, Абд ал-Азиз-хан получил помощь и от Хивинского правителя Шибанида Абулгазы-хана, который дал ему 2 тысячи воинов. В архивных источниках сохранилось сообщение русского пленника Максимко Терентьева, который служил в войске Абд ал-Азиз-хана и лично принимал участие в этом походе. По его словам, у узбекского правителя было 80-тысячное войско: «ратных людей тысяч с 80» [24, с. 124]. Возможно он говорит только об узбекском войске.

Далее А. Грибов сообщает: «И бухарской де Абдул-Азиз царь и Казачей орды Янгирь царь, пришед под Балх со всеми своими ратными людьми, стали выше города Балха на реке Дарье и в летнюю пору в жаркие дни мно[гу] животину: лошади и коровы и верблюды и овцы и собаки — побивали и, привязав, метали в реку Дарью, и от того де стерва учинился в Балхе большой дух, и от духу и от воды многие индейские люди оцынжали и перемерли. И после де того вскоре были у бухарского Абдул-Азиза царя и у Янгиря царя и у Ялантеша князя с-индейскими ратными людьми, которые сидели в Балхе, бои большие по неделю день и ночь. И на тех де боях бухарские ратные люди многих индейских людей побили. И после де тех боев индейским ратным людям бухарские ратные люди учинились не в силу. И учал у индейских людей в Балхе быти голод большой, покупали хлеба печеного шахов батман по 7 рублей, а в шахове батмане русских по 14 гривенок, да и добыть де было купити хлеба в Балхе не уметь» [24, с. 77].

Анисим Грибов также подтверждает, что Аурангзиб, оказался в Балхе в очень сложном положении и вынужден был искать перемирия с противниками: «И индейские де ратные люди присылали из Балха к бухарскому к Абдул-Азизу царю и Казачьи орды к Янгирю царю и к Ялантешу князю говорити об миру, чтоб они, Абдул-Азиз царь и Янгирь царь и Ялантеш князь, с ними, индейскими людьми, помирились и боев не чинили и людей не теряли», потому что взяли они, индейские люди, Балх у Недыр-Магаметя царя не за боем, так же де они, индейцы, и ныне тот Балх отдадут Недыр-Магаметю царю без бою, только б де они, Абдул-Азиз царь и Янгирь царь и Ялантеш князь, дали им, индейским людям, сроку до тех мест, покаместо они пошлют от себя из Балха о том с вестью в-Индю к индейскому шах Джигану царю гонца своего. И бухарской де Абдул-Азиз царь и Казачьи орды Янгирь царь и Ялантеш князь дали им, индейским людям, в том сроку до тех мест, покаместа гонец их, индейских людей, из Балха в-Индю к индейскому шах Джигану царю съездит и назад к ним в Балх приедет» [24, с. 77–78].

Аурангзиб, получив от своего отца Шах-Джахана разрешение оставить Балх, вывел индийскую армию из города и направился на родину, однако противники продолжали преследовать его войско. А. Грибов пишет: «... в том де отходе бухарской Абдул-Азиз царь и Казачьи орды Янгирь царь и Ялантеш князь з бухарскими своими ратными людьми многих индейских людей побили, по смете тысяч с полтора, и живых многих поймали, а уткло де индейских людей, кои сидели в Балхе, по смете всего тысячи с 3 и мало больши. И ныне де в Бухарской земле бухарцы меж себя продают и покупают индейской полон дешевою ценою, рублей в 5 и в 6 и меньши» [24, с. 78]. Эти сведения о значительном количестве попавших в плен индийских воинов согласуются со сведениями автора «Тарих-и Муким-хани», который писал: «Со всех сторон (узбеки) гнали перед собой, как овец, подобных волкам (индийских) гуламов и захватывали их, как добычу. Большинство из них продавали (на рынках) в Самарканде, Туркестане и Ташкенте» [14, с. 100].

В свою очередь войска Аурангзиба также увели в Индию пленных. Так, например, вышеупомянутый Максимко Терентьев, попав плен к Бабуридам, оказался в государство Великих Моголов, где прожил 4 месяца [24, с. 124]. Вполне возможно, что подобным образом в Индию

могли попасть и жители Казахского ханства. Служивший врачом в 60-е гг. XVII в. при дворе Великих Моголов француз Франсуа Бернье, например, упоминает среди местных рабов и выходцев из «Туркестана» [25, с. 146]. Интересно, что в отношении владений Аштарханидов он употребляет другие термины – «Узбекистан» и «Узбекия», а для могульских владений в Восточном Туркестане – термин «Кашгар» [25, с. 129–130, 152, 184]. Как видели выше, в Лондонской рукописи «Тарих-и Кипчаки» казахские ханы заменены на «ханы Туркестана». Отметим также, что в «Силсалат ас-салатин» (Лондон, Бодлеанская библиотека, №235) Жангир-хан назван – «Джахангир-хан казах Туркестани» [26, с. 294].

Так, одержав убедительную победу, Аштарханид Абд ал-Азиз-хан и их союзник Жангир-хан вернулись в свои владения: «А Абдул-Азиз где царь бухарской, пришед в Бухары, сел по-прежнему на царстве в Бухарах, а Казачьи орды Янгирь царь со всеми своими ратными людьми пошел из Бухар к себе в Казачью орду в Ташкенть» [24, с. 78].

Таким образом, материалы письменных источников говорят о значительной роли казахского войска Жангир-хана в отражении экспансии империи Великих Моголов на Аштарханидские владения. Благодаря помощи казахов узбекские правители отразили поход индийских войск временно сохранили свою власть в Балхе.

Однако не только военно-политическим противоборством характеризуются казахско-индийские отношения в этот исторический период. В последние годы исследователями выявлены документальные материалы, позволяющие предположить существование дипломатических контактов Казахского ханства и империи Великих Моголов. Целью этих контактов могло быть согласование совместных действий против общего врага – узбекских правителей Средней Азии.

Так, например, не так давно в одной из библиотек Индии иранистом, кандидатом филологических наук Г.А. Камбарбековой обнаружено интересное письмо, которое, по ее мнению, было направлено около 1717–1718 гг. Кокандским правителем Абдурахим-ханом (Абд ар-Рахим-ханом) казахскому хану Тауке [27]. По нашему мнению, данная атрибуция отправителя письма и адресата не точна. Во-первых, Тауке-хан и Абдурахим-хан правили в разное время. Из сообщения Тойгунура Култабаева известно, что Тауке-хана в сентябре 1715 г. не было уже в живых [28, с. 269], а Абдурахим начал править в Коканде только в 1722 г. [29, с. 236] Во-вторых, правители Коканда, выходцы из узбекского племени минг, до конца XVIII в. не носили титул «хан», который могли носить в постмонгольских государствах только представители «золотого рода» Чингиз-хана. Первым Кокандским ханом стал сын Нарбута-бия (Нарбута-бек) Алим-бий (Алим-бек), правивший в 1798–1809 гг. Для легитимации этого была придумана специальная легенда [30, с. 11, 14].

В-третьих, в некоторых источниках правивший в Казахском ханстве в конце XVI в. Тауекель (توكل) Шигайулы фигурирует как Тауке (توكه), а Тауке Жангирулы, правивший в ханстве в конце XVII – в начале XVIII в., называется Тауекель-ханом. Например, в сочинении «Тарих» Шах-Махмуда Чураса Тауекель-хан Шигайулы назван Тауке [31, с. 176]. В одном из документов русского архива сохранился оттиск печати Тауке Жангирулы. В нем его полное имя передано как Тауекель-Мухаммад-батыр-хан («Тавакул Маамет Баатур хан») [32, с. 401]. Также в письме Сефевида Аббас-шаха II, написанном в 1072 г.х. (1661–62), Тауке-хан назван «Таваккул-хан, сын Джахангир-хана» [33, л. 240; 34, 180–182 бб.]. Казахский ученый Ч.Ч. Валиханов назвал Ораз-Мухаммад-султана, племянника Тауекеля, племянником «киргизского и калмыцкого хана Тауке» [35, с. 164]. Отметим также, что в казахском фольклоре, в историческом эпосе «Еңсегей бойлы ер Есім» Тауекель-хан Шигайулы фигурирует также как Тауке-хан [36, 122–138 бб.]. Вероятно, собственное имя обоих было Тауекель (от араб. Таваккул), а Тауке – сокращенное уважительное обращение.

В конце XVI в. в империи Великих Моголов под именем «Абдурахим-хан» был известен сын Байрам-хана Туркмена. Он занимал высокую должность при Бабуриде Акбаре Великом и в 1583 г. за подавление мятежа в Гуджаратте был удостоен титула «хан» [37]. Его отец был главным советником Хумаюна и опекуном самого Акбара [38, с. 42].

Поэтому мы предполагаем, что данное письмо было направлено в конце XVI в. Тауекель-хану этим Абдурахим-ханом. В этом случае объясняется обнаружение письма именно в фонде библиотеки Индии.

По сообщению Г.А. Камбарбековой, ею в Индии обнаружено еще одно письмо, адресованное Тауке-хану в 1715–1716 гг. Исследователь предполагает, что это ответное письмо Бабурида Джахандара на письмо казахского хана [39, с. 7]. В таком случае данное письмо исследователем не точно датировано. Известно, что сын Бахадур-шаха I Султан Муиз ад-Дин Мухаммад-мирза, коронованный как Джахандар-шах, был провозглашен – правителем империи Великих Моголов в феврале 1712 г. В феврале 1713 г. он уже был убит [40]. Поэтому время написания данного письма следует датировать 1712–1713 гг.

Исходя из этих исторических материалов, мы можем предполагать о существовании дипломатических связей Казахского ханства и империи Великих Моголов в XVI–XVIII вв.

По мнению М.Х. Абусейтовой, в это время развивались и торговые связи между казахами и индийцами. «С начала XVI в. индийские купцы из Северной Индии стали распространять торговлю на север: в Афганистан, Иран, Среднюю Азию и Казахстан ... Особенностью казахско-индийской торговли было то, что она велась при посредничестве среднеазиатских, индийских и афганских купцов. Казахи в основном торговали скотом, который перегонялся через Среднюю Азию в Индию ... Есть документальные данные о том, что казахские купцы перегоняли в Индию до 40 тыс. лошадей» – пишет она [1, с. 144–145]. Хотя нам не удалось выяснить на чем было основано последнее утверждение исследователя (ссылки этого не подтверждают), существование казахско-индийских торговых контактов в XVI–XVIII вв. вполне допустимое предположение. По свидетельству Франсуа Бернье, в «Индостан» только из «Узбекистана» поставлялись ежегодно более двадцати пяти тысяч лошадей [25, с. 184]. О караванах, шедших из Туркестана через Кабул в в Индию, упоминает в своем труде и Захир ад-Дин Бабур [41, с. 152].

Таким образом, в письменных исторических источниках имеются некоторые материалы по истории казахско-индийских взаимоотношений в период XVI–XVIII вв., которые приоткрывают нам неизвестные ранее страницы истории международных отношений Казахского ханства. Данные персоязычных источников «Михман-наме-йи Бухара», «Тарих-и Кипчаки», архивные материалы, эпистолярные памятники говорят о разнообразном характере этих взаимоотношений. В некоторые периоды истории правители и жители Казахского ханства и средневековой Индии находились во враждебных отношениях, в другие периоды заметно их стремления к установлению дружественных контактов. К сожалению, скудность информации и их фрагментарность не позволяет нам более детально рассмотреть историю казахско-индийских взаимоотношений. В целом, данная тема представляется нам достаточно перспективной для исследования и, на наш взгляд, необходимо продолжить ее разработку. Для этого требуется введение в научный оборот новых исторических источников, прежде всего, восточных трудов, хранящихся в первую очередь в рукописных фондах Индии и Великобритании, а также тщательный критический анализ ранее известных материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

{I} Лак – единица измерения количества равная 100 тысяч.

{II} Интересно, что этот список «Тарих-и Кипчаки» (состоит из более 1000 листов), не упоминается ни в одном из исследований, в том числе и в капитальном труде Ч.А. Стори и Ю.Э. Брегея «Персидская литература. Библиографический обзор». Сейчас Ю. Пилтан и Е. Нуржума готовят перевод сочинения на казахский язык. Не является ли данный список «Тарих-и Кипчаки» копией Парижского списка? Вопрос остается открытым. Пока мы условно называем этот список Душанбинским.

{III} В тексте كنجاج, читаем как كنگاش

{IV} سيصد نفر توره با يك لك سوار قزاق – Слово «توره» – «торе», «туре» добавлено по: «Тарих-и Кипчаки» (№538, л.994а)

{V} Племя бахрин (بهرين) упоминается в списке «92-х узбекских племен» («племена илатийа»), однако он не относился к племенам, представители которого играли важную роль в общественно-политической жизни государства [42, с. 40, 44, 51].

{VI} В тексте الجين. Алчин – одно из «92-х узбекских племен» («племена илатийа»). По «Маджму ат-таварих» и «Тухфат ат-таварих-и хани», это племя по своей значимости и статусу в родоплеменной иерархии узбекских племен занимает место в первой десятке. «Согласно казахским генеалогическим преданиям, алчын – собирательное имя всех родов Киши жуза» [42, с. 29, 35, 40].

{VII} كينكس – добавлен по тексту Ташкентского списка «Тарих-и Кипчаки». Племя кинегес упоминается в «Тухфат ат-таварих-и хани» в списке «92-х узбекских племен» («племена илатийа»). По видимому, это же племя фигурирует в других источниках в списках 92 узбекских племен под названиями «килекес», «кенегес», «кенегез». Это племя в родоплеменной иерархии узбекских племен занимало место в третьей десятке [42, с. 41, 30].

{VIII} В тексте قطغان. Интересно то, что в написанном в XVI в. в Фергане сочинении «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенти, в котором содержится самый ранний перечень «92-х узбекских племен», катаганы не упоминаются [42, с. 40-44]. Это племя присутствует в списках узбекских племен, составленных в XIX-XX вв. В родоплеменной иерархии узбекских племен катаганы в основном отмечены в третьей десятке племен [42, с. 41, 30]. Возможно, катаганы вошли в состав узбеков во второй половине XVI – в первой половине XVII в. Т.И. Султанов, ссылаясь на сведения хивинского хана и историка Абулгазы (Абу-л-Газы), пишет, что катаганы, на которых опирался Турсун-хан, были разбиты его двоюродным братом и соперником Есим-ханом в 1626-1627 гг. «Уцелевшие катаганы частью ушли в Афганистан, частью остались в Кыргызстане и впоследствии вошли в состав кыргызской народности» [43, с.219]. Однако нам не удалось найти в сочинении Абулгазы-бахадур-хана таких сведений. Данные о том, что катаганы находились под властью Турсун-хана содержатся в материалах казахского фольклора. Они указывают также, что остатки катаганов вошли в состав казахских племен канлы и шаньшкылы [44, 56 б.; 45, 136, 144 бб.]. Т.И. Султанов, обращает также внимание, что, согласно эпосу «Манас», катаганы вышли из кыргызов [42, с. 41, 30]. История катаганов требует специального рассмотрения. Следует уточнить также происхождение Назар-бия, т.к. по другим источникам он был из племени арлат. Есть еще указание на его найманское происхождение.

{IX} Издатели труда Франсуа Бернье указывают, что «У Ауренгзеба с самого начала было мало войск, так как часть 50-тысячной армии, с которой Морад-Бакш Балх, была отозвана в Индию» [25, с. 348].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. – Алматы, 1998. – 268 с.
2. مهمان نامه‌ی بخارا (تاریخ پادشاهی محمد شیبانی). تالیف فضل الله بن روزبهان خنجی. با اهتمام دکتر منوچهر ستوده. چاپ دوم. تهران 2535 شاهشاهی / 1976. – ص. 402.
3. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани. Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. Москва: Издательство «Наука», 1976. – 186+338 с.
4. Стори Ч.А. Персидская литература. Библиографический обзор. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю.Э. Брегель. Ч. I. – М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1972. – 694 с.
5. Миклухо-Маклай Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Выпуск 3. Исторические сочинения. Ответственные редакторы О.Ф. Акимущин. – М.: «Наука» ГРВЛ, 1975. – 422 стр.
6. Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточной библиотеки Ленинградского государственного университета. Т. 1. – Л., 1962. – 406 стр.
7. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. (Каталог). Т. IX. – Ташкент: Издательство АН УзССР, 1971. – 600 стр.
8. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата: Изд-во Академии Наук КазССР, 1969. – 652 с.
9. Абусейтова М. Х., Баранова Ю. Г. Письменные памятники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII–XVIII вв.: (библиографические обзоры). – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 426 с. + вкл. 4 с. – (Казахстанские востоковедные исследования).
10. Тулибаева Ж.М. Персыязычные источники по истории Казахстана XIII–XIX. – Астана. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. – 256 с.
11. Тулибаева Ж.М., Исахан Г.Т. Арабграфические источники по истории Казахстана: Фонд Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан. – Астана: РГУ «Национального центра археографии и источниковедения», 2014. – 154 с.
12. Тулибаева Ж.М. «Тарих-и Кипчак-хани» как источник по истории казахов XVI – начала XVIII веков // Известия Национального центра источниковедения и историографии. – Астана, 2012. – № 3. – С.45–55.
13. Зияев А.Х. «Силсилат ас-салатин» как исторический источник: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / АН УзССР. Ин-т востоковедения им. А.Р. Беруни. – Ташкент, 1990. – 205 с. – С. 118, 166
14. Мухаммед Юсуф мунши. Муким-ханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели профессора А. А. Семенова. – Ташкент, 1956. – 304 с.
15. Атыгаев Н.А. Казахские женщины при дворах иностранных правителей (XV–XVII вв.) / <http://edu.e-history.kz/kz/publications/view/645>
16. Мукминова Р.Г., Филанович М.И. Ташкент на перекрестке истории (очерки древней и средневековой истории города) / Отв. ред. д. и. н. Д. А. Алимова. – Ташкент: «Фан», 2001. – 116 с. – С. 56-57, 84-86.
17. Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI в. Алма-Ата: Наука, 1985. – 104 с.
18. Алексеев А.К. Средняя Азия при Аштарханидах в XVII–XVIII вв.: По персыязычному историческому сочинению "Бахр ал-асрар" : Рукопись диссертации. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / С.-Петербург. гос. ун-т. - Санкт-Петербург, 2004. – 360 с.
19. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 229 с.
20. Хуршуд Э. У. «Та'рих-и Кипчак-хани» – важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI–XVII вв. Диссертация. Ташкент, 1982. - 277 с.
21. Досмұхамедұлы Х. Таңдамалы еңбектері. Избранные труды. – Астана: Астана-Полиграфия», 2008. – 400 бет.
22. تاریخ نامه هرات تألیف سیف بن محمد بن یعقوب الهروی در اوایل قرن هفتم هجری بتصحیح پروفیسور محمد زبیر الصدیقی. کالکتہ. 1943-1342
23. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география) / Введение, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977. – 168 с.
24. Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов. Изд-во восточной литературы. – М. 1958. - 453 стр.

25. Франсуа Бернье. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. Предисловие: А. Пронина. Перевод с французского: Б. Жуховецкого и М. Томара. – Москва-Ленинград: Государственное Социально-экономическое издательство, 1936. – 352 стр.
26. Машрапов Т.Т. Значение персоязычных источников в изучении истории Киргизстана XVI–XVII веков: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / АН УзССР. Ин-т востоковедения им. А.Р. Беруни. – Ташкент, 1989. – 339 с.: ил.
27. <http://rus.azattyq.org/content/istoricheskiye-dokumenty-tauke-khan/25120968.html/29.09.2013>
28. История Казахстана в русских источниках. Том 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Сост., транскрипция, комментарии, вступительная статья И.В. Ерофеевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 448 с. + 8 с. вкл. , с. 269]
29. История Узбекистана. Т. III (XVI – первая половина XIX века). – Ташкент: Издательство «ФАН» Академии Наук Республики Узбекистан, 1993. – 476 с.
30. Бейсембиев Т.К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 200 с.
31. Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чураас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели О.Ф. Акимовича. – Москва, 1976. – 362 с.
32. История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.). Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словарей указателей А. Исина. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 704 с. + 16 с. вкл.
33. مجموعه نامه های عهد صفوی - Маджму'а-йи нама'а-йи а'д-и Сафави, л. 240 / Библиотека Маджлиса ИРИ, №66631, фотокопия №02-00187-00023, перевод к.и.н. З.А. Джандосовой
34. Қуанышбек Қари. Иран шахының Тәуке ханға хаты // Жұлдыз. – №3. 2006. – 180–182 бб.
35. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах / Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. II. – Алма-Ата, 1985. – 416 с., 21 см., 88 ил.
36. Бабалар сөзі: Жүзтомдық. – Астана: «Фолиант», 2009. Т.56: Тарихи жырлар. – 408 б.
37. Айдогдыев М. Гордость нации. К 500 - летию Байрам хана Туркмена / Газета Нейтральный Туркменистан. 09.06.2000. http://ashga.sitcity.ru/ltxt/1609133433.phtml?p_ident=ltxt_1609133433.p_2303003233
38. Низамутдинов И. Из истории среднеазиатско-индийских отношений (IX–XVIII вв.). –Ташкент: Издательство «Узбекистан», 1969. – 144 стр
39. Қамбарбекова Ғ. Тарихқа қатысты тың деректер әлі де көп / Айқын-апта. №32 (2664), 19 ақпан, 2015 Бейсенбі. – 7 б.
40. Джаханدار Шах / <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1784555>
41. Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М.А. Салье. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 530 с.
42. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). – Москва, 1982. – 134 с.\
43. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.
44. Бес ғасыр жырлайды: 2 томдық. Құрастыр. М. Мағауин, М. Байділдаев. – Алматы: Жазушы, 1989. – Т.1. – 384 бет, суретті.
45. Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы. Шығармалары. 8 том. Қазақ тарихы. – Павлодар: «ЭКО» ҒӨФ, 2006. – 452 бет.

REFERENCES

1. Abuseitova M.H. Kazahstan i Central'naya Aziya v XV– XVII vv.: istoriya, politika, diplomatiya. – Almaty, 1998. – 268 s.
2. مهمان نامه‌ی بخارا (تاریخ پادشاهی محمد شیبانی). تالیف فضل الله بن روزبهان خنجی. با هتمام دکتر منوچهرستوده. چاپ دوم. تهران 2535 شاهشاهی / 1976. – ص. 402.
3. Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani. Mihman-name-ii Buhara (Zapiski Buharskogo gostya). Perevod, predislovie i primechaniya R.P. Dzhahalilovoi. Pod redakciei A.K. Arends. Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1976. – 186+338 s.
4. Stori Ch.A. Persidskaya literatura. Biobibliograficheskii obzor. Per. s angl., pererab. i dop. Yu.E. Bregel'. Ch. I. – M.: Nauka, Gl. red. vostochnoi literatury, 1972. – 694 s.
5. Mikluho-Maklai N.D. Opisanie tadhikskikh i persidskikh rukopisei Instituta vostokovedeniya. Vypusk 3. Istoricheskie sochineniya. Otvetstvennye redaktory O.F.Akimushkin. – M.: «Nauka» GRVL, 1975. – 422 str.
6. Tagirdzhanov A.T. Opisanie tadhikskikh i persidskikh rukopisei Vostochnoi biblioteki Leningradskogo gosuniversiteta. T. 1. – L., 1962. – 406 str.
7. Sbranie vostochnykh rukopisei Akademii nauk Uzbekskoi SSR. (Katalog). T. IX.– Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR, 1971. – 600 str.

8. Materialy po istorii Kazahskih hanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskih i tyurkskih sochinenii). Sostaviteli: S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishulina, V.P. Yudin. – Alma-Ata: Izd-vo Akademii Nauk KazSSR, 1969. – 652 s.
9. Abuseitova M. H., Baranova Yu. G. Pis'mennye pamyatniki po istorii i kul'ture Kazahstana i Central'noi Azii XIII-XVIII vv.: (biobibliograficheskie obzory). – Almaty: Daik-Press, 2001. – 426 s. + vkl. 4 s. – (Kazahstanskije vostokovednye issledovaniya).
10. Tulibaeva Zh.M. Persoyazychnye istochniki po istorii Kazahstana XIII–XIX. – Astana. ENU im. L.N. Gumileva, 2006. – 256 s.
11. Tulibaeva Zh.M., Isahan G.T. Arabograficheskie istochniki po istorii Kazahstana: Fond Instituta vostokovedeniya Akademii nauk Respubliki Uzbekistan. – Astana: RGU «Nacional'nogo centra arheografii i istochnikovedeniya», 2014. – 154 s.
12. Tulibaeva Zh.M. «Tarih-i Kipchak-hani» kak istochnik po istorii kazahov XVI – nachala XVIII vekov//Izvestiya Nacional'nogo centra istochnikovedeniya i istoriografii. – Astana, 2012. – 1 3.– S.45–55.
13. Ziyaev A.H. «Silsilat as-salatin» kak istoricheskii istochnik: dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.09 / AN UzSSR. In-t vostokovedeniya im. A.R. Beruni. – Tashkent, 1990. – 205 s. – S. 118, 166
14. Muhammed Yusuf munshi. Mukim-hanskaya istoriya. Perevod s tadjhikskogo, predislovie, primechaniya i ukazateli professora A. A. Semenova. – Tashkent, 1956.– 304 s.
15. Atygaev N.A. Kazahskie zhenshiny pri dvorah inostrannykh pravitelei (XV–XVII vv.) / <http://edu.e-history.kz/kz/publications/view/645>
16. Mukminova R.G., Filanovich M.I. Tashkent na perekrestke istorii (ocherki drevnei i srednevekovoi istorii goroda) / Otv. red. d. i. n. D. A. Alimova. – Tashkent: «Fan», 2001. – 116 s. –S. 56-57,84-86.
17. Abuseitova M.H. Kazahskoe hanstvo vo vtoroi polovine XVI v. Alma-Ata: Nauka, 1985. – 104 s.
18. Alekseev A.K. Srednyaya Aziya pri Ashtarhanidah v XVII-XVIII vv.: Po persoyazychnomu istoricheskomu sochineniyu "Bahr al-asrar" : Rukopis' dissertacii. ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.03 / S.-Peterb. gos. un-t. - Sankt-Peterburg, 2004. – 360 s.
19. Alekseev A.K. Politicheskaya istoriya Tukai-Timuridov: Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bahr al-asrar. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. – 229 s.
20. Hurshut E. U. «Tarih-i Kipchak-hani» –vazhnyi istochnik po istorii Srednei Azii i Severnogo Afganistana XVI-XVII vv. Dissertaciya. Tashkent, 1982.- 277 s.
21. Dosm?hamed?ly H. Ta?damaly e?bekter³. Izbrannye trudy. – Astana: Astana-Poligrafiya», 2008. – 400 bet.
- 22-1943 تاريخ نامه هرات تا ليف سيف بن محمد بن يعقوب الهروي در اوایل قرن هفتم هجری بتصحيح پروفیسور محمد زبیر الصدیقی. کالکتہ. 1342
23. Mahmud ibn Vali. More tain otnositel'no doblestei blagorodnykh (geografiya) / Vvedenie, perevod, primechaniya, ukazateli B. A. Ahmedova. Tashkent, 1977. – 168 s.
24. Russko-indiiskie otnosheniya v XVII veke. Sbornik dokumentov. Izd-vo vostochnoi literatury. – M. 1958. – 453 str.
25. [Fransua Bern'e. Istoriya poslednih politicheskikh perevorotov v gosudarstve Velikogo Mogola](#). Predislovie: A. Pronina. Perevod s francuzskogo: B. Zhuhoveckogo i M. Tomara. – Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe Social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1936. – 352 str.
26. Mashrapov T.T. Znachenie persoyazychnykh istochnikov v izuchenii istorii Kirgizstana XVI–XVII vekov: dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.09 / AN UzSSR. In-t vostokovedeniya im. A.R. Beruni. – Tashkent, 1989. – 339 s.: il.
27. <http://rus.azattyq.org/content/istoricheskkiye-dokumenty-tauke-khan/25120968.html /29.09.2013>
28. Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah. Tom 2. Russkie letopisi i oficial'nye materialy XVI – pervoi treti XVIII v. o narodah Kazahstana / Sost., transkripciya, kommentarii, vstupil'naya stat'ya I.V. Erofeevoi. – Almaty: Daik-Press, 2005. – 448 s. + 8 s. vkl. , s. 269]
29. Istoriya Uzbekistana. T. III (XVI – pervaya polovina XIX veka). – Tashkent: Izdatel'stvo «FAN» Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan, 1993. – 476 s.
30. Beisembiev T.K. «Tarih-i Shahruhi» kak istoricheskii istochnik. – Alma-Ata: Nauka, 1987. – 200 s.
31. Shah-Mahmud ibn Mirza FazilChuras. Hronika. Kriticheskii tekst, perevod, kommentarii, issledovanie i ukazateli O.F. Akimushkina. – Moskva, 1976. – 362 s.
32. Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah. Tom I. Posol'skie materialy Russkogo gosudarstva (XVI-XVII vv.). Sostavlenie, transkripciya skoropisi, special'noe redaktirovanie tekstov, vstupil'naya stat'ya, kommentarii, sostavlenie slovnikov ukazatelei A. Isina. – Almaty: Daik-Press, 2005. – 704 s. + 16 s. vkl.
33. مجموعه نامه های عهد صفوی - Madzhmu'a-ii nama?a-ii ahd-i Safavi, l. 240 / Biblioteka Madzhhlisa IRI, 166631, fotokopiya 102-00187-00023, perevod k.i.n. Z.A. Dzhandosovoi

34. Kuanyshbek Kari. Iran shahynyn Tauke hanga haty // Zhuldyz. №3. 2006. – 180– 182 bb.
35. Valihanov Ch.Ch. Zapiski o kirgizah / Valihanov Ch. Ch. Sobranie sochinenii v pyati tomah. T. II. – Alma-Ata, 1985. 416 s., 21 sm., 88 il.
36. Babalar sozi: Zhuztomdyk. Astana: «Foliant», 2009. T.56: Tarihi zhyrlar. 408 b.
37. Aidogdyev M. Gordost' nacji. K 500 - letiyu Bairam hana Turkmena / Gazeta Neitral'nyi Turkmenistan.09.06.2000. http://ashga.sitecity.ru/text_1609133433.phtml?p_ident=itext_1609133433.p_2303003233
38. Nizamutdinov I. Iz istorii sredneaziatsko-indiiskih otnoshenii (IX-XVIIIvv.). –Tashkent: Izdatel'stvo «Uzbekistan», 1969. – 144 str
39. Kambarbekova G. Tarihka katysty tyn derekter ali de kop / Aikyn-apta. 132 (2664), 19 akpan, 2015 Beisenbi. 7 b.
40. Dzhahandar Shah /<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1784555>
41. Babur-name. Zapiski Babura. Per. M.A. Sal'e. – Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1958. – 530 s.
42. Sultanov T.I. Kochevye plemena Priaral'ya v XV–XVII vv. (voprosy etnicheskoi i social'noi istorii). – Moskva, 1982. – 134 s.\
43. Sultanov T.I. Podnyaty na beloi koshme. Potomki Chingiz-hana. – Almaty: Daik-Press, 2001. – 276 s.
44. Bes gasyr zhyrlaidy: 2 tomdyk. Kurastyr. M. Magauin, M. Baidildaev. – Almaty: Zhazushy, 1989. T.1. 384 bet, suretti.
45. Mashur Zhusip Kupeiuly. Shygarmalary. 8 tom. Kazak tarihy. Pavlodar: «EKO» GOF , 2006. – 452 bet.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 902/904 (035.3)

К АТРИБУЦИИ ЗООМОРФНО ДЕКОРИРОВАННОГО ПРЕДМЕТА В ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ САРЫАРКИ

Базарбаева Г.А.¹, Джумабекова Г.С.²

¹Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: gdzhuma@mail.ru

²Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: galiya2002@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена атрибуции пронизи в виде головы сайгака, происходящей из случайных находок, сделанных на территории Тургайской области в период до 1917 г. В свете открытий последних лет приобретает актуальность новый взгляд на анализ данного предмета. Изображение сайгака – явление наиболее популярное в регионах, являющихся местом его обитания. Причем чаще всего древними мастерами запечатлевался облик самца. В материалах известного клада Каинды в Тургае имеются две пронизи, выполненные в виде стилизованных изображений головы животного. Целые фигуры зверя присутствуют в декоре предметов из Центрального Казахстана (Байке-2, Кызылшилик). Причем в обоих случаях поза животного жертвенная. Случайная находка из Северо-Восточной Сарыарки, введенная впервые в научный оборот Ф. Х. Арслановой, демонстрирует сцену терзания сайгака тремя хищниками, запечатленную в литой бронзовой бляхе, являвшейся элементом конского снаряжения. Видимо, присутствие травоядного животного в декоре узды предполагало усиление качеств и всадника и коня свойствами, присущими этому зверю, что в свою очередь диктовалось принципами существовавшей мифо-ритуальной практики.

Ключевые слова: Сарыарка, Тургай, Центральный Казахстан, Жетысу, Южное Приаралье, верховья Илека, изображение сайгака, звериный стиль, конское снаряжение, котел.

САРЫАРҚАНЫҢ КӨНЕ ТҰРҒЫНДАРЫНЫҢ ӨНЕРІНДЕГІ ЗООМОРФТЫ БЕЗЕНДІРІЛГЕН ЗАТТЫҢ АТРИБУЦИЯСЫ

Базарбаева Г.А.¹, Жұмабекова Г.С.²

¹Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы қ-сы, Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
E-mail: gdzhuma@mail.ru

²Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы қ-сы, Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
E-mail: galiya2002@gmail.com

Аңдатпа: Мақала Торғай облысында 1917 жылға дейін кездейсоқ табылған ақбөкеннің басы түрінде жасалынған өткізгіштің атрибуциясына арналған. Соңғы жылдардағы ашылымдар аталмыш бұйымға жаңаша сараптама жасаудың өзектілігін көрсетіп отыр. Ақбөкеннің суреті –

олардың мекен ететін өңірлерде кең тараған құбылыс. Ертедегі зергерлер көп жағдайларда текелерді (ақбөкеннің еркегі) бейнелейтін болған. Торғайдағы атақты Қайынды көмбесінен табылған жәдігерлер арасында жануарлардың бастары стилизацияланған түрде орындалған екі өткізгіш бар. Орталық Қазақстаннан табылған бұйымдардың аңдардың бүтін бейнелері кездеседі (Байке-2, Қызылшілік). Айта кететін бір жәйт екі жағдайда да жануарлардың дене тұрыстары құрбандыққа шалынатын малдардың тұрыстарына ұқсас. Солтүстік-Шығыс Сарыарқадан кездейсоқ табылып, Ф.Х. Арсланова тарапынан ғылыми айналымға енгізілген ат әбзелдеріне жататын қола айылбасында, ақбөкенді үш жыртқыш аңның талау сәті бейнелеген. Жүгеннің зерінде шөпқоректі жануарды бейнелеудің астарында салт атты мен жылқыға осы аңға тән қасиеттерді дарыту арқылы күшейту идеясы жатуы мүмкін, бұны өз кезегінде қоғамда орын алған мифтік-рәсімдік тәжірибе қағидаларының көрінісі деп бағалаған жөн.

Түйін сөздер: Сарыарқа, Торғай, Орталық Қазақстан, Жетісу, Оңтүстік арал маны, Електің жоғарғы ағысы, ақбөкеннің суреті, аң стилі, әт-әбзелдері, қазан.

ON THE ATTRIBUTION OF A ZOOMORPHICALLY DECORATED SUBJECT IN THE ART OF THE SARYARKA ANCIENT POPULATION

Bazarbayeva G.A.¹, Jumabekova G.S.²

¹A.N. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences, leading researcher

E-mail: gdzhuma@mail.ru

²A.N. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences, leading researcher

E-mail: galiya2002@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the attribution of beads in the form of a saiga head, originating from a number of accidental finds made in the territory of the Turgay region in the period until 1917. In the light of the recent discoveries, a new view on the analysis of this subject is relevant. The image of the saiga is the most popular phenomenon in the regions that are its habitat. Most often the ancient masters depicted the face of a male. The materials of the famous treasure from Kaindy in Turgay have two strings of beads, made in the form of stylized images of the animal's head. The entire figures of the beast are present in the decor of objects from Central Kazakhstan. In both cases the pose of the animal is sacrificial. An accidental discovery from the Northeast Saryarka, introduced for the first time into the scientific use by F.Kh. Arslanova, demonstrates the scene of the saiga torment by three predators, imprinted in a cast bronze shield, which was an element of horse equipment. Probably, the presence of a herbivore in the decor of the reins implied the enhancement of the qualities of both the rider and the horse with the features inherent in this beast, which in turn was dictated by the principles of the existing myth-ritual practice.

Keywords: Saryarka, Turgay, Central Kazakhstan, Jetysu, South Aral area, the upper reaches of the Ilek, the image of the saiga, animal style, horse equipment, cauldron.

Введение

Среди случайных находок, происходящих с территории Тургайской области периода до 1917 г., есть пронизь, выполненная в виде головы сайгака (рис. 1, 1, 2). Очевидно, находка происходит из грабительских раскопок [1]. В настоящее время хранится в фондах ГосЭрмитажа. Это изображение известно по целому ряду публикаций, датируемых советским временем. Так, пронизь из Тургая запечатлена на страницах популярной книги-альбома М. И. Артамонова

«Сокровища саков» [2, с. 32]. Примечательно, что в упомянутом издании указывается, что находка происходит из Тургайской страны [2, с. 28]. М. И. Артамонов резюмирует, что аналогичный предмет есть в коллекции Н. Витзена, составленной в начале XVIII в. В качестве заключения выдвигается предположение о том, что изделия в коллекции, известной под названием «Сибирская коллекция золотых вещей Петра I», могли происходить и из бассейна реки Тобол [2, с. 28].

Приведем описание пронизи, изготовленной из благородного металла, выполненной в технике литья. Изделие представляет собой изображение головы сайгака, показанное как бы сверху. У животного характерная горбоносая морда, складки на которой показаны двумя рядами углубленных скобочек. Древним мастером акцентировано внимание на ноздрях, обозначенных точками, и круглых глазах, в центре которых в виде точек показаны зрачки. Обозначен лоб, прижатые уши. Вершиной мастерства древнего ювелира являются лировидные рога, завершающиеся завитками. На рогах проработаны бугорки, на одном – восемь, на другом – девять. Двумя рядами скобочек обозначена фактура шерсти на шее животного. В целом, все линии, обозначающие те или иные признаки в трактовке зверя, усиливают выразительную передачу образа – складки на носу, бугорки на роге, шерстка на шее. Несмотря на то, что животное представлено сокращенно – в виде головы, создается общее представление о грациозном существе, властелине бескрайних просторов Сарыарки, символе Великой степи.

Рис. 1. Изображение сайгака в искусстве древних кочевников Казахстана.

1, 2 – случайная находка из Тургайской обл.; 3 – Тасмола-5, к.3; 4 – Сынтас-1, к.1, п.3; 5 – Сынтас-1, к.2; 6 – Каинды, случайная находка (клад); 7 – Талды-2, к.5; 8 – Темирши, случайная находка; 9 – Северо-Восточная Сарыарка, случайная находка; 10 – Байке-2, к.7; 11 – Тагискен, к.66; 12 – Жалаулы, случайная находка; 13 – Кызылшилик, к.2; 14 – Алматы, случайная находка. 1 – по: [2]; 2 – по: [14]; 3 – по: [12]; 4, 5 – по: [14]; 6 – по: [16]; 7 – по: [13]; 8 – по: [5]; 9 – по: [8]; 10 – по: [4]; 11 – по: [7]; 12 – по: [11]; 13 – по: [6]; 14 – по: [9]. 1, 6–9, 11–14 – металл; 3–5, 10 – рог/кость

С момента обнаружения предмета прошло более 100 лет. Однако, до сих пор аналогичных находок на территории Казахстана выявлено не было. В контексте рассмотрения образа сайгака в искусстве древних племен Сарыарки особое звучание приобретают находки последних лет. Так, благодаря систематическим исследованиям Сарыаркинской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством А.З. Бейсенова, в научный оборот введены данные о новых находках, содержащих изображение сайгака [3; 4; 5].

В многофигурной композиции, заключенной на поверхности футляра (мог. Байке-2) (рис. 1, 10), изготовленного из кости, центральным персонажем является изображение целой фигуры сайгака, терзаемого тремя хищниками. Очевидно, такое многообразие зооморфных персонажей (сайгак, кошачьи хищники, хищники, таутеке, олень, оленуха, кабан, заяц и др.) далеко не случайно, а является некой трансляцией информации, зашифрованной в знаках зооморфного кода.

Из могильника Кызылшилик происходит изображение сайгака в жертвенной позе (рис. 1, 13) [6, цв. ил. 6, 2]. У него характерная горбоносая морда; на ней в виде округлых вдавлений показаны ноздри. Пасть сомкнута; губы обозначены в виде тонкого валика. Состояние зверя подчеркивает слегка запрокинутая назад голова, единая линия рога и спины; большой круглый глаз со зрачком; плотно прижатый к туловищу короткий хвост. Пространство между шеей и рогом занято ухом. Оно большое, листовидной формы. Линия шеи отделена от головы посредством округлого выступа. Тонкими контурами проработаны изящные копыта. Ближайшей аналогией, практически копией кызылшиликского изображения, является находка из могильника Тагискен в Южном Приаралье (рис. 1, 11) [2; 7].

Целые фигуры сайгака также заключены в декоре бляхи от конского снаряжения из Северо-Восточной Сарыарки (рис. 1, 9) [8], а также на ряде предметов из Жетысу. Наиболее крупным из них является контурное изображение травоядного - антилопы на стенке металлического сосуда – котла (рис. 1, 14) [9, с. 109]. Кроме того, фигура сайгака вписана в вереницу животных на лезвии меча из могильника Иссык [10], а также на предмете из клада Жалаулы, где кошачий хищник терзает травоядного (рис. 1, 12) [11].

Изображение головы сайгака заключено в многофигурной композиции на поясной пряжке из могильника Тасмола-5 (рис. 1, 3) [12], в декоре ворворки (мог. Талды-2) (рис. 1, 7) [13], в оформлении двух ложек из курганов могильника Сынтас (рис. 1, 4, 5) [14]. Если первые два памятника расположены в пределах Сарыарки, то Сынтас – это могильник из синхронного с Тасмолой круга древностей и расположен он в верховьях Илека [15].

В искусстве древнего населения Сарыарки есть примеры, когда образ сайгака показан стилизовано. В качестве такового можно привести изображение животного, заключенное на перекрестии кинжала из Темирши (рис. 1, 8) [5]. Если в декоре акинака угадывается сильно стилизованное изображение целой фигуры зверя, то в двух одинаковых предметах из клада Каинды (рис. 1, 6) [16] образ сайгака представлен сокращенно – в виде головы.

Таким образом, озвученные выше данные можно привести в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1 – Изображение сайгака в изобразительных памятниках древнего населения Казахстана

Название памятника, номер кургана	Сайгак	Сайга	Как представлен образ	Элемент композиции	Одиночный образ
Тургайская обл., случайная находка	+		голова		+
Байке-2, к. 7	+		целое изобр.	+	
Кызылшилик, к. 2	+		целое изобр.		+
Тагискен, к. 66	+		целое изобр.		+
Северо-восточная Сарыарка, случайная находка	+		целое изобр.	+	
Алматы, случайная находка	+		целое изобр.	+	
Жалаулы, случайная находка	+		целое изобр.	+	
Курган «Иссык»	+		целое изобр.	+	
Тасмола-5, к. 3	+		голова	+	
Талды-2, к. 5	+		голова	+	
Сынтас-1, к. 2		+	голова		+
Сынтас-1, к. 1, п. 3	+		голова	+	
Темирши, случайная находка	+		стилизован.		+
Каинды, случайная находка (клад)	+		стилизован.		+
Итого случаев:	13	1	14	8	6

Анализ полученных данных позволяет рассуждать о том, что охваченными оказалось 14 предметов с изображением сайгака. В 13 случаях представленный образ – рогач и лишь в единственном случае – самка. Изображение анализируемого животного в шести случаях представлено целой фигурой, в шести – в виде головы и дважды в нашем распоряжении стилизованные изображения.

В плане анализа композиций следует заметить, что в трех случаях сайгаки показаны в качестве жертв, терзаемых хищниками. В двух случаях изображение сайгака присутствует в веренице животных. Если в декоре меча из Иссыка это разные животные, то в случае из Талды-2

вереница образована из голов восьми сайгаков. Любопытно, что на предметах из Тасмолы-5 и Сынтаса при создании многофигурных композиций тщательно использована вся поверхность изделий.

Отдельно следует остановиться на изображении сайгака на кинжале из Темирши. В таблице мы указали, что животное представлено одиночным образом. Однако, если разбирать декор предмета, то присутствие сайгака на перекрестье акинака является частью композиции, заключенной в оформлении оружия.

В нескольких случаях изображение сайгака присутствует в декоре конского снаряжения. Традиция размещения зооморфных изображений на узде существовала достаточно длительное время. Согласно логике, качества тех или иных зверей передавались и всаднику, и коню.

Изображение сайгака воплощено в различных материалах – металле (золото, бронза, железо), кости, роге. В функциональном отношении анализируемые предметы относятся к предметам вооружения, элементам конского снаряжения, костюму, посуде.

Любопытным представляется присутствие изображения антилопы на посуде. Анализ ритуального характера костяных ложечек посвящено специальное исследование [17]. На фрагменте, представляющем собой боковину металлического котла, помещены фигурка хищника на венчике и профильные изображения антилоп на стенке сосуда. Вероятно, мы видим один вариант зооморфного декора, в котором заключена ключевая идея искусства ранних кочевников – идея противостояния копытных и хищников, идея жертвоприношения богам, духам предков.

Видимо, тот факт, что сюжет с хищником и травоядными животными декорирует металлический котел, можно предположить сакрализованный характер предмета. Фигурка зверя, помещенного на венчике котла, передает обобщенный образ хищника, имеющий глубокие истоки в культуре кочевников раннескифского времени. Изображение антилопы передает образ жертвенного животного. Надо заметить, что в отличие от классической жертвенной позы изображения антилопы или «сокращенного», на боковине котла помещен цельный образ копытного на выпрямленных ногах (!). Однако, сам характер находки – котел – подразумевает приготовление животного, что видно по сюжету писаницы на оз. Тус-кол (Хакасия) и др.

Таким образом, анализ изображения сайгака из Тургайской области в свете новых открытий позволяет получить новые данные. Границы Тургайской области до 1917 г. включали в себя четыре уезда: Кустанайский, Тургайский, Актюбинский и Иргизский. Из какого конкретно региона происходит находка, неизвестно. Однако, несмотря на то, что изображение антилопы (в том числе сайгака) было довольно популярным в искусстве населения раннего железного века Казахстана, аналогичным образом выполненные предметы пока не выявлены. К какой конкретно группе населения принадлежал данный предмет определить сложно, поскольку в пределах Тургай локализованы культуры и сакского и сарматского облика. Стилистические особенности рассматриваемого изображения перекликаются с оформлением образа на кинжале из Темирши; в свою очередь синхронизируемого с древностями Тасмолы и датируемого VI – первой половиной V в. до н.э. [5, с. 105]. В любом случае каждое новое открытие зооморфно декорированных предметов в отечественной археологии является ярким событием

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1956. – Вып. 61. – С. 8-16.
2. Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.

3. Bejsenov A. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakischen zeit osteurasiens. In: Unbekanntes Kasachstan. Archaologie im Herzen Asiens, t. II [Catalogue of the exhibition]. / Ed. By Z. Samashev and T. Stoellner. – Bochum, 2013. – S. 595-608.
4. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б. Находка костяного футляра в кургане тасмолинской культуры (Центральный Казахстан) // Tyragetia. – 2016. – Vol. X (XXV). – P. 225-236.
5. Бейсенов А.З. Кинжал с зооморфным декором сакского времени из Центрального Казахстана // Вестник ТГУ. – 2014. – №5 (31). – С. 103-107.
6. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – 168 с.
7. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 187 с.
8. Арсланова Ф.Х. Интересная находка из Прииртышья // Вестник АН КазССР. – 1963. – № 10. – С. 100-101.
9. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – 120 с.
10. Акишев К.А. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 130 с.
11. Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы: ОФ «Берел», 2003. – 336 с.
12. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303-433.
13. Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестник ЮрГУ. Сер. Социально-гуманит. науки. – 2013. – Т. 13, № 2. – С. 12-17.
14. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2006. – 272 с.
15. Kadyrbaev M.K. Denkmäler des Sautomatenadels in Westkasachstan // Das Altertum Heft 1. – 1981. – Band 27. – S. 29-37.
16. Сеитов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 264-270.
17. Федоров В.К. Культ Сомы/Хаомы у ранних кочевников степей Евразии: на материалах костяных ложечек из южно-уральских погребений VI в. до н.э.-IV в. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2002. – 26 с.

REFERENCES

1. Gryaznov M.P. Severnyj Kazahstan v ehpohu rannih kochevnikov // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. – 1956. – Vyp. 61. – S. 8-16.
2. Artamonov M.I. Sokrovishcha sakov. – M.: Iskusstvo, 1973. – 280 s.
3. Bejsenov A. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakischen zeit osteurasiens. In: Unbekanntes Kasachstan. Archaologie im Herzen Asiens, t. II [Catalogue of the exhibition]. / Ed. By Z. Samashev and T. Stoellner. – Bochum, 2013. – S. 595-608.
4. Beisenov A.Z., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Dujsenbay D.B. Nahodka kostyanogo futlyara v kurgane tasmolinskoj kul'tury (Central'nyj Kazahstan) // Tyragetia. – 2016. – Vol. X (XXV). – P. 225-236.
5. Beisenov A.Z. Kinzhals s zoomorfnym dekorom saksogo vremeni iz Central'nogo Kazahstana // Vestnik TGU. – 2014. – №5 (31). – S. 103-107.
6. Beisenov A.Z., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. Iskusstvo sakov Saryarki. – Almaty: Institut arheologii im. A.H. Margulana; NICIA «Begazy-Tasmola», 2015. – 168 s.
7. Itina M.A., Yablonskij L.T. Saki Nizhnej Syrdar'i (po materialam mogil'nika YUzhnyj Tagisken). – M.: «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN), 1997. – 187 s.
8. Arslanova F.H. Interesnaya nahodka iz Priirtysh'ya // Vestnik AN KazSSR. – 1963. – № 10. – S. 100-101.
9. Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. Hudozhestvennye bronzy Jetysu. – Almaty: Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2013. – 120 s.
10. Akishev K.A. Kurgan Issyk. – M.: Iskusstvo, 1978. – 130 s.
11. Tasmagambetov I. Kentavry Velikoj stepi. Hudozhestvennaya kul'tura drevnih kochevnikov. – Almaty: OF «Berel», 2003. – 336 s.
12. Kadyrbayev M.K. Pamyatniki tasmolinskoj kul'tury // Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbayev M.K., Orazbayev A.M. Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana. – Alma-Ata: Nauka, 1966. – S. 303-433.

13. Beisenov A.Z., Bazarbayeva G.A. Iskustvo drevnih kochevnikov Central'nogo Kazahstana: obrazy, syuzhety, kompozicii // Vestnik YUurGU. Ser. Social'no-gumanit. nauki. – 2013. – T. 13, № 2. – S. 12-17.

14. Korol'kova E.F. Zverinyj stil' Evrazii. Iskustvo plemyon Nizhnego Povolzh'ya i YUzhnogo Priural'ya v skifskuyu ehposu (VII–IV vv. do n. eh.). Problemy stilya i ehtnokul'turnoj prinadlezhnosti. – SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2006. – 272 s.

15. Kadyrbaev M.K. Denkmäler des Sautomatenadels in Westkasachstan // Das Altertum Heft 1. – 1981. – Band 27. – S. 29-37.

16. Seitov A.M. Stepi Torgaya v rannesakskoe vremya: k postanovke problemy // Saks kaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov stepnoj Evrazii: sb. nauchn. st., posvyashch. pamyati arheologa K.A. Akisheva. – Almaty: NICIA «Begazy-Tasmola», 2015. – S. 264-270.

17. Fedorov V.K. Kul't Somy/Naomy u rannih kochevnikov stepej Evrazii: na materialah kostyanyh lozhechek iz yuzhno-ural'skih pogrebenij VI v. do n.eh.-IV v. n.eh.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Izhevsk, 2002. – 26 s.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (проекты №№ 2987/ГФ4; 2978/ГФ4)

FTAХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

НОВЫЕ НАХОДКИ «ДРЕВНЕВЕНГЕРСКОЙ» ТОРЕВТИКИ ИЗ ПЕСЧАНЫХ МАССИВОВ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ УИЛА

Бисембаев А.А.

Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: abissembaev@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена новым находкам оригинальных металлических предметов поясной гарнитуры и сбруйных наборов периода раннего средневековья, происходящих из зоны полупустыни Западного Казахстана. Дается краткий обзор природно-географических условий региона происхождения находок, как главного условия распространения различных памятников. Подчеркивается аридность зоны и, соответственно, распространенность памятников кочевого круга. Поиск аналогий приводит к памятникам с древневенгерскими чертами, большей частью сосредоточенных в Башкирии, Западной Сибири. Однако, их обнаружение в глубинной части Западного Казахстана не противоречит общей канве исторических событий, подтверждая многогранность этнических событий и отрывочные письменные сведения. Проблема спорадического проникновения отдельных лесных угорских групп далеко в степь является на сегодняшний день малоизученным и перспективным направлением, что ранее рассматривалось автором. Так же, как и богатый на памятники этого периода бассейн среднего течения реки Уил. **Ключевые слова:** Западный Казахстан, раннее средневековье, огузы, печенег, древние венгры, Magna Hungaria.

ОЙЫЛДЫҢ ОРТА АҒЫСЫНДАҒЫ ҚҰМДЫ МАССИВТЕН ЖАҢА ТАБЫЛҒАН «ЕЖЕЛГІ ВЕНГРЛЕР» ТОРЕВТИКАСЫ

Бисембаев А.А.

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы қ-сы, Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
E-mail: abissembaev@mail.ru

Андатпа. Мақалада Батыс Қазақстанның оңтүстігінен, Ойылдың орта ағысының шөлейтті зонасынан шыққан, ерте орта ғасырларға жататын темірден жасалған белдік гарнитурасы және ер-тұрман жинағының жаңа бұйымдары қарастырылған. Белдеудің құрғақшылығы, табиғи-географиялық жағдайы туралы қысқаша сипаттамасы, көшпелілік ортаның ескерткіштерінің тарауы қарастырылған. Қарастырылып отырған заттарға ұқсас бұйымдар Башқортостан, Батыс Сібірдегі археологиялық ескерткіштерінен шыққан. Бүгінгі күнде ежелгі венгр орман тайпаларының аз бөлігінің далаға өтіп кету мәселесі аз зерттелген және зерттеуде үміт артатын бағыт болып табылады.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, ерте орта ғасырлар, оғыздар, печенегтер, ежелгі венгрлер, magna Hungaria.

NEW FINDINGS OF THE "ANCIENT HUNGARIAN" TOREVTIKA FROM THE SANDY MASSIF THE FLOW OF THE RIVER OIL

Bissembayev A.A.

A.H. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
E-mail: abissembayev@mail.ru

Abstract. The article deals with new finds of metal objects of the belt set and harness sets of the early Middle Ages, which originates from the semi-desert zone of the Middle Current of the Uil and the southern part of West Kazakhstan. Considered the aridity of the zone, a brief description of the natural and geographical conditions, and the prevalence of monuments of the nomadic circle. Similar abovementioned items come from archaeological sites located in Bashkiria and Western Siberia. Nowadays, the problem of penetration of separate forest ancient Hungarian groups so far into the steppe is a little studied and promising direction.

Keywords: Western Kazakhstan, early Middle Ages, Oguz, Pechenegs, ancient Hungarians, Magna Hungaria.

Введение

Территория Западного Казахстана, обширного региона, находящегося на стыке Европы и Азии, относится к районам активно «пульсировавшим» и выплескивавшим различные объединения в западном направлении в период раннего средневековья, в последней четверти I тысячелетия. Данная ситуация связана в первую очередь с особенностями природно-географического характера рассматриваемой территории, и ее расположения в срединной части степного пояса Евразии, граничащей на севере с зоной лесостепи Оренбуржья и Башкирии, выходя на юге к пустыням Приаралья.

Крупный регион Республики Казахстан, очерченный крупной магистральной рекой – Уралом, несущей воды на две трети протяженности в широтном направлении, а далее, переходя в меридиональное, еще с раннего железного века представлял собой густозаселенный район кочевых объединений. Следует отметить, что не только размеры территории региона, но и географическое положение обусловило его центральное место в европейском и азиатском взаимовлиянии, во взаимодействии различных этнокультурных образований. Немаловажное значение имели и природно-климатические условия, обеспечившие развитие кочевой, а в позднем средневековье и земледельческой культур.

О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона неоднократно упоминалось в археологической литературе. Определенные итоги исследований на период рубежа XX–XXI веков были подведены С.Ю. Гуцаловым. Им же была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала, как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону» [1, с. 4]. Природно-климатические аспекты не претерпели радикальных изменений в период средневековья, поэтому хозяйственно-экономические принципы обитавших групп населения в это время, во многом повторяли сложившуюся в РЖВ систему кочевания, дополнительно корректируясь военно-политической ситуацией в конкретные хронологические отрезки.

Западный Казахстан имеет наибольшее протяжение с севера на юг около 900 км, с запада на восток около 1200 км и занимает площадь в 729,2 тыс. км.² На севере он граничит с Оренбургской

областью России, на востоке - Костанайской, Карагандинской, на юго-востоке - Кызыл-Ординской областями, на юге омывается Аральским (Большим Аральским) внутриконтинентальным морем, граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, на западе омывается Каспийским морем, граничит с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями России.

Находясь в глубине Евразии, Западный Казахстан расположен в двух частях света – в Европе и Азии. Граница между этими частями света в пределах Казахстана проводится по Уральским горам (Мугоджарам), реке Эмбе и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря–озера. Существуют природные различия между западной и восточной частями региона, к востоку от р. Эмба, ландшафты резко приобретает азиатский характер (главным образом, из-за смены состава биот и биомов). Данное местоположение региона предопределило его геологические, биогеографические и другие особенности.

На рассматриваемой территории прослеживаются последовательно сменяющие друг друга ландшафтные зоны – лесостепная, степная, полупустынная. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков, наблюдается в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище, со сосредоточением колков Уркач (Оркаш), уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори [2, с.86-103].

В физико-географическом аспекте поверхность Западного Казахстана очень разнообразна: обширные низменности лежат ниже уровня океана, низкие горы сочетаются с многочисленными плато и равнинами. Наиболее широко в Западном Казахстане развиты аккумулятивные и пластовые равнины, к которым относятся Прикаспийская и Туранская низменности [3]. Рельеф Западного Казахстана представлен чередованием плато, возвышенностей, речных долин и относительно пониженных равнинных пространств, тем самым представляет собой холмистую (возвышенно - волнистую) равнину. Наиболее приподняты северная и центральная части (300-600 м), понижены западная и юго-восточная (100-200 м) части области.

Левобережье Урала – Западно-Казахстанский регион характеризуется ярко выраженной аридностью и континентальностью климата, нарастающей с севера на юг и с запада на восток. Распределение растений и самой растительности подчинено общему закону горизонтальной и вертикальной зональности. По растительному покрову Западный Казахстан содержит элементы трех зон. На севере проходит зона настоящих степей, значительная средняя часть региона включается в зону пустынных степей или полупустынь, южная часть находится в зоне пустынь.

Растительный покров региона отличается преобладающим степным характером. Южная граница ковыльных степей проходит от верховьев Еруслана через Большой и Малой Узени, по отрогам Общего Сырта до левобережья р.Урала, оз. Челкар и затем к востоку прорезая водораздел Илека и Хобды в средней части. Южнее зоны ковыльных степей достаточно хорошо прослеживается зона типчаковых степей. Здесь господствует типчак, к которому примешиваются различные ковыли. В этих степях значительно сокращается мезофильное разнотравье, распространены степные кустарники.

Пустынные степи охватывают большую часть Западного Казахстана. На севере, гранича с зоной типчаковых степей, они почти вплотную подходят к отрогам Общего Сырта, а на юге примыкают к обширным массивам Рын-песков и не менее обширным белополынным и чернополынным пустыням на бурых почвах [4, с. 78-79].

Природно-географические характеристики рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних и средневековых кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в

формировании пастбищно-кочевой системы [5, с. 31-46] – основы экономики кочевых обществ.

Расположение археологических объектов кочевого населения раннего средневековья в Западном Казахстане приурочено к комфортным экологическим нишам, что подтверждается данными картографирования памятников [6, с. 87-90]. В первую очередь, это зона среднего и нижнего течения Урала. Насыщенную памятниками зону образуют Большой и Малый Узени в среднем и нижнем течении. Причем, этот локальный микрорайон, дает памятники по всем периодам эпохи средневековья, что говорит о его привлекательности для кочевого населения вне зависимости от коллизий природного или политического характера. Сходными чертами обладает Уило-Кобдинский микрорайон, на территории которого обнаружены яркие и неординарные комплексы раннего, развитого и позднего средневековья. Новые памятники были обнаружены в результате разведочных мероприятий в 2014 году в Темиро-Эмбенском бассейне. Однако, этот микрорайон, также как Орь-Иргизский, в плане расположения памятников эпохи средневековья, пока остается «terra incognita», и соответственно, важным направлением для сосредоточения усилий исследовательского поиска. Комфортным регионом, хорошо изученным к данному времени, является среднее течение Илека в районе впадения Жаксы-Каргалы.

Археологические памятники конца I тыс. н.э., являющиеся наглядной иллюстрацией бурных политических коллизий, исследовались, начиная с XIX века, по настоящее время. Однако, при активном изучении территории региона и массовых раскопках во второй половине XX столетия, количество памятников интересующего времени в численном отношении значительно уступает другим периодам, хотя нарративные источники, отражающие события, репрезентативны и происходят из различных районов, соприкасавшихся с кочевыми объединениями, и проявлявших к ним интерес.

Период VIII-XI вв., обозначенный в среде медиевистов, как огузо-печенежский, для истории Западного Казахстана является одной из ярких, динамичных, и пожалуй, пока еще загадочных страниц. Он связан с борьбой за доминирование в регионе, противостоянием различных кочевых группировок, в конечном итоге достигавших пределов северопричерноморских степей и попадавших в поле зрения русских летописцев, византийских писателей и европейских хронистов.

В апреле 2014 года местным жителем Уилского района Актюбинской области Муқанғалиевым Ералы Бағытжанұлы в фонды Областного историко-краеведческого музея были предоставлены предметы, обнаруженные им в песчаных массивах среднего течения р.Уил, юго-западнее в 27 км от одноименного районного центра, недалеко от небольшого поселка Курман (Шубарши). Оригинальные предметы, раннего средневековья, конца I тыс. н.э. периодически появляются в данном районе, обнаруживаемые пастухами, школьниками и находятся на хранении в районном музее и некоторых сельских школах. Приобретенные у Е.Б. Муқанғалиева артефакты, выполненные из бронзы с серебрением, представлены разнообразными накладными и подвесными бляшками, пряжками наборного воинского пояса и, возможно, предметами конской сбруи, относятся к тому же кругу находок, заслуживающих пристального внимания.

По внешним морфологическим признакам, предметы делятся на несколько типов, они имеют следы окисления и механической очистки от окислов, выполненной, вероятно, автором находок. По наиболее явным внешним характеристикам можно выделить следующие предметы:

- обломок небольшого перстня из биметаллического сплава белого цвета. Щиток овальной формы, без орнамента, судя по диаметру отверстия касты, небольшого размера, вероятно, носился на мизинце (рис. 1: 7).

- в наборе имеется семь накладных бляшек подквадратной формы, размерами 2,5 x 2,5 см. Бляшки различной сохранности, присутствуют обломанные части, частично деформированы. Все имеют прямоугольную прорезь в нижней части; не орнаментированы, для крепления на ремне

имеют по два штифта на тыльной стороне. Эти бляшки располагались на ремне прорезью вниз и к ним крепились подвесные его части воинского ремня (рис.2: 1-6).

- присутствует 13 литых бляшек - лунниц с «ушками», 2,5 x 0,8 см. Все они не имеют орнамента, каждая с 1-2 штифтами, расположенными на тыльной стороне ближе к центру. Одна сторона бляшек выпуклая, другая - вогнутая, поэтому по форме напоминают полумесяц, с округлыми выступами по краям, похожими на ушки (рис. 1: 6, 9, 10; рис. 2: 7-10).

- восемь бляшек прямоугольной формы, размерами примерно 2,5 x 1 см, без орнамента. Большая их часть имеет дефекты и повреждения. У каждой по одному-два штифта для крепления на тыльной стороне. Присутствует вертикальная линия в центре каждой пряжки, визуалью делящая ее пополам (рис. 2: 11-13).

- четыре накладные бляшки с разделительной полосой по центру, схожие с предыдущими, но меньше их почти в половину (рис. 2: 14-18).

- подвесная бляшка ремня восьмерковидной формы, сильно испорченная, возможно фигурная. Орнамент не читается из-за сильного окисления. В одной из частей имеется овальная прорезь. Крепежные штифты расположены на тыльной стороне (рис. 1: 8).

- сердцевидная литая бляшка с растительным орнаментом. Имеет два штифта на тыльной стороне. Данная форма поясных бляшек-накладок, пожалуй, самая распространенная в огузо-печенежское время (рис. 1:5).

- две концевые подвески – наконечники ремней подпрямоугольной формы, без орнамента, размерами 1,9 x 1,5 см. Имеют скругленный нижний край (рис. 1: 2,3).

- бляшка, не орнаментированная, полуовальной формы. В нижней части части, вероятно, обломана (рис. 1:4).

- крупная бляха, округлой формы, орнаментированная в геометрическом стиле, около 3,5 см в диаметре. Имеет четкие округлые линии и три подтреугольных выступа. На бляшке имеются три симметричных отверстия, овальной формы, визуалью делящие бляху на три части одинакового размера. Вероятно, представляет собой тройник крепления ремней (рис. 1:1).

Таким образом, рассматриваемый набор предметов, представляет собой интересный комплекс раннего средневековья со своеобразной хронокультурной позицией. Предметы, составляющие воинские пояса и металлические изделия конской сбруи, отлитые и штампованные из бронзы с серебрением, являются достаточно распространенной категорией инвентаря, бытовавшего в VIII – XI вв., обозначенного в истории Западного Казахстана, как огузо-печенежский период.

Наиболее близкие, территориально, аналогии происходят из Южного Приуралья, современной Башкирии, в комплексах предметов, относимых к бахмутинской культуре, исследовавшейся достаточно подробно А.В. Шмидтом, Н.А. Мажитовым [7; 8, с. 26; 2, с. 76]. Памятники бахмутинской культуры связываются с племенами финно-угорского круга середины-второй половины I тыс. На рубеже VIII-IX вв. часть представителей бахмутинской культуры ушла из Приуралья на запад, оставшиеся группы ассимилировались в составе древнебашкирских племен. Наиболее близки по форме штампованные накладки-лунницы, бронзовые округлые пряжки, представленным в анализируемом уилском комплексе (рис.2: 7-10).

Определение хронологической позиции и культурной принадлежности анализируемого набора предметов в поиске аналогий в кругу надежно атрибутированных поясных наборов и предметов конской сбруи выводит на территорию Западной Сибири и Зауралья. Значительное сходство прослеживается в предметах релкинской культуры конца VII-IX вв., выделенной Л.А. Чиндиной [9]. Основной ареал распространения этой культуры - Средняя Обь, с выходом на Северный Казахстан. Для памятников релкинской культуры характерны прямоугольные и округлые неорнаментированные бляхи-оправы с прорезями; присутствуют сердцевидные бляхи

со сходным орнаментом, бронзовые геральдические пряжки с неподвижным щитком; рамчатые пряжки, с рамками округлой и подпрямоугольной форм, близкие по форме и исполнению, присутствующим в уилском комплексе (рис 2: 1-6; рис 1:5).

Более дальние аналогии встречаются в предметах тюхтятской культуры древних хакасов, чьи пояса обычно были украшены бронзовыми пряжками с разнообразными бляшками (фигурными, квадратными, полукруглыми, сердцевидными), покрытыми растительным орнаментом или гладкими обоями и фигурными подвесками; а также железными бляшками тех же форм. Ареал распространения этой культуры- Минусинская котловина, ср. и верх. Иртыш, горный Алтай и Монголия. Выделена тюхтятская культура была Л.Р. Кызласовым; и относят ее к IX-X вв. [10]. Бляшки аналогичных форм (а именно: сердцевидные, прямоугольные или округлые, украшенные в растительном стиле) часто встречаются в находках усть-ишимской, юдинской культур угров и самодийцев Урала и Западной Сибири, а также в памятниках кинтусовского этапа культур Нижнего Приобья [11, с.168-176, 193-200]. Усть-ишимская культура была распространена в основном в лесной полосе ср. Прииртышья и частично в его лесостепной зоне и связана с угорским по происхождению населением - обскими хантами.

Пожалуй, наибольшее сходство рассматриваемый комплекс демонстрирует с предметами кушнареновско-караякуповской культуры Башкирии. Сходство формы и орнамента с круглой бляхой-тройником (рис 1:1) прослеживается в материалах раскопок 2-го этапа караякуповской культуры. Это бляхи, найденные на Южном Урале, при раскопках Ишимбаевского, Лагеревского, Муракаевского, Хусаинского и др. могильников. Они имеют идентичную «нашей» бляхе форму: округлые, с симметричными овальными прорезями. Присутствует растительный орнамент. Так же наше внимание привлекли предметы, которые имеют широкие аналогии в степных древностях от Сибири до Венгрии и никак не могут поэтому датироваться более поздним временем, а именно это такие же поясные наборы и петли уилского комплекса (рис.1:4; рис.2:1-6).

Не вдаваясь в подробности длительной дискуссии уральских археологов о принадлежности кушнареновско-караякуповских древностей, следует отметить, что наиболее последовательным сторонником тюркского происхождения был Н.А.Мажитов. Большая часть исследователей караякуповскую культуру сопоставляет с уграми, предками венгров. Она была распространена на Южном Урале в период VIII - X вв. Выделена эта культура Г.И. Матвеевой после раскопок у д. Караякупово в Чишминском р-не [12]. Многочисленные аналогии караякуповским древностям в материалах древнехантыйских и древнемансийских археологических культур бассейна р. Тобол, Иртыш и Исеть позволяют связывать носителей этой культуры с уграми. Данное этнокультурное определение подтверждается высокой степенью типологического сходства погребальных памятников караякуповской культуры с могильниками древних мадьяр IX-нач. X вв. Е.А. Халикова в 1975 году выдвинула концепцию об этногенетическом родстве носителей караякуповской культуры и древних мадьяр, а территорию распространения культуры отождествляла с древней родиной венгров – Великой Венгрией (Magna Hungaria) [13, с.40]. В последующее время, верхнюю дату караякуповских памятников – сер. IX в стали отождествлять с началом миграции мадьяров на запад.

В присутствии на территории Западного Казахстана предметов с отчетливыми древневенгерскими признаками в раннем средневековье нет противоречия общей канве исторических событий. Территория региона, примыкающая к Южному Приуралью, в древности и средневековье была населена племенными группами с близкими этническими и культурными чертами. В частности, П.Т.Верешом, на основе анализа данных антропологии, лингвистики, археологии поставлен вопрос о формировании древневенгерского этноса на территории Приаралья [14, с. 167-170]. Предметы, происходящие именно из угорской среды, со следами изготовления на месте, обнаруженные недалеко от г.Актобе, уже введены в научный оборот. Эти

предметы, отлитые из сплава серебра и бронзы, являются свидетельством активных контактов угорского и тюркского населения в раннем средневековье на территории Северного Приаралья [15, с.64-65]. Происходящие из окрестностей пос.Караой (Жетыколь) предметы конской сбруи в виде массивных блях со стилизованными личинами, птицевидная нашивка, фрагмент богато украшенной сероглиняной керамики [15, с.60-62], признаки бесспорно угорского происхождения, территориально очень близки рассматриваемым в данной статье предметам. Бронзовые предметы воинского наборного пояса представляют собой еще одно свидетельство богатой этнической истории Западно-Казахстанского региона в раннем средневековье.

Работа выполнена при поддержке гранта 2985/ГФ4 Министерства образования и науки Республики Казахстан «Динамика формирования культур и миграционные процессы эпохи раннего железного века и средневековья Приаральско-Мугалжарского региона».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. –Уральск, «Полиграфсервис», 2004.
- 2.Чибилев А.А. Река Урал. – Л., «Гидрометеоиздат», 1987.
- 3.Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.:»Наука», 1969.
- 4.Атлас Казахской ССР. Москва: Главное Управление Геодезии и Картографии, 1982, Т.1.
- 5.Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана //Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, «Наука», 1972.
- 6.Бисембаев А.А. Картографический анализ памятников средневековых кочевников Западного Казахстана // Степи Северной Евразии. Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологической реставрации и использования. Материалы III международного симпозиума. Под ред. чл.-корр. А.А.Чибилева. Оренбург: ИПК «Газпромпечат» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2003.
- 7.Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции // Хозяйство Башкирии, №8-9, Уфа, 1929.
- 8.Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. –М., «Наука», 1968.
- 9.Чиндина Л.А. Могильник Релка // Вопросы истории Сибири. №8, 1974, Томск.
- 10.Кызласов Л.Р.Тува в период Тюркского каганата (VI-VIII вв.) // Вестник МГУ, Серия IX. История №1, 1960.
- 11.Могильников В.А.Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах. – М., «Наука», 1987.
- 12.Матвеева Г.И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, вып. V, 1975.
- 13.Халикова Е.А. Magna Hungaria // Вопросы истории, №7, 1975
- 14.Вереш П.Т. К вопросу о приаральской прародине древневенгерского этноса // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М., «Восточная литература», 1998.
- 15.Бисембаев А.А. Случайные находки рубежа I – II тысячелетий с территории Актюбинской области // Известия НАН РК. Серия общественных наук, №1, 2003.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

ӘОЖ / УДК / UDK 94(574) + 903'15 + 903 (574)

ИЗОБРАЖЕНИЯ КОШАЧЬИХ ХИЩНИКОВ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ «ПОЛОСЫ ГОР»

Джумабекова Г.С.¹, Бейсенов А.², Базарбаева Г.А.³

¹Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: gdzhuma@mail.ru

²Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: galiya2002@gmail.com

³Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: azbeisenov@mail.ru

Аннотация: В статье на основе комплексного анализа рассматриваются изображения кошачьих хищников, выполненных в определенной стилистической манере. Яркие произведения древнего искусства выявлены на отрезке Жетысу – Казахский Алтай – Сарыарка – Тува. Более всего для характеристики этого обширного региона применим термин «полоса гор», введенный в научный оборот во второй половине 1990-х гг. К. А. и А. К. Акишевыми.

Ключевые слова: Культура, ранние кочевники, искусство, звериный стиль, «полоса гор».

«ТАУЛАР БЕЛДЕУІ» КӨНЕ ТҮРҒЫНДАРЫ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ МЫСЫҚ ТҰҚЫМДАС ЖЫРТҚЫШТАР БЕЙНЕЛЕРІ

Жұмабекова Г.С.¹, Бейсенов А.З.², Базарбаева Г.А.³

¹А. Х. Марғұлан атындағы археология институты (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер

E-mail: gdzhuma@mail.ru

²А. Х. Марғұлан атындағы археология институты (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер

E-mail: galiya2002@gmail.com

³А. Х. Марғұлан атындағы археология институты (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер

E-mail: azbeisenov@mail.ru

Аңдатпа: Мақалада кешенді сараптамалар негізінде белгілі бір стильдік мәнерде орындалған мысық тұқымдас жыртқыш бейнелері қарастырылады. Ежелгі өнердің жарқын туындылары Жетісу – Қазақ Алтайы – Сарыарқа – Тува бағытында табылып отыр. Осы бір кең-байтақ аймақтың мәдени сипаттамасын беруге 1990-шы жж. екінші жартысында Кемал және Әлішер Ақышевтар ғылыми айналымға енгізген «таулар белдеуі» атауы өте-мөте дәлірек келеді.

Түйін сөздер: Мәдениет, ерте көшпелілер, өнер, аң стилі, «таулар белдеуі».

THE ANIMAL IMAGES IN THE CULTURE OF THE ANCIENT POPULATION OF THE “STRIP OF MOUNTAINS”

Jumabekova G.S.¹, Beisenov A.Z.², Bazarbayeva G.A.³

¹A.H. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher

E-mail: gdzhuma@mail.ru

²A.H. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher

E-mail: galiya2002@gmail.com

³A.H. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher

E-mail: azbeisenov@mail.ru

Abstract. This article is devoted to images of feline predators performed in a certain stylistic manner are considered on the basis of a complex analysis. The bright works of ancient art are revealed on a segment of Jetysu – Kazakh Altai – Saryarka – Tuva. Most of all, for the characterization of this vast region, the term "strip of mountains", introduced into scientific circulation in the second half of the 1990s by Kemel A. and Alisher K. Akishevs.

Keywords: culture, early nomads, the art, animal style, "strip of mountains".

Введение

Среди всего многообразия изображений, выполненных в традициях скифо-сибирского звериного стиля, поражает воображение коллекция, полученная специалистами из отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова во второй половине XX в. под руководством К. А. Акишева в ходе раскопок кургана «Иссык» [1]. Это открытие до сих пор не имеет себе равных. Находки из кургана «Иссык» стали брендом нашей страны, а реконструкция, выполненная К. А. Акишевым и В. И. Садомсковым, воплотилась в символ независимости Республики Казахстан и «шагнула» на главную площадь города Алматы.

С момента открытия кургана «Иссык» в отечественной археологии произошли новые открытия. Многие из них свершились в начале XXI века в рамках реализации задач государственного стратегического проекта «Культурное наследие», инициированного главой нашего государства Н. А. Назарбаевым в 2004 г.

К числу уникальных открытий относятся раскопки курганов могильника Улжан – в Жетысу [2], Берел [3], Тарасу [3], Шиликты [4], Елеке Сазы [5] – в Казахском Алтае, Талды-2 [6], Карашоки [6], Байке-2 [7], Ашутасты-1 в Сарыарке, Кайтпас – в Южном Казахстане [8] и многие другие.

Коллекция зооморфно декорированных предметов заслуживает индивидуального рассмотрения, что выходит за рамки предлагаемой статьи. В настоящей работе проследим стилистические особенности образа кошачьего хищника, присутствующего в декоре предметов территории, обозначенной термином «полоса гор».

Впервые термин «полоса гор» прозвучал в статье К. А. и А. К. Акишевых в 1997 г. [9] и применялся для характеристики обширного региона от Притяньшанья до Саяно-Алтая. В данной статье, актуальность которой в наши дни не только не снижается, но, напротив, явно возрастает, два видных специалиста по культуре сакского времени Казахстана и степной Евразии обосновали

близость культур указанного региона, отметив при этом, ряд аспектов, которые составляют как бы фундамент научной теории. В настоящее время тема, поднятая этими исследователями, требует своего продолжения – на фоне ярких открытий начала XXI в.

В этом контексте особое звучание приобретает анализ изображений кошачьих хищников. Для раннесакского культурного горизонта звери обычно изображались свернувшимися в кольцо. Этот пример можно наблюдать при анализе изображений из Маймера [10], Талды-2 [6], Уйгарака [11], Шиликты [12]. Также свернувшийся в кольцо хищник присутствует среди материалов кургана «Иссык» [1] (рис. 1).

Рис. 1. Изображение хищника, свернувшегося в кольцо, курган «Иссык». Раскопки экспедиции под руководством К. А. Акишева. Фото О. Белялова

Если Майемер, Талды-2, Уйгарак, Шиликты относятся к одному хронологическому горизонту, то в датировке иссыкского комплекса существуют разные мнения. К. А. Акишев датировал материалы V в. до н. э. [1]. С ним был солидарен А. Х. Пшеничнюк. В то же время существуют мнения З. Самашева и А. К. Акишева, придерживающиеся мнения, что курган «Иссык» следует датировать IV–III вв. Если принять во внимание вторую точку зрения, то древности Иссыка синхронизируются с берельскими. В материалах могильника Берел нет ни одного изображения хищника, свернувшегося в кольцо.

Находки из Иссыка и Береля демонстрируют различные изображения эклектичных существ, рогатые и крылатые кони, изображения лосей с крыльями птицы и хвостом лошади. Различные вариации фантастических орнитоморфных существ.

В связи с этим привлекает внимание изображение кошачьего хищника, стоящего в спокойной позе из могильника Карашоки, к. 1 в Центральном Казахстане (рис. 2). Изделие ажурное. Передана характерная полосатая фактура шкуры животного. Характерные для раннесакского искусства S-видные завитки, представлены в виде стилизованных орлов и орлиных грифонов. В целом грифоны, вписанные в изображение тигра, почти аналогичны таковым из раннесакского кургана 1 могильника Шерубай. Длинный хвост традиционно закручен спиралью вверх, подчеркнуты хищные и острые когти. В бляшке выражена идея в целом фантастического существа, совмещающего образы тигра и орла.

Рис. 2. Ажурное изображение кошачьего хищника, мог. Карашоки. Раскопки экспедиции под руководством А. З. Бейсенова. Фото Д. Дуйсенбай

Стилистический прием изображения тигра находит аналогии в искусстве ранних кочевников других регионов Евразии. Во-первых, это ажурность, подразумевающая наложение вырезанного из золотой фольги изображения на контрастный фон, что обращает внимание на раннесакские изделия из клада Жалаулы в Жетысу [13]. В тоже время передача характерных полос и длинных прядей шерсти тигра встречается в более поздних изображениях тигра (пазырыкская культура на Алтае). Можно предположить, что описанный тигр представляет одну из линий развития изображений хищников на раннескифских оленных камнях, контуры которых заполнены полосами или пятнами, передающих, видимо, фактуру шкуры (тигр, барс). Хотя там несколько иная иконография зверя – ноги чуть согнуты и вытянуты вперед.

В целом, такая ажурность изображений характерна для кочевников пазырыкской культуры Алтая. Филигранность изображений, проработка поверхности тонкими линиями завитков, часто образующих вписанные в пространство облика животного орлиных грифонов, характерна для золотых изделий Филипповского могильника на Южном Урале, также относящегося к расцвету раннекочевнической культуры. Авторы публикации материалов из Филипповки приходят к выводу о генетической связи южно-уральских номадов с сако-массагетским миром. Общность мировоззрения, духовной культуры ранних кочевников Великой Степи демонстрирует и золотая пластина в виде пантеры, лапы и хвост которой орнаментированы рельефными изображениями свернувшихся кольцом кошачьих хищников из раннескифского Келермесского кургана на Северном Кавказе. Здесь проявляется сходный изобразительный прием в передаче хищных черт животного.

В погребально-поминальных памятниках ранних кочевников Евразии нашивные бляшки из золота, в том числе в виде изображения кошачьего хищника, встречаются довольно часто. В силу специфики социальной организации, общественных отношений, культуры, идеологии, позволяющих говорить о сложении кочевой цивилизации, это имело особый смысл, не только декоративный. В данном случае мы наблюдаем наложение или дублирование значения анималистического образа, его художественного воплощения, качества металла – золота, подчеркивающих статус погребенного, и конкретной цели декорирования одежды или предметов вооружения. Помимо предполагаемых истоков распространенного в мифологии и эпосе героя –

витязя в тигровой (барсовой) шкуре, здесь можно увидеть некоторые общие идеологические и мировоззренческие принципы на территории восточной части евразийского пояса степей.

Изделия из раннесакских курганов тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Карашоки, Талды-2, Байке-2) позволяют высказать предположение о том, что традиция создания образов фантастических существ начала складываться уже в раннесакское время.

Вызывает интерес положение кошачьих хищников в декоре предметов Центральной Азии (Тыва, Северный Китай), в том числе с точечным, полосатым или спиралевидным заполнением туловища. Возможно, здесь просматривается семантическая связь с идеей, воплощенной в бляшках из Жалаулы, Шиликты, Байгетобе, Талды-2. Это подтверждает вывод о связи искусства раннескифского времени Тывы, Хакасско-Минусинской котловины, лесостепного Алтая и Казахстана, центрально-азиатское происхождение традиций искусства звериного стиля из комплекса кургана Аржан-2.

В целом, прослеживаются параллели в предметах древнего искусства из тувинского Аржана-2 и могильника Талды-2, Шиликты, Байгетобе, Жалаулы. Новые находки, полученные из курганов Шерубай-1 и Карашоки-1 раннего этапа тасмолинской культуры, дополняют линии связей культуры населения Тывы и Центрального Казахстана в раннесакское время.

Подтверждает предварительный вывод и наличие такого элемента декора, как «сложный завиток». Сходства, выявляемые в изобразительных памятниках столь обширной территории Жетысу – Сарыарка – Южное Приуралье – Тыва, очевидно, свидетельствуют о том, что обитатели этого степного и горно-долинного пространства образовывали в раннесакское время некий единый сходный по облику культуры массив.

Изображения на золотых бляшках из кургана № 3 могильника Тасмола [14] в виде лежащего льва обнаруживают стилистическую близость «лежащему льву» с головой фас из кургана № 3 из Тагискена (Приаралье) [15]. В целом, очевидно, что это изделия одного круга. Близки в целом тасмолинским изображения лежащего кошачьего хищника из Филипповки, более поздняя дата которого указывает на вектор, намеченный ажурностью изделий с территории восточных регионов.

Другие тасмолинские бляшки - в виде кошачьих хищников из могильника Талды-2 – также проявляют параллели с изделиями из могильника Тагискен.

Если сравнивать очень близкие изображения кошачьих хищников в профиль, то, несмотря на однозначное сходство изделий из Тагискена, Талды-2 и Аржана-2, видно, что образы из Талды-2 – наименее реалистичные. Иконография полусвернутой позы кошачьего хищника, характерной для памятников Тывы и Центрального Казахстана, известна вплоть до памятников Восточного Приаралья. Подобие складок на ногах и кончик хвоста колечком имеют похожие изображения хищников в спокойной позе более позднего времени из памятников Обские Плеса-2, мог. 3 и Кош-Пей-1, к. 1 [16]. Заметим, что стилистически близки талдинским изображения кошачьих хищников из элитного тасмолинского кургана № 10 мог. Ашутасты-1. Кроме того, в могильниках Талды-2 и Акбеит присутствуют обоймы, декорированные изображениями четырех кошачьих хищников [17] (рис. 3). Традиция размещения изображений животных друг над другом характерна также для сюжетов раннесакского пласта, фиксируемого на поверхностях монументальных памятников – петроглифов, оленных камней.

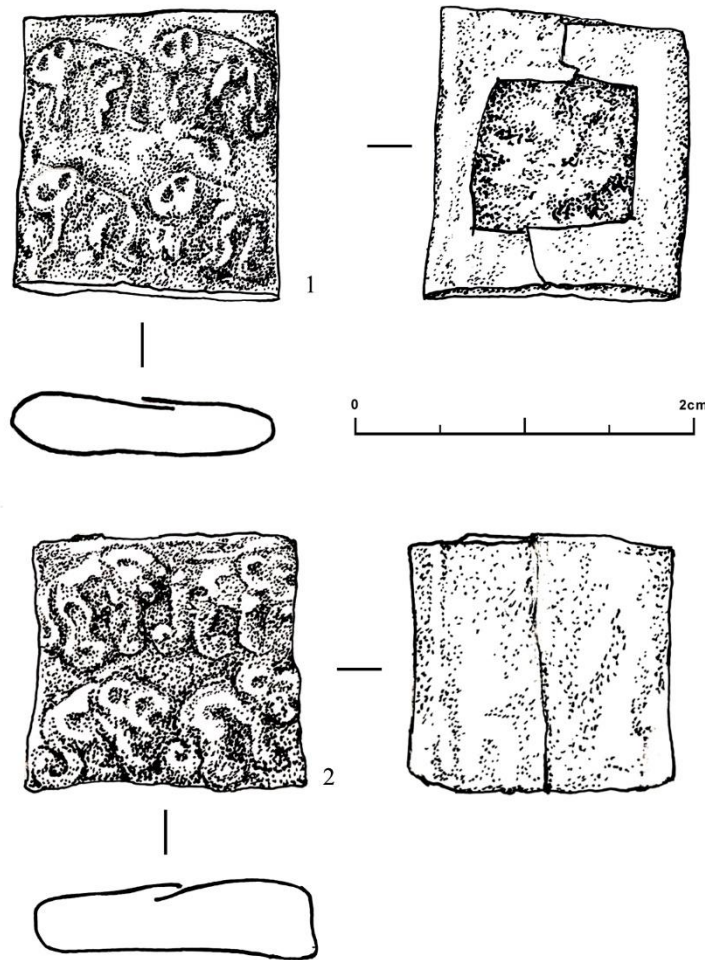

Рис. 3. Изображения кошачьих хищников на обоях. 1 – Акбеит; 2 – Талды-2. Раскопки под руководством А.З. Бейсенова. Рисунок выполнен Д. Джанабаевым

В целом, результаты последних лет работ в Сарыарке, Жетысу и Туве еще раз демонстрируют взаимосвязь раннесакских памятников «полосы гор». В целом, действительно полоса Приаралье – Жетысу – Сарыарка – Верхнее Приобье – Алтай – Тува показывает общность культурно-генетических процессов, происходивших в этих регионах в раннесакский период.

На основе не только сходных предметов звериного стиля, но и особенностей погребальных сооружений Жетысу, Центрального Казахстана и Тувы (наземные деревянные конструкции, дромосы, стелы) фиксируется функционирование мощных центров племенных объединений в этих регионах. Они предполагают определенный культурный взрыв, выделяют аржанокичигинский культурно-хронологический горизонт. Хронологически определяют этот этап в пределах второй половины VII – середины VI вв. до н.э. [18].

Очевидно, что в период экологического кризиса конца II – начала I тыс. до н.э. в степной и горно-долинной части восточной Евразии усилились миграции и активные перемещения племен. При этом специалисты отмечают ведущую роль казахстанско-среднеазиатского региона. Его отличало выгодное геополитическое положение. Жалаулы, могильники Бешшатыр, Тасмола, Талды-2, Шиликты, Майемер, Аржан-2 – это элитарные памятники ранних кочевников. Комплекс показателей - образцы искусства ранних саков, радиоуглеродные датировки и типология

предметного комплекса, позволяет разработать хронологию памятников, выявить их хронологическое соотношение. Сюда также можно добавить случаи с трепанациями из обозначенных выше курганов Акбеит и Талды-2 известны [17]. В настоящее время из известных 210 раскопанных курганов тасмолинской культуры известно 13 трепанированных черепов. Причем в подавляющем большинстве данной процедуре подвергались черепа мужчин, лишь в единственном числе известны случаи среди женской серии и детской. Трепанации, очевидно, выполнялись с целью более длительного сохранения тела. Данной манипуляции, видимо, подвергались представители высших слоев общества. В пользу этого обстоятельства свидетельствуют параметры курганов, особенности погребального обряда. Материалы же кургана Аржан-2 дают возможность проследить векторы культурных контактов – юго-восточное и западное (Казахстан) [19].

Таким образом, на основе анализа изображения кошачьего хищника представляется возможным проанализировать органическую часть культуры «полосы гор» раннесакского времени в контексте анализа предметов древнего искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Акишев К.А. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
- 2 Амиров Е.Ш. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2008. – № 1 (254). – С. 29–34.
- 3 Самашев З. Берел. – Алматы: издательский дом «Таймас», 2011. – 236 с.
- 4 Толеубаев А. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау // Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). Сб. научн. статей. – Алматы, 2011. – С. 156–174.
- 5 Оралбай Е. «Долина царей» Тарбагатай // Алтай – золотая колыбель тюркского мира. – Усть-Каменогорск: Восточно-Казахстанский госуниверситет, 2016. – С. 199–207.
- 6 Bejzenov A. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakischen zeit osteurasiens. In: Unbekanntes Kasachstan. Archaologie im Herzen Asiens, t. II [Catalogue of the exhibition]. / Ed. by Z. Samashev and T. Stoellner. – Bochum, 2013. – S. 595–608.
- 7 Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б. Находка костяного футляра в кургане тасмолинской культуры (Центральный Казахстан) // Тураgetia. – 2016. – Vol. X (XXV), no. 1. – P. 225–236.
- 8 Байтанаев Б.А. Золотые диски могильника Кайтпас // Археология Казахстана: итоги и перспективы: матер. междунар. научн.-практич. конф. (5 декабря 2013 г., г. Алматы). – Алматы: Гылым ордасы, 2013. – С. 88–89.
- 9 Акишев К.А., Акишев А.К. Саки Жетысу: социум и культура // Новости археологии. – Туркестан, 1997. – С. 30–37.
- 10 Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 году) // Известия ИАК. – Петроград, 1916. – Вып. 62. – 94 с.
- 11 Вишнева О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. – М.: Наука, 1973. – 160 с. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. VIII.
- 12 Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – 190 с.
- 13 Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы: ОФ «Берел», 2003. – 336 с.: ил.
- 14 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- 15 Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 187 с.
- 16 Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- 17 Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия АлтГУ. – 2014. – № 4–2 (84). – С. 31–41.
- 18 Таиров А.Д. Южное Зауралье в раннесакское и савроматское время // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: матер. IX Междунар. научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: сб. статей. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 275–279.
- 19 Чугунов К.В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения–2011: матер. междунар. научн. конф. - Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011. - С. 177–182.

**ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 94(574):355.486**

УЧАСТИЕ КАЗАХСТАНЦЕВ В СРАЖЕНИЯХ НА МГИНСКО-СИНЯВИНСКОМ ВЫСТУПЕ

Исеналинов А.Р.

Колледж Казахского Национального Университета Искусств (г. Астана, Казахстан) доктор PhD, преподаватель общественных дисциплин
E-mail: az.icenalinov1@mail.ru

Аннотация. В истории Великой Отечественной войны большое место занимает оборона Ленинграда. Значительную роль в обороне Ленинграда оказали казахстанцы. Одним из районов, где массово проявили свой героизм является Мгинско-Синявинский выступ. В данном районе сражались 310-я стрелковая дивизия, сформированная в Акмолинске и 314-я стрелковая дивизия, сформированная в Петропавловске. Акмолинцы приняли участие в битве за вышеназванный рубеж в сентябре-октябре, и тем самым отвлекая части Вермахта от штурма самого города Ленинграда. Дивизия сформированная в Петропавловске была переброшена из района Свири на Мгинско-Синявинский выступ в сентябре 1942 года и приняла участие в завершающем этапе 3-й Синявинской наступательной операции, которая закончилась неудачно для Красной Армии. Несмотря на высокие потери, дивизия выполнила все задачи, которые были поставлены перед ней высшим командованием Красной Армии. Вклад казахстанцев в оборону Ленинграда и в частности в сражение на Мгинско-Синявинском выступе высоко оценен командованием Красной Армии, получив правительственные награды. Но главное, что было сделано: казахстанцы совместно с другими частями Красной Армии разгромили группу армий «Север», освободив город от блокады.

Ключевые слова: Оборона Ленинграда, участие казахстанцев в обороне Ленинграда, сражение за Мгинско-Синявинский выступ.

ҚАЗАҚСТАНДЫҚТАРДЫҢ МГИНСК-СИНЯВИНСК ЖОТАСЫНДАҒЫ ШАЙҚАСТАРҒА ҚАТЫСУЫ

Исеналинов А.Р.

Қазақ Ұлттық Өнер университетінің колледжі (Астана қ., Қазақстан) PhD докторы, қоғамдық пәндер оқытушысы
E-mail: az.icenalinov1@mail.ru

Аңдатпа. Ұлы Отан соғысы тарихында Ленинградты қорғау үлкен орын алады. Ленинградты қорғауда қазақстандықтар маңызды рөл атқарды. Массіктерін жаппай көрсеткен аудандардың бірі-Мгинско-Синявинский проекциясы. Бұл ауданда Ақмолада құрылған 310-шы атқыштар дивизиясы және Петропавлда құрылған 314-ші атқыштар дивизиясы шайқасты. Ақмолалықтар қыркүйек-қазан айларында жоғарыда аталған шекара үшін шайқасқа қатысып, Вермахттың бөліктерін Ленинград қаласының өзіне шабуыл жасаудан алшақтатты. Петропавлда құрылған Дивизия 1942 жылы қыркүйекте Свири ауданынан Мгинск-Синявинск проекциясына ауыстырылды және Қызыл Армия үшін сәтсіз аяқталған 3-ші Синявинск шабуыл операциясының соңғы кезеңіне қатысты. Жоғары шығындарға қарамастан, дивизия Қызыл Армияның жоғарғы

қолбасшылығы алға қойған барлық міндеттерді орындады. Қазақстандықтардың Ленинградты қорғауға, атап айтқанда, Мгинск-Синявинск шайқасына қосқан үлесін Қызыл Армия қолбасшылығы жоғары бағалап, үкіметтік наградаларға ие болды. Бірақ ең бастысы: қазақстандықтар Қызыл Армияның басқа бөлімдерімен бірлесіп, қаланы блокададан босатып, "Солтүстік" армия тобын талқандады.

Түйін сөз. Ленинградты қорғау, Қазақстандықтардың Ленинградты қорғауға қатысуы, Мгинско-Синявинск түбегі үшін шайқас.

PARTICIPATION OF KAZAKHSTANIS IN THE BATTLES ON THE MGINSKO-SINYAVINSKY SALIENT

Icenalinov A.R.

College of the Kazakh National University of Arts (Astana, Kazakhstan) PhD, teacher of social disciplines

E-mail: az.icenalinov1@mail.ru

Abstract. The defense of Leningrad occupies a great place in the history of the Great Patriotic War. Kazakhstanis played a significant role in the defense of Leningrad. One of the areas where they massively showed their heroism is the Mginско-Sinyavinsky ledge. The 310th Rifle Division formed in Akmolinsk and the 314th Rifle Division formed in Petropavlovsk fought in this area. Akmola residents took part in the battle for the above-mentioned frontier in September-October, and thereby distracting parts of the Wehrmacht from storming the city of Leningrad itself. The division formed in Petropavlovsk was transferred from the Sviri area to the Mginско-Sinyavinsky salient in September 1942 and took part in the final stage of the 3rd Sinyavinsky offensive operation, which ended unsuccessfully for the Red Army. Despite the high losses, the division completed all the tasks that were assigned to it by the high command of the Red Army. The contribution of Kazakhstanis to the defense of Leningrad and in particular to the battle on the Mginско-Sinyavinsky salient was highly appreciated by the command of the Red Army, receiving government awards. But the main thing that was done: the Kazakhstanis, together with other units of the Red Army, defeated the army group "North", freeing the city from the blockade.

Keywords: Defense of Leningrad, participation of Kazakhstanis in the defense of Leningrad, the battle for the Mginско-Sinyavinsky salient.

Введение

Цель данного исследования: показать роль казахстанских подразделений в сражениях на Мгинско-Синявинском выступе.

Задачами исследования являются:

1. Осветить боевые действия 310-й стрелковой дивизии, сформированной в Ақмолинске;
2. Дать характеристику действиям 314-й стрелковой Петропавловской стрелковой дивизии и другим подразделениям, в которых сражались граждане, призванные из Казахской ССР.

Для Ленинграда этот рубеж стал важным так как именно через Синявино проходил кратчайший путь, который соединял город с остальной страны.

Данный район соединил судьбы двух подразделений, сформированных на территории Казахстана: 310-я стрелковая дивизия, сформированная в Ақмолинске и 314-я стрелковая дивизия, сформированная в Петропавловске.

Противник, выйдя к Шлиссельбургу, замкнул кольцо вокруг Ленинграда 9 сентября 1941 года. В этот же день в бой была брошена свежая необстрелянная 310-я стрелковая дивизия.

Для скорейшего освобождения от блокады Ленинграда были брошены свежие подразделения, среди которых находилась 310-я стрелковая дивизия, сформированная в Акмоллинске.

Из формуляра дивизии видно, что времени для обучения не было. Это означало только одно: большие трудности в выполнении задач, которые ставили командиры. Будущее показало, насколько трудно было акмолинцам и как ошибочно бросило советское командование дивизию в бой, не проделав нужной работы. Так, Красная армия училась побеждать врага и такую цену она заплатила за Победу [1, с.291].

310-й акмолинской стрелковой дивизии пришлось наступать в неблагоприятных условиях. Местность синявинских болот и высот не располагают не только к атаке, но и к обороне. Передний край обороны 54-й Отдельной Армии Ленинградского фронта в Южном Приладожье большей частью заболочен. С юга на север протекают две небольшие речки – Назия и Черная, имевшие большое значение. Вдоль деревень Гонтовая Липка, Гайтолово, Тортолово располагаются несколько высот, а именно: Огурец, Яйцо (Воронка), Безымянная, 43,5, Колесики, «С танком» - и две рощи по краям вышеупомянутого района: на севере роща Круглая, на юге роща Клещ. Местность имеет болотистый характер. Более или менее удобным местом для возможных атак являются три дороги. Железнодорожная насыпь на юге около деревни Тортолово, севернее – грунтовая дорога вдоль линии высоковольтной передачи, еще севернее – грунтовая дорога, проходящая через рощу «Круглая», которая подходит к самим Синявинским высотам с юго-восточной стороны. Между этих трех дорог находятся болотные топи, через которые атаковать нет смысла, так как темп сразу будет падать. Хороший обзор открывается войскам, которые занимали позиции на Синявинских высотах, так как превосходство над окружающей местностью составляет примерно 15 метров [2, с.9].

Только что подтянутая из резерва 310-я акмолинская стрелковая дивизия полковника Замировского Н.М. была включена в состав формируемой 54-й армии и брошена на прорыв замкнутого кольца блокады. Внешний деблокадный удар дивизии был нацелен на самую узкую полосу кольца. Исходный рубеж для наступления проходил по деревням Тортолово, Гайтолово, Гонтовая Липка. Эти деревеньки стояли на пологих высотах и выделялись среди обширных Синявинских болот, все дороги проходили через них. Это и определило выбор направления деблокадного удара и судьбу этих деревень. Они стали впоследствии известны всей стране. Немцы назвали все сражения близ этих деревень «Синявинским Верденом».

9 сентября 310-я акмолинская стрелковая дивизия с марша пошла в наступление. Левый фланг дивизии прикрывала 286-я стрелковая дивизия полковника Фетисова Ф.К., правый фланг – 128-я стрелковая дивизия полковника Сергеева И.Г. Две дивизии были ослаблены предшествующими боями и серьезную мощь в помощи 310-й стрелковой дивизии оказать не могли.

За первые два дня наступления 310-я акмолинская стрелковая дивизия вклинилась в оборону противника на 6 км. 1080-й стрелковый полк, наступавший вдоль путиловского тракта, сбил боевое охранение немцев у деревни Апраксин Городок. Взяв деревню Гонтовая Липка, к концу второго дня полк подошел к восточной окраине рабочего поселка № 7, но в темноте попал в огневую засаду и понес большие потери. Пришлось отойти на восточный берег реки Черной.

1082-й стрелковый полк, наступая вдоль высоковольтной линии электропередачи, достиг озера Синявинское, но фланговыми ударами немцев был отрезан от основных сил дивизии и с серьезными потерями вышел из окружения тоже на восточный берег реки Черной.

1084-й стрелковый полк, наступая на д. Мишкино, разгромил два батальона противника, но, увлекшись атакой, также «забыл» о прикрытии флангов и оказался в окружении. С большими потерями сумел пробиться к основным силам дивизии.

Подразделения 310-й стрелковой дивизии понесли большие потери, которые повлияли на ее боеспособность. Сил для прорыва блокады после первых дней боев уже не хватало. Это, несмотря на то, что в состав дивизии были включены части малочисленных полков фланговых 286-й и 128-й стрелковых дивизий.

1-я Синявинская наступательная операция по прорыву блокады Ленинграда завершилась неудачно. В боях по прорыву блокады города, подразделения 310-й стрелковой дивизии понесли большие потери. Только за период боев с 8 по 26 сентября 1941 года 1084-й и 1080-й стрелковые полки 310-й акмолинской стрелковой дивизии потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 4725 человек. На следующий день эти потери составили 583 человека.

Но, несмотря на большие потери, командование Красной Армии добилось того, что немецко-фашистское командование начало спешно перебрасывать части, которые участвовали в штурме Ленинграда. Заметим, что активность 54-й Отдельной Армии вызвало беспокойство командующего немецкой группы армии «Север» фельдмаршала Лееба.

Однако несмотря на провал 1-й Синявинской наступательной операции, командование Красной Армии не оставляло попытки деблокады Ленинграда. Быстрота подготовки 2-й наступательной операции объяснялось тем, что немецкое командование на Мгинско-Синявинском выступе в сентябре-октябре 1941 года не создало прочную оборону и не успело перебросить крупные подразделения.

Для 2-й попытки освобождения Ленинграда от блокады командование 54-й армии создало ударную группировку под командованием генерал-лейтенанта Антонюка. На острие удара должна была наступать пополненная 310-я акмолинская стрелковая дивизия [1, с.23].

Вторая Синявинская операция стала логическим продолжением первой. Наступление, проводившееся в октябре 1941 года ставило прежние цели, а именно, разгром противника на мгинско-синявинском выступе и прорыв блокады с суши.

20 – 28-го октября войска 54-й и 55-й армии и Невской оперативной группы Ленинградского фронта предприняли наступление с востока и запада по сходящимся направлениям на Синявино с целью уничтожить шлиссельбургско-синявинскую группировку противника и тем самым деблокировать Ленинград с суши. Синявинская операция началась в момент развернувшегося наступления немецко-фашистских войск под Тихвином и была прекращена в связи с обострившейся обстановкой на этом направлении [3, с.652].

Выполняя указания Ставки, командование Ленинградским фронтом решил начать вторую Синявинскую наступательную операцию 20 октября 1941 года. 54-я армия должна была силами 3-й и 4-й гвардейских и 310-й акмолинской стрелковых дивизий, 16-й и 122-й танковых бригад при поддержке двух корпусных артиллерийских полков, двух дивизионов реактивной артиллерии и всей авиации прорвать оборону гитлеровских войск в районе Тортолово и, нанося удар на Синявино, во взаимодействии с войсками оперативной группы восточного сектора обороны фронта и Невской оперативной группы окружить и уничтожить шлиссельбургскую группировку врага.

В самый разгар подготовки операции, 16 октября, противник перешел в наступление на Тихвинском направлении. Главный удар он нанес силами 39-го механизированного корпуса и четырьмя дивизиями 1-го армейского корпуса. Имея значительное превосходство в людях, танках и артиллерии, противник сразу же добился заметного успеха. 20 октября оборона 52-й армии оказалась прорванной. 23 октября враг захватил Будогощь и вышел в тыл 4-й армии. Нависла реальная угроза не только над г. Тихвином, но и над коммуникациями Ленинградского фронта. И в таких невыгодных условиях 20 октября началась 2-я Синявинская наступательная операция Ленинградского фронта.

На острие наступления снова была задействована 310-я акмолинская стрелковая дивизия, она и действовала довольно успешно. Во втором эшелоне наступала 4-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А.И. Андреева, которая должна была развить успешно начатое наступление 310-й дивизии. 286-я и 294-я стрелковые дивизии обеспечивали наиболее опасный левый фланг наступающей дивизии. Правый фланг прикрывала 128-я стрелковая дивизия полковника Л.Г. Сергеева, 3-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П.А. Гагена была в резерве.

Успех наступления был значительным и прорыв блокады ожидался со дня на день. Однако наступление немецко-фашистских войск под Тихвином, осложнило положение Красной Армии. Это обстоятельство не позволило развить успешное начатое наступление частей 54-й Отдельной Армии. Для парирования удара противника под Тихвином, были выделены наступавшие на Мгинско-Синявинском выступе 310-й стрелковой и 4-й гвардейской стрелковые дивизии и 881-й стрелковый полк. Таким образом, Синявинская группировка была сильно ослаблена.

Сдав отбитые у врага рубежи 3-й гвардейской стрелковой дивизии, 310-я акмолинская и 4-я гвардейские стрелковые дивизии ускоренным марш-броском спешили к Волховстрою на перехват прорвавшейся армейской группировки противника.

Успешно начавшаяся 2-я синявинская наступательная операция, проводимая силами 310-й акмолинской стрелковой дивизии и других подразделений, закончилась, не получив логического завершения – прорывом блокады. Но пополненной маршевыми ротами, дивизия по решению командования Ленинградского фронта получила еще более важную задачу – в составе 4-й отдельной армии остановить успешное продвижение немецко-фашистских войск, наступавших на Тихвинском направлении.

310-я акмолинская стрелковая дивизия была маршем переброшена в район Тихвина, где, по сути, прекратила свое существование, ввиду ее полного уничтожения.

В то время, когда 310-я акмолинская стрелковая дивизия нанесла удар на линии Гонтовая Липка – Гайтолово – Тортолово, войска Ленинградского фронта пытались прорвать оборону противника со стороны Невы. Так, в начале сентября передовые части 115-й стрелковой дивизии генерал-майора Конькова захватили в районе Московской Дубровки крохотный плацдарм, вошедший в историю Великой Отечественной войны «Невский пяточок», который вначале достигал 4-х км по фронту и 2-х в глубину. Но, в конце концов, немецко-фашистские войска локализовали прорыв и сократили плацдарм до 2 км в ширину и 500-700 метров в глубину. В обороне Невского пяточка приняли участие созданная в 1941 году Невская Оперативная группа, в которую в разные времена входили 86-я, 115-я, 265-я, 168-я, 177-я стрелковые дивизии и 20-я дивизия НКВД. В резерве на правом берегу Невы находились 10-я стрелковая дивизия, 11-я и 4-я морская стрелковые бригады и 123-я краснознаменная тяжёлая танковая бригада. В большинстве из этих подразделений, а именно, в 10-й, 13-й, 46-й, 70-й, 85-й, 86-й, 115-й, 120-й, 168-й, 177-й, 268-й стрелковых дивизий, 45-й гвардейской стрелковой дивизии, 20-й стрелковой дивизии НКВД, 11-й Отдельной стрелковой, 123-й и 220-й отдельных танковых бригад и ряда других частей, доблестно сражались и уроженцы Казахской ССР. Всего, в рядах вышеназванных подразделений погибло 666 человек призванных из Казахстана. Имена упомянутого числа погибших казахстанцев известны, благодаря директору музея «Невского пяточка». Погибшие казахстанцы входят в тот печальный список погибших защитников крохотного, но важного плацдарма на левом берегу Невы. Численность погибших по самым скромным подсчетам составляют около 50 – 100 тысяч человек [4].

История боев 314-й петропавловской стрелковой дивизии менее трагична, чем судьба 310-й акмолинской.

В состав 314-й стрелковой дивизии входили: 1074-й, 1076-й, 1078-е стрелковые полки, 858-й артиллерийский полк, 598-й отдельный саперный батальон, 374-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион, 763-й отдельный батальон связи, 243-й отдельный медико-санитарный батальон, 204-я отдельная разведывательная рота и другие подразделения.

Личный состав дивизии был сформирован из жителей Омской, Кустанайской, Акмолинской, Кокчетавской, Павлодарской и всех сел и аулов Северо-Казахстанской области. Партийные организации Северного Казахстана направили в части своего соединения 1800 коммунистов и комсомольцев. Среди прибывших на сборные пункты было много добровольцев.

Большинство призванных в разное время проходили военную службу в рядах армии, на краткосрочных сборах, а часть из них уже имела и боевой опыт. Более 500 человек участвовало в первой мировой и гражданской войнах, 64 воевали у озера Хасан или на реке Халкин-Гол, 79 сражались в 1939 – 1940 году с белофиннами. Лишь немногие не имели армейского опыта, не держали еще оружия в руках [5, с.12].

По приказу командования дивизия передислоцировалась в район Тихвина. Вместе с тремя другими казахстанскими дивизиями 310, 312, 316-й она входила в состав 52-й армии, составлявшей второй эшелон войск Северо-Западного фронта по реке Волхов. Однако обстановка заставила 312 и 316 дивизии перебросить под Москву, 310-я была отправлена в район Шлиссельбурга. А на долю 314-й дивизии выпало принять боевое крещение на Свири.

До середины июля 1942 года дивизия держала жесткую оборону на прежних рубежах. В начале лета войны 314-й с большой радостью встречали делегацию трудящихся Северо-Казахстанской области [6, с.67].

С середины июля до середины сентября 314-я стрелковая дивизия находилась в резерве 7-й Отдельной армии. Ее войны осваивали опыт боев, готовились к новым схваткам. Это опыт пригодился в наступательной операции на Синявино, где вновь пришлось действовать в тяжелых условиях против одной из самых сильных армий мира – германской военной машины.

Не вдаваясь в подробности 3-й Синявинской наступательной операции, можно сказать, что начавшись успешно для Красной Армии, в конце она стала превращаться в катастрофу. Согласно дневнику начальника генерального штаба Вермахта генерал-полковника Франца Гальдера, немецкое командование удалось раскрыть район удара войск Ленинградского и Волховского фронта и догадывалось о времени наступления. Потому, наступление было уже под угрозой осуществления. [16.684] События это и подтвердили. Если 27 августа части 8-й армии прорвали оборону и продвинулись на 10 км вглубь немецкой обороны, то уже через месяц, в конце сентября части 8-й и 2-й ударной армий, при поддержке 4-го гвардейского стрелкового корпуса, были блокированы западнее рубежа Гонтовая Липка – Гайтолово – речка Черная. Подразделения немецкой 11-й армии фельдмаршала Манштейна наносили по блокированным войскам Волховского фронта бомбовые и артиллерийские удары.

В таких невыгодных условиях пришлось наносить деблокирующий удар войскам 314-й стрелковой дивизии. Получив приказ в начале сентября, части дивизии на своих руках перенесли все имущество к месту боев, пройдя по бездорожью более 300 км. Североказахстанцы вступили в бой без разведки, в тот момент, когда Манштейн укрепил кольцо окружения. Батальоны и полки отступающих дивизий и бригад Красной Армии, погибали полным составом. Несмотря на активность немцев, казахстанцы нанесли удар совместно с частями 73-й отдельной морской стрелковой бригадой. Удар был настолько мощным, что смял противостоящие немецкие части у Гайтолово и образовался на короткое время коридор, через который вышли из окружения 1500 человек разных дивизий и бригад. Но вывод из окружения стоил казахстанцам очень дорого. За 3 дня боев дивизия потеряла более двух тысяч человек, то есть $\frac{1}{4}$ личного состава. И поныне останки павших находятся в квадрате «3400 а». Именно через заболоченные места,

вышеупомянутого квадрата, части 314-й дивизии нанесли главный удар. Несмотря на потери, подразделения североказахстанцев заняли твердую оборону восточнее деревни Гайтолово [7, с.37]. К слову стоит заметить, что удар североказахстанской дивизии обескровил 132-ю немецкую пехотную дивизию, которая весь октябрь только делала, что восстанавливала свои силы. По замечанию самих солдат этой дивизии, сколько-нибудь серьезных задач она отныне не могла выполнять. Это притом, что именно, 132-я дивизия, вместе с другими частями 11-й немецкой армии, уничтожала советские войска в Крыму и имела солидный опыт [7, с.233]. Но, несмотря на это, петропавловцы нанесли такие потери, что в будущем сказались на боеспособности вышеназванного подразделения.

Начало 1943 года ознаменовался переломом в Великой Отечественной войне. Так, 12 января началось сражение по прорыву блокады Ленинграда в самом узком участке фронта – Мгинско-Синявинском выступе. Наступление на данном рубеже вошло в историю как операция «Искра». В данном сражении принимала участие 314-я стрелковая дивизия, входившая в состав 2-й ударной армии. Североказахстанская дивизия обеспечивала левый фланг наступления, ведя ожесточенные бои на рубеже Гонтовая Липка – Роща «Круглая» - Гайтолово.

Дивизия наступала во втором эшелоне 2-й ударной армии, обеспечивая глубину прорыва. Основная борьба казахстанцев происходила за рощу «Круглую», которую противник превратил в серьезный узел обороны. В то время, когда основные силы армии выполняли задачу по деблокаде, в роще «Круглой» происходили жестокие бои. Ожесточенность сражения за вышеназванный лесной массив была такой, что противоборствующие силы порой решали исход атак рукопашным боем. Всего с 12 января по 1 марта 1943 года дивизия потеряла убитыми и ранеными 2544 человека. Несмотря на то, что североказахстанцы имели минимальное продвижение вперед, задача поставленная командованием была выполнена – противник не смог перебросить против основных сил Красной Армии, наступавших севернее в направлении Рабочих поселков №1 и №5, подразделение, что способствовало успешному прорыву блокады Ленинграда. Однако по замечанию командира поискового отряда «Мемориальная зона» М. К. Кусаинова, невозможно понять, какая часть рощи «Круглая» была занята североказахстанцами [8, с.89] Накал боев был настолько велик и тяжел, что рощу не смогли взять подразделения трех стрелковых дивизий: 11-я, 314-я и 372-я. Положение немцев в этом районе определили дальнейшие действия.

За бои в районе рощи «Круглая» часть казахстанцев были отмечены правительственными наградами. Среди них выделяется уроженец Краснокутского (ныне Актогайский) района Павлодарской области Кайсак Аленов, который получил высокую награду – орден Боевого Красного Знамени, за успешную корректировку огня батареи 76-ти миллиметровых пушек [55.78]

После успешно проведенной операции «Искра», немецко-фашистское командование планировало восстановить ранее утраченные рубежи. Потому, в мае было проведено наступление силами 212-й, а по другим данным 3-й и 61-й пехотными дивизиями. Удар пришелся по фронту, который был занят в районе рощи «Круглая» подразделениями 314-й стрелковой дивизии. Противник сосредоточил на линии прорыва серьезные артиллерийские части – 35 батарей и обрушил шквал огня. За полтора часа по двухкилометровому фронту, занимаемому североказахстанцами, было выпущено 18 тысяч снарядов и было произведено десятки залпов шестиствольных минометов «Небельвефер». Несмотря на мощный огонь, казахстанцы выстояли. После этого, противник перешел в наступление. Все атаки были успешно отбиты. При этом наступавшие немецко-фашистские войска понесли значительные потери, которые оцениваются в две тысячи человек убитыми, ранеными и попавшими в плен. Неудавшееся наступление вынудило противника перейти к обороне, а частям 314-й стрелковой дивизии совершенствовать занятые рубежи и беспокоить немецко-фашистские войска частыми вылазками разведгрупп. На занятых рубежах, североказахстанская дивизия продержалась до осени 1943 года, когда она была

выведена в резерв и переброшена на Ораниенбаумский плацдарм в составе 2-й ударной армии. Все задачи, которые были поставлены перед частями дивизии, бойцы и командиры выполнили с честью, разгромив противостоящие немецко-фашистские силы [1, с.54]

Из вышеназванного следует сделать следующие выводы:

1. Подразделения 310-й стрелковой дивизии приняли участие в первых боях на Мгинско-Синявинском выступе, в ходе которых дивизия понесла большие потери. Вероятность прорыва блокады был существенным, но командование Красной Армии допустило существенные ошибки, в ходе которых акмолинцы не смогли прорвать слабую оборону противника.

2. 314-я стрелковая дивизия, сформированная в Петропавловске после года сражения с финской армией между Ладожским и Онежской озерами, по приказу командования Красной Армии было переброшено в сентябре 1942 года на Мгинско-Синявинский выступ, где приняло участие в тяжелых боях 3-й Синявинской наступательной операции, в ходе которого североказахстанская дивизия понесла тяжелые потери.

3. В составе других подразделений, участвовавших в прорыве блокады на Мгинско-Синявинском выступе, в районе так называемого Невского Пятачка, приняли участие казахстанцы, которые погибли, защищая рубеж на Неве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Кусаинов, М. К. Тайна Синявинских болот и высот. – Астана, 2006. – 328 с.
- 2 Синявино, осенние бои 1941 – 1942 годов: сборник воспоминаний участников синявинских сражений. – Санкт-Петербург: Политехника, 2008. – 503 с.
- 3 Великая Отечественная война 1941 – 1942, энциклопедия /«Советская Энциклопедия» – Москва, 1985. –862 с.
- 4 Ахметова Л. Ленинград – Казахстан. [Электронный ресурс] /Лайла Ахметова. – Режим доступа: <https://zonakz.net/articles/54249>
- 5 Хазыров Б. М. Они защищали Ленинград. – Павлодар, 1990. – 150 с.
- 6 Король И., Егошин П. От Свири до Эльбы. Алма-Ата: Казахстан, 1978. – 150 с.
- 7 Хассо Г. Стахов. Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда. – Москва, 2008. – 382 с.
- 8 Кусаинов М.К. Мемориальная зона «Надежда». Путеводитель, исторический формуляр, справочник. Астана: Сарыарка, 2006. – 256 с.

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 96

CHINA'S GEOPOLITICAL INTERESTS IN THE SOUTH-EAST ASIA

Kasenova B.B.^{1*}, Keldibayeva D.R.²

¹Eurasian National University named after L.N. Gumilyov (Astana, Kazakhstan), Master of Political Science, Senior Lecturer of the Department of Regional Studies

E-mail: kasenovab@inbox.ru

Corresponding authors*

²Eurasian National University named after L.N. Gumilyov (Astana, Kazakhstan), 4th year student

E-mail: kr_dana@mail.ru

Abstract. The given article analyzes main geopolitical goals of the People's Republic of China in South-East Asian region. Exploring historical evolution of China's relations with countries of this area, presented work gave a full image of geoeconomic interests which include trade, financial, FDI, transportation and communication matters. Great attention was paid to the importance of certain states and their strategic position. Worth to note that the role of South-China Sea is also considered in article as it composes a big set of China's maritime interests. Examining methods and ways of implementation of the particular interests. given work defines the state's current position towards territorial disputes in this region.

Keywords: China, South-East Asia, ASEAN, free trade area, South-China sea, territorial dispute, integration, resources, geopolitics, geopolitical interests.

ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС АЗИЯДАҒЫ ҚЫТАЙДЫҢ ГЕОСАЯСИ МҮДДЕЛЕРІ

Касенова Б.Б.^{1*}, Келдібаева Д.Р.²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті (Астана қ-сы, Қазақстан), Саясаттану магистрі, Аймақтану кафедрасының аға оқытушысы

E-mail: kasenovab@inbox.ru

Автор корреспондент*

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті (Астана қ-сы, Қазақстан), 4 курс студенті

E-mail: kr_dana@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақала Оңтүстік-Шығыс Азия өңіріндегі Қытай Халық Республикасының негізгі геосаяси мақсаттарын талдайды. Қытайдың осы аймақ елдерімен қарым-қатынастарының тарихи эволюциясын қарастыра отырып, берілген зерттеу жұмысы геэкономикалық, яғни сауда, қаржы, тікелей шетел инвестициялары, көлік және коммуникация мәселелерін қамтиды. Стратегиялық маңыздылығы бар мемлекеттерге және олардың қазіргі таңдағы ұстанымдарына үлкен назар аударылды. Қытайдың теңіз және мұхит аймақтарындағы мүдделерінің жиынтығын құрайтындықтан, Оңтүстік Қытай теңізінің рөлі де мақалада қарастырылды. Айрықша мүдделерді іске асыру әдістерін зерделеу көмегімен, қазіргі кездегі бұл мемлекеттің аумақтық дауларға қатысты ұстанымы анықталды.

Түйін сөздер: Қытай, Оңтүстік-Шығыс Азия, АСЕАН, еркін сауда аймағы, Оңтүстік Қытай теңізі, аумақтық дау, интеграция, ресурстар, геосаясат, геосаяси мүдделер.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Касенова Б.Б.^{1*}, Келдибаева Д.Р.²

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева (г. Астана, Казахстан), магистр политологии, старший преподаватель кафедры Регионоведения

E-mail: kasenovab@inbox.ru

Автор корреспонденции*

²Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева (г. Астана, Казахстан), студент 4 курса

E-mail: kr_dana@mail.ru

Аннотация. В этой статье анализируются основные геополитические цели Китайской Народной Республики в регионе Юго-Восточной Азии. Изучая историческую эволюцию отношений Китая со странами данного региона, представленная работа дает полный образ геэкономических интересов, которые включают вопросы торговли, финансов, ПИИ, транспорта и связи. Большое внимание было уделено важности определенных государств и их стратегического положения. Стоит отметить, что роль Южно-Китайского моря также рассматривается в статье, ибо она составляет набор морских интересов Китая в этом регионе. Исследуя методы и способы реализации конкретных интересов, данная работа определяет позицию страны касательно территориальных споров.

Ключевые слова: Китай, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, зона свободной торговли, Южно-Китайское море, территориальный конфликт, интеграция, ресурсы, геополитика, геополитические интересы.

Introduction

At the beginning of the XIX century, China became one of the most influential geopolitical actors in modern international relations. This was due to the emphasis on the economy and on building economic potential in its foreign policy, which by the way China has made since 1970s. This was a reason for the PRC 's status of the main player in international arena, without participation of which the solution of some international issues would be not only difficult, but even impossible.

Prior to the beginning of global financial and economic crisis in autumn 2008, the scale of China's GDP growth averaged up to 9% per year. After the onset of crisis, pace of progressive economic potential has somewhat decreased. Despite this, China continues to increase its scientific-technical, industrial, financial and military power. Thus, at present days China is on the first place in the world in terms of gold and currency reserves and the largest holder of American securities (i.e. certificate attesting credit, the ownership of stocks or bonds, or the right to ownership connected with tradable derivatives).

These aforementioned economic factors allow to actively implement a large-scale geopolitical project aimed at enhancing China's geopolitical influence in international affairs. Officially, the conceptual point of such global geopolitical program of the Beijing was made in the report of Central Committee of the CPC (中国共产党中央委员会), delivered at the XVII Congress of the Communist Party of China (CPC), which was held in October 2007. In the above-mentioned CPC program document, the fundamental idea was set as the main priority of state construction on the international arena. This document, corresponding to the political and economic interests of Beijing, foresees the creation of so-called "harmonious world" [1].

Before reviewing Beijing's main geopolitical concerns, we should know that it is particularly interested in preventing the establishment of American world domination. For this reason the current

leadership of the CPC considers that for China the creation of new world order based on principles of multipolarity is geopolitically beneficial. According to them, such world order would not allow the one-sided advantage in international affairs for a single power. Interesting to note that ASEAN nations adhere a similar view on world politics, advocating for the polycentrism in international relations system and mutual respect between all states. At the same time, Chinese ruling circles have also embarked on the course of further integrating the country into the world economy, thus maximizing the benefits of globalization processes in order to provide the Chinese people with favorable opportunities for achieving economic prosperity [2].

So, for example, during his visit to Thailand in November 1988, Prime Minister Li Peng formulated four principles on relations between China and the countries of Southeast Asia:

- 1) strictly follow the five principles of peaceful coexistence;
- 2) advocate the principle of confrontation with hegemonism;
- 3) in economic relations, uphold the principles of equality and mutual benefit;
- 4) in international affairs, follow the principles of independence and self-reliance, close cooperation, mutual respect and support [3].

Initially, China's rapid economic growth triggered fears in this area, that neighbors would be "suppressed" and China "will pull back" on itself capital investments from Southeast Asia. China's growing economic influence and desire to "seize" ASEAN also worried other external powers like Japan, pushing them to confront Beijing. However, in recent years, China has partially managed to dispel such concerns, as its economic growth is a source of wide opportunities for other states. For Southeast Asian states particularly, such opportunity will contribute to a significant increase in exports. Additionally China manages to convince these developing countries that its economic rise is a boon to them and, as a result, increases the degree of interdependence between them, then the degree of realization of China's interests will increase too. Therefore approach that China has taken in Southeast Asia during the last decade is characterized primarily by attempts to find a solution to regional conflicts, willingness to participate in activities of organizations and in multilateral dialogue, and, in general, supporting ideas of good-neighborliness and mutual benefit.

China was the first country to propose the establishment of free trade area in the region with members of ASEAN (Association of Southeast Asian Nations), and formally joined the Treaty of Amity and Cooperation. Consequently, although not completely, China obviously achieved success in transforming its image from communist country, which had followed strong desire to world expansion by restraining other states, to peaceful one, preferring cooperation and mutual respect.

Speaking of geopolitical interests, we should take into account that more than half of them are directly related to the economic needs of the country. Chinese economy is also increasingly dependent on imports of raw materials from Southeast Asian states, whose supply is also a matter of national security. Therefore, not only ASEAN members are interested in China as a trading partner, but it is also extremely important for China to find a common language with states of this region. Hence the so-called Chinese "penetration" in Southeast Asia is mainly focused on the development of cooperation and economic benefit. Although the statistical data of various sources are changing, China today is the largest trading partner of ASEAN (Table 1), whereas ASEAN is the third among China's main trading partners – after EU and US.

Table 1
Top ten ASEAN trade partner countries/regions, 2015

Trade partner country/region	Value (US \$million)			% Share to total ASEAN trade		
	Exports	Imports	Total trade	Exports	Imports	Total trade

ASEAN	305,693	238,059	543,751	25.9	21.9	24.0
China (People's Republic of)	134,249	211,515	345,764	11.4	19.4	15.2
Japan	113,694	124,350	238,044	9.6	11.4	10.5
EU (28)	127,584	100,056	227,640	10.8	9.2	10.0
United States	129,171	83,172	212,343	10.9	7.6	9.4
Republic of Korea	45,809	76,676	122,484	3.9	7.0	5.4
Taiwan	33,077	61,261	94,338	2.8	5.6	4.2
Hong Kong	77,303	14,113	91,416	6.5	1.3	4.0
India	39,101	19,453	58,554	3.3	1.8	2.6
Germany	26,756	28,755	55,512	2.3	2.6	2.4
Total top 10 trade partner countries	1,032,436	957,411	1,989,847	87.3	88.0	87.6
Others	149,595	130,868	280,463	12.7	12.0	12.4
Total	1,182,031	1,088,279	2,270,310	100.0	100.0	100.0

Source: ASEAN External Trade Statistics

<http://asean.org>

For instance, the trade turnover between two sides, in general increased from \$8 billion in 1981 to \$380 billion dollars in 2014. It means also that the PRC is a leading country for Southeast Asian states, in terms of export markets and import origins (134 and 211 US million dollars relatively) [4]. Furthermore, China aims to elevate bilateral trade with ASEAN members to \$1 trillion dollars by 2020. However, the fact that countries of this region receive a huge economic benefit through such cooperation does not mean that they are completely dependent on China. While wealthier ASEAN countries (as Singapore or Brunei) have different external trading partners and as a result a less dependence on Chinese market, poorer ASEAN countries (Laos, Cambodia, Burma/Myanmar and especially Vietnam) depend heavily on China, particularly as a source of imports today. Worth to note that over the past decade, Vietnam and Malaysia were the main contributors to expansion of the ASEAN-China trade. Also in 2013, when almost every ASEAN nation deteriorated its trade balance with China, Malaysia and Thailand were only two countries that ran a goods trade surplus with the PRC [5]. The main source of trade between two sides is manufactured goods, specifically machinery and electronics.

Another situation is in the sector of foreign direct investment (FDI). Although it has been growing rapidly, China is still marginal to ASEAN's general FDI receipts. In accordance with data from China's Ministry of Commerce, country contributed around 2.3% of ASEAN's total FDI inflows in 2013. Even taking into consideration the probability that Ministry of Commerce may be underestimating actual flows (by not including the investment from Hong Kong), the fact remains China is not yet a major investor in ASEAN (Table 2). From official statistics it can be seen that Singapore is China's major FDI partner in ASEAN, making substantial direct investments into China (\$7.2 billion in 2013) and also receiving a huge share of Chinese FDI in return [6, p.43].

Table 2
Major investment fields of China in ASEAN countries

Country	Major investment sectors
Burma	Electricity, oil and gas, mining
Indonesia	Coal, oil and gas, steel
Laos	Commerce, housing, tourism
Singapore	Energy, transportation, shipping, real estate, finance
Thailand	Manufacturing, energy
Vietnam	Textile, real estate

Source: Deloitte Research
<https://www2.deloitte.com>

In 2007, China and ASEAN countries signed an Agreement on Trade in Services within the framework of free trade zone. This is a legal document regulating mutual access to services market and solving issues in this area [7]. The document considers the rights and obligations of both parties in trade of services. It also contains a list of first group of goods, the fees for which will be reduced after mutual opening of the services market. According to the agreement and other analogical documents that were signed in the framework of PRC-ASEAN Free Trade Area, Southeast Asian countries will allow Chinese enterprises to create joint ventures with 100% capital and companies with a large shareholding in their territory [8-9]. On this basis, author can assert that the next Chinese geoeconomic interest is related with the opening of financial, telecommunication, construction and also tourist markets in this region.

The presence of common market for goods and services with the nations of this region provides China with:

1. access to the regional market for investment capital and borrowed funds;
2. access to foreign markets;
3. the experience of these countries in the implementation of European general-accepted standards of work in financial and investment sectors. All this will give China's investment portfolio an additional attractiveness for foreign investors.

To a great extent, the Free Trade Area (FTA), which was fully established in 2010, contributed to the expansion of trade and economic cooperation between China and the countries of the Association [10]. Experts believe that ASEAN-China Free Trade Area will surpass NAFTA's free trade zone in terms of gross import and export, and in 2020 it will outpace the EU's free trade area by total GDP. At the same time, the aforementioned three blocks will become main economic pillars of the world, and ASEAN-China Free Trade Zone will become the largest association of developing countries.

Although it should be marked that from an economic point of view, the establishment of FTA is more in line with the interests of Southeast Asia than China. First of all, it opens up a huge Chinese market for the goods of these countries. Secondly, the Chinese government guarantees to its private investors the return of capital, which was invested in these countries in the case of any force majeure circumstances. Thus, part of the direct foreign investment (FDI) can indirectly move to ASEAN countries, which will also contribute to their economic stability in the case of western capital's escape. The Chinese market is immeasurably larger than the combined market of all ASEAN states. So why China, with its colossal economic potential, is still offering ASEAN such favorable conditions? All this shows us that the leadership of PRC pursues other goals, primarily political, for achieving of which it is ready to sacrifice economic benefits.

Last but not least, China's other considerable geopolitical interests relate to establishing links in this area in order to gain access to seas and ocean; implement its projects in order to strengthen communication and transportation matters. This in turn contributes to Chinese expansion in almost all areas of cooperation and the spread of its influence, thereby making Southeast Asian countries, particularly the Mekong countries (Myanmar, Laos, Thailand, Cambodia and Vietnam), vulnerable and more dependent on China.

The Southeast Asian nations control the most important straits in southern seas, so China needs to maintain friendly relations with such an influential organization as ASEAN. It is even extremely important for China when it comes to implementation of the Belt and Road Initiative, which will expand the opening-up policy from coastal areas to inland, covering land and sea. This is why Beijing tried to enlist the support of two key strategic sea countries of Southeast Asia - Indonesia and the Philippines.

One clear example is a Strategic Partnership Agreement with Indonesia which was signed in April 2005 [11]. Thereafter loans for infrastructure projects worth \$300 million and more than \$10 billion were invested in the country's private sector. Later in September 2006, China announced the provision of assistance "package" worth \$2 billion in annual loans to the Philippines until 2010, which exceeds \$200 million from the World Bank and the Asian Development Bank.

Apart from strategically important straits, control over Southeast Asian countries is also necessary for China because of access to the Indian Ocean. As it will radically change its military and strategic capabilities and will strengthen claims for world leadership. Today, China has already made numerous successful attempts to achieve this goal. In Myanmar, for example, on the Arakan coast, the Chinese actually bought a port and gas field, to which the network of roads, gas and oil pipelines have been connected from the Yunnan (province in the far southwest) border.

Likewise on the coast of Andaman Sea, the PetroChina campaign has been actively building an oil terminal, since October 2009. At the first stage of project it will annually get 12 million tons of oil from the Middle East to China. The oil will be supplied to the pipeline by tankers, which provide China with another way of delivering oil, besides the Strait of Malacca [12]. Success in the implementation and expansion of this project threatens not only to cut Myanmar's territory in half with Chinese communications, but will also allow Beijing to firmly stand in the Andaman Sea and Indian Ocean.

Beside this, closer integration into ASEAN structures will allow China to achieve real agreements in the field of transportation tariffs. This becomes a basis for the creation of Indochinese transit transport route between Pacific coast of the American continent and the Middle East, African countries. Hence, Beijing is aware of the need for deepening interconnection in Southeast Asia and expanding road, rail, air and water communications between Southeast Asia and China, which could provide an even greater link between them. In this context, Beijing proposed initiative to establish the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), which provides financial assistance in implementing major regional infrastructure projects [13]. This step seems to be farsighted, since it can bring double benefit for China: first, to further improve the image of the PRC as a reliable creditor and donor of Southeast Asia, and secondly, promote the development of communication that will stimulate the further growth of trade, investment and tourist exchanges.

Finally, author would also like to note some geographical significance of this area for China and its complementary expansion results. The Southeast Asia, directly adjoining to Chinese borders, serves as a continuation of south and southwestern China. The actual line, where China ends and Southeast Asian territory begins, is very unclear. Since it mainly passes through the sparsely populated areas. Worth to note, these areas are well known not only by huge flow of legitimate and illicit trade crossing this border, but also by easily spreading ideas of China as a prosperous and attractive state. There, local traders generally implement their trading operations in yuan (China's official currency, 元), not in dollars or in national currencies of Southeast Asian countries. They also save money in yuan, thereby expanding circulation area of this currency. In the northern areas of Myanmar, beside calculations in Chinese yuan, there are also mobile communication, schools, newspapers and even signboards in Chinese. Burmese themselves admit that the northern part of their country is actually already occupied by Chinese business. This kind of informal influence has reached such level that China can now intervene in the political issues of these regions. To illustrate, the recent attempts of Myanmar authorities to bring order along the border with China were accepted by local population as an invading efforts. Thus they appealed for China's assistance in their complex relations with central authorities. As a response, China sent its high-ranking officials to Myanmar to protect the interests of the mountain people.

It is also reasonable to note East Timor, located in the eastern part of the Indonesian archipelago. This country is not a member of ASEAN, but is a part of Southeast Asia and also strategically important

state for China. East Timor is the second poorest country in Asia (after Afghanistan). The state's infrastructure is in a complete decline, and a third of GDP falls on agriculture. Therefore, by help in the form of investment and loan, China becomes the largest economic partner of this country. Chinese have already received enough fund from their government for the construction of two power plants in Timor. Weapons, uniform and other elements of military equipment are also purchased in China. For such patronage, authorities of Timor in turn support Beijing in its policy towards Tibet, Taiwan, etc. But the most important thing relating East Timor is its strategic position, which is quite profitable: prior to neighboring Australia and Indonesia and also holding lot of oil and gas reserves. In addition the proximity of East Timor to the Wetar Strait is also of the great importance for China. Wetar actually is one of the deepest straits in the world and an ideal route for submarines from the Pacific to the Indian Ocean. In the case of conflict situations, effective use of submarine fleet will depend on the possession of Wetar, and the possession of Wetar mainly depends on possession of Timor.

At the present stage, Southeast Asian countries, which are members of ASEAN, represent the most active structure in the Asia-Pacific and, due to its regional cohesion, claimed to be the main regional integration center. China's economic policy towards developing countries is expanding dynamically at the present days. This is because of plenty trade and economic disputes and, correspondingly, the increase in protectionist measures against developed countries. Nevertheless, the near-abroad states remain in the Chinese first priorities. In this sense, tactics of interaction with developing states of the APR are different from the tactics applied towards developing countries of other continents.

China's current position in Southeast Asia is very strong. A significant level of trade, economic and investment cooperation has been achieved; cultural and humanitarian ties are closely binded. But China's attempts to create military-political "bridges" in Southeast Asia is seriously hampered by the remaining unresolved territorial problem in the South China Sea (SCS). The confrontation in the South China Sea nowadays turned into one of the sharp problems of global politics due to the clash of interests of several countries. Despite the fact that disputes do not affect all ASEAN members, it creates a headache for the entire Association as a single bloc of nations.

The problematic point of this conflict includes territorial disputes between the People's Republic of China, Taiwan and a number of Southeast Asian countries - the Vietnam, the Philippines, Malaysia and Brunei. Each of the participants in this conflict claims a number of territories, along with the Chinese side, which now defends its sovereignty over the Paracel Islands (the PRC controls them completely), and over most of the Spratly archipelago (controlled by different countries) - overall 80% of the water area South China Sea [14]. The fundamental distinction between Beijing and ASEAN positions is as follows: Beijing is firmly asserting its right to almost whole area of the sea, but at the same time expresses its readiness for dialogue with each of the countries on a bilateral basis, opposing the internationalization of this conflict with third party's involvement. In turn, individual members of the Association (in particular Vietnam and the Philippines) would like to bring the dialogue to a multilateral level with the possibility of arbitration. In this case individual countries of ASEAN find moral support from the United States. Despite Washington's repeated statements about its intention to remain neutral in this conflict, its official position largely corroborates with the ASEAN states. Americans use the term of "national interests" (which include the freedom and safety of navigation in the South China Sea) as a motive to enhance their role and increase their military and political presence in the Southeast Asian region. On this basis, the United States is interested in preserving the conflict situation.

As some Western experts point out, conflicts are an emotional, protective reaction of the ruling elites of Southeast Asia against the expansion of China. Worth to note that this reaction is not of all the ruling elites, but only of a part of the ASEAN countries. A clear political polarization is occurring in this area under pressure of Chinese and American factors. On the one hand, the anti-Chinese pole is growing, which comprises of the Philippines, Vietnam, Malaysia and Brunei. According to forecast of analytical

organization Stratfor in 2013, Vietnam and the Philippines were characterized as the most consistent opponents of China in Southeast Asia, and also likely to support American business and military presence in the region.

On the other hand, there is a pro-Chinese group, which includes Cambodia, Thailand, Laos and Myanmar. When delegations of the Philippines and Vietnam took steps regarding the Chinese aggression in this region (by the USA's assistance) during ASEAN session in 2012 in Cambodia, they tried to include in the draft of final document the thesis of "Chinese aggression". The host country of this summit i.e. Cambodia and a number of other states blocked the project. For the first time in 45 years of the Organization's history, the final resolution of the summit was not adopted. The reason was a disagreement between countries on the problem of China's policy in the area.

There are also Indonesia and Singapore, which openly have not declare their hostility or loyalty to Beijing yet. However politically they are still closer to the opponents of the PRC.

From the above, it will be easy to understand with which countries and at what level China is currently conducting military cooperation. On the one hand, military ties with Cambodia, Laos and Myanmar have traditionally remained strong, cooperation with the Thai military has steadily deepened, a close dialogue with Indonesia has been established, and cooperation with Malaysia is progressing. On the other hand, relations in this sphere with the Philippines, Singapore and Vietnam remain sluggish. It seems that the degree of interstate cooperation on the military line is directly dependent on the level of mutual trust. In this regard, a number of countries in the region still have feelings of suspicion and fear of a strong neighbor from the north who is building up the military power.

Therefore China is in a difficult situation today: on the one hand, with an eye to keep leadership in this region, it is essential to deepen relations with Southeast Asian partners and particularly in the military-political sphere. On the other hand, the territorial dispute is a matter of principle for modern China, which positions itself as a strong and self-confident state. Chinese leadership cannot "lose" the dispute in the South China Sea because of the nationalism factor. Since after weakening of the communist ideology in China itself, the national unifying role in country is mainly played by Chinese nationalism. Its postulates like powerful state, a strong nation, the getting back historic lands of the former empire are vital elements of national pride. Chinese President Xi Jinping said at a meeting of Political Bureau of the CPC Central Committee that access to these sea areas plays an important role not only in the country's sustainable economic development, but also it protects China's sovereignty, security and implements a policy of revitalization of the Chinese nation [15]. Hence many Chinese political scientists began to include Singapore, as well as the foreign Chinese diaspora (huaqiao) in the "Greater China", which also includes mainland China, Taiwan, Hong Kong and Macau.

Today, as the economic power of China increases, military and political interests are also included. In this regard, the tasks of gradual displacement of the United States from this region, the expansion of China's military security zones, thousands of miles from the Chinese coast and, of course, control over key sea communications in the South China Sea have become very relevant. This largely explains the consistency, uncompromising and stiffness of Beijing in promoting its interests. Such impulse is very difficult to stop, as it is part of the national historical tradition. This tradition today is further supported by the need to constantly expand China's commodity markets, in order to maintain the continuity of economic growth. In Beijing, it is well understood that any commodity crisis can easily overturn stability within Chinese society. These reasons allow author to assume that the PRC in the near future unlikely to compromise on the problem of disputed territories in the South China Sea. On the contrary, it should be expected a toughening of the Beijing's position.

As everyone knows, China has been showing stable GDP growth for a long time: since 1991 its rate has not dropped below 7% per year. Maintaining stable growth requires considerable costs and resources. China, like any other intensively developing country, is experiencing an increasing need for

them. Furthermore, during the transformation of its economy China turned into a "global factory" (in 2010 became the world's largest exporter, and in 2013 the leader in terms of foreign trade) [16]. Nevertheless, China has not been particularly successful in terms of energy and resource saving. The issue of food provision is also sharp for the current leadership of the country, taking into account that the PRC has the largest population in the world. Consequently the Communist Party of China (CPC) came to the decision that the task of ensuring its own food security would be in the main priorities for the country since 2014 [17].

Although for the People's Republic of China hydrocarbon fuel is not the main raw material (68% of the energy consumption was coal, while for oil and gas took 26 and 5% respectively in 2012), it is expected that the role of oil and gas in the country's economy will increase. The government aspires to reduce coal consumption and in contrast increase the use of oil and gas, therefore, along with the growth of renewable energy sources, the role of hydrocarbons in the energy sector of the PRC will increase accordingly [18].

According to the annual statistical report of the British oil and gas transnational company BP PIC, PRC is on the 2nd place (After US with 19,3 million barrels) in the world in terms of consumption of oil products with an indicator of 11.9 million barrels per day. It produces a significant amount of oil on its territory (4.3 million barrels), and is a net importer of this resource with an indicator of 8.1 million barrels per day. At present, the share of imports from the total amount of consumed resources is almost 60%, with the volume of imported raw materials increasing by 6% annually [19]. Thus, with a constant increase in the use of oil products, own production cannot fulfill the needs of the country. In 2015, proven oil reserves in China amounted to 18.5 billion barrels. This means that even if the production is stable at the current level, its oil reserves will be exhausted in just over 10 years.

About 75% of the oil imported into the PRC comes from the Middle East and Africa (Saudi Arabia, Angola, Iran, Oman, Sudan, Iraq, as well as Russia). Thus, the majority of oil supplies pass through the sea routes, including water area of the South China Sea.

A similar situation with natural gas. At present, China takes the 3rd place in the world for its consumption with an indicator of 197.3 billion cubic meters [20]. Over the last 20 years, the volume of natural gas consumption annually increase to 11.6%. Such high growth rates by 2007 turned China from a net exporter of gas to a net importer. The proven reserves of natural gas resources in the country are small and amount to only 3.8 trillion cubic meters. If the current production volumes are maintained, they should last for less than 30 years. However, taking into consideration this significant growth in consumption, resources may end before given period. In the current situation, China's energy and defense security depends on the import of hydrocarbons. Consequently ensuring the uninterrupted supply of oil and gas is becoming one of the most significant aspects in Beijing's foreign policy.

The gas is supplied via pipelines from Central Asia (in the case of Russia) or in the form of liquefied natural gas (LNG) by sea. 30% of LNG imports come from Australia, and also through South China Sea [21, p.16].

Therefore, the establishment of control over the region and especially over hydrocarbon deposits on the Spratly Islands opens up the possibility of turning them into important source of raw materials for Chinese growth. It is worth noting that the Chinese government's document "China's Energy Conditions and Policies" [22], which indicates China as the largest developing country with a developing economy, the second producer and consumer of energy resources, but facing the problem of combating poverty and improving the living standard of the population. At the same time, China's energy consumption growth is a necessary condition for eliminating these problems.

The South China Sea in this situation is of the greatest interest to the PRC. Its subsoil, according to some estimates, contains significant reserves of oil and gas which are so vital for country. However, the impossibility of carrying out geological studies due to territorial disputes does not allow to get exact

estimates of the resources contained on the shelf of the SCS. The US Energy Information Administration estimates the proven and probable reserves of 11 billion barrels oil and 190 trillion cubic meters of natural gas, which in their point of view, is not enough and it is unlikely that there will be more resources of this type in this region [23].

This is a rather interesting statement, which at the same time contradicts to the US presence there and their politico-military actions. Estimates coming from Beijing differ from the US data, as China National Offshore Oil Corporation's annual reports show that there are more oil and natural gas resources. In any case, the development of hydrocarbons can significantly reduce the energy dependence of China from foreign suppliers.

The control of sea basin, beside controlling the flow of energy resources, opens up other opportunities which make this area politico-strategically significant for China. Supplies of hydrocarbons through this water area are carried also to Japan [24, p. 6] and South Korea: these countries import more than 80% of oil from the Middle East. Taiwan, by the way, has the similar level of dependence on the import of African and Middle Eastern oil [25]. Thus, the possession of two archipelagos - Paracel and Spratly, means not only a partial solution of energy supply issue to the PRC, but also raises the question of vulnerability of Beijing's neighbors and its foreign rivals - Seoul and Tokyo. Also getting control over the ways of hydrocarbon raw materials' transportation is one of the steps in solving the Taiwan issue. Overlapping oil and gas supplies from the Middle East can be one of the levers for solving foreign policy problems in favor of Beijing. This position of Chinese leadership clearly opposes the interests of the United States. Because there are also navigable (shipping) hydrocarbon routes that are delivered to the United States from the Middle East through the South China Sea. So this sea is a kind of corridor between Pacific and Indian oceans, where goods worth \$5 trillion are transported daily [26].

Additionally to oil and gas, there is another resource that subsoil and water of the South China Sea can provide. It's a marine food resource. To a large extent, the economy of the People's Republic of China depends on the volume of fisheries, and the significance of this sphere grows every year. South China Sea, like other water areas of Southeast Asia, is a zone of very intensive extraction of food resources. So, according to specialists, "the seas of Southeast Asia account for 40% of the total catch of fish in the world" [27, p.1]. Thus, significant food reserves of the South China Sea, can play important role not only in supporting China's energy independence, but also in ensuring food security, which is also one of the main political goals for Chinese leadership today. Taking into account the intensive growth of population as well as the increasing pollution in territories within the country, which in turn harms the growth of high-quality grain products, China particularly needs an additional source of food provision nowadays [28].

At present days, it can be stated that territorial disputes over the ownership of islands have transformed into disputes over the right to resource extraction as well as over the control of maritime navigation.

Everyone knows that China is going to realize one of the colossal projects in the history of mankind. This huge project named "One Belt, One Road" consists of several programs, each of which will help for Chinese expansion and consolidate the country's position in almost every region of the world. So if Central Asia, including our country, will become an important link in the continental program of this big project, then Southeast Asia will be a link in the maritime one [29]. Beijing also hopes to restore the new mechanism of "Maritime Silk Road" that would pass through modern territories of Indonesia, Malaysia, the Philippines, Vietnam, Singapore, Brunei and Thailand. The idea of "the 21st Century *Maritime Silk Route* Economic Belt" in fact is based on the spread of its influence in the adjacent regions, including Southeast Asia, specifically through trade and sea transport. Speaking in Indonesian parliament in October 2013, Xi Jinping said that the implementation of "Maritime Silk Road" will increase the total

trade turnover among the PRC and ASEAN nations to planned 1 trillion dollars by 2020 [30-31].

Objectives of China's maritime policy are to protect the state's territorial integrity, ensure the safety of maritime navigation, strengthen the country's naval defense and promote the development of maritime economy. Even though the foreign policy towards the Southeast Asian countries faced some changes (mainly due to the change in Chinese leadership), the fifth generation of Chinese leaders continues to defend this strategic line. Therefore, they obviously will not skimp on military equipments and also expect opponent's first step. China has been consistently and steadily strengthening and modernizing its army, air force and navy in the territories adjacent to the Southeast Asian states. The great share of military budget is going for modernization of the fleet. Chinese military shipbuilding plants are already outperforming their European, Japanese, Korean competitors, by variety of species as well as by potential volume of ship production. Chinese shipyards can match with Russian indicators by 2020, and by 2030 - with American ones [32].

Despite China's rather assertive and sometimes even aggressive actions, today conflicting parties officially express their commitment to the peaceful settlement of dispute through diplomatic tools.

Basis for this became the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea, adopted in 2002. At the same time, it is obvious that some declarative statements are not enough to ensure stability in this territory. Although this document formed the base for potential multilateral approach to South China Sea disputes, it is not a binding agreement. That is why at present all efforts are focused on concluding the legally binding Code of Conduct of the parties in the South China Sea, consultative processes of which began in September 2013 [33]. However many observers in the region refer Beijing's statements about openness and readiness for negotiations as a tactical maneuver in order to gain time. The Chinese strategic thinking can be explained with necessity to consolidate its presence slowly, but steadily and persistently, including through practical cooperation in the sea, which can also bring commercial benefits.

Thus, it can be concluded that, in spite of tactical maneuvers, strategic line of the PRC will remain the same. The more successful economic policy of the PRC and stronger the armed forces will be, the more often Beijing will use a harsh approach. The danger of China gaining full control over the sea and consequently the possibility of limiting the strategic resources supply make China's opponents pay closer attention to territorial disputes in the SCS. Therefore, some of Southeast Asian nations begin to negotiate with another powerful country that can balance China's influence in the region. Such power's role was played by the United States. But apparently a new course in US foreign policy regarding the countries of Southeast Asia will experience considerable changes with newly elected president. A few days after taking office, Donald Trump decided to withdraw from negotiation processes for the creation of Trans-Pacific Partnership (TPP). From new president's point of view, this agreement, initiated by Obama administration, can have disastrous consequences for the US in terms of economy. During his campaign, he had said that he would return production to America and the US would withdraw from those multilateral agreements that were unprofitable to them. A TTP is beneficial primarily to countries such as China, which export a large number of their own products, because production also takes place in the PRC. Now Beijing gets new opportunities [34].

Problem of territorial disputes in the South China Sea is perhaps the main factor preventing the further Chinese penetration into the region. In the present conditions, China appears to be squeezed between tasks of defending its geopolitical interests, on the one hand, and preserving a favorable environment for expanding relations with countries of this area, on the other. In such issue as territorial affiliation, Beijing is hardly ready to go for a fundamental change in its tough position. At the same time, everyone understands the need to reduce tensions for the successful conduct of their foreign policy in this region. Partly for this reason, today a dialogue on the development of the Code of Conduct in the SCS is possible.

REFERENCES

- 1 <http://news.xinhuanet.com/> Hu Jintao's report at 17th Party Congress, 24 October 2007
- 2 Шатохин А.В., Эволюция внешнеполитических доктрин КНР, Москва, 2013 №5 // Shatohin A.V., Evolyuciya vneshnepoliticheskikh doktrin KNR, Moskva: Izd. «MCNO», 2013 № 5
- 3 <http://news.xinhuanet.com> 中国政府关于建立、恢复和发展同东盟各国关系的四项原则 (1988年), [The four principles of the Chinese government on the establishment, restoration and development of relations with ASEAN countries (1988)] Xinhua News Agency, November 2001
- 4 ASEAN External Trade Statistics: top ten export markets and import origins by ASEAN Secretariat, 2015
- 5 <http://www.newmandala.org> Francesco Abbate and Silvia Rosina, ASEAN-China trade growth: facts, factors and prospects - on New Mandala, 14 June, 2016
- 6 The U.S-China Economic and Security Review Commission, China's Economic Ties with ASEAN: a Country-by-Country Analysis, March 17, 2015
- 7 推动中国—东盟自贸区服务贸易发展战略, [Promote China - ASEAN Free Trade Area Service and Trade Development Strategy] by National Bureau of Statistics of the People's Republic of China, 24 January 2011
- 8 王娟.中国与东盟国家国际服务贸易壁垒研究.学术论坛 [Wang Juan. Research on International Trade in Services between China and ASEAN countries, Academic Forum], 2009
- 9 轩文娟.金融危机背景下加强中国与东盟服务贸易双边合作的思考.西南财经大学, [Xuan Wenjian. Study on Strengthening the Bilateral Cooperation between China and ASEAN in Service Trade under the Background of Financial Crisis. Southwest University of Finance and Economics], 2008
- 10 <http://www.globaltimes.cn> China-ASEAN Free Trade Area. Global Times, 10 August, 2013
- 11 中国和印尼关于建立战略伙伴关系的联合宣言, 2005.04.26 [China and Indonesia Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership]
- 12 <https://www.bfm.ru/> Китай решил эксплуатировать Мьянму // Kitai reshil ekspluatirovat' M'yanmu, 5.02.2010
- 13 <http://news.xinhuanet.com/> Mu Xuequan , Premier Li Keqiang Gives Joint Written Interview To Media from ASEAN Countries, Xinhuanet; 8 October 2013
- 14 Канаев Е.А., Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. Готика, 2007, 324 с. // Kanaev E. A., Konflikt iz-za ostrovov Yuzhno-Kitaiskogo morya: istoriya, harakter uregulirovaniya, perspektivy evolyucii. Gotika, 2007, 324 s.
- 15 <http://www.china.org.cn> Building China into a Maritime Power , August 30, 2013
- 16 <https://www.ft.com> Anderlini J., Hornby L. China overtakes US as world's largest goods trader, January 10, 2014
- 17 No.1 Central Document (*zhongyang yihao wenjian*), by Central Committee of the Communist Party of China and the State Council, 12 January 2014
- 18 <http://thediplomat.com> Tiezzi S., How US companies benefit from China's coal addiction // The Diplomat 2013, November 21
- 19 BP Statistical Review of World Energy 2016-data, oil
- 20 BP Statistical Review of World Energy 2016-data, gas
- 21 Ho Khai Leong, Samuel C.Y. Ku China and Southeast Asia: Global Changes and Regional Challenges. Singapore: Institute of Southeast Asia Studies, 2005, p. 356
- 22 中国的能源状况与政策, 中华人民共和国国务院新闻办公室. 二〇〇七年十二月, 北京 // China's Energy Conditions and Policies, State Council of the People's Republic of China. Beijing, December 2007
- 23 Contested areas of South China Sea likely have few conventional oil and gas resource // U.S. Energy Information Administration, 3 April 2013
- 24 The International Energy Agency, Oil and gas security. Emergency response of IEA countries : Japan // P. 19
- 25 <http://www.platts.com> Taiwan imports 60,700 b/d of Iran crude in Apr, first time this year // Platts, McGraw Hill Financial: 2013, June 12
- 26 Ажар Сериккалиева, Оңтүстік Қытай теңізіндегі шекаралық дауға көзқарасы, Еуразия ғылыми-зерттеу институты, 11-17 қазан 2016, №84 // Ajar Serikkaliev, Oñtüstik Qıtay teñızindegi shekaralıq dauǵa kózqarası, Euraziya ǵılımi-zertteu institutu, 11-17 qazan 2016, №84
- 27 Youna Lyons, South China Sea: Limits to commercial fishing by claimants / Tara Davenport 2012. № 113
- 28 <http://7sunews.kz> Естай Божан, Қытай тоқырауының бес факторы және Қазақстан // Estai Bojan, Qıtai toqırauınıń bes faktorı jáne Qazaqstan, 6.01.2017
- 29 <http://ult.kz> Әшірбек Амангелді, Қытайдың жұмсақ күш саясаты қандай мақсат-мүддені көздейді? // Äshirbek Amangeldi, Qıtaydıń jumsak kush sayasatı qandai maksat-muddeni kozdeidi? 6.08.2016
- 30 <http://news.xinhuanet.com> 政治互信, 经济融合, 文化包容的中国方案 [Political mutual trust, economic, cultural integration of Chinese program], 3 May 2017
- 31 <http://economy.gmw.cn> 蓝迪智库: 推动“21世纪海上丝绸之路”与“全球海上支点”战略对接 [To promote the "21st Century Maritime Silk Road" and "global maritime fulcrum" strategic docking], 17 November 2016
- 32 <http://thediplomat.com> Gabe Collins, Andrew Erickson , U.S. Navy take notice: China is becoming a world-class military shipbuilder / 2012 November 1
- 33 Chairman's statement of the 16th ASEAN - China summit. Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam. 9 October, 2013
- 34 <http://qamshy.kz> Шайхы Марал, Жапондық сараптама: Азиядан америкалықтардың кетуі Қытайдың позициясын нығайтуы мүмкін // Shayhi Maral, Japondiq saraptama: Aziyadan amerikalıqtardıń ketuı Qıtaydıń pozitsiyasını nıǵaituı mumkın, 8.12.2016

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20.

ДҮНИЕЖҮЗІ ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ БАСЫН ҚОСҚАН ТҰҢҒЫШ ҚҰРЫЛТАЙДЫҢ ШАҚЫРЫЛУЫНЫҢ ТАРИХИ МАҢЫЗЫ (25 ЖЫЛ)

Қозғамбаева Г.Б.

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, доцент
E-mail: gulnar.kozgambaeva@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада әлем қазақтарының 1992 жылы Алматыда басын қосқан тұңғыш Құрылтайдың шақырылуының тарихи маңызы қарастырылған. Тұңғыш Құрылтайға 33 мемлекеттен келген делегаттар қатысып, Дүниежүзі қазақтар қауымдастығының құрылуын құптады. Елбасы және шетелдерден келген делегаттардың қатысуымен бес Құрылтай өтті. Дүниежүзілік Құрылтайлары шетелдегі қазақ диаспорасының шоғырландыруда қуатты серпін беріп, алыс және жақын шет елдерде қазақ мәдени орталықтары құрылып, онда Кіші құрылтайлары өткізуге ықпал етті. Мақалада Дүниежүзі қазақтарының басын қосқан Құрылтайлардың шақырылуының тарихи маңызы мен Қауымдастық жұмысына ерекше мән берілген.

Түйін сөздер: оралман., диаспора, құрылтай, Дүниежүзі қазақтар қауымдастығы

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОГО ВСЕМИРНОГО КУРУЛТАЯ КАЗАХОВ

Козгамбаева Г.Б.

ҚазҰУ имени аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, доцент
E-mail: gulnar.kozgambaeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются историческое значение первый Всемирный курултай казахов, который созван 1992 году в Алматы. На первом курултае казахов, где участвовали делегаты из 33 стран мира, была учреждена Всемирная Ассоциация казахов. С участием Главы государства и делегатов дальнего и ближнего зарубежья было проведены пять курултаев. Всемирные курултаи дали мощный толчок консолидации казахской диаспоры за рубежом, способствовали созданию казахских культурных центров, проведению малых курултаев в ближнем и дальнем зарубежья. Особое внимания уделяется историческое значению Всемирного курултая казахов и Ассоциации казахов.

Ключевые слова: Всемирная ассоциация казахов, курултай, диаспора, репатриант.

HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE FIRST WORLD KURULTAY OF KAZAKHS

Kozghambayeva G.B.

Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
E-mail: gulnar.kozgambaeva@mail.ru

Abstract. The article deals with the historical significance of the first World kurultay of Kazakhs held

in 1992 in Almaty. The kurultay was attended by the delegates from 33 countries of the world, and the World Association of Kazakhs was established at this kurultay. Five kurultays were held with the participation of the Head of the State and delegates from near and far abroad countries. World Kazakh kurultays gave a powerful impetus to the consolidation of the Kazakh Diaspora abroad, contributed to the establishment of the Kazakh cultural centers and holding small kurultays in near and far abroad countries. A special attention is paid to historical significance of the World kurultay of Kazakhs and the World Association of Kazakhs.

Keywords: World Association of Kazakhs, kurultay, diaspora, repatriate.

Кіріспе

Дүниежүзі қазақтарының басын қосқан тұңғыш құрылтайдың шақырылған кезінен бесінші құрылтайдың арасын уақыт өлшеммен санасак 25 жылдың жүзі болады екен. Төрткүл дүниеге тараған қандастарымыздың бірінші құрылтайға жиналған кезінде олардың кіндік қаны тамған атамекені жайлы, ата-баба жеріне оралу туралы қуаныш пен күдікке толы ойларымен, V-ші құрылтайдағы өзгерістерді салыстырып көрсек, өткен 25 жыл уақыт – бірнеше ғасырлық уақытқа тұратындай өзгерістерге ұйтқы болған мерзім екенін байқауға болады.

Тәуелсіздігімізді алып дербес мемлекет болғаннан кейін әлемге тарыдай шашыраған ағайынға көңіл бөлетін жағдай туды. Оған дейін шетелде қазақтың бар екенін білсек те іздеуге, сұрауға мүмкіндік болмай келді. Біздің еліміз шетелдегі қандастарымызға шыңдап назар аудара бастауы тәуелсіздікпен бірге оянды. Қазақстан республикасы тәуелсіздік алғаннан кейінгі қазақ ұлтына деген ең басты атқарған ісі мен игі әрекеті - Дүниежүзі қазақтар Құрылтайы шақырылды. Міне, осындай ұлт үшін жасалған игі істердің бірі төрткүл дүниеге шашылған қазақтың басын атамекенде қосты.

Сыртқы саясатта көрші елдермен бейбіт дипломатиялық қатынастар орнауының арқасында шет елдермен сауда, мәдениет, достық қарым -қатынастар орнды. Алыс және жақын шет елдегі қазақ диаспорасына деген көзқарас дұрыстала бастады. Елбасымыздың нақты тапсырмасы арқасында Қазақстан Республикасы Министрлер кабинетінің 27 тамыз 1992 ж. № 709 қаулысы шығып Дүниежүзі қазақтарының құрылтайына әзірлену мен оны өткізу туралы нақты жұмыстар қолға алынды [1, 92б.].

Осылайша, тәуелсіз мемлекеттің тұңғыш Президентінің төрағалығымен күллі дүниедегі қазақтардың басын біріктіріп, ата-баба үрдісімен дүниежүзі қазақтарының тұңғыш Құрылтайы өтті.

Алматыда өткен Дүниежүзі қазақтарының бірінші құрылтайына Түркия, Германия, Швеция, Норвегия, Франция, Монғолия, Ресей, Қырғыстан, Түркменістан, Өзбекістан, тағы басқа алыс және таяу шет мемлекеттерден яғни, 33 елден, сонымен қатар 800-дей Қазақстан облыстарынан келген өкілдер қатысты. Әлем қазақтарының тұңғыш құрылтайының қарарымен Дүниежүзі қазақтары қауымдастығы құрылды. Республика Президенті, Н. Назарбаев Дүниежүзі қазақтар қауымдастығының төрағасы болып сайланды [2]. Төрағаның бірінші орынбасары көрнекті қазақ жазушысы Қалдарбек Найманбаев, төрағаның орынбасары драматург, жазушы Сұлтанәлі Балғабаев болып бекітілді. Құрылтайдың ашылу салтанатында Елбасы, Н.Ә. Назарбаев: «Қайта оралуға осында өзін күтіп тұрған жазадан қорқып, мындаған адам туған жерді бір көруге зар болған күйінде өмірден өксіп өтті. Біз демократиялық мемлекет, адам құқығын қорғайтын қоғам құру жолына түскен ел ретінде тоталитарлық жүйе санамызға сіңірмек болған мұндай тарихи әділетсіздікті, мұндай қатыгез идеологияны түп– тамырымен айыптаймыз» деді [3, 114].

Құрылтайға барлық елдердегі қазақ диаспорасының өкілдері қатысып, жүздесті. Қазақтар көз жазып қалған ағайындарымен қауышты, ағасы-інісін, інісі-ағасын тауып, көкейдегі армандарын айтты. Құрылтайға қатысқандар халқының өткеніне көз жүгіртті, болашағын

болжады, қазақ диаспорасының көкейтесті мәселелеріне тоқталды. Атамекен қазақ диаспорасы өкілдерін қазақ халқының тұңғыш Президентінің сөзімен айтқанда «құшағымыз бауырларға айқара ашық», деп қабыл алды. Құрылтайда қазақ диаспорасының көптеген өзекті мәселелері шешімін тапты.

Азаттығымыздың айғағы болған бұл жиын тарихымыздың жаңа кезеңінің басы болды. Тұңғыш Құрылтайда әлемге тарыдай шашылған қандастарымыздың бас қосуы, қазақ елінің шынайы тәуелсіздікке қол жеткізуінің айқын көрінісі болды. Елбасы бастап, бүкіл халқымыз қоштап, бірлесіп қолға алып өткен тұңғыш Құрылтайда алыс және жақын шетелдегі қандастарымызға байланысты көптеген өзекті мәселелер қаралды. Құрылтайда шетелдегі қазақтарға мәдени-рухани сала негізінде қолдау көрсетудің негізі бағыт-бағдары мен міндеттері айқындалып, қандастарымыздың елге келуіндегі көші-қон саясатында көптеген мәселелердің шешімін табуына септигін тигізді. Алғаш шақырылған құрылтайда қазақ ұлтының өзекті мәселелерімен және бірегей мақсаттарын дамыту міндетімен айналысатын Дүниежүзі қазақтарының қауымдастығы құрылды. Содан бергі уақытта еліміз ауыз толтырып айтатындай жетістіктерге жетіп, көш ілгері елдердің қатарына қосылды. Бүгінде мәдениеті көркейіп, экономикасы қарқынды даму жолына түскен қазақ елі әлемнің барынша дамыған мемлекеттерімен бәсекеге түсуге бет алды. Тәуелсіз мемлекетіміздің алдында көптеген сан түрлі міндеттер тұр. Сол міндеттердің бастыларының бірі әлемнің 40 - тан астам еліне шашырап кеткен қандастарымызбен байланыс орнату және оларға жан-жақты көмек көрсетіп, атажұртта басын қосу болатын. Міне осындай әлем қазақтарының басын қосып, өзекті мәселелерді қарастырып, шешетін жалпы дүниежүзі қазақтарының бес Құрылтайы болып өтті.

Арада жылдар салып әлем қазақтарының екінші Құрылтайы 2002 жылы 23-24 қазанда болды. Құрылтайға әлемнің 33 елінен барлығы 470 адам келді [4,65б.]. Дүниежүзінің түкпір-түкпірінен жиналған қазақтар Түркістан қаласында бас қосты. Алайда, ең бастысы, Құрылтай өтетін жердің дұрыс таңдап алынғандығы еді. Дүниежүзінің түкпір-түкпірінен жиналған қазақтар күллі түркі әлемінің алтын бесігі, қасиетті Түркістан қаласында бас қосты. Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің мәдениет сарайында Дүниежүзі қазақтарының II Құрылтайы ашылды. Екінші құрылтай Қазақстан Республикасының тәуелсіздігінің он жылдығымен қатар келгендіктен еліміздің қол жеткен табыстары қамтылды. Құрылтайда жалпы қазақ халқының алдағы уақыттағы әлеуметтік-экономикалық, мәдени-рухани, оқу-білім саласындағы өсіп-өркендеуі жөніндегі маңызды мәселелер қозғалды. Елбасының осы Құрылтайдағы терең де тебіреністі баяндамасын тыңдап, құрылтайға қатысушылардың ой пікірін қорыта келіп ең алдымен туған ұлтымыз өкілдерінің, олар қайда жүрсе де – бір-ақ ұлт, қазақ деген ұлттың өкілі екенін мақтан етіп, ұлт бірлігі мұраттарына адалдығын сақтап қалатындығына сенімдіміз. Әлемдегі қазақтардың арасындағы тұрақты байланысты одан әрі тереңдетіп, кеңейту басты міндет және ХХІ ғасырға қадам басқан өскелең ұрпағымыз халқымыздың тарихы мен қалыптасқан рухани-адамгершілік қасиеттеріне сай ата -жұртқа деген адалдығы жолында тәрбиелей беретіндігі сенім мол. Құрылтай әлем қазақтарының алдында тұрған міндеттердің аса күрделі екенін айрықша сезіне отырып, қандастарымыз өмір сүріп жатқан сырт елдермен өркениетті келісімдер негізінде қазақ ұлтымыздың қалыптасу жолын жалғастыра беру, бауырластарымыздың ұлттық-мәдени тұрғыдан жан-жақты дамуына күнделікті қолдау жасау көкейтесті деп санайды [5, 5 б.].

Дүниежүзі қазақтарының I және II құрылтайларынан кейін шетелдегі жастарымызға білім мен тәрбие беру жолында жасалған сындарлы жүйесінің шешу жолдары қарастырылды. Дүниежүзі қазақтары қауымдастығы өз қызметін ерекшеліктеріне сай шетелдерде, әсіресе қандас бауырларымыз көптеп қоныстанған елдерде Қазақстанның өз тәуелсіздігін нығайтуда, елдің саяси, әлеуметтік-экономикалық әлеуетін, халықтың тұрмыстық жағдайын көтеруде, ұлттық

рухани қазынасын молайтуда, көп ұлтты республика халқының бірлігі мен татулығын күшейтуде қол жеткізген табыстарын насихаттап, алыстағы қандастарымыздың игілігіне айналдыруда бірқатар ізгі шараларды жүзеге асырды. Ал үшінші құрылтай 2005 жылы 28-қыркүйек пен 2-қазан айларының аралығында еліміздің жаңа ордасы Астанада өтті. Құрылтайға әлемнің 32 елінен 312 қандастарымыз келді [6, 3 б.]. Тағдыр тәлкегімен әлемнің әр түкпірінде тұрып жатқан қандастарымыздың отанына оралуына ұйытқы болып, мемлекет тарапынан ерекше көңіл бөліп отырған елдердің бірі – Қазақстан. Тәуелсіздікке қол жеткізгелі президент Н.Ә.Назарбаев тарыдай шашылған қазақтың бір шаңырақтың астына жиналуына айрықша ден қойып келеді. Сол мақсатта елімізде арнайы жоспарлар жасалынып, қаржы бөлініп, оның бүгінде нәтижесі де баршылық. Үшінші құрылтайдың ерекшелігі іскерлік бағытта өткізілді. Құрылтайда: мәдениет, оқу-білім, бұқаралық ақпарат құралдары және көші-қон мәселелерін қарастырған төрт секциялық мәжілістер өткізіліп, шетелдегі қазақтармен байланыс жасаудың өзекті мәселелері талқыланды. Шетелдегі қазақ диаспорасы мен елге оралған қандастарымыздың өзекті мәселелері жан-жақты айтылып, үш мәселеге: көші-қон, оқу-білім, мәдени-рухани және бұқаралық ақпарат құралдар мәселелеріне айрықша көңіл бөлінді. Құрылтайда Елбасы жасаған баяндамасында шетелдердегі қазақ диаспорасы мен оралмандарға қолдау көрсетудің барлық тетіктерін айқындап, алда тұрған міндеттерді белгілеп берді. Ол міндеттердің маңыздысы көші-қонға қатысты жасалынған игі істер мен жетістіктерге талдау жасап, қандастарымызды Отанға оралту жұмысын одан әрі жүйелеп, жетілдіре беру керектігіне тоқталды.

Ал 2011 жылы 25-27 мамырда Астанада өткен төртінші Құрылтайға 35 шет елден 380 делегат, Қазақстанның әр аймағынан 300-ден астам адам қатысты. IV құрылтайдың делегаттарының 60%-ы жастар болды.

Дүние жүзі қазақтарының IV Құрылтайында Елбасы, Н.Ә. Назарбаев «Биыл тәуелсіздікпен бірге атамекенге атбасын бұрған Ұлы көшке 20 жыл толды... «Елге ел қосылса құт» дейді дана халқымыз. Азаттықтың елең-алаңындағы күрделі кезеңге қарамастан, көшіміз көлікті болды. Содан бері ұлы бір сәтке толастаған емес. Ат қазығын байлар атамекенге 20 жыл ішінде 300 мыңға жуық отбасы көшіп келді. Осылайша ел халқының саны 1 миллионнан астам қандасымызбен толықты. Біз дүние жүзінде өз қандастарын еліне шақырып, қаражат бөлген үш мемлекеттің біреуіміз» – деп, айтты [7, 41 б.]. Дүниежүзі қазақтарының Құрылтайы шетелдердегі қандастарымыздың кездесуі мен араласуының аса зор тетігіне айналып отыр... Дүниежүзі қазақтар Құрылтайы шетелдердегі қандастарымыздың республика аумағына өз еркімен көшіп келуіне үлкен себепші болады [8, 25б.]. Құрылтайда қаралған өзекті мәселелерге қандастарымызға қолдау көрсетіп, қамқорлық жасаудың нақты жолдарын айқындау, көші-қон туралы заң жобасының қайта қаралуы, «Нұрлы көш» бағдарламасының 2-ші кезеңінің жобасын жоспарлап қолға алу, қандастардың Қазақстаннан жан-жақты хабар алып тұруына жағдай жасау, ұлттық өнерді кеңінен тарату, шет елдерде кіші құрылтайлардың тұрақты өткізілуі және оған «Самұрық-Қазына» ұлттық әл-ауқат қорының қолдау көрсету және т.б. келелі мәселелер қаралып бүгінде шешімін табуда. Құрылтайда Елбасы Н.Ә. Назарбаев сөйлеген сөзінде: «Жастар – біздің болашағымыз. Біздің әлемдегі барша қазақ жастарының сапалы білім алуына тиісті жағдай жасауымыз қажет... Сондықтан, мен әлемнің әр қиырындағы қазақ жастарын атамекенде оқуға және қазақ еліне қызмет етуге шақырамын» деп, атап көрсетті [9]. Жаһандану заманында, жаңа дәуірге қадам басқан қазақ елі үшін білімді жас мамандарға аса зәру, сондықтан оларды құшақ жая қарсы алу керектігіне ден қойылды.

Төртінші құрылтайды өткізу оңайға түскен жоқ. Құрылтайға тікелей Елбасының өзі қатысатын болғандықтан, алқалы жиында шетел қазақ диаспорасыны мен оралмандардың ең мұқтаж мәселелері де жан-жақты айтылуы қажет еді. ... Құрылтайда осы жоспар бағдарлама толығымен жүзеге асты [10, 148 б.].

Ал биылғы жылдың 22-25 маусым күндері Астанада өткен әлем қазақтарының V-ші Құрылтайына 39 шетелдерден 350 адам, барлығы 750 делегат пен қонақ қатысты. Құрылтайда шетел қазақтарының Қазақстанмен байланыс жасаудың өзекті мәселелері негізінде әртүрлі тақырыптар бойынша дөңгелек үстелде талқыланды. Дөңгелек үстелде: шетелдегі ағайындармен мәдени-рухани байланыс, көші-қон, шетелдегі қазақ жастарының елімізде білім алуы, бизнес, кәсіпкерлік және тағы басқа мәселелер қаралды. Дөңгелек үстелде көтерілген мәселелер мен айтылған ұсыныстарға сәйкес алдағы уақытта Қазақстан Үкіметінің шетелдегі қазақ диаспорасына қолдау көрсету жөніндегі арнайы бағдарламасы жасалынатынына сеніміміз мол [11]. Кеңестік кезеңде тарихи отанынан тыс жерде жүрген бауырларымыздың басын қосып, ұлттық мүдде, елдік бірлік төңірегінде табысу-үлкен арман болғаны баршамызға аян. Алыс және жақын шет елдегі қандастарымыз өздерінің тарихи отаны Қазақстанның егеменді ел болғандығын естігенде қуаныштарында шек болмағаны белгілі. Бір мақсат, бір мүддедегі төрткүл дүниеге шашылған қандастарымыздың атамекенде тұңғыш рет басын қосып шақырылған – тұңғыш Құрылтайдың тарихи маңызы зор.

1992–2017 жылдар аралығында әлем қазақтарының басын қосқан бес құрылтай өтті. Әлемнің қырықтан астам елінде тұратын қандастарымызға қолдау көрсету, жағдай жасау жөніндегі Дүниежүзі қазақтар Құрылтайларында талқыланып, оларды шешуде көптеген іс-шаралар атқарылды. Қандастарымызға сапалы білім беруде мемлекет тарапынан қолдау көрсету және шетелдегі қазақтардың атамекенге мүмкіндігінше көбірек оралуына жағдай туғызуды басты назарға алуда. Сол мақсатта елімізде арнайы жоспарлар жасалынып, қаржы бөлінді, нәтижесінде 1 миллионнан астам қандастарымыз атамекенге оралды.

Төрткүл дүние қазақтарының басын біріктіру мақсатында шақырылған Тұңғыш құрылтайдың тарихи маңызы ерекше. Бұл бас қосу – қазақ халқының жаңа мыңжылдыққа біртұтас ұлт ретінде нық қадам басқанның белгісі болды.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Сапаралы Т. Дүниежүзі қазақтарының құрылтайы. - Алматы, 1993. – 189 б.
2. Найманбай Қ. Қазақ диаспорасы және қауымдастық // Егемен Қазақстан. – 1996. – 25 қазан.
3. Назарбаев Н.Ә.Құшағымыз бауырларға айқара ашық // Дүниежүзі қазақтар құрылтайы. – Алматы, 1993. – 114 б.
4. Дәулетов Т. Дүниежүзі қазақтарының екінші құрылтайы. – Алматы, 2002. – 65 б.
5. Райс Ф. Қуаныш құшағында // Туған тіл. – 2011. – №1 (14). – 30-33-бб.
6. Әлем қазақтары Астанада бас қосты.- Алматы: Дүниежүзі қазақтарының қауымдастығы, 2006. - 200 б. Қазақтардың III Дүниежүзілік құрылтайы.
7. Уатқан Б. Ұлттың ұлы жиыны. Деректер жинағы. – Алматы Дүниежүзі қазақтарының қауымдастығы «Атажұрт» баспа орталығы. – 2012. – 408 б.
8. Омаров Б. Ұлттың ұлы жиыны. - Деректер жинағы. – Алматы Дүниежүзі қазақтарының қауымдастығы «Атажұрт» баспа орталығы, 2012. – 408 б.
9. <http://www.kayranelim.com/news/2011-05-26-257>
10. Мамашев Т.А. Құрылтай нәтиже мен тағлымы. – Ұлттың ұлы жиыны. – Деректер жинағы. – Алматы: ДҚҚ «Атажұрт» баспа орталығы, 2012. – 147-153-бб.
11. http://www.inform.kz/kz/duniezhuji-kazaktar-kuryltayy-astanada-besinshi-ret-bas-kosuda-sholu_a3038867.

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20.
 ӘОЖ / УДК / UDK 94(574).084+39

POST-SOVIET IDENTITY IN KAZAKHSTAN

Kulsariyeva S.P.^{1*}, Boranbayeva Zh.A.²

¹Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: aribasya@gmail.com

Corresponding authors*

¹Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan) Bachelor of Arts in Archaeology and Ethnology

Abstract. The article provides a brief overview of issues in the ethnic identity study and its methods in domestic science, as well as the results of a pilot study of the post-Soviet identity in Kazakhstan. The pilot study was conducted in the form of an online survey in February-March 2017. The trajectory of the study was aimed at marking the signs of ethical identity between two groups “shala Kazakh” and “nagyz Kazakh” after a period of prolonged interaction with other ethnic groups of the Soviet Union. Here, there was an imbalance in the behavior of ethnic Kazakhs, which varies between hyperidentity and ethnic nihilism. This state of ethnic identity fully explains the fact of the division of Kazakhs into two groups of “shala” and “nazyz” with inherent characteristics for each group.

Keywords: Ethnos, identity, hyperidentity, ethnocentric identity, ethnic nihilism, ethnicity.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПОСТКЕҢЕСТІК ЭТНИКАЛЫҚ БІРЕГЕЙЛІК

Күлсариева С.П.^{1*}, Боранбаева Ж.А.²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

E-mail: aribasya@gmail.com

Автор корреспондент*

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы қ., Қазақстан) археология және этнология гуманитариялық ғылымдарының бакалавры

Аңдатпа. Мақалада этникалық бірегейлік және оның отандық ғылымдағы зерттеу әдістерінің қысқа шолымы көрсетілген, одан әрі Қазақстандағы посткеңестік этникалық бірегейліктің пилотаждық зерттеуінің нәтижесі берілген. Пилотаждық зерттеу 2017 жылы ақпан-наурыз айралының аралығында онлайн-сауалнама пішімінде өткізілген. Зерттеу жолы Кеңес Одағының көптеген ұлттырдың ұзақ өзара әрекеттестігі кезеңінен кейін «шала қазақ» және «нағыз қазақ» топтарының арасындағы этникалық бірегейліктің белгілерін таңбалауына бағытталған. Бұл жерде этникалық қазақтардың тәлімінде гипербірегейлік пен этникалық нигилизм вариацияларының арасында үйлесімсіздік байқалған. Этникалық бірегейліктің осындай жағдайы қазақтардың әр қайсысының тән сипаты бар «шала қазақ» және «нағыз қазақ» топтарына бөліну фактын толықтай түсіндіреді.

Түйін сөздер: Этнос, бірегейлік, гипербірегейлік, этноцентристік бірегейлік, этникалық нигилизм, этностық.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ

Кульсариева С.П.^{1*}, Боранбаева Ж.А.²

¹КазНУ им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук, доцент

E-mail: aribasya@gmail.com

Автор корреспонденции*

²КазНУ им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан) бакалавр гуманитарных наук по археологии и этнологии

Аннотация. В статье представлен краткий обзор изучения вопросов этнической идентичности и ее методов в отечественной науке, а также приведены результаты пилотного исследования постсоветской идентичности в Казахстане. Пилотное исследование проводилось в форме интернет-опроса в феврале-марте 2017 года. Траектория исследования была направлена на маркировку признаков этнической идентичности между группами «шала казак» и «нағыз казак» после периода длительного взаимодействия с другими этносами Советского Союза. Здесь был отмечен дисбаланс в поведении этнических казахов, который варьируется между гиперидентичностью и этническим нигилизмом. Это состояние этнической идентичности полностью объясняет факт разделения казахов на две группы «шала» и «нағыз» с присущими характеристиками для каждой группы.

Ключевые слова: Этнос, идентичность, гиперидентичность, этноцентричная идентичность, этнический нигилизм, этничность.

Introduction

In view of Kazakhstan's long stay in tsarist Russia and the Soviet Union, any kind of scientific activity in the country, including ethnographic science, developed largely thanks to the activities of Russian rulers and intellectuals. Therefore, the study of ethnic identity in Kazakhstan should start with researchers of the Soviet era.

In the Soviet period, in the domestic literature, along with the basic terms of the nation and ethnos, scientists widely used the term nationality, while implying ethnicity. The term “ethnicity” was rarely used in scientific works, and did not have an exact definition in the directories until the 1970s [1].

The concept of identity in Soviet philosophy is most often seen as a principle that explains a wide range of phenomena of assimilation and isolation. For example, it was often noted that the decisive role in the development of individuals identity played by its interaction with society [2, pp. 4-10].

In the studies of Kazakh scientists of the Soviet period, the problems of the Kazakh identity are quite old for the simple reason that such investigations were prohibited. For example, the works of the well-known specialist on nomadic culture of Kazakhs had an enduring significance for a fundamental understanding of the foundations of the Kazakh worldview. But they also had to give in their labors a tribute to the principle of partisanship and the class approach, otherwise their work would not be possible. Scientists cite the following socio-political and cultural-historical arguments due to the formation of the Kazakh identity at this stage of history. “First, the discontinuities in the continuity of culture associated with the destruction of its identity – in the years of active resettlement policy of the royalty, forced sedentarization, hunger and repression against the Kazakh Soviet “intelligentsia” of the pre-war period. Secondly, even in the years of relative calm, since the times of the “Ustav o Sibirskih kirgizah”, which introduced Russian laws of alien management into the legal field of the three Kazakh “zhuz”, there was a constant process of erosion of the Kazakh ethnic culture, connected not only with the transformation of individual socio-legal norms, but with the inexorable change of the foundations of an original sociality.

The basis of the foundations – the ethnosocial structure of the Kazakhs, in the person of the clan institutions, “the institute of the biys”, the ancient customs and postulates of the traditional national beliefs, has undergone a gradual destruction. Thirdly, the apotheosis of deformation of ethnocultural identity of Kazakhs has become a new culture – “national in form, socialist in content. And although in the depths of the people's consciousness in the peaceful Soviet period there was a constant process of unarticulated rejection of an ideologically unified identity, Kazakh culture and language suffered irreparable damage. With the attainment of independence, the transition from a Soviet, supra-ethnic identity to an ethnic and national identity began” [3, pp. 80-91]

According to the researches of the Russian social scientist A.P. Sadokhin, whose works also have a significant weight in the domestic Kazakh ethnological science, the identification process can be studied in three main versions:

- 1) ethnic identification can occur on the basis of imitation, when the individual consciously or unconsciously copies stereotypes of the ethnic group in which he lives;
- 2) it can occur on the basis of coercion, and as a tool of coercion, the value orientations of an ethnic group are most often used;
- 3) ethnic identification can be carried out on the basis of free and conscious choice. This case the individual can renounce his ethnicity and become a cosmopolitan [4, p. 28].

A.P. Sadochin identifies seven basic types of ethnic identity

And each of which is characterized by stable features and signs:

1. Normal identity – associated with the formation of a positive image of their people, a favorable attitude to their ethnic origin, but depending on the situation and personality characteristics in this type of identity, deviations from the “norm” are allowed both in the direction of “growth” and, conversely, in the direction of “damping”;
2. Ethnocentric identity – is the uncritical preference of an ethnic group and is accompanied by a desire for isolation, isolation. This type of identity is characteristic, for example, of representatives of ethnic or subethnic groups who are determined to secede from the main ethnos (with different ethical and religious motivations);
3. Ethno – dominating identity is a type of identity in which non-isolationism prevails, and recognition of ethnicity is the highest, priority for human values and, moreover, recognition of the superiority of its people. This type of identity is characterized by discriminatory attitudes towards other ethnic groups, as well as by the desire for “ethnic cleanness” (the inadmissibility of mixed marriages, etc.);
4. Ethnic fanaticism – is an extremely aggressive form of the previous type of identity, associated with the absolute and overwhelming dominance of the ethnic interests of its group (sometimes irrationally interpreted) and the readiness to make any sacrifices and actions. According to L.N. Gumilev, this is the maximum “passionarity”, passionate dedication and sacrifice [1];
5. Ethnic indifference – indifference to one's ethnicity, cultural values of their people and to interethnic communication, independence from traditions and norms of their ethnic group. On the formation of this type of personality, in particular, oriented commercial mass culture, leveling ethnic values, ethnic diversity and putting forward novelty and prestige in cultural communication to the first place in the system of preferences of the modern consumer;
6. “Ethnic nihilism” – is a type of identity that is an expression of a cosmopolitan position: the denial of the value of ethnicity as such, usually associated with a pejorative assessment of the status of the ethnic group with which the personality is related by origin;
7. Ambivalent ethnicity – is a type of identity that is widespread in an ethnically mixed environment and is not explicitly expressed. Of course, like this typology, any other to some extent abstracts from the real complexity and ambiguity of ethnic identity, usually built on a combination of its various types and

options. In the ethnic culture of any people there is an element reflecting some essential aspects of identity, the process of identification, the features of ethnic consciousness and self-consciousness that are formed in the process of interethnic communication [5].

With this approach to the consideration of the nature of ethnic identity, the grounds for ethnicity become important. In ethnological science, it is customary to distinguish three types of grounds for ethnic identity: 1) generative mechanisms (the social status of the respective people in the country and in the world); 2) signs of community (ethnic mores, forming a national character); 3) means (conditions) for the realization of identity (national language and territory of residence) [4, pp. 29-30].

As for the study of ethnic identity since independence, scientific research on the new Kazakh identity is quite fresh and is just beginning to gain momentum, which explains the small number of works written on this issue.

In the domestic literature, the problem of identity is highlighted in the works of such researchers as R. Abdulatipov, Zh.A. Altaev, A.P. Abuov, S.N. Akatay, N.K. Baygabatova, M.S. Burabayev, N.Ye. Elikbaev, A.G. Kabidenova, R.K. Kadyrzhanov, A.Kh. Kasymdzhanov, E.B. Toktarova, Zh.Zh. Moldabekov, A.N. Nysanbaev, G.Zh. Nuryshiev, M.M. Nurgaliyev, M.S. Orynbekov, OA Segizbayev, A.Kh. Ramazanov, Sh.S. Rysbekov, G.K. Shalabaev, K.Sh. Shulembaev, M.Sh. Khasanov, TT Ospanov, M.S. Shaikemelev and others.

It is known that historical memory is one of the factors shaping the national identity, the history and also language, were an important sphere of maintaining and developing the national identity. The memory of history is drawn from books, multimedia materials, eyewitness account and others, while memory can have a great emotional color, which has a strong influence on the formation of a point of view for this or that event, personality, ethnicity. The direction of social and human sciences in the study of historical memory began to develop from the first third of the twentieth century. The founders of this direction were E. Durkheim, M. Halbwachs, L.S. Vygotskii, F. Bartletta, J.G. Mid, P. Riker, P. Hatgon, N. Kuposova and A. Varburg. Historical memory is the basis of cultural continuity of generations and national identity. In modern Kazakhstan science this idea was well described by T.T. Ospanov, having distinguished the following levels of national identity:

- National historical, implying the awareness of the unity of the nation, the attitude to the nation, the idea of history, the relation to continuity, etc., which largely determines its social and political consciousness;
- a formal and practical, the result of the practical implementation of national ideas, which is fixed and formed in the public and political consciousness of the nation, the relationship with the surrounding world.

National identity appears as a certain imperative in choosing the historical path of the nation's development, which is generally cultivated and encouraged in every way by the state. It acts as a result of the past and at the same time as an engagement with the future [6, pp. 91-94]

The formation of national identity refers to one of the most difficult and urgent issues of the political and cultural life of modern Kazakhstan society. According to N.A. Nazarbayev, the distinctive features of Kazakhstan, including the polyethnic composition of the population, multi-confessionality, traditions and history – “all this dictates the need for a two-level approach to the issue of identity - this alpha and omega of the national policy”. N.A. Nazarbayev connects the first level “with the formation of the people of Kazakhstan as a single civil and political community. Exactly the people, not the super-ethnic community. This is an important emphasis on the fact that the national identity should not be based on the formation of a single Kazakh ethnic community – ethnations. The second level of identity, N.A. Nazarbayev associates with the national identity of the Kazakhs themselves, their self-understanding and self-determination and emphasizes that there are sufficient grounds for national identification of

Kazakhs. Among such he includes the absolute majority of Kazakhs in the territory of the republic, mobility and representation of Kazakhs in all spheres of social structure, legal justification for such a fact that Kazakhstan is the historical, genetic, territorial integrity of the Kazakh nation” [7].

M.M. Nurgalieva in her article “Rol instituta predstavstva v processe konstruirovaniya natsionalnoi identichnosti Kazakhstana” notes that the coexistence of these identities – ethnic and national – reflects the existence of the two most significant forms of social grouping of people – ethnic and state, between them there are complex interrelations, inter-intersections, and sometimes And mutual exclusion, and each of these identities is a multidimensional phenomenon. What is the content of modern science in the concept of ethnic identity and how is it delimited from national identity? For example, it is believed that the population of a modern (national) state should have a single identity. It does not mean that all citizens of the state should belong to the same ethnic group. National identity can be and in many cases is political (civil), and not ethnolinguistic. Identity, in other words, satisfies one of the basic needs of a person - the need for belonging, involvement and attachment, as opposed to a sense of “loss of roots”, rejection, loneliness, abandonment, uselessness. After all, the satisfaction of the need is very important for human life, and its absence has a painful effect on the person [8, pp. 128-134].

R.K. Kadyrzhanov in the study of the problem of national identity for Kazakhstan chooses “ethnocultural symbolism and constructivism” as the main methods of research. He examines national identity through symbols that are selected, developed and offered to ethnic, linguistic and cultural groups of Kazakhstan by ethnic elites and the state. Speaking about the evolution of national identity as a social process, it is necessary to indicate its main and leading trend, determining the direction, pace and nature of evolution. The process of “Kazakhization” R.K. Kadyrzhanov defined as the main and leading trend in the evolution of Kazakhstan's national identity. The term “Kazakhization” has recently been increasingly used in journalism, primarily in the relationship between Kazakh and Russian. Kazakhization is interpreted as the introduction (or striving for introduction) of the Kazakh language in those areas where the Russian language dominates and, accordingly, the eradication or substantial reduction in the use of the Russian language in them. However, Kazakhs can not be interpreted as a linguistic process. In a general sense, Kazakhization is a broad, multifaceted process that finds its expression in almost all spheres of Kazakhstan society. Proceeding from this, the Kazakhization of R.K. Kadyrzhanov defined how the process of reaching the leading positions in this or that sphere of social life of the Kazakh ethnos and its language, culture and symbols [9].

Also, in the study of the concept of identity in Kazakhstan, it is worth mentioning a series of works by Zh.D. Kabidenova and Sh.S. Rysbekova concerning religion and religious identification in the light of the issues of the need to support the socio-cultural space in the country. They carried out research work on the role of religion in society, religious tolerance, the interest of adolescents to any particular religions, their knowledge of religious organizations, and the importance of citizenship. Also, researchers conducted a study in Pavlodar, where three secondary schools with the Russian language of instruction were chosen for the purpose of analyzing the ethno-confessional dimension of identity. The researchers interviewed 334 respondents, aged around 15-18. The ethnoconfessional section showed that the majority of respondents identify themselves on the basis of the national and cultural tradition. Thus, research summed up: a sociological survey on the republic notes the growth of religiosity among young people, which most often has a superficial character. It is important here that this surface of the younger generation to religion can lead to a weak religious awareness, where subsequently among them there may be a change of religious identity towards the creeds of new religious movements and destructive currents. Accordingly, the importance of strengthening and supporting the education of the younger generation in the social and humanitarian sphere has real grounds for supporting social stability and preventing religious terrorism [10].

Over the past decade, in connection with the rapid development of information and communication

technologies, which is gaining momentum in our country, E.B. Toktarov and Zh.A. Altayev conducted a study on the role of the Internet in the life of modern Kazakhstan society and its impact on national identity. The research was aimed at revealing the importance of network communities and bloggers as the main subjects of the virtual space, in the process of socialization of the Kazakhstan's youth. Scientists emphasize that in building a common citizenship identity, it is necessary to harmonize the efforts of official authorities and activists of the emerging civil society, which are bloggers and activists of online communities. It is important for the latter themselves to be the bearers of values and attitudes, the corresponding models of the new Kazakhstan patriotism, the national idea of "Mangilik El", the "Kazakhstan-2050" Strategy, otherwise it will be difficult to form the national identity of modern Kazakhstan citizens in accordance with the goals and objectives set by the state and the society and by the leader of the nation N.A. Nazarbayev [11, pp. 64-70].

This topic was also developed by T.T. Ospanov and A.Kh. Ramazanov from the perspective of globalization processes that affect national identity. As is known, with globalization takes place gradual leveling, forgetfulness, loss of national characteristics. On the other hand, globalization bears those fragments of challenges in which any national society tries to maintain its identity. Recognition of one's own ethnic identity is not something spontaneous, it is due to a high degree to specific public interests and group needs, including political, economic, cultural nature. For this, the functioning of ethnic identity becomes a main factor in the development of socio-cultural, political and economic processes. Components of ethnic identity are directly or indirectly influenced by global factors, a hidden threat. According to T.T. Ospanov and A.Kh. Ramazanov: "The national identity is today under threat, humanity is trying to impose some one model as the only true one, to bring all its diversity to one stencil. Hence the natural reaction of peoples - to protect themselves, their uniqueness. The growing anti-globalization tendencies are connected with the fact that people want to be not representatives of some kind of common faceless world, but bearers of a specific ethno-cultural, national community." [12, p. 73]

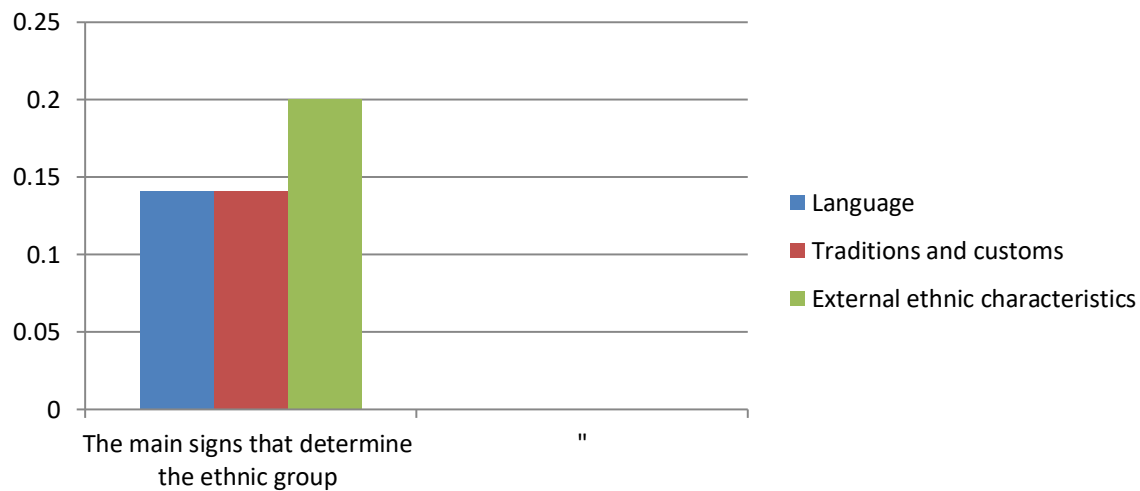
It is very important to note the contribution of N.K. Baygabatova, asserting that: "Globalization as an objective process, is largely determined by the contours of the future world order and its accompanying active integration and communication processes are very distinctly revealed the problem of subjects becoming world order can not be denied in this respect that the national states lose the status of not only "survival units", but also the dominant subjects of the world's political, economic and cultural processes, increasingly these functions take on the military-political blocks, economic alliances, network organizations, etc. Understanding the changes in the world accompanied by the appearance of a part of the humanitarian discourse about forecasts relating to the new world order. Modern researchers predict a return to the world politics of "global warriors", referring to religious communities and transnational corporations; position the emergence of new "monopoly" subjects of the global human community, foretelling a "clash of civilization" and "a clash of fundamentalisms"; note the tendency towards the return of a heterogeneous world system, similar to the one that existed in the pre-industrial era, to the reorganization of the world on the basis of the national-state principle, when the subjects of politics were not only states but also church communities, religious orders and trade unions. Active integration and communication processes in a number of cases give grounds to assert that the further development of mankind will go along the path of reducing the national and increasing socio-cultural (class, professional) diversity." It is quite obvious that this order of things leads to a slow decay in individuals of interest in the concept of state, nation, ethnicity, identity in general. Therefore, in recent years active measures have been taken in our country to restore the national culture, nation, and ethnic identity. The media are actively working to develop this topic, the government is adopting programs and strategies aimed at preserving cultural identity [13, p. 101].

In recent years, the study of the problem of ethnicity in Kazakhstan is becoming relevant for sociology, historical science, ethnology, as well as for psychology and in many other areas. For this

reason, in February-March 2017 we conducted an online survey on the social network Facebook. The purpose of the survey was to identify the markers of ethnic identity in the modern post-Soviet population of Kazakhstan as a whole, and in the groups of “shala” and “nagyz” Kazakh artificially formed within society due to socio-political and social processes. In our network survey 255 people took part, 30 of whom filled out a questionnaire in Kazakh and 225 people filled out a questionnaire in Russian. The questionnaire consisted of 13 questions, divided into two blocks: a socio-demographic block and a thematic cluster (see Appendix). In the survey, respondents aged 12 to 68 years old took part, among of them 39.4% men and 60.6% women. The majority of respondents and their parents have higher education (bachelor, master or PhD) - 93.3% and 84.3% respectively; 95.7% of respondents live in cities. Due to the network nature of the survey, most cities and districts of Kazakhstan were covered: Astana, Almaty, Atyrau, Aktobe, Aktau, Baikonur, Uralsk, Ust-Kamenogorsk, Karaganda, Kyzylorda, Kokshetau, Pavlodar, Semey, Taraz, Taldykorgan, Shymkent. Some respondents also noted that they live in Bishkek, Moscow, Toronto, the United States and Europe. About the nationality of parents respondents answered: “both Kazakhs” 77.3%; “Both Russians” 5%; “Both Uighurs” 0.78%; “Both Ukrainians” 0.4%; The remaining 16.52% of the respondents indicated a different mix of Kyrgyz, Tatar, Turkish, Greek, Russian, Ingush, Ukrainian, Uighur, Jewish, German, and Chinese nationalities. Within the limits of this article, it is possible to briefly analyze the main features that Kazakhs should have in their opinion and ways of forming the distinctive features of Kazakhs.

Thus, according to the analysis of the data, 48% of respondents consider the ethnos as a stable collective of people united by history, territory, external characteristics, traditions and rituals and the language of communication, i.e. primordialism remains the dominant characteristic in the formation of the national image (see Diagram1) [1].

Diagram1

The next marker that defines the image of the Kazakh is the universal characteristics and qualities (32, 15% of respondents), both negative and positive. For example, honor, charity and benevolence, hospitality and responsiveness, patience, were especially noted, respect for the elders, as well as bragging, not punctuality, irresponsibility and arrogance. Also one of the most important features is the citizenship indicated in the document (2.7% of respondents) and the conscious choice of the individual, his sense of belonging to the Kazakhs (3.14% of respondents).

How are these signs of the ethnic Kazakh formed, in the opinion of the respondents? Main ways

that make up the distinctive features of the Kazakh are: environment, family and upbringing in it (23.1%), mentality and positive human qualities (23.5%), socio-economic, political situation and public opinion (5.14%). The respondents assign a large role to the same primordialist characteristics as traditions and cuisine, the Kazakh language, external characteristics, genetics and pedigree, territory of residence and knowledge of the history of their people (36.7%).

The next questions that interested us were: who are the “shala kazakh” and “kazakh”, and how do the respondents understand these terms? In dictionaries of the Kazakh language the word “shala” means “half-hearted” or “somehow”, depending on the context, and the word “nagyz” means “true”, “real”, “most”. Shala-Kazakh, from the out-of-date Chala-kazakh, are an ethnic group of metis from mixed marriages of Kazakhs with other peoples (Tatars, Uighurs, Uzbeks, Russians, Ukrainians, etc.). The ethnonym “Chala-kazakh” was used in the 18-19 centuries. But at the present time “Shala Kazakh” are called Kazakhs who do not speak the Kazakh language and those who do not honor the Kazakh culture [1]. According to the survey data, the following distinctions are made to determine the image of the “shala” (see Diagram2) and “nagyz” (see Diagram3) Kazakh.

Diagram2

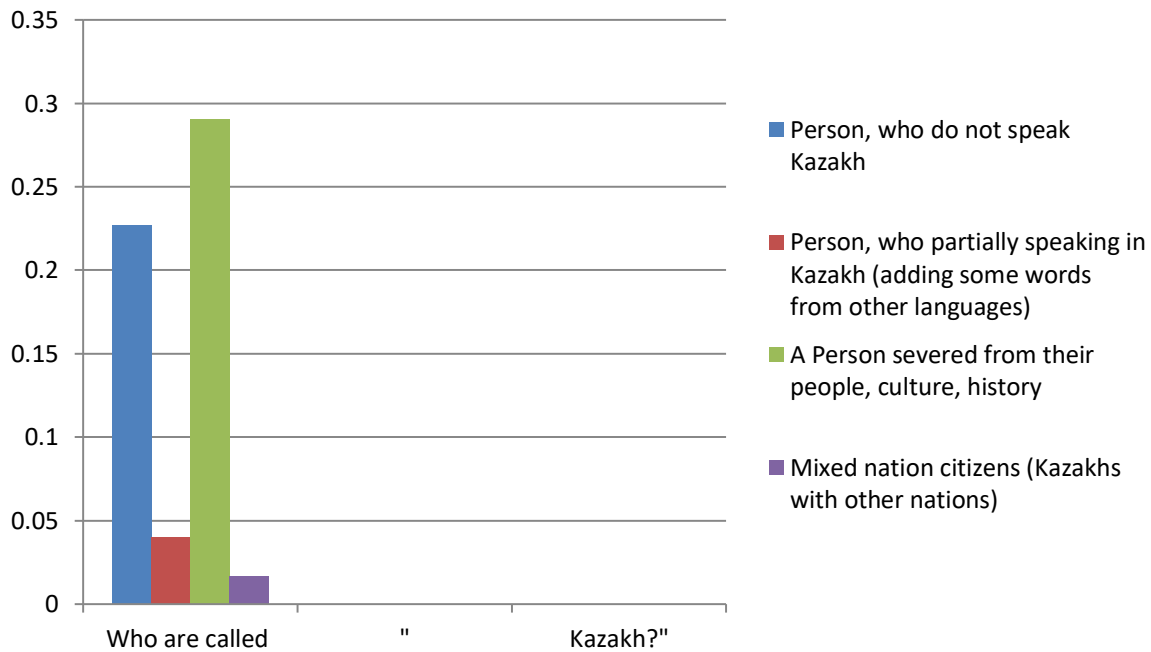
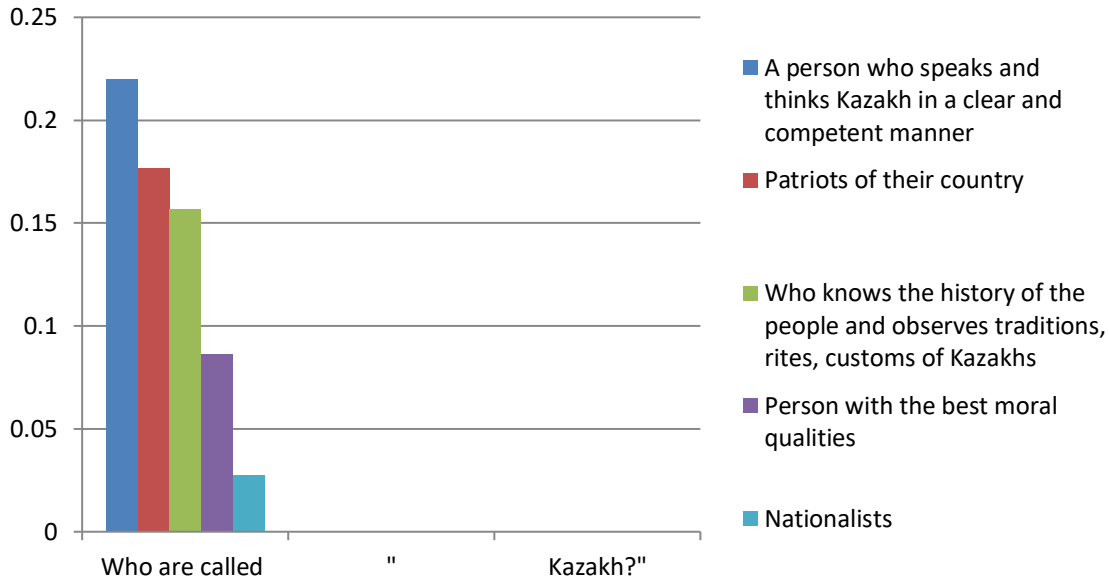

Diagram3

Apparently, one of the important components of the image of the “nagyz” Kazakh is the knowledge of the native language at the level of the carrier. The problem of the Kazakh language, which has become unclaimed even in the period of Soviet power, remains one of the dominant in the country. According to the research of M.S. Shaikemelev and A.N. Nysanbayev in the new post-Soviet society on the basis of language stratification, three groups of Kazakhs are distinguished: 1) “kazakhi-pochvenniki”, who know Kazakh in perfection, but who are experiencing difficulties with the Russian language; 2) bilingual Kazakhs, who freely speak and understand both languages; 3) “kazakhi-marginaly”, who do not speak Kazakh or only in common Kazakh [3, p. 89]. Nevertheless, according to the respondents, in addition to knowledge of the language, history and tradition, it is important to be loyal to your country, to serve for the good of the motherland and to be a good person with the highest moral qualities. This is the image of the “nagyz” Kazakh in society in the opinion of the majority. However, 2.75% of respondents out of 255 people recognize the “exclusiveness of the Kazakh nation” and display some features of nationalism. The relation to nationalism, its interpretation in modern Kazakhstan is a legacy of the Soviet past. In the Soviet Union, the attitude toward nationalism, as is well known, was sharply negative. Nationalism was seen as a terrible social and political evil, which must be ruthlessly combated until its complete eradication. This understanding of nationalism went deep into the mass consciousness. It also determined the attitude of scientists to the study of national processes in the USSR and Kazakhstan. Nationalism was opposed by internationalism as the ideal of interethnic relations. This understanding of nationalism in many respects remains to this day in the entire post-Soviet space. Until now, the definition of “nationalist” is used in the journalism and the relations of ethnic elites as a scarecrow and a label. Therefore, many writers on the national theme try to avoid this word [9].

Within the survey it was found that 29.4% of respondents consider themselves as “shala” Kazakhs because of not knowing the language or not observing the tradition, lack of patriotism. Then, 22% of respondents attributed themselves to the group of “nagyz” Kazakh, where 14.12% of respondents consider it is sufficient to be born in Kazakhstan and to have citizenship, to be useful to the country, to feel closeness with the people, regardless of the nation, in order to call themselves “nagyz” Kazakh. It is also important that 33% of respondents did not identify themselves with any of the groups, considering such a division as unacceptable, dissociative, inciting internal conflicts in the country.

Conclusion

The analysis of this pilot study gives a certain typology and reveals the mindset of the people of Kazakhstan regarding their identity. In turn, M.S. Shaikemelev and A.N. Nysanbayev in the above-mentioned study of the post-Soviet identity made a conclusion about the “clearly eroded hyperidentity of Kazakhs” on the basis of the conservatism of Kazakhs in the politics of mixed marriages and the orientation toward nationality in choosing a partner in marriage (44.4%) [3, p. 87]. In our study, the trajectory is directed toward marking the signs within the ethnos, after a period of prolonged interaction with other ethnoses of the Soviet Union. Here we noted an imbalance in the behavior of ethnic Kazakhs that varies between hyperidentity and ethnic nihilism. This state of ethnic identity fully explains the fact of the division of society into two groups of “shala” and “nagyz” Kazakhs, with inherent characteristics for each group.

In this chapter, consisting of three subparagraphs, we consider: first, the basic methods of ethnic identity described in foreign science for a given period; secondly, a description is given of a study on the topic of ethnic identity by Soviet and Kazakh scientists; thirdly, a pilot study of the new post-Soviet ethnic identity in Kazakhstan is being conducted. This study was conducted in February-March, 2017 in the order of an online survey in the social network Facebook. All data obtained during the survey were processed and presented in the thesis.

REFERENCES

- Sydykov E.B. Lev Gumilev: enciklopediya. – M: Hudozhestvennaya literatura, 2013. – 423 p.
- Khasanov M.S. Teoriya i metody issledovaniya phenomena etnicheskoj identichnosti//VestnikKazNU – Almaty, 2015. – P. 4-10.
- Shaikemelev M.S., Nysanbayev A.N. Metodologicheskie poghody k izucheniyu etnoidentichnosti v postsovetском humanitarном diskurs: kazakhstanskii opyt//SocIS – Almaty, 2013. – P. 80-91.
- Sadokhin A.P. Etnicheskaya identichnost lichnosti // Etnopedagogika. – Almaty, 2007. – P. 27-37.
- Sadokhin A.P. Etnologiya. – M.: Gardariki, 2001. – 287 p.
- Ospanov T. T. Philosophiya kak prizvanie i proffessiya. Rol istoricheskoj pamyati v phormirovanii nacionalnoj identichnosti // VestnikKazNU – Almaty, 2015. – P. 91-94.
- Nazarbayev N. A. V potoke istorii. – Almaty: Atamura, 1999. – 296 p.
- Nurgalieva M. Rol instituta presidentstva v processe konstruirovaniya nacionalnoj identichnosti Kazakhstan a// Izvestiya NAN PK – Almaty, 2009. – P. 128-134.
- Kadyrzhanov R.K. Etnokulturnyi simvolizm i nacionalnaya identichnost Kazakhstana. – Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON PK, 2014. – 168 p.
- Shaikemelev M.S. Kazakhskaya identichnost. – Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON PK, 2013. – 272 p.
- Toktarov E.B. Internet i nacionalnaya identichnost kazakhov // Vestnik KazNU. – Almaty, 2015. – P. 64-70.
- Ospanov T.T. Vliyanie globalizacionnyh processov na nacionalnuyu identichnost v sovremennom Kazakhstane. Vestnik KazNU, 2015. – P. 68-73.
- Baygabatova N.K., Isazhanova A.I. Teorico-metodologicheskie voprosy psihologicheskoj i pedagogicheskoj nauk. Teorico-metodologicheskie podhody v osmyslenii phenomena etnokulturnoj identichnosti // Research Center of Scientific Philosophy and Local History – Taldykorgan, 2015. – P. 100-106.

APPENDIX

Questionnaire for online survey:

“Anonymous survey for the analysis of the criteria of ethnic identity of the individual. This survey is conducted by a student of the Faculty of History of KazNU named after al-Farabi with the purpose of finding out the criteria and attributes of the ethnic identity of the population of Kazakhstan at the present stage of history and reflecting them in the scholarly work of the student. The survey is anonymous, answers to questions are not subject to disclosure.”

1. Indicate, please, your gender:

Male

Female

2. Please indicate your age:

3. Please indicate the level of your education:

High school

Higher education (bachelor/specialist)

Higher education (Master or PhD/Ph.D and more)

4. Please indicate the level of education of your parents:

High school

Higher education (bachelor/specialist)

Higher education (Master or PhD / Ph.D and more)

5. What is your main language of communication?

Russian

Kazakh

6. Please indicate your place of residence:

City

Village

7. Indicate, please, the region of your main residence:

8. Are both your parents Kazakhs? If not, please indicate the nationality of your parents:

9. What signs, in your opinion, should have a person, who indicate himself as a Kazakh?

10. How do you think the main distinctive features of Kazakhs are formed?

11. Who would you call "shala" Kazakh?

12. Who would you call "nagyz" Kazakh?

13. To which group of Kazakhs do you belong, "shala" or "nagyz"? Explain why and on what signs.

Анкета для онлайн-опроса:

“Анонимный опрос для проведения анализа критериев этнической идентичности личности.

Данный опрос проводится студентом исторического факультета КазНУ им. аль-Фараби с целью выяснения критериев и признаков этнической идентичности населения Казахстана на современном этапе истории и отражения их в научной работе студента. Опрос анонимный, ответы на вопросы разглашению не подлежат.”

1. Укажите, пожалуйста, Ваш пол:

Мужской

Женский

2. Укажите, пожалуйста, Ваш возраст:

3. Укажите, пожалуйста, уровень Вашего образования:

Средняя школа

Высшее образование (бакалавр/специалист)

Высшее образование (магистр или PhD/кандидат наук и выше)

4. Укажите, пожалуйста, уровень образования Ваших родителей:

Средняя школа

Высшее образование (бакалавр/специалист)

Высшее образование (магистр или PhD/кандидат наук и выше)

5. Какой Ваш основной язык общения?

Русский

Казахский

6. Укажите, пожалуйста, место Вашего основного проживания:

Город

Село

7. Укажите, пожалуйста, регион Вашего основного проживания:

8. Оба ли Ваших родителя казахи? Если нет, то укажите, пожалуйста, национальность Ваших родителей:

9. Какими признаками, на Ваш взгляд, должен обладать человек, называющий себя казахом?

10. Каким образом, по Вашему мнению, формируются главные отличительные признаки казахов?

11. Кого бы Вы назвали "шала" казахом?

12. Кого бы Вы назвали "нағыз" казахом?

13. К какой группе казахов Вы себя относите, "шала" или "нағыз"? Объясните, почему и по каким признакам.

Онлайн-сауалнама сұрақтары:

“Тұлғаның этникалық бірегейліктің критерийлерін талдауына арналған анонимді сауалнама. Берілген сауалнама қазіргі кезеңдегі Қазақстан халықтарының бірегейлігі белгілерін анықтау мақсатында жүргізіліп, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың тарих факультеті студентінің ғылыми жұмысында көрініс табады. Сауалнамада мәлімет берушінің аты жөні көрсетілмейді, сұрақтарға жауаптар жарияланбайды.”

1. Сіздің жынысыңыз:

Ер

Әйел

2. Сіздің жасыңыз нешеде?

3. Сіздің білім деңгейіңіз:

Орта мектеп білімі

Жоғары білім (бакалавр немесе маман)

Жоғары білім (магистр немесе PhD, ғылым кандидаты, т.б.)

4. Ата-анаңыздың білім деңгейін таңдаңыз:

Орта мектеп білімі

Жоғары білім (бакалавр немесе маман)

Жоғары білім (магистр немесе PhD, ғылым кандидаты, т.б.)

5. Негізгі қарым-қатынас тіліңіз қандай?

Қазақ тілі

Орыс тілі

6. Негізгі тұрғылықты орныңызды таңдаңыз:

Қала

Ауыл

7. Негізгі тұрғылықты аймағыңызды жазыңыз:

8. Ата-анаңыздың екеуі де қазақ па? Егер ата-аналарыңыз өзге ұлтты болса, қандай ұлт екенін жазыңыз:

9. Сіздің ойыңызша, өзін қазақпын деп санайтын адамның бойында қандай қасиеттер болу керек?

10. Сіздің ойыңызша, қазақтардың негізгі ерекшеліктері қалай қалыптасады?

11. Сіз "шала" қазақ деп кімді атар едіңіз?

12. Сіз "нағыз" қазақ деп кімді атар едіңіз?

13. Сіз өзіңізді қай тиесілі топқа жатқызасыз, "шала" қазақ тобына ма әлде "нағыз" қазақ тобына ма? Не себепті және қай қасиеттер негізінде екендігін жазыңыз?

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 930:94(574) «16/17»

ҚАЗАҚ-ЖОҢҒАР ҚАТЫНАСЫ АЛЫС ШЕТЕЛ ЗЕРТТЕУШІЛЕРІНІҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕ

Құрманалина Н.Н.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Алматы қ., Қазақстан) PhD
докторы
E-mail: nurgulca@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада қазақ-жоңғар күресі мәселесіне қатысты алыс шетел зерттеушілерінің жарияланған еңбектері қарастырылған. Қазақ пен жоңғар халықтарының өзара қатынастары бойынша шетел тарихнамасындағы басты бағыттар көрсетіледі. Ғалымдардың ағылшын тілінде жарияланған еңбектерін саралау арқылы проблеманың зерттелу барысына баға беріліп, жекелеген қорытындыларға талдау жасалады.

Түйін сөздер: Қазақ халқы, жоңғарлар, соғыс, орыстар, Қытай, АҚШ, Жапония, Еуропа, қорытынды.

КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Курманалина Н.Н.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (г. Алматы, Казахстан) PhD
E-mail: nurgulca@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические труды ученых дальнего зарубежья по вопросу казахско-джунгарских войн. Определены основные направления зарубежной историографии по взаимоотношениям двух народов, казахов и джунгаров. Изучая англоязычные труды исследователей, оценивается степень изученности данной проблемы, анализируются значимые выводы и заключения этих историков

Ключевые слова: казахский народ, джунгары, война, русские, Китай, США, Япония, Европа, вывод

THE KAZAKH-DZHUNGAR RELATIONSHIPS IN THE WORKS OF 'FAR ABROAD' RESEARCHERS

Kurmanalina N.N.

Institute of History and Ethnoogy named after Ch.Ch. Valikhanov, (Almaty, Kazakhstan) PhD
E-mail: nurgulca@mail.ru

Abstract. The article examines the historical works of far abroad scholars on the issue of Kazakh-Dzhungarian wars. The main directions of foreign historiography on Kazakh-Dzhungar relations are identified in this paper. Studying the English-language works of researchers, the author assessed the level of knowledge on this issue. Besides, some significant conclusions of these historians are analyzed in this

work.

Keywords: Kazakh people, Dzhungars, war, Russians, China, USA, Japan, Europe, conclusion.

Кіріспе

Қазақ-жоңғар қатынастарының, соның ішінде екі ел арасындағы соғыстардың тарихы отандық тарихнамадағы өзекті тақырыптардың бірінен саналатындықтан, қазақ-жоңғар қатынастарының алыс шетелдерде зерттелуіне де көңіл бөлу – әлемдік тарих ғылымының даму тұрғысынан маңызды мәселе.

Қазақ-жоңғар соғыстары туралы тарихи мағлұматтар берілген ағылшын тіліндегі еңбектердің негізінен бірнеше бағыттарын айқындап көрсетуге болады. Олар: дүниежүзі тарихына; Азия елдерінің тарихына; моңғолдардың тарихына; Қытай елінің тарихына; Ресей және қалмақтар тарихына; қазақ халқының және жоңғарлардың тарихына арналған зерттеу жұмыстары [1, 81-б.]. Бұл тізбектегі еңбектердің басым бөлігінің авторлары тегі еуропалық зерттеушілер.

Ендігі кезекте алыс шетелдердегі, яғни алдыңғы қатарлы Еуропа елдерінде, АҚШ, Жапония сияқты мемлекеттерде жарық көрген еңбектерге шолу жасау барысында қазақ-жоңғар елдерінің қарым-қатынастары бойынша зерттеулерге жекелеп талдау жасасақ.

Тарихшы Г. Ховорс (Henry H. Howorth) Моңғол тарихына арнаған – «History of the Mongols: from the 9th to the 19th century» атты төрт кітаптан құралған еңбегінде қазақ елінің тарихына қатысты мәліметтер келтірген. Ол тақырыпшаларын қысқаша түрде хандардың есімімен атап беріп отырған. Оның ішінде қазақ-жоңғар байланыстарына қатысты мәліметтер Жәңгір хан, Тәуке хан, Болат хан немесе Сәмеке, Әбілмахмет хан, Абылай хан, Уәли хан, Әбілхайыр хан, Нұралы хан, Ералы хан өмірбаяндарын келтірген тақырыпшаларда кездеседі. Ол еңбегін жазу барысында Вельяминов-Зернов, Миллер, Левшин, Фишер еңбектеріне және т.б. деректерге сүйенген [2].

Француз шығыстанушысы Р. Груссенің (René Grousset) «The Empire of the Steppe» (Дала империясы) еңбегі көптеген тілдерге аударылған. Ол жұмысындағы 15-тарауында Моңғолияның соңғы империясының XV-XVIII ғғ. тарихын қамтыған. Тараудың бірнеше тақырыпшалары ойраттардың тарихына байланысты болғандықтан, бұл жерде де қазақ-жоңғар соғыстары бойынша фактілер келтірілген [3]. Тарихшының Қытай империясының тарихы бойынша жазылған – «The Rise and Splendour of the Chinese Empire» деген еңбегінде де қарастырып отырған тақырыпқа келетін мәліметтер кездеседі [4].

Неміс тарихшысы Б. Спулердің (Bertold Spuler) моңғолдар тарихы туралы «The Mongols in History» еңбегін Уилер (Geoffrey Wheeler) ағылшын тіліне аударған. Жұмыс университетте оқылатын лекция курстары ретінде жазылған. Автор кітабында Шығыс Түркістанның Жоңғария мен Қытайдың қоластында болған уақытына сипаттама берген. Онда Галданнан кейін тақ мұрагерлері болған Цеван Рабтан мен Галдан Цереннің қазақтармен және қытайлармен жүргізіліп отырған соғыстарға қарамастан, осы аймақты өз бақылауында ұстап баққандығына тоқталған [5].

Белгілі американ гуманисті Л. Крэйдер (Lawrence Krader) моңғол-түркілердің әлеуметтік құрылымы бойынша жазған «Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads» атты еңбегінде қазақтардың тарихына қатысты мәселелерге жеке тарау арнаған [6]. Қазақ халқының әлеуметтік құрылымы, этнографиялық мәселелер туралы жазған. Аталған мәселелер бойынша әр жүздерге жеке жеке тоқталған. Автор үйлену, отбасын құру ерекшеліктері сияқты этнографиялық бағыттағы мәселелерді қозғаған. Ол «Peoples of Central Asia» деген келесі еңбегінде қазақтардың 1750-жж. Әмірсана тұсындағы жоңғарлардың қытайларға қарсы соғысына атсалысқаны және Әмірсана толықтай жеңілгеннен кейін қазақтардың кейін қайтқаны туралы айтылады [7, p. 98].

Американдық моңғолтанушы Крюгер мен Борманчиновтың (John R. Krueger, Arash Bormanshinov) редакторлығымен шыққан «Kalmyk-Oirat Symposium» қалмақ-ойрат симпозиумының материалдар жинағында тақырыпқа қатысты бірнеше зерттеу мақалалары

топтастырылған [8]. Бұл жинаққа Вернадскийдің орыс-қалмақ қатынастарының негіздері туралы жазған мақаласы енген. Автор 1634-1665 жж. ең мықты ойрат князі – Жоңғарияның билеушісі, Батыр қоңтайшы болғанын көрсеткен. Алайда ол билігі шексіз монарх болмаған, оған барлық княздер бағынбаған. Зерттеушінің ойынша, егер ойраттар жаулаушылық саясат ұстанбаса немесе оларды мықты көршілері қоршаған болмаса, ойраттар үшін мықты мемлекеттік биліктің болуы аса маңызды болмас еді. Алайда қалыптасқан жағдайға байланысты мықты орталықтанған биліктің жоқтығы алдын ала болуы мүмкін қалмақ экспансиясының аумағын шектеп, соңында осы экспансияның сәтсіздігінің бір себебі болды. Вернадский бұндай әлсіздік элементтері ойраттардың ғана қоғамдық-саяси ерекшелігі емес, сол уақыттағы барлық моңғол әлеміне тән болғанын қорытындылаған [9, p. 13-14].

Келесі бір американдық зерттеуші Паула Рубел (Paula G. Rubel) «The Kalmyk Mongols: a Study in Continuity and Change» еңбегінде қалмақ-моңғолдар тарихын жазған [10]. Ол Құрама Штаттардағы қалмақ-моңғолдар туралы жазу үшін олардың Орталық Азия жерінде басталған тарихына қысқаша тоқталуды жөн санаған. XVII ғ. 30-жж. ойрат тайпаларының кей бөлігінің Еділ бойына көшіп баруына, автордың ойынша, жоңғар билеушілеріне қарсылық көрсету емес, жайылым жерлердің тарлық етуі себеп болған. Өйткені олардың барлығы 1640 ж. моңғол-ойрат заңын қабылдау үшін бас қосқан. Оның үстіне көшіп кеткен тайпалар мен жоңғарлар арасындағы байланыстар буддизмді ертеректе қабылдау нәтижесінде бұған дейін де тығыз болған.

Зерттеушілердің (Stephen A., Halkovic, Jr.) «The Mongols of the West» еңбегі тікелей батыс моңғолдары, яғни ойраттар туралы жазылған [11]. Онда ойрат тайпаларының тарихы мәселелері талданған. Алайда бұл зерттеу жұмысында тікелей жоңғарлардың қазақтармен жүргізген соғыстары туралы проблемалар көтерілмеген. Аталған ғалымдар «Introduction to Mongolian History and Culture» деп аталған еңбегін серіктес авторлықпен (Moses L., Stephen A., Halkovic, Jr.) жарыққа шығарған. Ойраттардың жаңа билігі моңғол астанасы Қарақорымды қайтару үшін, мәнжүрлерге қарсы тұруға қауқарлы болуы үшін ұлы билеушіні қажет етті. Бұл үлкен міндеттерді Галданның өз мойнына алғаны көрсетілген [12, p. 113-114].

Неміс тарихшысы Б. Спюлер (Bertold Spuler) моңғолдар тарихы туралы «The Mongols in History» еңбегінде зерттеу тақырыбына тиісті мағлұматтарды қамтуға тырысқан [13]. Бұл жұмыс ағылшын тіліне аударылған. Нью-Йоркте Рывкиннің (Rywkin M.) редакторлығымен жарық көрген «Russian Colonial Expansion to 1917» еңбегінде бірқатар зерттеушілердің ғылыми жұмыстары топтастырылған [14]. Мак Кензи (David Mac Kenzie) «The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850» деген мақаласында Қазақстанның Ресейдің қоластына енуіне қатысты мәселелерді көтерген [15, p. 203]. Ол Қазақстанды қосып алғаны үшін Ресейдің шеберлігіне құрметпен қарауға болатынын ескереді. Себебі қазақ жерінің аумағы Еуропалық Ресейді қосқандағы барлық Еуропа аймағының төрттен біріне шамалас болған. Зерттеушінің көрсетуінше, атты жауынгерлер, яғни қазақтар Ресей билігін номиналды түрде мойындағанмен, кейін ресейліктердің қазақ жерлеріне ене бастауын құптамаған. Қазақтардың қауіпті әрі өздеріне жақын орналасқан қас жауының болуы, Батыс Моңғолдар тарапынан, кейін Қоқандықтардан қысым көруі Ресейден қорғаныс іздеуге мәжбүрлеген.

«The Partition of the Steppe: the Struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for Empire in Central Asia» атты еңбекте қазақ халқының жоңғарларға қарсы күресі бойынша мол мағлұматтар берілгендігін жеке атап өтуге тұрады. Бұл еңбегін Бергольц үш үлкен тарау бойынша жазған. Бірінші тарау Ресейдің Сібірді жаулауы және оның моңғолдармен, қытайлармен алғашқы байланыстарына арналған. Ал екінші тарауда Цинь династиясының Ресеймен қатынасы қарастырылған. Соңғы тараудың аталуы өлкеде орын алған соңғы оқиғалар ретінде көрсетілген. Бұл үшінші тараудағы, яғни өлкедегі соңғы оқиғаларды ашу барысында зерттеуші мәселені екі тарауша бойынша бөліп зерттеген. Соның біріншісі қазақтардың жоңғарлардан қорғануда

Ресейден көмек іздеуі туралы және жоңғар хандарының Ресейдің Қазақстанды экспансиялауына жауабы мәселелерін қамтыған. Екінші тараушада Галдан Цереннің өлімі, Жоңғариядағы Цинь саясаты және Жоңғар хандығының құлауы турасындағы оқиғалар зерттеу нысаны болған. Еңбекте қос көшпелі мемлекет арасындағы жаулаушылық себебі жайылым жер үшін, Сыр бойындағы қалалар үшін және діни сенімдерінің өзгеше болуымен түсіндірілген [16, p. 356]. Бұл зерттеуде қазақ халқының жоңғар шапқыншылығына қарсы күресі оқиғалары салыстырмалы түрде толыққанды (1635 ж. соғыстан бастап Жоңғар хандығы құлағанға дейінгі екі ел арасындағы күрестер) қамтылған. Автор зерттеу жүргізу барысында орыс тіліндегі деректер мен еңбектерге де сүйенген.

Қазақтар тарихы туралы зерттеп жүрген М. Олкоттың (Martha Brill Olcott) бірнеше рет басылып шыққан «The Kazakhs», яғни «Қазақтар» деп аталатын еңбегінің алыс шетелдік тарихнамада алатын өз орны бар. Ғалымның сипаттауынша, Тәуке хан тұсында қазақтар өз жерлерін қорғап тұра алмаған. 1681-1685 жж. Галдан қоңтайшы бірте-бірте оңтүстік Қазақстанды толықтай басып алған, Сайрам сияқты қалаларды алған. Цеван Рабтан болса Сарысу өзенінен өтіп, Орта жүздің солтүстік шығыс аймағын еніп, Тәуке хан отырған Түркістанды қоршаған. Зерттеуші жоңғар тарапынан осындай басқыншылық әрекеттер соңында қазақтардың тәуелсіздігін жоғалтып, Ресейге қосылуына алып келгенін көрсетті [17, p. 26].

Пердудің (Peter C. Perdue) «Fate and Fortune in Central Eurasian Warfare: Tree Qing Emperors and their Mongol Rivals» атты мақаласы американдық тарихшы Космонның (Nicola Di Cosmo) басқаруымен шыққан «Warfare in Inner Asian History (500-1800)» жинағында жарияланған. Перду мақаласында әскери тарихтың Азиядағы және Батыстағы тарих жазудың ең көне түрлеріне жататынына және бұл бағыттың бүгінгі күнде де өзекті болып отырғанына назар салған. Автор Ресей, Қытай, Жоңғарияның бір мезетте мемлекеттер ретінде көтеріліп, Орталық Еуразиядағы билікті өз қолдарына шоғырландыруға тырысқаны туралы қорытынды жасаған. Алайда аталған елдер көздеген мақсатқа жетуде әр нәрсеге мүдделі болған. І Петр Сібірді басып алу арқылы экономикалық жетістіктерге жеткісі келсе, өз кезегінде Цинь үшін Ресей мен Жоңғария одағы тиімсіз болды. Ал жоңғарлар тіршілігі үшін екі аграрлық мемлекет (Қытай мен Ресей) арасындағы кез келген бағыттағы бірлестік қауіпті еді. Соңында тек бұлардың екеуі ғана қалғаны белгілі. Зерттеуші бұл мәселеде Т. Барфилдтің шекаралық қақтығыс теориясын ескеруге тырысқан [18, p. 372].

Зерттеуші Уилер (Wheeler, Geoffrey) «The Peoples of Soviet Central Asia» деген еңбегі советтік Орталық Азия халқы туралы жазылған. Оның бұл жұмысында XVIII ғ. 50-жж. жоңғарлардың Жетісуға жасаған шапқыншылығы көшпелілердің жасаған соңғы басқыншылығы ретінде сипатталған. Автор жалпы алғанда, тұтас XVIII ғасырдағы қазақ тарихының кеңестік нұсқасы қарама-қайшылыққа толы болғанын байқаған [19, p. 27]. Аталған зерттеушінің келесі «The Modern History of Soviet Central Asia» атты еңбегі де советтік Орталық Азияның тарихына арнаған. Ол ғылыми жұмысында XVII ғ. - XVIII ғ. бас кезінде қазақтардың салыстырмалы түрде ынтымағы күшті болмағандықтан, оларға ойраттардың шапқыншылығына қарсы тұру қиындық туғызғанын қорытындылайды [20, p. 27].

Сол сияқты Голденнің (Peter B. Golden) «Central Asia in World History» атты ғылыми жұмысы Орталық Азия тарихына арналған. Ол еңбегінде қазақтардың қалмақтар мен жоңғарлардың арасында қалғанын ерекшелеген. «Ақтабан шұбырынды» оқиғасының мәнін қазақтардың көше бергендігінен, аяқтарының зақымданғанына байланысты туындағаны туралы пікірін келтірген. Халықтың үштен екі бөлігі қырылып, ел Ресей, Қалмақ, өзбектер шекарасына ауа көшкені сипатталған. Оқиға соңы қазақ жүздерінің бірте-бірте Ресей қоластына кіруімен аяқталғаны түйінделген [21, p. 120].

Борманчиновтың «The lamas of the Kalmyk people: the Don Kalmyk Lamas» атты еңбегі

Қалмақ ламаларының тарихына арналған. Зерттеуші: «The Kalmyks were ruled by khans, direct descendants of the Torgut khan, Kho Urluk. It was who led the westward en masse migration of the ancestors of the Kalmyk people, then known under their tribal names or as DorbonOyirad, from their ancient homeland, Dzungaria, in the 1620s and 1630s», - деп көрсете отырып, қалмақтардағы билік жүйесі туралы сөз етеді. Олардың шығу тегі Торғауыттан шыққан Хо Өрліктен басталатыны және аталған ханның Дербен Ойрат тайпалық атауымен белгілі болған елін Отаны – Жоңғариядан 1620-1630 жж. өзі бастап көшіріп әкелгені туралы, яғни қалмақтардың арғы тарихы баян етілген. Сонымен қатар жұмыста ойраттардың діни бағыттағы даму өзгерістері кеңінен көрініс тапқан [22, p. 1].

Сванбергтің (Svanberg, I.) «Contemporary Kazaks: Cultural and Social Perspectives» атты еңбегі қазақтардың мәдени және әлеуметтік басымдықтарын зерттеуді мақсат еткен. Автор 1645 ж. Каспий теңізінің солтүстік жағалауында белгі орнағаннан кейін қазақтар Ішкі Азиядағы ұлғайып келе жатқан екі империяның, яғни Ресей мен Қытай арасындағы буфер іспеттес болған. Жоңғарлардың басқыншылықтарының салдарынан қазақтар XVIII ғ. Ресей патшасынан қорған сұрап, 1731 ж. Кіші жүз, 1740 ж. Орта жүз, ал 1742 ж. Ұлы жүз қазақтары еркіндігінен айрылған [23, p. 8-9]. В. Мартиннің (Virginia Martin) «Nomadic Land Claims in the Colonized Kazakh Steppe» атты мақаласында қазақ жерінің колонияға айналуы мәселесі жазылған. Зерттеуші XIX ғ. екінші жартысында Ресей империясын қазақтарды отарлап, өлкеге славян шаруаларын қоныстандырып, заңдық әрі әкімдік мекемелер жұмысын алға қойып үлгергенін алға тартты [24, p. 65].

Жапондық зерттеушілер Жоңғария тарихын зерттеуге өз үлестерін қосып жүр. Мияуаки (Miyawaki) «A Volga-Kalmyk Family Tree in the Ramstedt Collection» атты мақаласында Рамстедттің деректеріндегі Еділ қалмақтарының шығу тегіне қатысты мәселелерді көтерген [25]. Мияуаки жалпы ойраттардың тарихы бойынша зерттеулерін жүргізіп, еңбектерін XVIII ғ. Халқа монғолдары мен ойраттар тарихына, Жоңғар хандығына, Еділ қалмақтарына, қалмақ тайшыларына, аталған тайпалық бірлестіктердің кейбір тарихи проблемаларына арнаған [26-27]. Оның «History of Civilizations of Central Asia» еңбегінде жарияланған ғылыми жұмысы бірлескен авторлықта (Bai Cuiqin, Kyzlasov L.R.) жазылған. Онда Галданның қазақтар мен қырғыздарға қарсы жаулаушылық соғыстар жүргізіп, Ташкент пен Сайрам қалаларын басып алып, Әндіжан қаласы үшін соғыс ашқаны көрсетілген: «Every year from 1681 he marched westward, attacking the Kazakhs and the Kyrgyz. He (Galdan) took Tashkent and Sairam in 1684 and made war on Andijan in 1686» [28, p. 149].

Келесі жапон зерттеушісі Окада (H. Okada) «Galdan's Death: When and How?» деп аталатын келесі зерттеу мақаласында Жоңғария билеушісі, Галданның өліміне қатысты проблемаларды талдайды [29]. Ол дербен ойраттардың шығу тегінің тарихын «Origins of the Dörben Oyirad» мақаласында қарастырады [30].

Джин Ноданың (Jin, Noda) 2016 ж. ғана шыққан «The Kazakh Khanates Between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations During the Eighteenth and Nineteenth Centuries (Islamic Area Studies)» деген еңбегі атауында берілгендей XVIII-XIX ғғ. Ресей мен Цинь империялары арасындағы Қазақ хандығын Орталық Еуразиядағы халықаралық қатынастар тұрғысынан зерттеу нысанына айналдырған. Ол Қазақстанның геосаяси орналасу жағдайына ерекше көңіл бөлген, оның себебі республиканың территориясы екі алып мемлекеттің арасында жатыр. Зерттеуші еңбектерінде Ресей, Қытай мұрағаттарының деректерін, Құрбанғали Халид еңбегін де қолданған. Өз жұмысының методологиясына түсініктеме беру барысында Ресей мен Қытайдың қазақ еліне қатысты саясатының мақсатына қарай империяларда жинақталған деректердегі ақпараттардың әр қилы болғанын байқаған. Сол себептен де автор аталған елдердегі деректерді мүмкіндігінше салыстыра қарап, талдау жасағанын түсіндіре жазған [31, p. 3]. Джин Нода «Turkistan as the Capital of the “Kazakh Khanate” in the 16-19 Centuries» аты мақаласында

Ресей және Қытай мұрағаттарының деректеріне сүйене отырып, қазақ билеушілерінің түсінігінде Түркістан қаласының ерекше символ іспеттес болғандығына мән береді. Сондықтан зерттеуде Түркістан түркі көшпелілері мен қалалар арасындағы саяси, мәдени т.б. аспектіде зерттеу нысаны болған [32, p. 9].

Кристофер Беквич (Christopher I. Bekwith) пікірінше, жоңғар сөзі ойрат болмаса халқа немесе басқа да моңғол халықтары сияқты этнолингвистикалық тұрғыда тайпа бірлестігінің атауы болмаған, жоңғар ұлт атауын ғана емес, сонымен қатар сол мемлекетте мекендеген түрлі бірлестікке таңылған атау [33, 43]. Алайда кейбір авторлар бұл анықтаманы қолдамайды, мысалға, жапон оқымысты Онума Такахиро (Takahiro, Onuma) «The Development of the Junghars and the Role of Bukharan Merchants» деген мақаласында «жоңғар» атауы туралы өз қорытындыларымен бөліскен. Оның ойынша, «сол қанат» деген мағынаны білдіретін «жоңғар» атауы дербен тайпасында олардың орналасқан орны сол жағында болғандығы туралы фактіге қатысты шыққан, оларда сонымен қатар ойраттардың шығыс қапталындағы чорос тайпасының да мүшелері болған [34, p. 85].

Ходарковский (Khodarkovsky Michael) «Where Two Worlds Met: the Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771» атты зерттеу еңбегін Ресей мен көшпелі қалмақтардың қарым-қатынастарының тарихы бойынша жазған. Зерттеуші қалмақ атауы туралы проблеманы қозғаған. Ол қалмақ сөзін оның көршілері бірнеше тайпаларды жинақтап атау үшін қолданғандығын көрсеткен. Атау тыстан берілген және өз уақытысында тек қалмақтарды ғана қоспай сонымен қатар оларға қосылған Маңғышлақ түрікмендерін және ноғай тайпаларының біразына қолданылған. Бірте-бірте қалмақ сөзі этникалық бірлескен топты, қалмақтарды білдіре бастағандығын автор көрсеткен [35, p. 9]. Жалпы жоңғар, қалмақ, ойрат атауларына қатысты деректер ағылшын тілді еңбектерде біраз қамтылғанына куәміз.

Жоңғар хандығының өмір сүрген жылдарын 1635-1758 жж. деп көрсету орныққан тұжырым. Алайда Жоңғар хандығының құрылу мерзіміне байланысты келіспеушіліктер бар екенін атап өту орынды. Мысалға, Перду «China marches west: the Qing conquest of Central Eurasia» атты еңбегінде жапон зерттеушісінің Жоңғарияның құрылуына байланысты жеке ойын келтірген. Ол бойынша Жоңғар хандығының құрылу мерзімі 1678 ж. сай келеді, өйткені сол жылы Галдан Далай Ламадан Бошокту хан титулын алған. Перду осы көрсетілген қорытынды жақсы негізделгенін көрсетіп, оны қолдайтынын жазған [36, p. 104-105], ал басқа көпшілік тарихшыларымыз И. Златкин пікірін қолдап, мемлекеттің құрылу уақытын 1635 ж. сәйкестендіреді [37, с. 98; 10, p. 12]. Жалпы, американдық тарихшы Пердудің (Peter C. Perdue) аталған еңбегі өте жақсы жазылған, кітаптың анықтамалық аппараты көңіл толатаын деңгейде, оның үстіне автор жұмысында қазақ-жоңғар соғысы бойынша деректермен қатар сапалы иллюстрацияларды да берген.

Батысеуропалық зерттеушілердің кейбірінде жоңғарлар өз мемлекетін құруда Шыңғысханға ұқсағысы келгендіктері туралы пікірлерін білдірген. Мысалы, Р. Груссе былай деп жазған: «...батыс моңғолдар әлсіреген шығыс тайпалардың қолынан дала империясын жұлып алуға тырысты және Шыңғыс хан секілді Қытайды жаулап алуға қол жеткізкізгісі келді» [3, p. 539]. Сонымен қатар зерттеуші Жоңғария билеушісі Галданның мінезін сипаттай келе оны «жолы болмаған Шыңғыс хан» атаған. Автордың пікірінше, жоңғар ханы көне моңғол империясын батыс моңғолдарының көмегі арқылы өз басшылығымен қалпына келтіруді көздеген [4, p. 285].

Қазақ тарихындағы XVII-XVIII ғғ. елеулі оқиғаларға толы аса маңызды кезеңдердің бірі болғандығын шет елдік зерттеушілер де құптады. Тарихшы Ш. Акинердің сөзімен келтірсек, бұл уақытта қазақ елі жеке ұлт ретінде қалыптасу барысында еді. Қазақ жүздері тәуелсіз күн кешкен, дегенмен аталған кезеңнің соңына таман әлсіз болып, бірте-бірте көрші елдің боданына айналғандығын автор қысқа да нұсқа жазған [38, p. 19]. XVII-XVIII ғғ. қазақ халқы тарихындағы

маңызды кезең және бұл заманды нағыз қазақтардың дәуірі деуге болар. Өйткені осы аралық жеке ел ретінде қазақтардың тілі, діні, менталитеті, салт-дәстүрі, тұрмыс-тіршілігі т.б. ұлттық белгілері тұрақтанып келе жатқан мерзімге сай келді [39, p. 54].

Абылай ханның жоңғар қоңтайшысының тұтқыннынан босатылу себептеріне қатысты ағылшын тіліндегі зерттеулердің бірінде бұл тұста Галдан Церен Ресей империясымен бейбітшілікті қолдағаны туралы айтылған. Ол ресейлік патшайымнан өзіне жазылған хатты қабылдаған. Хатта Ресейдің ойраттар мен қазақтар арасындағы хал-ахуалды жалпы түрде сипатталған. Ресейге деген өз ынтасына байланысты Галдан Церен Абылай сұлтанды да босатуға келіскен [3, p. 376].

Алыс шетелдегі зерттеулерде нақты қазақ-жоңғар соғысына қатысты мағлұматтардың арасында ерекше тұжырымдары бар еңбектер кездеседі. Ол жұмыстардың ішінде Қазақ хандығының тарихына қатысты маңызды қорытындылар, концепциялар, түрлі көзқарастар бар.

Көптеген зерттеушілер қос көшпелі мемлекет арасындағы шапқыншылық соғыстар ұзақ уақыт жүргендігін растайды. Жоңғарлар мен қазақтар өзара ата жау ретінде сипатталған. Мысалға алатын болсақ, Груссе былай жазылған: «...in a corner of the steppe between the Ili and the Syr Darya, was apparently one more battle between nomad hordes; yet underlying it was an ancient ethnic and religious conflict» [3, p. 532]. Зерттеуші Іле және Сырдариядалалы аймақтарында көшпелілер арасында қақтығыстар болып тұрған және бұрыннан келе жатқан этникалық әрі дінаралық сипаттағы ұрыстар болғандығын ерекшелеген. Келесі автор көрсеткендей, XVIII ғ. 40-жж. жоңғар ханы қытайлық императормен бейбіт келісімге келгеннен кейін өзінің қанды кек жауларына – қазақтарға бірнеше серпін соққылар жасаған [16, p. 415]. Ал Бенсонмен Сванбергтің (Benson L., Svanberg I.) «China's last Nomads: the History and Culture of China's Kazaks» атты еңбегінде: «...As part of this campaign, the Qing court sought the assistance of another enemy of the western Mongols – the Kazak confederation, situated to the west of Jungar lands», - деп көрсетілген [40, p. 36]. Бұл ойдың мағынасы бойынша Цин билігі кампания бөлігі ретінде батыс моңғолдардың, яғни жоңғарлардың тағы бір жауы болып табылатын, жоңғар жерлерінің батысында орналасқан Қазақ жүздерін көргісі келген. Жоғарыда көрсетілгендей моңғолдар мен түркі халықтары арасындағы соғысты кейбір ғалымдар дінаралық соғыс ретінде түсінгендігі жайлы тұжырымдар бар. Яғни екі ел арасындағы жанжал себептерінің бірі дінаралық шиеленіс, діндердің өзара текетіресі ретінде қабылдануы. Мәселен, Р. Груссе: «Was the western empire of the steppes to belong to Turks or Mongols, Muslims or Buddhists?», - деп жазса [3, p. 532], Бергольцболса: «Religion complicated all these altercations», - дейді [16, p. 355]. Күрестің мақсаты далалық империя түркілерге тиесілі ме, әлде моңғолдарға ма, мұсылмандарға ма, әлде будда дінін ұстанушыларға ма деген сұраққа жауап табу болғандығы туралы алғашқы зерттеуші өз ойын берсе, бұл жердегі екінші тарихшы діни шиеленістер бар дау-дамайдың себепшісі екендігін атап өткен.

Ховорстың келтірген дерегі бойынша 1635 ж. қазақ пен жоңғар арасындағы шайқаста жоңғарлар жеңіске жеткен. Қазақ жауынгерлерін басқарған Жәңгір сұлтан осы шайқаста тұтқынға түскен. Автордың жорамалдауынша, дәл осы уақытта Есім хан дүниеден өткен [2, p. 640].

Түрік тарихшысы Калан «Against a Common Enemy: Jungar-Kazakh Political Relations and the Emergence of Kazakh Khanate (17th-18th Centuries)» атты ғылыми зерттеуінде қазақ-жоңғар арасындағы қарым-қатынастар негізінде саяси және экономикалық мәселелер жатқандығын және екі мемлекеттің өзара күрестері пайда табу үшін болғандығын ерекшелеп жазған. Онымен қоса автор олардың арасында соғыстар болып тұрғанына қарамастан, қос ел ынтымақтағы достар болуы да мүмкін екендігі туралы ерекше ойын алға тартқан [41, p. 148]. Түрік тарихшысы Екрем Калан өзінің зерттеу еңбегінде Жоңғар мемлекетінің соңғы билеушісі болып саналатын Әмірсана туралы және оның қазақ елімен қатынасы туралы біршама мағлұматтарды берген. Оның мәліметтерінің жаңашылдығын автор қолданған деректердің ерекшелігімен түсіндіруге болар. Ол

Далай (Ch. Dalay) деген моңғол тарихшысының моңғол тілінде жарыққа шыққан «Oyрад Mongoliin Tuuh» еңбегін қолданған екен.

Сваттың (Soucek, Svat) «A history of Inner Asia» деген еңбегінде зерттеуші Галданның мемлекетті басқарудағы еңбегін жоғары бағалап, оның кішкентай хандықты Жоңғар империясына айналдыра алғанын түйіндейді. Қазақ халқының басынан өткерген «Ақтабан шұбырынды» оқиғасы турасында: «...in 1723. The latter defeat especially caused untold misery among the Kazakh masses and was remembered as *Aqtaban shubyryndy*, “The great Calamaty”», - деп жазылған. Оның ойынша, батыс моңғолдарының, яғни жоңғарлардың қазақтарға жасаған үшінші әрі соңғы осы ауыр соққы болған. Бұдан кейін әлсіздігінен қазақтар орыстардың басқыншылығына қарсы тұра алмаған[42, p. 170-174].

Зерттеуші Фрэнк (Frank, Allen J.) «The Qazaqs and Russia» атты ғылыми жұмысында: «Despite their disastrous losses the Qazaqs evidently recovered relatively quickly. Between 1723 and 1730 they were able to retake a substantial portion of their lost territory. The most aggressive and effective Qazaq leader at this time was Abu'l-Khayr Khan...», - деп көрсетеді [43, p. 368]. Автордың ойынша, жоңғарлардың қатты соққысынан соң қазақтар айтарлықтай аз уақыт аралығында күш жинап, 1723-1730 жж. жоңғарлар басып алған территориялардың кей бөлігін өздеріне қайтара алған. Бұл уақытта Әбілхайыр хан елдегі ең агрессивиялы әрі беделді тұлғасы ретінде бағалаған.

Қазақстан тарихнамасында Абылай хан басшылығындағы қазақтар Әмірсанаға қолдан келгенше көмектесіп баққандығы туралы тұжырымдар бар. Төменде осы мәселеге қатысты кейбір жекелеген көріністері берілген. Ол бойынша Әмірсана мәнжүр әскерлерімен тау маңында кездеседі, бірақ ол өзін қытайлықтар танымас үшін қазақ киімінің үлгісіне сай киініп алады. Сонымен қатар ол бірқатар сарбаздарын да қазақша киіндіріп, оларға алдын ала белгіленген жоспар бойынша нұсқаулықтар беріп, Далантайға жіберген. Аталған сарбаздар өздерін Абылай ханның әскері ретінде таныстырып, Абылай ханның Әмірсананы тұтқынға алғандығын, оны жазалауға дайын екендігін жеткізеді. Осыған сенген Далантай істің соңын күтеді, алайда күндер өткеннен кейін де не Абылай, не Әмірсана туралы хабар болмаған. Осылайша Әмірсана Далантайдың қолынан құтылып кетеді [41, p. 146]. Автордың көрсетуіне сәйкес Әмірсана өзін Абылай ханның әскерлерінің тұтқындағаны жайлы өтірік айтып, Далантайды алдағандығы туралы ақпар бергендігі жазылған. Ал И. Златкиннің еңбегінде Әмірсананы Абылайдың расымен де тұтқында ұстағандығы жайлы факті келтірілген. Автордың бұнда берілген ойына сәйкес Абылай сұлтан расымен тек Әмірсананы ғана емес, оның біраз әскерін тіпті бала-шағасын түгел қиын жағдайда ұстаған болып саналады [37, с. 297]. Зерттеушілердің бір-біріне қарсы келетін осы іспетті тұжырымдары алдағы уақытта түп деректермен жұмыс жасай отырып, шынайы фактіні анықтауды қажет етеді.

Жалпы дерек көздері тарихи зерттеулерді жазу үрдісіндегі маңызды тірек болып табылатындықтан, қазақ жоңғар соғысы бойынша оқиға болып өткен жерлерде, жергілікті архив, ауызша тарих деректеріне және т.б. сүйену арқылы ашып жазуға мүмкіндік мол. Десек те аталған мәселеге қатысты қарастырылған ағылшын тіліндегі еңбектердің мәселенің тарихнамасында алатын өз орны бар. Қазақ халқының жоңғар елімен орнатқан қарым-қатынасы бойынша, нақтылап көрсеткенде, қазақ халқының жоңғар шапқыншылығына қарсы күресі мәселесінің ағылшын тіліндегі шет елдік тарихнамасында бірқатар деректер бар. Дегенмен бұндағы авторлардың көпшілігі еңбектерін жазу барысында өзімізге белгілі орыс деректеріне, кеңестік тарихшылардың еңбектеріне сүйенгендіктен, олардың барлығында дерлік жаңаша тұжырымдар сирек кездеседі. Тек қытай тіліндегі, моңғол тіліндегі деректермен жұмыс жасап, зерттеу жүргізген зерттеушілердің жұмыстарында біраз жаңа қорытындылар мен ой-пікірлерді байқауға болады.

Жалпы, алыс шетелдерде қазақ елінің тарихына, соның ішінде XVII-XVIII ғғ. саясатына,

халықаралық қатынастарына арналған зерттеулер саны жыл сайын артып келе жатқаны түсінікті. Сол сияқты осы кезеңдегі Жоңғар хандығының тарихына арналған еңбектер де аз емес. Ал тікелей қазақ халқының жоңғар шапқыншылығына қарсы күресі туралы ағылшын тіліндегі арнайы еңбектер көп болмағанымен, зерттеу тақырыбына қатысты белгілі бір мәселелерді көтерген зерттеулер баршылық.

Батыс елдері мен американдықтарды қазақ-жоңғар күресінен гөрі Ресейдің Орталық Азия елдерін қалай жаулап алғандығы туралы мәселе көптеп қызықтырғаны байқалады. Қазақ-жоңғар күресі осы негізде қамтылған. Себебі олардың басым еңбектерінде қазақтардың патшалық Ресейге қосылуына алып келген жоңғарлардың шабуылы себептердің бірі ретінде түсіндірілген. Әрі олар орыстардың басқыншылық әрекеттерін айыптап көрсетеді. Дегенмен жоңғартану саласы бұл тарихнамада айтарлықтай алға жылжыған, оған жоғарыда келтірілген жапон тарихшыларының зерттеу еңбектері де мысал бола алады.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- 1 Құрманалина Н. Қазақ-жоңғар қатынастары тарихы бойынша ағылшын тіліндегі еңбектерге шолу // Дүниежүзі тарихының өзекті мәселелері: хал. ғыл.-теор. конф. материалдары. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 81-84 бб.
- 2 Howorth Henry H. History of the Mongols: from the 9th to the 19th century. – London, 1880. – Part 2. – 1092 p.
- 3 Grousset R. The Empire of the Steppes: a History of Central Asia. Translated from the French by Naomi Walford. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1970. – 687 p.
- 4 Grousset R. The Rise and Splendour of the Chinese Empire. – London: Geoffrey Bles, 1952. – 312 p.
- 5 Spuler Bertold. The Mongols in History / translated by Geoffrey Wheeler. – London: Pall Mall Press, 1971. – 165 p.
- 6 Krader Lawrence. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. – The Hague: Mouton, 1963. – 412 p.
- 7 Krader Lawrence. Peoples of Central Asia. Indiana University Publications, 1962. – 319 p.
- 8 Kalmyk-Oirat Symposium / edited by Arash Bormanshinov, John R. Krueger. – Philadelphia: Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966. – 225 p.
- 9 Vernadsky George V. Historical Background of Russo-Kalmyk Relations // Kalmyk-Oirat symposium. – Philadelphia: Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966. – P. 11-50.
- 10 Rubel Paula G. The Kalmyk Mongols: a Study in Continuity and Change. – Bloomington: Indiana University, 1967. – 282 p.
- 11 Stephen A., Halkovic, Jr. The Mongols of the West. – Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 1985. – 226 p.
- 12 Moses L., Stephen A., Halkovic, Jr. Introduction to Mongolian History and Culture. – Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 1985. – 305 p.
- 13 Spuler Bertold. The Mongols in History / translated by Geoffrey Wheeler. – London: Pall Mall Press, 1971. – 165 p.
- 14 Russian Colonial Expansion to 1917 / edited by Rywkin M., with a Foreword by Syed Z. Abedin. – London: Mansell, 1988. – 274 p.
- 15 Mac Kenzie David The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // Russian Colonial Expansion to 1917. – London: Mansell, 1988. – P. 189-207.
- 16 Bergholz Fred W. The Partition of the Steppe: the Struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for Empire in Central Asia 1619-1758: a Study in Power Politics. – New York: P. Lang, 1993. – 522 p.
- 17 Olcott Martha Brill. The Kazakhs. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, Stanford University, 1995. – 388 p.
- 18 Perdue Peter C. Fate and Fortune in Central Eurasian Warfare: Tree Qing Emperors and their Mongol Rivals // Warfare in Inner Asian History (500-1800) / edited by Nicola Di Cosmo. – Leiden: Brill, 2002. – P. 369-404.
- 19 Wheeler Geoffrey. The Modern History of Soviet Central Asia. Morrison and Gibblimitad. – London and Edinburgh, 1964. – 272 p.
- 20 Wheeler Geoffrey. The Peoples of Soviet Central Asia. – London: The Bodley Head, 1966. – 126 p.
- 21 Golden Peter B. Central Asia in World History. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2011. – 178 p.

- 22 Bormanshinov Arash. The Lamas of the Kalmyk People: the Don Kalmyk Lamas. – Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 1991. – 52p.
- 23 Svanberg I. Contemporary Kazaks: Cultural and Social Perspectives.– Richmond: Curzon, 1999. – 152 p.
- 24 Martin Virginia. Nomadic Land Claims in the Colonized Kazakh Steppe // *Mitteilungen des SFB 586: Differenz und Integration* 2.– 2001. – P. 65-74.
- 25 Miyawaki J. A Volga-Kalmyk Family Tree in the Ramstedt Collection // *Journal de la Societe Finno Ougrienne*. – 1991. – Vol. 83. – P. 203-234.
- 26 Miyawaki J. Background of the Volga-Kalmyk Khanship: The Case of Ayouki Khan of the Torgut // *Altaic Religious Beliefs and Practices*. – Budapest, 1987. – P. 239-244.
- 27 Miyawaki J. The Birth of the Khong Tayiji Viceroyalty in the Mongol-Oyirad World // *Altaica Berolinensia, The Concept of Sovereignty in the Altaic World*. – 1993. – P. 149-155.
- 28 Miyawaki J., Bai Cuiqin, Kyzlasov L.R. The Dzungars and the Torguts (Kalmuks), and the Peoples of Southern Siberia // *History of Civilizations of Central Asia*. – Vol. 5. – P. 141-181.
- 29 Okada H. Galdan's Death: When and How? // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. – 1979. – Vol. 37. – P. 91-97.
- 30 Okada H. Origins of the Dörben Oyirad // *Ural-Altische Jahrbücher, Neue Folge*. – 1987. – P. 181-211.
- 31 Jin Noda. The Kazakh Khanates Between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations During the Eighteenth and Nineteenth Centuries (Islamic Area Studies). – Brill: Lam edition, 2016. – 372 p.
- 32 Jin Noda. Turkistan as the Capital of the «Kazakh Khanate» in the 16-19 Centuries // *Turko-Mongol Rulers, Cities and City-Life in Iran and The Neighboring Countries Program, Abstracts and Profiles*. – Tokyo: Institute of Oriental Culture, University of Tokyo, 2009. – 22 p.
- 33 Beckwith Christopher I. A Note on the Name and Identity of the Junghars // *Mongolian Studies*. – 2007. – Vol. 29. – P. 41-45.
- 34 Takahiro Onuma. The Development of the Junghars and the Role of Bukharan Merchants // *Journal of Central Eurasian Studies*. – 2011. – Vol. 2. – P. 83-100.
- 35 Khodarkovsky Michael. Where two Worlds Met: the Russian State and the Kalmyk nomads, 1600-1771. Ithaca: Cornell University Press, 1992. – 278 p.
- 36 Perdue Peter C. China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. – Cambridge: Mass, 2005. – 725 p.
- 37 Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635-1758. – М.: Наука, 1964. – 482 с.
- 38 Akiner Shirin. The Formation of Kazakh Identity: from Tribe to Nation-State. – London: Royal Institute of International Affairs, 1995. – 83 p.
- 39 Tulebaev T., Kurmanalina N. Nomadic Empire and Its Enemy: The Views of English-speaking Historians // *The Ninth International Conference on Eurasian Scientific Development: Proceedings of the Conference*. – Vienna, 2016. – P. 53-57.
- 40 Benson L., Svanberg I. China's Last Nomads: the History and Culture of China's Kazaks. – London: M.E. Sharpe, 1998. – 253 p.
- 41 Kalan E. Against a Common Enemy: Jungar-Kazakh Political Relations and the Emergence of Kazakh Khanate (17th-18th Centuries) // *A.Ü. Tarih Araştırmaları Dergisi*. – 2011. – Eylül. – P. 137-150.
- 42 Soucek Svat. A history of Inner Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 369 p.
- 43 Frank Allen J. The Qazaqs and Russia // *The Cambridge History of Inner Asia the Chinggisid Age*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 363-379.

REFERENCES

- 1 Kurmanalina N. Kazak-zhongar katynastary tarikhy boyynsha agylshyn tilindegi enbekterge sholu // *Duniyehuzi tarikhynyn ozekti maseleleri: khal. gyl.-teor. konf. materialdary*. – Almaty: Kazak universiteti. 2015. – 81-84 bb.
- 2 Howorth Henry H. History of the Mongols: from the 9th to the 19th century. – London, 1880. – Part 2. – 1092 p.
- 3 Grousset R. The Empire of the Steppes: a History of Central Asia. Translated from the French by Naomi Walford. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1970. – 687 p.
- 4 Grousset R. The Rise and Splendour of the Chinese Empire. – London: Geoffrey Bles, 1952. – 312 p.
- 5 Spuler Bertold. The Mongols in History / translated by Geoffrey Wheeler. – London: Pall Mall Press, 1971. – 165 p.
- 6 Krader Lawrence. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. – The Hague: Mouton, 1963. – 412 p.
- 7 Krader Lawrence. Peoples of Central Asia. Indiana University Publications, 1962. – 319 p.
- 8 Kalmyk-Oirat Symposium / edited by Arash Bormanshinov, John R. Krueger. – Philadelphia: Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966. – 225 p.
- 9 Vernadsky George V. Historical Background of Russo-Kalmyk Relations // *Kalmyk-Oirat symposium*. – Philadelphia: Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966. – P. 11-50.

- 10 Rubel Paula G. *The Kalmyk Mongols: a Study in Continuity and Change*. – Bloomington: Indiana University, 1967. – 282 p.
- 11 Stephen A., Halkovic, Jr. *The Mongols of the West*. – Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 1985. – 226 p.
- 12 Moses L., Stephen A., Halkovic, Jr. *Introduction to Mongolian History and Culture*. – Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 1985. – 305 p.
- 13 Spuler Bertold. *The Mongols in History* / translated by Geoffrey Wheeler. – London: Pall Mall Press, 1971. – 165 p.
- 14 *Russian Colonial Expansion to 1917* / edited by Rywkin M., with a Foreword by Syed Z. Abedin. – London: Mansell, 1988. – 274 p.
- 15 Mac Kenzie David *The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // Russian Colonial Expansion to 1917*. – London: Mansell, 1988. – P. 189-207.
- 16 Bergholz Fred W. *The Partition of the Steppe: the Struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for Empire in Central Asia 1619-1758: a Study in Power Politics*. – New York: P. Lang, 1993. – 522 p.
- 17 Olcott Martha Brill. *The Kazakhs*. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, Stanford University, 1995. – 388 p.
- 18 Perdue Peter C. *Fate and Fortune in Central Eurasian Warfare: Tree Qing Emperors and their Mongol Rivals // Warfare in Inner Asian History (500-1800)* / edited by Nicola Di Cosmo. – Leiden: Brill, 2002. – P. 369-404.
- 19 Wheeler Geoffrey. *The Modern History of Soviet Central Asia*. Morrison and Gibblimitad. – London and Edinburgh, 1964. – 272 p.
- 20 Wheeler Geoffrey. *The Peoples of Soviet Central Asia*. – London: The Bodley Head, 1966. – 126 p.
- 21 Golden Peter B. *Central Asia in World History*. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2011. – 178 p.
- 22 Bormanshinov Arash. *The Lamas of the Kalmyk People: the Don Kalmyk Lamas*. – Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 1991. – 52p.
- 23 Svanberg I. *Contemporary Kazaks: Cultural and Social Perspectives*. – Richmond: Curzon, 1999. – 152 p.
- 24 Martin Virginia. *Nomadic Land Claims in the Colonized Kazakh Steppe // Mitteilungen des SFB 586: Differenz und Integration 2.* – 2001. – P. 65-74.
- 25 Miyawaki J. *A Volga-Kalmyk Family Tree in the Ramstedt Collection // Journal de la Societe Finno Ougrienne*. – 1991. – Vol. 83. – P. 203-234.
- 26 Miyawaki J. *Background of the Volga-Kalmyk Khanship: The Case of Ayouki Khan of the Torgut // Altaic Religious Beliefs and Practices*. – Budapest, 1987. – P. 239-244.
- 27 Miyawaki J. *The Birth of the Khong Tayiji Viceroyalty in the Mongol-Oyirad World // Altaica Berolinensia, The Concept of Sovereignty in the Altaic World*. – 1993. – P. 149-155.
- 28 Miyawaki J., Bai Cuiqin, Kyzlasov L.R. *The Dzungars and the Torguts (Kalmuks), and the Peoples of Southern Siberia // History of Civilizations of Central Asia*. – Vol. 5. – P. 141-181.
- 29 Okada H. *Galdan's Death: When and How? // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. – 1979. – Vol. 37. – P. 91-97.
- 30 Okada H. *Origins of the Dörben Oyirad // Ural-Altische Jahrbücher, Neue Folge*. – 1987. – P. 181-211.
- 31 Jin Noda. *The Kazakh Khanates Between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations During the Eighteenth and Nineteenth Centuries (Islamic Area Studies)*. – Brill: Lam edition, 2016. – 372 p.
- 32 Jin Noda. *Turkistan as the Capital of the «Kazakh Khanate» in the 16-19 Centuries // Turko-Mongol Rulers, Cities and City-Life in Iran and The Neighboring Countries Program, Abstracts and Profiles*. – Tokyo: Institute of Oriental Culture, University of Tokyo, 2009. – 22 p.
- 33 Beckwith Christopher I. *A Note on the Name and Identity of the Junghars // Mongolian Studies*. – 2007. – Vol. 29. – P. 41-45.
- 34 Takahiro Onuma. *The Development of the Junghars and the Role of Bukharan Merchants // Journal of Central Eurasian Studies*. – 2011. – Vol. 2. – P. 83-100.
- 35 Khodarkovsky Michael. *Where two Worlds Met: the Russian State and the Kalmyk nomads, 1600-1771*. Ithaca: Cornell University Press, 1992. – 278 p.
- 36 Perdue Peter C. *China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia*. – Cambridge: Mass, 2005. – 725 p.
- 37 Zlatkin I.Ya. *Istoriya Dzhungarskogo hanstva 1635-1758*. – M.: Nauka, 1964. – 482 s.
- 38 Akiner Shirin. *The Formation of Kazakh Identity: from Tribe to Nation-State*. – London: Royal Institute of International Affairs, 1995. – 83 p.
- 39 Tulebaev T., Kurmanalina N. *Nomadic Empire and Its Enemy: The Views of English-speaking Historians // The Ninth International Conference on Eurasian Scientific Development: Proceedings of the Conference*. – Vienna, 2016. – P. 53-57.
- 40 Benson L., Svanberg I. *China's Last Nomads: the History and Culture of China's Kazaks*. – London: M.E. Sharpe, 1998. – 253 p.
- 41 Kalan E. *Against a Common Enemy: Jungar-Kazakh Political Relations and the Emergence of Kazakh Khanate (17th-18th Centuries)* // A.Ü. Tarih Araştırmaları Dergisi. – 2011. – Eylül. – P. 137-150.
- 42 Soucek Svat. *A history of Inner Asia*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 369 p.
- 43 Frank Allen J. *The Qazaqs and Russia // The Cambridge History of Inner Asia the Chinggisid Age*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 363-379.

**ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 821.161.1**

«ПОСЕЛИЛСЯ НА ГРАНИЦЕ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА В Г. КУСТАНАЕ» ИСТОРИЯ ССЫЛКИ МИХАИЛА БАХТИНА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ

Легкий Д.М.

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова (г. Костанай, Казахстан)
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена основным проблемам, спорным вопросам в научных изысканиях истории ссылки в Казахстан крупнейшего мыслителя XX века – ученого, философа, литературоведа, культуролога М.М. Бахтина. Несмотря на ряд публикаций в периодической печати, впервые в историографии отдельному, специальному научному изучению подвергается вопрос ссылки Бахтина в город Костанай. Автор публикации систематизирует научные данные о «кустанайской ссылке» видного учёного. Кроме того, в научный оборот вводятся архивные документы, снимающие разногласия в биографии М.М. Бахтина. Среди них документ НКВД (карточка ссыльного), архивные сведения о его супруге. В приложении впервые публикуется неизвестная фотография Бахтина в период его пребывания в Казахстане. Предлагается в преддверие 125-летия со дня рождения выдающегося учёного Михаила Михайловича Бахтина предпринять конкретные действия по увековечиванию его памяти в Казахстане. Ключевые слова: Бахтиноведение, история Казахстана, литературоведение, репрессии, ссылка.

Ключевые слова: Ссылка, история Казахстана, литературоведение, репрессии, Бахтиноведение.

«ОЛ СІБІР МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ШЕКАРАСЫНДА ҚОСТАНАЙ ҚАЛАСЫНА ҚОНЫСТАНДЫ» МИХАИЛ БАХТИННИҢ ҚУҒЫНДАЛУ ТАРИХЫ: ПРОБЛЕМАЛАР, ІЗДЕНІСТЕР

Легкий Д.М.

А. Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университеті (Қостанай қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының докторы, профессор

Андатпа. Мақала XX ғасырдың ірі ойшылы – ғалым, философ, әдебиеттанушы, мәдениеттанушы М.М.Бахтиннің Қазақстанға жер аударылу тарихын ғылыми ізденістердегі негізгі проблемаларға, даулы мәселелерге арналған. Мерзімді баспадағы бір қатар жарияланымдарға қарамастан, тарихнамада алғаш рет Бахтинды Қостанай қаласына жер аударылу мәселесі жеке, арнайы ғылыми зерттеуге алынған. Жарияланым авторы көрнекті ғалымның «қостанайға жер аударылуы» туралы ғылыми деректерді жүйелейді. Бұдан басқа, ғылыми айналымға М.М.Бахтиннің өмірбаянындағы таластарды алып тастайтын мұрағаттық құжаттар енгізіледі. Олардың ішінде, ІХК (Ішкі істер халық комиссариатының) құжаты (жер аударылғанның карточкасы), оның жұбайы туралы мұрағаттың мәліметтер. Қосымшада Бахтиннің Қазақстанда болған кезіндегі белгісіз фотосуреті жарияланады. Көрнекті ғалым Михаил Михайлович Бахтиннің туғанына 125-жылдығы қарсаңында Қазақстанда оны мәңгі еске қалдыру үшін нақты іс-әрекеттерді қабылдау ұсынылады.

Түйін сөздер: Бахтинды тану, Қазақстан тарихы, әдебиеттану, қуғын-сүргін, жер аудару.

“SETTLED DOWN ON THE BOUNDARY OF SIBERIA AND KAZAKHSTAN IN KOSTANAI CITY” THE EXILE HISTORY OF MIKHAIL BAKHTIN: THE PROBLEMS AND SURVEY

Legkij D.M.

Kostanay State University named after A. Baitursynov (Kostanay, Kazakhstan) Doctor of Historical Sciences, Professor

Abstract. The present article is concerned with the key problems, controversial issues in the research works of the exile history to Kazakhstan of the XX th century greatest thinker M. M. Bakhtin - the scientist, philosopher, literary historian and cultural specialist. In spite of a number of publications in periodical press, the issue of Bakhtin’s exile to Kostanai city receives the certain, special scientific study for the first time in the historiography. The author of publication systematizes the scientific data about “Kostanai exile” of an eminent professor. Moreover, official records are introduced into the scientific discourse, which are removing disagreement of M.M. Bakhtin biography. The NKVD document (the card of the exiled), archival data on his wife are among them. The unknown image of M. M. Bakhtin during his stay in Kazakstan is published for the first time in the supplement. In advance of 125th anniversary of the birth of a great scientist Mikhail M. Bakhtin it is proposed to take particular actions on his memorialization in Kazakhstan. It is proposed to take particular actions on memorialization in Kazakhstan in advance of 125th anniversary of the birth of a great scientist Mikhail M. Bakhtin.

Keywords: Bakhtin’s study, the history of Kazakhstan, literature studies, repressions, exile.

Введение

Михаил Бахтин в Казахстане! В настоящее время остро встал вопрос о ссылке эпопеи Михаила Михайловича Бахтина в городе Кустанае Казахской АССР, с 1936 года КазССР. Основным проблемам, научным изысканиям в этом вопросе и посвящена данная статья.

Темы пребывания Бахтина в Казахстане касались в различной степени как советские ученые – историки Л. Шамова и литературоведы П. Гуревич, Н. Кандалин, С. Конкин, В. Махлин, Л. Чуковская [см.: 9, 12, 10, 18, 4], так и современные исследователи Казахстана – Ю. Бондаренко, А. Исмакова, О. Колоколова, Д. Легкий, Л. Фефелова [см.: 16, 1. 2, 19] и России – В. Алпатов, Л. Конкина, В. Коркунов, Н. Паньков, А. Панфилов [см.: 13, 18, 8, 17, 7]. Не обошли вниманием историю «кустанайской ссылки» и зарубежные авторы (как, например, британский философ Терри Иглтон) [см.: 6].

Известный казахстанский литературовед А.С. Исмакова, анализируя законы функционирования литературы, справедливо замечает, что жанрово-стилевой подход к исследованию поэтики казахской прозы предопределен в "Эдебиет танытқыш" А. Байтұрсынова и "Эстетике словесного творчества" М. Бахтина [см.: 1]. Она приводит параллели в деятельности казахского мыслителя Ахмета Байтұрсынова и русского культуролога Михаила Бахтина. Кроме того, А.С. Исмакова сделала справедливый упрек (на что обратили внимание современные журналисты), что «кустанайцы почти не уделяют внимания шестилетнему периоду жизни великого учёного и философа в своём городе». По научным изысканиям казахстанского литературоведа, свои труды в Кустанае Михаил Бахтин «писал на оборотной стороне финансовых отчётов, в том числе по ведомству, где работал Байтұрсынов». Причём, «в архиве можно найти листы, на одной стороне которых автографы Байтұрсынова, на другой – Бахтина». Но кому известно (ставит вопрос исследователь), «что в 1931 году Михаил Михайлович был принят экономистом в Кустанайский райпотребсоюз?» [2, с. 7].

Действительно, долгое время, вплоть до «периода перестройки» в СССР, о кустанайской

ссылке М.М. Бахтина, да и вообще об эпохе террора сталинского периода, не было принято говорить. Когда в 1973 году в честь 75-летия М.М. Бахтина в Саранске была издана книга "Проблемы поэтики и истории литературы" [3], где «юбиляру была посвящена почетная первая статья, открывающая сборник, то о его ссылке – ни звука» (на что обратила внимание Л.К. Чуковская). Вместо этого приводилась (прямо в эзоповском стиле) фраза: "Вскоре после выхода книги о Достоевском М.М. Бахтин поселился на границе Сибири и Казахстана, в г. Кустанае". Впоследствии (через четыре года после смерти М.М. Бахтина) известная советская писательница иронизировала по этому поводу: «Просто Бахтин – очевидно, такой уж подвижный характер! – предпочел изучать историю русской литературы в глуши, подальше от центральных архивов и библиотек». При этом было добавлено: «Сам поселился. Поселил себя сам. Жил-жил в Ленинграде, взял да и переехал. В глушь – в Кустанай». Мировая общественность смогла прочесть об этом в 1979 г. в парижском издании воспоминаний (именно за эту книгу Лидию Чуковскую исключили из Союза писателей СССР) [см.: 4]. В общем, М.М. Бахтина признали на самом высоком уровне как учёного, как известного литературоведа, но говорить о его ссылке в период жизни (он и сам об этом умалчивал в послевоенный период) было в 1970-е годы под строгим запретом.

В настоящее время среди научной и творческой интеллигенции, конечно, сам факт кустанайской ссылки широко известен. Михаила Бахтина действительно знает весь мир (в России, Китае и Японии изданы полные собрания сочинений философа), в том числе и его пребывание в Кустанае. Китайские учёные делают содержательный вывод, что «глубокие идеи М.М. Бахтина и его круга (школы) оказывают большое влияние на все области международных гуманитарных наук, во многих странах стала международной «индустрией» в области гуманитарных наук [см.: 5]. Беседуя с китайскими учеными в Пекине и Шанхае, при обмене визитными карточками, можно видеть название научных институтов, центров имени Михаила Бахтина, от европейских коллег узнаем, что в Великобритании есть Центр Бахтина в Университете Шеффилда.

Известный британский литературовед и философ-неомарксист Терри Иглтон так образно описал кустанайскую эпопею Бахтина: «Избежав лагеря, Бахтин был приговорен к относительно мягкому наказанию – шести годам ссылки в Казахстан. Как интеллектуальный совратитель юности, он не имел права преподавать, запрещены были ему и публичные выступления с лекциями; чтобы обеспечить семье кусок хлеба, его жена Елена Александровна подрабатывала чем могла. Через некоторое время Бахтин, этот поклонник Данте и Гете, получил работу в райпотребсоюзе, куда принят на должность экономиста-бухгалтера; таким образом, Бахтин внес свой вклад в коллективизацию, обучая бухгалтерскому делу свиноводов Кустаная. В 1934 году срок ссылки Бахтина в Казахстане истек, но ехать было практически некуда» [см.: 6].

Что же привело учёного, философа М.М. Бахтина в Кустанай? Вначале власти решили отправить его в Соловецкий лагерь. Затем наказание заменили ссылкой в город Кустанай, который до приобретения статуса областного центра в 1936 году (Кустанайской области Казахской АССР) долгое время был местом ссылки для «социально-опасных элементов». Это были одиночки или небольшие группы интеллигенции и среди них всемирно известные личности прошлого и настоящего времени.

Современные исследователи не преминули заметить, что когда М.М. Бахтин «в марте 1930 года был отправлен в ссылку в Казахстан, в Кустанай, там он оказался вместе с бывшим хозяином Ленинграда и Коминтерна Г.Е. Зиновьевым» [см.: 7]. Действительно, председатель Петроградского (впоследствии Ленинградского) Совета, глава Коминтерна, в октябре 1932 года по делу "Союза марксистов-ленинцев" был исключен из партии и отправлен в ссылку в Кустанай. Вероятнее всего, за два года совместного пребывания в таком провинциальном, небольшом

городе как Кустанай, бывший видный партийный функционер и будущий знаменитый философ не раз встречались. Таковы перипетии в судьбе людей, заброшенных в казахские степи.

Как известно, Бахтин был арестован по обвинению в участии в контрреволюционном кружке «Воскресение» и в начале 2 июля 1929 года был осужден на 5 лет лагерей. Литературоведы Л.С. Конкина и В.В. Коркунов обоснованно считают, что «хотя конкретный лагерь указан не был, имелись в виду Соловки». Описывая историю «кустанайской ссылки» Бахтина, исследователи считают, что туда «он был отправлен благодаря протекции друзей и вескому слову А.М. Горького». Супруга М.М. Бахтина, Елена Александровна отправила письмо «не только официальным лицам, но и друзьям, а также в Политический Красный Крест, откуда оно попало к Максиму Горькому, который прислал в защиту осужденного две телеграммы». В конечном итоге, «все эти хлопоты привели к тому, что Бахтина решили выслать в Казахстан на оставшийся срок» [см.: 8].

В советское время преподаватель Кустанайского педагогического института Л.Г. Шамова пыталась выяснить судьбу М.М. Бахтина, делая запросы в Управление внутренних дел Кустанайской области, откуда в 1980 году ей пришёл ответ: «По решению особого совещания ОГПУ СССР сослан на 5 лет в Кустанайскую область. Начало срока ссылки 23.02.30 до 22.08.34. По отбытию срока ссылки выехал по прежнему месту жительства в г. Ленинград. В архиве УВД архивного дела ссыльного нет. Начальник отдела УВД С. Жамбулов. 18 декабря 1980 г.». Данный документ впервые был предан гласности исследователем на одной из научных конференций только в 1992 году [9, с. 59].

Первое упоминание в самом городе Кустанае в официальном издании (в областной газете «Ленинский путь») о Михаиле Бахтине появилось только в «период перестройки» в СССР. Профессор Кустанайского педагогического института Н.И. Кандалин, создатель литературного музея в (материалы которого, собранные в 1970-е годы, к сожалению, на сегодняшний день утрачены) одним из первых по крупицам стал собирать сведения о пребывании М.М. Бахтина в Кустанае и пропагандировать его наследие. Перу Николая Игнатьевича принадлежат первые публикации в Казахстане о пребывании Бахтина в кустанайской ссылке [10, с. 8].

Руководитель литературной секции областного краеведческого общества имел полное право заявить в то время, что «многие страницы жизни и деятельности М.М. Бахтина еще не исследованы, наименее изученный период – кустанайский». И действительно, как в то время, так и поныне, несмотря на появление многочисленных публикаций о великом мыслителе, именно пребывание Михаила Бахтина в городе Кустанае оставляет много загадок. Вплоть до настоящего времени остаются актуальными слова Н.И. Кандалина: «К сожалению, нам и сейчас еще далеко не все известно о его кустанайской жизни, потому что не так просто найти и получить соответствующие архивные документы, а современников тех лет остается все меньше» [10, с. 8].

В автобиографии (1944 года) М.М. Бахтин прямо указал: «С 1931 по 1936 гг. я жил в Кустанае, работая преподавателем в Казинституте, Казпедтехникуме и экономистом в райпотребсоюзе. Здесь мною произведена исследовательская работа по изучению спроса и покупательской способности колхозного сектора, опубликованная в журнале «Советская торговля» в 1934 году и удостоенная отзывом Комакадемии» [11, с. 55].

Всем бахтиноведам известно, что проработав пять лет на должности экономиста в кустанайском райпотребсоюзе, Бахтин в 1934 году опубликовал статью "Опыт изучения спроса колхозников". Вместе с тем, современный российский учёный А.Ю. Панфилов справедливо указывает, что «статья 1934 года традиционно обходится бахтинистами деликатным молчанием и до сих пор совершенно не изучена (а между тем, тщательный анализ ее показывает, что это замечательное явление культуры, полностью укладываемое в магистральное русло научного творчества Бахтина!)» [см.: 7]. Не случайно, работники Кустанайского райпотребсоюза

отзывались весьма почтительно о своём сослуживце, когда один из них сказал, что «о Бахтине помнит только отцовскую фразу – «Головастый мужик» [10, с. 8].

Традиционно считается, что будучи ссыльным, он никаких издательских гонораров не мог получать и практически писал для себя и своих близких друзей. Но приведённый факт публикации говорит об обратном, редакции советских журналов в обязательном порядке выплачивали гонорары. В различных изданиях существует путаница в определении официального срока ссылки М.М. Бахтина. В биографических энциклопедиях интернетсайтов отмечают разные годы окончания ссылки, как 1934 год, так и 1936 год, а годы ссылки указывают 1930-1936 годы («Энциклопедический словарь Академик» и другие). Но как тогда быть с указанием в официальных документах, что срок ссылки закончился именно в августе 1934 года?

Здесь следует сделать уточнение о хронологических рамках непосредственно ссылного периода жизни Бахтина в Кустанае. Советские исследователи заметили (в период перестройки в СССР), что когда «в августе 1934 года срок ссылки Бахтина в Кустанае закончился», то, оказывается, «Бахтины никуда не уехали». В это время они «навещали Москву, Ленинград, но в крупных городах учёному работать не разрешалось». В сентябре 1936 года он был принят на работу в Мордовский педагогический институт в городе Саранске, но когда начинается новая волна арестов, то «в том же году Бахтин возвращается в Кустанай» [12, с. 5].

Современные бахтиноведы также подтверждают данный факт. Такой известный исследователь творчества М.М. Бахтина, как В.М. Алпатов, считает, что «безусловно, погруженный в свой внутренний мир и лишенный социальной активности Бахтин мало что делал для возвращения в Ленинград (где, кстати, до войны жили его мать и сестры, о которых мы очень мало знаем)». При этом исследователь приводит интересное высказывание Бахтина, что «после окончания срока ссылки он еще два года жил в Кустанае, сказав впоследствии В.Д. Дувакину о причинах: «Чего мне менять один Кустанай на другой Кустанай» [см.: 13].

Точку приведённых разногласиях ставит соответствующая архивная карточка на ссылного (в полном виде публикуется впервые). Прочитируем дословно: «Бахтин Михаил, 1895 г. Место рождения: Орск. Преподаватель литературы. Соучаствовал в к/р организации б/п., русский. 22.12.1934 г. Дело № 255. Арх. 35. Особое совещание Канцелярии ОГПУ от 23.02.1930 г. Ссылка в концлагерь на 5 лет. Ссылка в Казахстан. 22.07.1934 г. по отбытию срока по месту жительства в Ленинград» [14].

Казалось бы, что то единственный документальный след, который имеется в казахстанских архивах о М.М. Бахтине. В областной газете «Ленинский путь» в 1989 году появилась информация, что работая в Кустанайском райпотребсоюзе, «М.М. Бахтин получал продовольственные карточки по спискам совпартактива», а в это же время «жена его, Елена Александровна, работала кассиром» [10, с. 8].

В настоящее время краевед Арман Козыбаев (создатель уникального сайта «Костанай и костанайцы») помог обнаружить «Анкету счетных работников РПС (Кустанайского Райпотребсоюза – Д.Л.) и его системы на 1 июля 1936 года», в которой приводятся данные о супруге М.М. Бахтина. Прочитируем документ: «Бахтина Елена Александровна. Должность – картосчетчик. Возраст – 35. Национальность – русская. Общее образование – среднее. Специальное образование – нет. Общий трудовой стаж – 7. Стаж по специальности – 1. Стаж по счетоводству – 1» (документ впервые вводится в научный оборот) [15, л. 110]. Благодаря этому выясняется интересный факт, что официально срок ссылки закончился в 1934 году, но Бахтин и его супруга, по крайней мере, вплоть до 1 июля 1936 года оставались в Кустанае. Причем, она работала в Кустанайском РПС вместе с М.М. Бахтиным, не в период его ссылки, а после её окончания, в 1935-1936 годах. Теперь точно известно, что после окончания ссылки в августе 1934 года он пытался уехать из Кустаная, но затем вновь вынужден был вернуться «на круги своя»,

вновь в кустанайские степи на два года. Такая же история с ним случилась и в Саранске, откуда он уехал буквально через год (в городок Кимры). Даже в таких провинциальных городах, как Кустанай и Саранск, ему было не безопасно (существовала угроза нового ареста).

В распоряжении Н.И. Кандалина в 1989 году оказался «ряд фотографий, на которых вместе с другими кустанайцами» был и М.М. Бахтин. К сожалению, как писал тогда краевед, «фотографии в таком состоянии, что опубликовать их в газете по техническим причинам невозможно». В руках у профессора Кандалина (а значит, и в запасниках его литературного музея) была «интересная фотография 1936 года (дата обозначена фотографом), сделанная в период преобразования райпотребсоюза в облпотребсоюз в связи с организацией Кустанайской области». Это был «свод подписанных небольших портретов в овалах», причем, «во втором ряду сверху между А.С. Хоцким и Е. Жуковой – пустота: один портрет вместе с фамилией вырезан». Владелец фотоальбома утверждал, что «это был портрет М.М. Бахтина, а кто, когда почему его изъясил, он не знает». Вполне обосновано предположение Кандалина, что «это было сделано в 1937-1938 годах, когда по стране прокатилась новая волна репрессий, и было опасно хранить фотографии, на которых указана фамилия репрессированного, человека «сомнительной» биографии и неизвестной судьбы». На другой из фотографий (1933 или 1934 года) у М.М. Бахтина «выражение лица грустное, голова слегка наклонена, глаза опущены», и при этом была выделена «еще одна примета, выделяющая Бахтина – он единственный в рубашке с галстуком». Рядом с ним находились «А.Б. Ханутин, З.П. Толстых, О.Ф. Суровцева, Топорова» [10, с. 8]. Если на фото 1936 года были только «фамилии сослуживцев», то здесь присутствует и ученый секретарь Кустанайского бюро Общества изучения Казахстана Толстых Зотик Петрович (который не работал в райпотребсоюзе). Значит, Бахтин имел общение с научной, творческой интеллигенцией города. На другой групповой фотографии (год не указан) «снят он в пиджаке и свитере с широким, очень растянутым воротом, отчего шея кажется особенно тонкой». Опять же, по словам Кандалина, «у М.М. Бахтина – взгляд прямой, открытый, но на узком лице по-прежнему затаенная глубокая печаль, вся его фигура вызывает чувство сострадания» [10, с. 8].

Все эти описания выражения лица М.М. Бахтина ярко выражены ещё на одной фотографии, которая всё-таки сохранилась до нашего времени благодаря кустанайскому бахтиноведу Ирине Балышевой (см. в приложении). Именно этого документа в описаниях профессора Кандалина нет, но ведь в начале 1930-х годов существовал целый «ряд фотографий»... Было бы весьма интересно узнать, кто здесь находится вместе с Бахтиным (где он оказался не «единственный в рубашке с галстуком»)?! Высоко оценивают роль Кустаная в жизни М.М. Бахтина друзья и ученики ссыльного философа, как, например, В.Н. Турбин: «Спасла его наша отечественная провинция, Кустанай да Саранск, где его на долгие года пригнали, чья его, доверив ему, недавнему ссыльному, кафедре» [цит. по: 9, с. 60].

Бахтиноведы заметили, что Бахтин из кустанайской ссылки приехал в Саранск осенью 1936 года, а затем в Кимры «уже больным, хронический множественный остеомиелит стал основной причиной». На данный факт указывала его супруга Е.А. Бахтина, «когда в августе 1929 года писала в ОГПУ Ленинграда прошение о смягчении наказания репрессированному ученому». В конечном итоге, вследствие тяжелой болезни Бахтину «3 февраля 1938 года сделали страшную операцию – ампутировали ногу, причем речь шла и об ампутации второй ноги» [см.: 8].

Елена Александровна Бахтина (в девичестве Окулицкая) с 1921 года переносила все тяготы жизни, в том числе связанные и с долгой ссылкой, и с тяжелой болезнью М.М. Бахтина. Выходит, что все пять лет пребывания Бахтина в ссылке в Кустанае омрачались постоянной болезнью, невыносимыми мучениями, что, конечно, представляло большие трудности для семьи в целом. В Кустанае, конечно, была своя больница, аптека (одна на весь город), но с такой тяжелой формой болезни, какова была у Бахтина, требовалось серьезное медицинское лечение. Такая помощь,

например, ему была оказана через многие годы, когда он находился на лечении в Центральной клинической («Кремлёвской») больнице. Это будет после того как в 1967 году М.М. Бахтина реабилитировали.

Исследователи творчества М.М. Бахтина, краеведы обратили внимание, что, по крайней мере, два своих капитальных научных труда Бахтин разрабатывал именно в период проживания в Кустанае. Достоверно известно, что в Кустанае была написана книга «Слово в романе», посвящённая теории романа, главной темы творчества мыслителя в 1930-е годы. Костанайский культуролог, бахтиновед Ю.Я. Бондаренко уточняет, что М.М. Бахтин трудился над своим произведением «Слово в романе» именно в годы кустанайской ссылки, но опубликована работа будет только после его смерти в 1975 году в сборнике «Вопросы литературы и эстетики» [16, с. 39]. Весьма поэтично перипетии написания этого научного труда описал в своё время профессор Н.И. Кандалин. Прочитируем: «А именно здесь, в Кустанае, ученый создал одно из значительных своих произведений «Слово в романе». Мало кто знает, что создавалось все это ссыльным и больным человеком, да еще в основном по ночам и в выходные дни, т. е. в свободное от основной работы время. А основной работой ссыльного ученого была работа в Кустанайском райпотребсоюзе. Вот уж поистине, как сказано у одного поэта: «Нас ночь отделила от замыслов пылких ... Ты утром считал хомуты в потребилке...» И вряд ли кто, кроме жены Елены Александровны да, может быть, еще секретаря-машинистки райпотребсоюза, знал, чему были посвящены «ночные писания» скромного и молчаливого служащего, не по своей воле оказавшегося в Кустанае на должности бухгалтера-плановика...» [10, с. 8].

Другая широко известная монография «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» вышла в печати при жизни учёного в 1965 году. Время, а главное – место написания данного фундаментального научного труда Бахтина вызывает споры, когда «на лавры» претендуют сразу три города, и современный Костанай в Казахстане, и российские города Саранск и Кимры. В настоящее время бахтиновед В. Коркунов приводит веские доказательства о времени и месте написания данного научного труда М.М. Бахтиным. Он заметил, что «произнося вступительную речь во время защиты диссертации 15 ноября 1946 года», Бахтин отметил, что работа над «Рабле» продолжалась «более десяти лет». Кроме того, М.М. Бахтин, «во время беседы с В.Д. Дувакиным 22 марта 1973 года признался, что приступил к созданию труда о Рабле еще в Кустанае». По мнению современного литературоведа, в «пользу этого говорят и первые фрагменты будущей рукописи, относящиеся к 1938 году». При этом приводится ссылка на слова М.М. Бахтина, что «основная работа проделана позже». Сам же труд «Франсуа Рабле в истории реализма» Михаил Бахтин закончил только осенью 1940 года («его машинопись составляла 667 страниц») [см.: 8]. Таким образом, основой замысел и «первые фрагменты будущей рукописи» всё-таки возникли именно в ссыльный период Бахтина в городе Кустанае, а завершена книга уже была позднее, в городах Саранске и Кимрах.

Существует для нас еще одна нераскрытая страница в биографии М.М. Бахтина. Это преподавательская деятельность учёного в учебных заведениях в Кустанае (казахском и русском педагогических техникумах, как они назывались до 1936 г.) Вопрос требует уточнения и дальнейших научных изысканий. В «автобиографии» Бахтина (составленной в 1944 году) указано, что с 1931 по 1936 года он «жил в Кустанае, работая преподавателем в Казинституте, Казпедтехникуме». Здесь следует остановиться подробнее.

Конечно, факт преподавательской деятельности М.М. Бахтина в Кустанае не вызывает сомнения. На это прямо указывают такие опубликованные документы как «Выписка из протокола заседания Учёного совета Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР от 15 ноября 1946 года», а так же «Справка в Высшую аттестационную комиссию», которая была «представлена в 1947 г. Институтом мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР», в том

числе «Оглашённые учёным секретарем документы и биографические сведения о диссертанте». Прочитываем: «Бахтин Михаил Михайлович. С 1931 по 1935 год – преподаватель Казахского государственного педагогического института в г. Кустанае». Этому предшествует аналогичная запись: «С 1919 г. по 1925 г. – преподаватель Витебского государственного педагогического института (западная литература) и Витебской государственной консерватории (эстетика)». Документы, естественно, подвергались проверке, так как в деле отмечено, что «копия диплома об окончании Петроградского университета в 1918 году запрошена у т. Бахтина телеграфно». В «Справке в Высшую аттестационную комиссию» о М.М. Бахтине так же записано, что «он известен и как вузовский преподаватель, обладающий большой эрудицией в области всеобщей литературы и педагогическим мастерством», с обязательным указанием – «Научно-практический стаж – 26 лет» [17, с. 50]. Здесь учтен и пятилетний стаж преподавательской деятельности М.М. Бахтина в период его пребывания в городе Кустанае.

По словам профессора Мордовского университета С.С. Конкина, хорошо знавшего М.М. Бахтина по совместной работе в Саранске, «ученый в период своей ссылки в Кустанай не только работал в местном райпотребсоюзе, но и как-то был связан с Казхпедтехникумом (Казпедучилищем), вел курс литературы» [цит. по: 10, с. 8]. Современные российские исследователи, исходя из «Автобиографии» 1944 года М.М. Бахтина и документов ВАК 1946 года, считают, что «в Кустанайском пединституте, по-видимому, лишь негласно читал отдельные курсы, официально работая бухгалтером райпотребсоюза». Мордовские краеведы при этом добавляют, что в послевоенный период в официальных документах «Бахтин, опять же по очевидным мотивам, не упоминает о том, что в Кустанае он оказался не по своей воле, а в ссылке» [18, с. 171, 226.]. То, что занятия в учебных заведениях Кустаная Бахтин вел негласно (причем, в течение пяти лет) не вызывает сомнения.

Вместе с тем, во всех цитированных документах неточно указывается место работы М.М. Бахтина, так как он не мог работать именно в «Кустанайском пединституте». Такая неточность, видимо, была связана с тем, что Кустанайский государственный учительский институт (как он официально назывался), открытый только в 1939 г., был создан на базе Кустанайского казахского педагогического училища (до 1937 г. – «Казпедтехникум»). Кроме того, до 1942 года в городе отдельно действовало и Русское педагогическое училище (до 1937 г. – «Кустанайский русский педтехникум»). Из-за нехватки квалифицированных преподавателей в Кустанае в довоенный период такие учебные заведения, как Казахское педучилище, так и Русское педучилище, вынуждены были принимать на работу ссылных и членов их семей.

Правопреемниками Кустанайского государственного учительского института в настоящее время являются Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова и Костанайский государственный педагогический институт, но вплоть до настоящего времени в их архивах и музеях, так же как и архивах Костанайской области (в фондах Кустанайского педучилища) не обнаружено ни одного документа, подтверждающего факт преподавательской деятельности М.М. Бахтина. Это связано с тем, что в Государственном архиве Костанайской области имеются материалы об учебных заведениях только с 1936 г., с того времени, когда Кустанай стал областным центром.

В начале XXI века в республиканской, областной и городской периодической печати неоднократно поднимался вопрос об увековечивании памяти выдающегося мыслителя Михаила Бахтина, проведшего в первой половине 1930-х годов более пяти лет в ссылке в городе Костанае. Почитатели творчества Бахтина в один голос справедливо заявляют: «В Костанае до сих пор нет ни мемориальной таблички, ни серьезной экспозиции, посвященной этому периоду жизни великого ученого, не назван его именем ни один объект» [19].

Общественность современного города Костаная, конечно, проводит юбилейные

мероприятия, посвящённые памяти Михаила Бахтина. Так, например, 9 ноября 2015 г. в Костанайской областной универсальной научной библиотеке им. Л.Н. Толстого в рамках работы клуба «Ученые приглашают» состоялся вечер-портрет «Пророк в своем Отечестве», посвященный 120-летию со дня рождения крупнейшего мыслителя XX века, ученого, философа, литературоведа, культуролога М.М. Бахтина. Костанайские бахтиноведы (среди них был автор данной статьи) предложили «провести дополнительные, целенаправленные исследования о пребывании великого философа в Костаное и увековечить его имя в истории города».

Памятные доски М.М. Бахтину установлены в учебных заведениях городов С.-Петербурга, Саранска, Кимры, где жил и трудился великий мыслитель, в честь 120-летия со дня рождения выдающегося ученого в Саранске установлен бронзовый памятник, в Мордовском университете открыли Центр Михаила Бахтина.

Казахстанскими исследователями по крупицам выявляются новые нити, связывающие выдающегося мыслителя, культуролога с Казахстаном. Связи эти многогранные, изучение которых необходимо продолжать и нынешнему и будущему поколению исследователей. В преддверии 125-летия со дня рождения М.М. Бахтина, в Казахстане, в том числе в городе Костаное, необходимо разработать цикл соответствующих мероприятий. В первую очередь необходимо предпринять конкретные действия по увековечиванию памяти выдающегося учёного Михаила Михайловича Бахтина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Исмакова А.С. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). — Алматы: Галым, 1998. — 394 с.
- [2] Фелелова Л.И. Мотив исторической памяти // Костанайские новости. 2011. — 6 января.
- [3] Проблемы поэтики и истории литературы: К 75-летию со дня рождения и 50-летию науч.-пед. деятельности Михаила Михайловича Бахтина / С.С. Конкин (отв. ред.). — Саранск: [б. и.], 1973. — 270 с.
- [4] Чуковская Л. К. Процесс исключения. Очерк литературных нравов. Paris, YMCA-press, 1979, 207 с. (электронный ресурс)// Режим доступа elibra.ru/read/354646...isklyucheniya-sbornik.html. (дата ссылки: 15.06.2017.)
- [5] Чжан Бин. Роль и значение диалогизма в книге М. М. Бахтина «марксизм и философия языка». (электронный ресурс)// Режим доступа Пекинский педагогический университет, г. Пекин, Китай journal.omg.su/files/25/44-51.pdf. (дата ссылки: 15.06.2017.)
- [6] Терри Иглтон. Вместить в себя многообразие: слово Бахтина и слово о Бахтине. Mikhail Bakhtin: The Word in the World by Graham Pechey. — Routledge, 238 pp. (электронный ресурс)// Режим доступа Сайт «LondonReviewofBooks». Перевод Иосифа Фридмана. — Сайт «Русский журнал» (дата ссылки: 15.06.2017.)
- [7] Панфилов А.Ю. Неизвестная статья Бахтина //(электронный ресурс)// Режим доступа проза.рф/2009/05/16/425 (дата ссылки: 15.06.2017.)
- [8] Коркунов В. «Дачные каникулы» Михаила Бахтина // Зарубежные записки. — 2013. — № 22. // (электронный ресурс)// Режим доступа reading-hall.ru/publication.php?id=7830. (дата ссылки: 15.06.2017.)
- [9] Шамова Л.Г. М.М. Бахтин в Кустанае // Научно-практическая конференция по проблемам краеведения. — Кустанай: Кустанайский педагогический институт, 1992. — С. 59-60.
- [10] Кандалин Н.И. Кто знал Бахтина? // Ленинский путь. — 1989. — 15 сентября.
- [11] Бахтин М.М. Автобиография //Русская философия смерти. Антология. — М., СПб.: Центр гуманитарных дисциплин, 2014. — 62 с.
- [12] Гуревич П., Махлин В. Пророк в своём отечестве // Советская культура. — 1989. — 22 июля.
- [13] Алпатов В. Волошин, Бахтин и лингвистика. — М.: Литпресс, 2005. — 650 с. (электронный ресурс)// Режим доступа e-reading.club/chapter.php...Alpatov - Voloshinov... (дата ссылки: 15.06.2017).
- [14] Архив Управления Комитета поправовой статистикеи специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан по Костанайской области. Карточка М.М. Бахтина.
- [15] Государственный архив Костанайской области (ГАКО). Ф. 329. Оп. 1. Д. 10. Л. 110.
- [16] Бондаренко Ю.Я. Бахтин М. и проблема диалога в контексте истории культуры. — Костанай: КГУ им. А.Байтурсынова, 2015. — 96 с.

[17] Паньков Н. «Рабле есть Рабле...». Материалы ВАКовского дела М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1999. — № 2. — С. 50-51.

[18] Конкина Л.С., Конкин С.С. Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). — Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. — 432 с.

[19] Колоколова О.Г. Костанай. Провинция с традициями столиц. Здесь жил Бахтин // Караван. - 2015. - 21 августа.

REFERENCES

[1] A.S. Ismakova Kazakh art prose. Poetics, genre, style (the beginning of XX century and modernity). - Almaty: Halym, 1998. - 394 p.

[2] L.I. Fefelova. The motive of historical memory // Kostonay news. 2011. - 6 January.

[3] Problems of poetics and the history of literature: To the 75th anniversary of the birth and the 50th anniversary of the scientific-ped. activity of Mikhail Mikhailovich Bakhtin / S.S. Konkin (responsible for the Ed.). - Saransk: [b. l.], 1973. - 270 p.

[4] Chukovskaya L.K. Exclusion process. Essay on literary mores. Paris, YMCA-press, 1979, 207 p. (The Electronic resource) // the Mode of access e libra.ru> read / 354646 ... iskluycheniya-sbornik.html. (Link Date: June 15, 2017.)

[5] Zhang Bean. The role and importance of dialogism in M. Bakhtin's book "Marxism and the Philosophy of Language. (Electronic resource) // Access mode Beijing Pedagogical University, Beijing, China journal.omg.su> files / 25 / 44-51.pdf. (Link Date: June 15, 2017.)

[6] Terry Eagleton. Contain diversity in itself: the word of Bakhtin and the word about Bakhtin. Mikhail Bakhtin: Word in the world from Graham Pechy. - Routledge, 238 pp. (Electronic resource) // Access mode The London Review of Books site. Translated by Joseph Friedman. - The site "Russian Journal" (link date: June 15, 2017.)

[7] Panfilov A.Y. Unknown article of Bakhtin // (electronic resource) // Access mode pro.rf> 2009/05/16/425 (link date: June 15, 2017.)

[8] Korkunov V. "Summer Holidays" by Mikhail Bakhtin // Foreign notes. - 2013. - № 22. // (electronic resource) // Access mode of reading-hall.ru> publication.php? Id = 7830. (Link Date: June 15, 2017.)

[9] Shamova L.G. M.M. Bakhtin in Kustanay // Scientific and Practical Conference on Problems of Local History. - Kustanay: Kustanay Pedagogical Institute, 1992. - P. 59-60.

[10] N.I. Kandalin. Who knew Bakhtin? // The Lenin Way. - 1989. - September 15.

[11] M.M. Bakhtin. Autobiography // Russian philosophy of death. Anthology. - Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Studies, 2014. - 62 p.

[12] Gurevich P., Makhlin V. The Prophet in his Fatherland // Soviet Culture. - 1989. - July 22.

[13] Alpatov V. Voloshin, Bakhtin and Linguistics. - M.: Литпресс, 2005. - 650 с. (Electronic resource) // Access mode e-reading.club> chapter.php ... Alpatov __ Voloshinov ... (link date: June 15, 2017).

[14] Archive of the Office of Legal Statistics and Special Accounts of the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan for Kostonay region. The M.M. Bakhtin.

[15] State Archives of Kostonay Region (GAKO). F. 329. Op. 1. D. 10. L. 110.

[16] Bondarenko Y.Y. Bakhtin M. And the problem of dialogue in the context of the history of culture. - Kostonay: KSU of A. Baytursynov, 2015. - 96 p.

[17] Pankov N. "Rabelais is Rabelais ...". Materials VAKovsky case of M.M. Bakhtina // Dialogue. Carnival. Chronotope. - 1999. - № 2. - P. 50-51.

[18] Konkina L.S., Konkin S.S. Mikhail Bakhtin (Pages of life and creativity). - Saransk: Mordovia book publishing house, 1993. - 432 p. - P. 171-226.

[19] O.G. Kolokolova. Kostonay. Province with traditions of capitals. Here lived Bakhtin // Karavan. - 2015. -21 August.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
 ӘОЖ / УДК / UDK 902/904 (574.13)

ИЗУЧЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ В ФОНДАХ АКТЮБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Мамиров Т.Б.¹, Артюхова О.А.²

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук
 E-mail: tmamirov@mail.ru

²Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан), кандидат исторических наук
 E-mail: paleo_artuhova@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению коллекций каменного века в фондах Актюбинского областного историко-краеведческого музея. Музейные коллекции несут в себе сведения об истории региона. Целью работы является изучение каменных артефактов, анализ рукописей отчетов и введение в научный оборот материалов с фондов музея. Были проанализированы коллекции каменных артефактов с дюнных стоянок в котловинах выдувания и стоянках Орь-Иргизского междуречья обнаруженных на территории Актюбинской области и находящимися в экспозиции Актюбинского областного историко-краеведческого музея.

Ключевые слова: Археология, музей, фонды, каменный век, местонахождения, неолит, энеолит, каменные артефакты.

АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ ҚОРЫНДАҒЫ ТАС ҚҰРАЛ-ЖАБДЫҚТАР КОЛЛЕКЦИЯСЫН ЗЕРТТЕУ

Мамыров Т.Б.¹, Артюхова О.А.²

¹А. Х. Марғұлан атындағы археология институты (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты

E-mail: tmamirov@mail.ru

²Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі, тарих ғылымдарының кандидаты

E-mail: paleo_artuhova@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақала Ақтөбе облысы тарихи-өлкетану музейі қорындағы тас құрал-жабдықтар коллекциясын зерттеуге арналған. Музей коллекциялары аймақ тарихынан ақпарат береді. Жұмыстың мақсаты – тас артефактілерді зерттеу, есептердің қолжазбаларын талдау және мұражай қорынан алынған материалдарды ғылыми айналымға енгізу. Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайының экспозициясында тұрған және Ақтөбе облысы аумағынан табылған Ор-Ырғыз маңы бассейндері мен қоныстарының тас артефактілерінің коллекциясы талданды.

Ключевые слова: Археология, музей, қор, тас дәуірі, орналасқан жер, неолит, энеолит, тас артефактілері.

STUDYING COLLECTIONS OF STONE IMPLEMENTS IN FUNDS OF AKTOBE REGIONAL MUSEUM OF LOCAL HISTORY

Mamirov T.B.¹, Artuhova O.A.²

¹A.H. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences

E-mail: tmamirov@mail.ru

²National Museum of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences

E-mail: paleo_artuhova@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the Stone Age collections in the funds of the Aktyubinsk Regional Museum of Local History. Museum collections contain information about the history of the region. The aim of the work is to study stone artifacts, analyze the of reports and introduce the scientific materials from the museum's funds. The collections of stone artifacts from dune stands in the basins of blowings and parking of the Ory-Irgiz interfluve, found in the territory of the Aktoobe region and located in the exposition of the Aktyubinsk regional museum of local lore were analyzed.

Keywords: Archeology, museum, funds, stone age, locations, Neolithic, Eneolithic, stone artifacts.

Введение

Фонды краеведческих музеев регионов Казахстана, являются ценными хранилищами сведений о древней истории края. Не исключение и фонды Актыубинского областного историко-краеведческого музея, которые пополняются благодаря работам геологов, краеведов, а также жителей региона. Одними из таких интересных коллекций в фонде музея являются материалы местонахождений каменного века, обнаруженные в Актыубинской области в 70-е годы прошлого столетия. Одна группа каменных артефактов происходит с местонахождений, обнаруженных на песчаных выдувах в южных и западных районах области. К дюнным стоянкам относятся такие памятники как Жанаконьская, Сам 2, Шубарши, Шубаркудукская, Сорколь.

Наиболее крупная Жанаконьская дюнная стоянка, была обнаружена впервые в 1973 году [1], в 1976 году сотрудниками музея памятник был локализован в 0,4 км к северу от окраины пос. Аккайтын. В котловине выдувания был собран каменный инвентарь (95 экз.) и фрагменты лепной керамики (43 экз.).

В качестве сырья использовался кремь хорошего качества, халцедон, опало-халцедон, кварцевый песчаник, единично алевролит и окремненный известняк. Техника первичного расщепления представлена тремя одноплощадочными призматическими нуклеусами для пластин. Индустрия пластинчатая, что выражено в соотношении пластин (64 экз.) и отщепов (28 экз.), или соответственно 70% и 30%.

Орудия на пластинах (53 экз.), представлены следующими категориями: фрагменты пластин с вентральной, реже дорсальной ретушью краев (26 экз.); фрагменты пластин с усеченным ретушью концом (4 экз.); фрагменты пластин с боковыми выемками (9 экз.); геометрические микролиты (трапеции – 4 экз.); концевые скребки на пластинах (7 экз.); единичны сверло, проколка и фрагмент наконечника стрелы.

Пластин без вторичной обработки (11 экз.), все фрагментированы.

Отщеповая индустрия представлена двусторонне обработанными наконечниками стрел и копий (6 экз.). Среди наконечников стрел один листовидной формы с округлым насадом. Из обломков два листовидной формы с вогнутыми насадами и четко выделенными шипами. Один фрагмент наконечника с обломанным насадом и жалом. Наконечники копий с обломанными головками удлиненной листовидной формы и четко выделенными округлыми насадами.

В коллекции концевые и округлые скребки (4 экз.), остроконечники (2 экз.), отщепы с ретушью (9 экз.), единичны заготовки скобелей и проколки. Отходы производства представлены осколками и отщепами без вторичной обработки (5 экз.).

Керамики немного и она, что характерно для степных районов сильно раздроблена, форма сосудов не восстанавливается [1, с. 53].

Стоянка Сам 2, расположена севернее одноименной стоянки в котловине выдувания на южной границе Актюбинской области [1]. Собранный выборочно материал представлен 29 артефактами. Пластинчатая индустрия (55%) представлена фрагментами пластин с ретушью краев (6 экз.), скребками (3 экз.), фрагментом и целыми, двусторонне обработанными наконечниками со слегка вогнутыми насадами (3 экз.).

Артефакты из отщепов представлены двусторонне обработанными наконечниками стрел листовидной формы (12 экз.) и дротиком лавролистной формы, с заостренным насадом и жалом (1 экз.). Наконечники стрел подразделяются на следующие категории с вогнутыми насадами и шипами (6), с округлыми насадами (2), с черешком (2), плоским насадом (2).

Две дюнные стоянки расположены в котловинах выдувания в приустьевой части реки Темир. Дюнная стоянка Шубарши расположена в 8 км к югу от одноименного поселка. На памятнике обнаружено 154 кремневых изделий, 12 фрагментов керамики, 1 обломок ручной мотыги, 2 обломка каменного кольца-браслета. В качестве сырья использовался кремнь, халцедон и кварцитовый песчаник. Техника первичного расщепления представлены двумя нуклеусами одно- и двухплощадочными для снятия пластин. На пластинах (29 экз.) изготовлены угловые резцы, концевой скребок, пластин с ретушью (19 экз.), преимущественно с обратной ретушью по боковым граням. Большая серия представлена двусторонне обработанными наконечниками стрел и копий (39 экз.), преимущественно с вогнутыми насадами и шипами. Представительна серия скребков на отщепах. Керамика фрагментарна, судя, по орнаментации и форме – относятся к бронзовой эпохе.

Дюнная стоянка Сорколь расположена на окраине одноименного поселка. Обнаружена небольшая концентрация кремневых изделий и керамики. Керамика фрагментарна (в том числе два фрагмента плоских днищ и 4 венчика). По способу нанесения орнамента керамика относится к андроновской культуре бронзового века (прямой, гребенчатый, ямочные штампы). В коллекцию входят наконечники стрел, дротиков (24 экз.), изготовленных из разновидностей кремня и кварцита двусторонними сколами и ретушью. Наконечники стрел по форме и типу близки наконечникам стоянки Шубарши. Имеется также скребки, ножевидные пластины, обломки кованых медных пластинок, медные четырехгранные шила и втульчатый наконечник стрелы конусовидной формы, загнутый из пластинки красной меди [1, с. 47].

Ко второй группе относятся все стоянки в бассейне рек Орь и Иргиз – Аралтобе, Улетты, Аралтобе, Каинды 2 и другие. Находки с данных памятников в фонды музея были переданы геологом Р.А. Сегединым, открывшим эти памятники.

В бассейне реки Иргиз, обнаружено четыре памятника. Ст. Каинды 2 расположена на правом берегу р. Каинды, близ устья р. Жинишке. В коллекции содержится разнообразный каменный инвентарь (123 экз.). Техника первичного расщепления представлена нуклеусами и их обломками (7 экз.). Один из них небольших размеров с негативами отколотых тонких ножевидных пластин. Есть также два небольших дисковидных нуклеуса, предназначенных для скалывания отщепов. В коллекции пластин с ретушью и без (51 экз.). Представительна серия скребков (43 экз.). Большинство из них изготовлено из обломков кремней и имеют округлую форму. Есть несколько обломков двусторонне обработанных наконечников стрел и копий (10 экз.), изготовлены из кварцитовидного песчаника и кремня [2, с. 4-5].

Местонахождение Борлы, расположено на левом берегу одноименной реки, приток второго порядка реки Иргиз. На памятнике была обнаружена заготовка нуклеуса, концевой скребок, и три невыразительных отщепов из кремнистой породы [3, с. 4].

На местонахождении Баксайс в нижнем течении одноименной реки правого притока реки Иргиз, было собрано 6 каменных артефактов, представленных одним концевым скребком на пластине, и пятью фрагментами пластин. Два из них имеют подправку на проксимальном и дистальном конце, выделяющим рабочий конец (перфоратор), один медиальный фрагмент с боковой выемкой обеих краев [4, с. 6].

К случайным местонахождениям относится находка нуклеуса в верховьях реки Шидер в Северных Мугоджарах. Нуклеус призматический одноплощадочный, со снятиями пластин шириной 0,7-1,2 см по фронту и торцу, выполнен из кремня [2, с. 4].

В бассейне реки Орь обнаружено шесть памятников, все они расположены на берегах левых притоков реки.

К палеолиту, относится местонахождение Каражар 2, на левом берегу одноименной реки, где было найдено два грубо обработанных орудия. Оба представляют собой массивные сколы, с двугранной асимметричной спинкой с подправкой боковых краев нерегулярными сколами [3, с. 2-3].

На берегу одноименной реки было обнаружено местонахождение Сарымурза, с артефактами из кремня. Техника первичного раскалывания представлена карандашевидным нуклеусом для микропластин, одноплощадочным односторонним нуклеусом для снятия пластинчатых сколов и техническим сколом с фронта нуклеуса для снятия пластин. В коллекции один двойной скребок на пластине с концевым и боковым рабочими краями и дистальный фрагмент ножевидной пластины без вторичной обработки [4, с. 7-8].

С левого берега реки Аралтобе происходят два местонахождения с кремневым сырьем, Аралтобе где обнаружен вторичный отщеп и два фрагмента пластин, один с лицевой ретушью по краям [4, с. 6] и местонахождение Аралтобе 2, где был обнаружен клиновидный нуклеус для снятия пластин и десять отщепов без вторичной обработки [3, с. 4-5].

В среднем течении реки Орь, происходят следующие местонахождения. На местонахождении Кожасай собрано 7 нуклеусов и заготовок из кремня, три скребка на отщепов, три целых и десять фрагментов сколов (7 экз.) [3, с. 5].

На местонахождении Кокпекты в верховье левого берега одноименной реки собрано два фрагмента пластин, один проксимальный с нерегулярной ретушью по краям.

На местонахождении Улетты в верховье правого берега одноименной реки обнаружено три артефакта, один массивный нуклеус односторонний одноплощадочный для снятия пластин, проколка на отщепе и медиальный фрагмент пластины [4, с. 6].

Хотя, материалы с местонахождений и стоянок являются в большинстве случаев единичными и разновременными, они могут дать определенные сведения о древней истории края. Вещевой материал и случайные находки Шубарши и Сорколя свидетельствуют о довольно плотном заселении нижнего течения р. Темир в период появления первых металлических орудий.

Материалы с Жанаконьской дюнной стоянки, соотносятся с материалами Северного Приаралья, с такими памятниками как Караой, Иргиз, Агиспе и др. [5-6].

Материалы с Орь-Иргизского междуречья в целом схожи, несмотря на их малочисленность и отсутствие керамики, можно свидетельствовать о первом заселении региона в палеолите, и постоянном обживании региона в неолитический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров Н.П., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актыбинской области летом 1976 года. – Актыбинск, 1977. – Рукопись. Фонды АОИКМ. КП – №9381.
2. Сегедин Р.А. Об археологических находках 1974-1975 гг. в Мугоджарах (Актыбинская область). – Актыбинск, 1976. – Рукопись. Фонды Института археологии им. А.Х. Маргулана №11. Дело №1411. – 37 с.
3. Сегедин Р.А. Докладная записка об археологических находках, обнаруженных при геологических работах в Актыбинской области в 1978-1981 гг. – Актыбинск, 1981. – Рукопись. Фонды Института археологии им. А.Х. Маргулана №11. Дело №1866. – 36 с.
4. Сегедин Р.А. Археологические находки в Актыбинской области. – Актыбинск, 1962. – Рукопись. Фонды Актыбинского областного историко-краеведческого музея. КП – 9374.– 20 с.
5. Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 49-58.
6. Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. – 1951. – Вып. 39. – С. 3-18.

REFERENCES

1. Petrov N.P., Rodionov V.V. Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Aktjubinskoj oblasti letom 1976 goda. – Aktjubinsk, 1977. – Rukopis'. Fondy AOIKM. KP – №9381.
2. Segedin R.A. Ob arheologicheskikh nahodkakh 1974-1975 gg. v Mugodzharah (Aktjubinskaja oblast'). – Aktjubinsk, 1976. – Rukopis'. Fondy Instituta arheologii im. A.H. Margulana №11. Delo №1411. – 37 s.
3. Segedin R.A. Dokladnaja zapiska ob arheologicheskikh nahodkakh, obnaruzhennykh pri geologicheskikh rabotah v Aktjubinskoj oblasti v 1978-1981 gg. – Aktjubinsk, 1981. – Rukopis'. Fondy Instituta arheologii im. A.H. Margulana №11. Delo №1866. – 36 s.
4. Segedin R.A. Arheologicheskie nahodki v Aktjubinskoj oblasti. – Aktjubinsk, 1962. – Rukopis'. Fondy Aktjubinskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja. KP – 9374.– 20 s.
5. Formozov A.A. Kel'teminar'skaja kul'tura v Zapadnom Kazahstane // KSIIMK. – 1949. – Vyp. 25. – S. 49-58.
6. Formozov A.A. K voprosu o proishozhdenii andronovskoj kul'tury // KSIIMK. – 1951. – Vyp. 39. – S. 3-18.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

ӘОЖ / УДК / UDK 903/904 «637»/«639» (574.51 + 574.52)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО ПРИТЯНЬШАНЬЯ

Марьяшев А.Н.¹, Горячев А.А.²

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) доктор исторических наук

²Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) старший научный сотрудник

Аннотация. Многолетнее изучение памятников эпохи бронзы Семиречья позволило выявить около ста неизвестных ранее погребений, поселений и несколько тысяч древних рисунков. В результате появилась возможность пересмотреть и дополнить некоторые устоявшиеся положения по истории расселения, домостроительства, типу хозяйства и по истории становления кочевого хозяйства в предгорных и горных районах Семиречья. Установлено, что активное освоение горных джайлау началось с рубежа III и II тыс. до н. э. и наиболее активно происходило со второй половины II тыс. до н.э. В течение этого периода функционировали долговременные поселения как в предгорной, так и в высокогорной зонах. В отличие от Центрального и Восточного Казахстана, поселения в Жетысу значительно отличались по выбору места и по конструкциям. Они строились с учетом местных условий и горного ландшафта. Первоначально культурное влияние центрально-казахстанских (алакульских) племен было более значительным, но в последней четверти II тысячелетия увеличивается влияние восточных (федоровских) культурных традиций, прослеживаемых в вещевом и керамическом материале, а также в погребальных конструкциях и обряде захоронения.

Ключевые слова: Культура, традиция, Эпоха, хозяйство, жилище, поселение, Жетысу, бронзы, Северное, Притяньшанье.

СОЛТҮСТІК ТЯНШАНЬ ҚОЛА ДӘУІРІ ҚОНЫСТАРЫН ЗЕРТТЕУ

Марьяшев А.Н.¹, Горячев А.А.²

¹А.Х. Марғұлан атындағы археология институты (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының докторы

²А.Х. Марғұлан атындағы археология институты (Алматы қ., Қазақстан) аға ғылыми қызметкер

Аңдатпа. Жетісудың қола дәуірі ескерткіштерінде жүргізілген ұзақ жылғы зерттеулер нәтижесінде, бұрын белгісіз болып келген жүзден астам жерлеу орындары, елді мекендер және бірнеше мыңдаған жартасқа салынған бейнелер анықталды. Нәтижесінде Жетісу таулы аумақтарындағы көшпелі шаруашылықтың қалыптасу тарихы туралы, шаруашылық түрлері, үй салу және тұрғындардың таралып орналасу тарихы туралы біршама ескірген жайларды қайта қарап, толықтыруға мүмкіндік туды. Таулы жайлауларды белсенді түрде игеру б.з.д. III –II мыңжылдықтар шегінде бастау алып, б.з.д. II мыңжылдықтың екінші жартысынан бастап одан әрі белсенді түрде жүзеге асты. Осы кезеңде тау етегі мен биік таулы аумақтарда ұзақ уақыт тіршілік еткен елді мекендер кең тарады. Орталық және Шығыс Қазақстанға қарағанда, Жетісулық елді мекендер орналасқан орны мен құрылымы жағынан біршама айырықшаланады. Олар жергілікті жер мен таулы ландшафт жағдайын ескере отырып салынған. Бастапқыда Орталық Қазақстандық

(Алакөлдік) тайпалардың мәдени ықпалы жоғары болғанмен, II мыңжылдықтың соңғы ширегіне қарай, заттай және керамикалық материалдары мен жерлеу құрылысы мен салттарында байқалатын - шығыстық (феодоровтық) мәдени дәстүрлер әсері көбейген. Қола дәуірінің кейінгі және соңғы кезеңдерінде біршама ертедегі мәдени дәстүрлердің белсенді түрде жойылуы мен жаңалардың қалыптасуы үрдістері жүре бастады. Нәтижесінде, б.з.д. II мыңжылдықтың аяғына таман, Жетісудың шығысындағы таулы аумақта өлген адамдарды ұжымдық обаларда өртеп жерлеу салттарына ие ескерткіштердің жаңа түрі қалыптасты. Өз бойында Федоров және Алакөл мәдениеттерінің ерекшеліктерін ұштастыратын бұл ескерткіштер кейіннен Көлсай мәдениеті деген атауға ие болды. Жетісудағы қола дәуірі мәдениетінің дамуының бұл кезеңі Орталық және Шығыс Қазақстан, Алтай, Оңтүстік Сібір және Орта Азия, сондай-ақ, Шығыс Түркістан аумақтары тұрғындарымен кең байланыстардың орнауымен ерекшеленеді. Бұл байланыстардың мәні жекелеген ру-тайпалардың Орталық Қазақстаннан (Беғазы-дәндібай) Алтайға (Көлсай мәдениеті ескерткіштері) қоныс аударуымен және тұрғындардың бейімделгіштігімен анықталады..

Ключевые слова: Мәдениет, дәстүр, дәуір, шаруашылық, тұрғын үй, қоныс, Жетісу, қола, Северное, Притяньшанье.

QUESTIONS OF STUDY OF SETTLEMENTS OF EPOCH OF BRONZE OF NORTH TIEN SHAN

Mar'yashev A.N.¹, Goryachev A.A.²

¹A.N. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Doctor of Historical Sciences

²A.N. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan) Senior Researcher

Abstract. Long-term studying of monuments of the Epoch of the Bronze of Zhetysu (Semirechye) has allowed revealing about hundreds of unknown before burials, settlements and several thousand of ancient rock art pictures. In result, the opportunity to reconsider and add some settled positions on a history of moving, building constructions, to type of an economy and on a history of evolution of a nomadic economy in foothill and mountain areas of Semirechye has appeared. It was established, that active development of mountain meadows (djailyau) began from a boundary of III and II Millennia B.C. Most actively, it was occurred from second half II Millennia B.C. Long-term settlements both in foothills and in high-mountainous zones functioned during this period. Distinguish from Central and Eastern Kazakhstan, settlements in Zhetysu considerably differed at the choice of a place and by buildings. They were under construction in view of local conditions and a mountain landscape. Originally cultural influence central - Kazakhstan (Alakulsky) tribes was more significant, but in last quarter of II Millennium influence east (Fedorovsky) the cultural traditions traced in a ware and ceramic material and also in funeral construction and a ceremony of a burial place is increased. In the Epoch of the Late and Final Bronze, there is a process of intensive destruction of more ancient cultural traditions and formation new. In result by the end II Millennia B.C. in a mountain zone in east part of Zhetysu the new type of monuments combining features of Fedorovskaya and Alakulskaya cultures with unknown earlier by a ceremony of burial with cremation in collective tombs, further received the name Kolsayskaya culture was generated. This stage in development of cultures of the Epoch of the Bronze of Zhetysu is marked by wide contacts to the population of adjacent territories of Central and East Kazakhstan, Altai, Southern Siberia and Central Asia, including East Turkestan. Character of these contacts could be defined as migrations separate tribal groups of the Central Kazakhstan (monuments of Begasinsky type) and Altai

(monuments of Kolsaysky type), and the increased mobility of the population.

Keywords: Culture, tradition, epoch, economy, dwelling, settlement, Zhetysu, bronze, Northern, Prityanshan.

Введение

Одним из узловых регионов Центральной Азии является Северное Притяньшанье. Положение региона во внутренней части Евразии на большом расстоянии от океанов обуславливает резко выраженную континентальность климата. С давних пор люди избирали это место для поселения, развивали орошаемое земледелие и скотоводство, строили города. Именно здесь наиболее интенсивно происходили процессы взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций. Есть все основания считать этот региончагом древней культуры земледелия, скотоводства и ремесл.

Наиболее значительную часть Северного Притяньшанья составляет историко-географический регион Жетысу, занимающий юго-восток Казахстана. Его территория простирается с севера на юг на 900, с запада на восток – на 800 километров. Самые крупные реки регионаберут свое начало среди ледников и снежных вершин Джунгарского, Кунгей и Заилийского Алатау. По результатам работ по программе «Культурное наследие» по проекту «Свод памятников истории и культуры Алматинской области» только в этой части региона было зафиксировано свыше 2000 археологических памятников, из которых около 90% относятся к древности [1]. Наиболее ранние памятники регионадатируются эпохой бронзы.

До 80-х гг. XX века сведения о заселении этого края строились на случайных находках кладов и редких раскопках могильных оград [2, с. 44-48]. В 80-е-90-е годы в результате работ археологической экспедиции КазПИ им. Абая и Института археологии им. А.Х. Маргулана (рук. Марьяшев А.Н.) было открыто значительное количество могильников и поселений этого времени. Удалось определить зоны заселения племенами эпохи бронзы региона, хронологические этапы их существования и культурную принадлежность. Исследования проводились таким образом, чтобы иметь представление о культуре племен эпохи бронзы Северного Притяньшанья, населявших степную зону, предгорья, горные урочища и районы высокогорных плато [3, с.5-20]. Итоги данного периода исследований были подведены К.М. Карабаспаковой [4]. Новый импульс изучение древней культуры населения эпохи бронзы региона получило при реализации серии международных и республиканских проектов. По их результатам выяснилось, что в эпоху бронзы вся территория региона была плотно заселена. Только в предгорной и горной зоне Заилийского и Джунгарского Алатау и в Шуилийских горах выявлено около 150 поселений, свыше 200 могильников и около 120 скоплений петроглифов с рисунками эпохи бронзы [5, с. 84-92].

Исследования предгорных и горных районов Северного Притяньшанья в последние годы позволили выявить ранее не известные комплексы из поселений, могильников и петроглифов ранней бронзы [6, с. 15-22; 7] и получить серию новых поселений и реконструкций древних жилищ андроновского и позднебронзового периодов [8, с. 348-370; 9, с. 93-100; 10, с. 342-351]. В итоге междисциплинарных исследований материалов древних могильников и поселений региона была разработана полная периодизация эпохи бронзы Жетысу [11, таблица 2]. На повестку дня становятся вопросы хозяйственно-культурного развития древнего населения Северного Притяньшанья, которые только начинают прорабатываться специалистами [12, с. 5-18; 13, с. 94-110]. Итогам этих исследований в рамках проекта «Генезис древних поселений Северного Притяньшанья» и посвящена настоящая работа.

К числу наиболее ранних памятников эпохи бронзы, исследуемых на территории Жетысу, относится комплекс Бигащ, расположенный в 45 км к юго-востоку от г. Талдыкорган у подножия гор Чибынды в западных отрогах хребта Джунгарский Алатау (рис.1:1). Само поселение

расположено в небольшой лощине (около 3600м²), огороженной крутыми склонами ущелья с севера, запада и востока, и протянувшейся вдоль водотока, подпитываемого родниками, который, в настоящее время, не иссякает в течение всего года.

Во время раскопок были выявлены несколько стен разных периодов, устроенных одна над другой и идущих в разных направлениях. На отдельных участках удалось проследить фрагменты помещений. Все они связаны с разными периодами строительства на территории долговременного поселения, которое является наиболее древним из известных в Жетысу. Раннее поселение было по форме прямоугольным. На глубине 175 см от поверхности был обнаружен глиняный пол и ниже него на 10 см еще один - с очагом, обложенным камнями. Вещевые находки включают керамику, каменные орудия и фрагменты костей животных. Керамика представляет собой грубые сосуды ручной работы с тяжелым плоским дном, с отпечатками следов ткани на внутренней стороне на стенках (рис.1: 2-10). По форме они различаются на крынки и сосуды баночной и горшковидной форм.

Этот участок поселения по керамике не имеет четких аналогов в регионе, по результатам анализов на С 14 он датируется концом III тыс. до н.э. всего на поселении было взято более ста проб для анализа на радиоактивный углерод. Значительно больше предметов материальной культуры найдено в слоях XVII в. до н.э. - начала I тыс. до н.э. Керамика имеет смешанные черты, характерные для федоровской, бегазинской и донгальской культур. Такое ее разнообразие объясняется тем, что материалы поселения были перемешаны в результате периодического возвращения населения на место поселения, которое отчасти перестраивалось [14, с.104].

Основу экономики для племен горной зоны Северного Притяньшанья в раннюю бронзу составляло скотоводство, главным образом, разведением овец, крупного рогатого скота и коз. Лошади составляли всего 5%. Образцы пыльцы не указывают на наличие окультуренных растений злаковых культур. Исследования в области палеоклимата в районе с. Бигаш позволили установить, что продуктивность пастбищ на высоте более 1500 м над у. м. в бронзовом веке была в четыре раза выше, чем в низинах на высоте около 800 м над у. м. Сравнительно небольшие участки в долине не могли прокормить большое количество скота. Майкл Фрачетти считает, что еще задолго до перехода к кочевому хозяйству с вертикальным способом кочевания в предгорьях Джунгарского Алатау у древнего населения уже существовало отгонное скотоводство с использованием летних пастбищ. Следовательно, тип хозяйства населения горной зоны Жетысу уже во II тыс. до н.э. отличался от хозяйственной системы степной зоны и развивался без существенного влияния со стороны андроновских племен.

Длительная история скотоводства, нашедшая отражение в материалах поселения Бигаш, показывает, что локальные общества были достаточно устойчивы и мобильны в плане развития хозяйственной деятельности. Своего расцвета поселок достигает в период XVII-XV вв. до н.э. – времени, на которое падает начало заселения горной зоны Жетысу племенами Центрального и Восточного Казахстана. Определенное влияние на этот процесс оказали древние культуры андроновского времени (XIX-XIV/XIII вв. до н.э.). К этому периоду относятся поселения и могильники в горах Хантау, в урочищах Тамгалы и Ой-Джайляу, ранние слои поселений в ущелье Калакай, Майбулак, Бутакты и Тургенъ-II [15, с.109-138].

Традиции домостроительства этого времени ярко представлены в материалах поселения Бутакты I, расположенного на юго-восточной окраине г. Алматы. Территория памятника представляла собой ровную террасу правого берега реки Жарбулак в предгорной зоне Заилийского Алатау (рис.2:1). Дома-усадебки размещались вокруг озера, подпитываемого грунтовыми водами (рис. 3: 1). Входом они были обращены к озеру и располагались друг от друга на расстоянии 20-30м. Результаты радиоуглеродных анализов позволяют определить время существования поселения этого периода в пределах XVI-XIII вв. до н.э. и отнести памятник к

андроновскому периоду.

Жилища эпохи бронзы в это время представляли собой полуземлянки квадратной формы каркасно-столбовой конструкции, размерами от 11 x 11 м до 15 x 15 м (рис.2: 2; Рис. 3: 2). Стены образованы отесанными бревнами, обмазанными глинистым раствором с растительным красителем кирпичного цвета. Четырехскатная крыша опиралась на квадратную раму в центре дома, поддерживаемую четырьмя опорными столбами, над очагом оставлялось отверстие для тяги дыма (рис. 3: 3, 4). Пол заливался раствором жидкой глины с органическими добавками, к центру слегка понижался. Строго по центру жилища располагался очаг овальной формы с подковообразным глинобитным бортом, размерами 1,2 x 2,2 м (рис. 3: 5). Мощность прокала внутри очага составляет около 0,5 м, что говорит об очень длительном его использовании. Подобные очаги часто встречаются в памятниках тазабагыябской культуры Приаралья [16, с.195-204], генетически связанной с андроновской. Андроновские жилища и отапливались, и освещались при помощи очагов. Такие виды очагов описываются в древних индийских источниках «как домашний огонь гархапатья – «огонь господин дома»» [17, с.81].

Прямой (или Г образный) вход коридорного типа был устроен с юго-восточной стороны жилища. Скорее всего, дверной проем закрывался плотным пологом из шкур животных или деревянным щитом. Вдоль юго-восточной и юго-западной стенок дома располагались три двухкомнатные жилые секции, размерами – 5x3 м. Жилые помещения разделены перегородками примерно посередине. Установлено, что в центральном помещении вокруг очага могли разместиться до 20 человек, которые, вероятно, могли проживать в данном жилище. В западном углу жилища отмечено однокомнатное помещение, размерами – 3x3,5 м, - кладовая. Хозяйственная зона располагалась вдоль северо-западной стенки и в восточном углу дома. Здесь обнаружена большая часть керамических сосудов и изделий из глины и кости.

Подобный тип жилищ относится к каркасно-столбовым конструкциям полуземлянок эпохи бронзы. Его ближайшие аналогии находятся на поселении Атасу [17, с.405, рис.9:3]. В устройстве древних жилищ и посёлков этого времени отчётливо прослеживаются характерные черты культурно-бытовых традиций племён андроновской культурно-исторической общности степных и лесостепных районов Казахстана, Южного Зауралья и Западной Сибири [18, с.126; 19, с.19-60].

Древнее население поселения Бутакты-I занималось придомным скотоводством и мотыжным земледелием, что подтверждается материалами археологических находок (рис.2: 3-18; рис. 3: 6). Однако наличие в них различных инструментов и их заготовок (бороздильник, гребенчатый штамп, иглы, шилья, проколки и т. д.), а также территориальная близость к Турксибскому кладу (500 м) с набором бронзовых инструментов и изделий, позволяет предположить, что жители поселений предгорной полосы активно занимались ремесленным производством. Подобных артефактов не обнаружено при изучении поселений в устьях горных ущелий (Бутакты-III) или на предгорных равнинах (Теренкара), за исключением инструментариев и продукции домашних промыслов (гончарства и ткачества).

Несколько по-иному выглядели жилища эпохи бронзы в горных ущельях и на речных прилавках предгорных равнин. Они представляли собой одно или двухкомнатные полуземлянки, врезанные в склоны бортов, размерами, не превышающими 30-40 м², некоторые двухкомнатные строения достигали 80 м². В горных ущельях хозяйственные помещения отделялись от жилой зоны, в виде примыкающих строений, размерами от 4x3 м до 5x4 м. Для обеспечения водой местные поселенцы небольшим арыком переводили водный поток ручья одного склона на другой и подводили его к жилищам.

В равнинных поймах рек ниже уровня террас на 2-3 м имелись небольшие выступы, которые использовались как дворики при жилищах или тропы, соединявшие жилые помещения между собой. К домам из близлежащих родников подводилась питьевая вода, которая проходила по

верхнему краю третьей надпойменной террасы и за поселением сбрасывалась через овраги вниз к реке. Подобные жилища были предназначены для одной малой семьи, а поселения представляли собой место проживания одной семейно-родовой группы. Набор вещевого инвентаря и топография памятников по материалам раскопок и разведочных сборов позволяет предполагать, что в устьях горных ущелий проживали преимущественно скотоводы, в равнинных поймах рек - земледельцы.

Переломным моментом в истории развития древних культур эпохи бронзы Жетысу следует считать рубеж XIII-XII вв. до н.э. В этот период происходит трансформация культурных традиций племен андроновского круга и сложение на их основе новых, получивших дальнейшее развитие в общности культур валиковой керамики.

При определении мест для поселений выбирались площадки, тщательно укрытые от ветров. Жилища представляют собой полуземлянки каркасно-столбовой конструкции и с каменными основаниями фундаментов стен, в том числе и при разделении их на комнаты. Это демонстрирует продолжение более древних традиций домостроительства в горных районах Жетысу. Наиболее выразительными в этом плане являются материалы поселений горной зоны Заилийского Алатау Асы-I, II и Тургень-II.

Жилище 3 находилось в северо-восточной части поселения Тургень-II (рис 4: 1) За пределами площадки исследованного жилища с северо-восточной и юго-восточной сторон прослеживались стенки котлована более раннего строения. Оно было устроено внутри котлована древней полуземлянки, до уровня которой остается 30-50см. Контур жилища 3 на поселении бронзового века Тургень-II определялся по столбовым ямам, диаметром 25-30см и глубиной до 30см. Конструкция представляла собой полуземлянку под квадратной формы, размерами 8,5x8,2м, ориентированная углами по странам света. Она была врезана в склон сопки таким образом, что с восточного угла и сторон крыша едва возвышалась над поверхностью земли, а с западного угла и сторон была полностью открыта. Столбовые ямы расположены по периметру контура на расстоянии 2-2,5м друг от друга, внутри них обнаружено значительное количество древесного угля. На дне ям, как правило, укладывался камень; у их стенок отмечены речные камни мелких и средних размеров, применявшиеся для укрепления столбовой конструкции.

Строительные материалы в эпоху бронзы зависели от природно-климатических условий высокогорной зоны урочища. Основные материалы – это дерево, глина с примесью извести, камни, ветви. Несущие конструкции жилища выполнены из бревен тьянь-шаньской ели (рис. 4: 2, 3). Обмазка внутреннего и наружного пространства – глина. Полы - щебень, глина, возможно, с травой или кизяком. Конструкция наружных стен состояла из бревен высотой 2,5-2,7м. Кровля была четырехскатной, что определялось природно-климатическими условиями - быстрое изменение направления ветров и обильные осадки. Четырехскатная кровля не позволяла осадкам задерживаться на ее поверхности. Высота вертикальных опорных столбов под квадратной рамой – до 3м. Они располагались по периметру очага. Рама служила основанием отверстия для дымоотвода и располагалась прямо над очагом. Кровля укладывалась на опорные балки и на основные перекладыны и обмазывалась глиной (рис. 2: 6).

Вход в жилище был обозначен с юго-западной стороны четырьмя столбовыми ямами, диаметром 20см и глубиной 25см. Через коридорообразный вход шириной 1,2м и длиной 2м (рис. 4: 3) можно было попасть во внутренние помещения строения. Обустройство жилого пространства демонстрирует необычную для этого времени крестообразную внутреннюю планировку. Коридор между комнатами вел к очагу, устроенному в центре жилища (рис. 4: 4), который представлял собой грунтовую яму, диаметром 80см и глубиной 40см. Внутри очаг имел красновато-кирпичный цвет от прокала. Глубина прокала составляла 30-40см, что свидетельствует о длительном его использовании. Пространство вокруг очага покрыто зольным

слоем.

Для прочности пол жилища равномерно заливали жидкой глиной с примесью известковых пород. Это было необходимо в условиях урочища Тургенъ для защиты пола от грунтовых увлажнений. В отличие от андроновских жилищ, он не понижался к центру, а был выровнен по всему его периметру. Небольшое возвышение зафиксировано в одном из помещений к востоку от очага. Из глины светло-желтого цвета была произведена забутовка на высоту 35-40 см, размерами 2x1,3м, ориентированная продольно помещению. Вероятно, она фиксирует создание спального места типа суфы внутри жилой комнаты (рис. 4: 1). Помимо комнаты с суфой вдоль юго-восточной стенки отмечено еще одно жилое помещение, вход в которое читается в южном углу комнаты и обозначен скоплением камней, закрывших ямку под столбовую конструкцию входа. В юго-западной части комнаты обнаружены скопление камней, небольшое углубление между ними, заполненное золой. Здесь наиболее сильно проявились следы горения жилища в виде скоплений древесного угля и золы. Спальные места сооружали из древесных конструкций, пристроенных к стенкам жилища (рис. 4: 5).

Снаружи с западной стороны от входов домостроение скоплениями камней закрыты еще 4 ямки под столбовые конструкции, вероятно, изгороди хозяйственной площадки. Хозяйственная площадка состояла из двух частей: прохода 2x2м и собственно загона, размерами 4x2,5м. В восточной части загона расчищено крупное зольное пятно 1,5x0,6м, ориентированное по оси север-юг. В целом жилище 3 эпохи бронзы комплекса Тургенъ-II представляет собой типичную долговременную стоянку древних скотоводов горной зоны Заилийского Алатау.

Существенными отличиями от традиций домостроительства андроновского периода в предгорной зоне Заилийского Алатау в позднебронзовом жилище поселения Тургенъ-II являются его размеры и внутреннее устройство. Древние скотоводы верховьев ущелья Тургенъ строили жилища, не превышавшие 60-80м² по площади, что говорит уже о традиции проживания малыми семейными группами. Внутреннее устройство жилищ также претерпевает изменения. Центральное помещение вокруг очага заменяется простым коридором, крестообразная внутренняя планировка в жилищах эпохи бронзы не встречалась ранее не только на территории Жетысу, но и в пределах всего андроновского ареала. Сквозные коридоры в полуземлянках бронзового века известны в памятниках синташтинской культуры, но в рамках жилищ для большесемейных групп. Вероятно, на поселении Тургенъ-Писследована переходная форма устройства домов от андроновских к традициям культур раннего железного века Жетысу.

Поселение Асы-I находится в 7км к востоку от астрономической обсерватории на плато Асы на абсолютной высоте около 2400м над уровнем моря. Площадка поселения расположена на левом берегу третьей надпойменной террасы р. Асы. С севера склон сопки прикрывал все селение от ветров. Жилище представляло собой полуземлянку под прямоугольной формы. (рис.5:1). Оно было заглублено в землю до 1,7м и частично врезано в склон сопки с западной стороны. С юга и с востока находились стены большого помещения, выложенные камнями на глиняном растворе (рис.5:2). Западная стена была устроена из двух параллельных стен – внешней и внутренней, которые соединялись в юго-западном углу. Причем, внешняя стена, расположенная в 1м от внутренней, защищала ее от оползней. Длина внешней стены – 9,6 м. Южная стена имела протяженность 8,2 м, восточная стена плохо сохранилась. После расчистки завала ее длина составляла 2,2 м. Толщина основания стен в среднем около 50см. Основания стен устроены с наклоном. Вдоль каменных стенок через 2-2,5м обнаружены ямки под столбовые конструкции стенок жилища. Стены и крыша дома изготавливались из деревянных бревен, сгоревшие части которых найдены в заполнении ямы. Выявленные фрагменты горелых бревен и мощные слои золы угля позволяют прийти к выводу об отсутствии перегородок. Видимо стенки внутри строения были не каменными, как на Асы-II, а деревянными и сгорели во время пожара. Наземная

часть стен складывалась из стволов тянь-шаньской ели. На полу найдено также несколько хозяйственных ям. Одна из ям, размерами 60 x 45см, со следами углей и золы, представляла собой очаг. Она была ограничена камнями в форме полукруга. В заполнении котлована дома зафиксированы зольники, в которых присутствовало большое количество керамики. Внутри помещения под камнями и обгорелым деревом найден бронзовый наконечник стрелы. В восточной части дома на уровне пола находилась зернотерка, костяные изделия и фрагменты бронзовых изделий (рис.5:7,8,11).

Дальнейшие раскопки дали возможность выявить четыре строительных горизонта, которые относятся к разным периодам жизни на поселении. Нижний строительный горизонт находился на глубине от 1,6м до 1,7м. Глиняный под в северо-восточной части жилища был выложен фрагментами битой керамики. Она была орнаментирована косыми и прямыми треугольниками, каплевидными ямками, ногтевидными вдавлениями и в форме сетки по венчику. Найден осколок сосуда кубковидной формы с узким и высоким поддоном, имеющий аналогии в материалах могильника Ой-Джайляу-VII, датируемого позднеандроновским периодом эпохи бронзы.

Нижний и второй строительные горизонты разделял слой чистого гравия, образовавшийся после заполнения жилища. Выше, на глубине 1,5 – 1,2 м находился слой глины и фрагменты глиняного пола с керамикой, которая несколько отличалась от фрагментов нижнего строительного горизонта: здесь обнаружены фрагменты сосудов с жемчужинами, защипами, косыми насечками. Этот факт позволяет заметить, что жизнь на поселении после подтопления продолжалась.

Поскольку на поселении в эпоху бронзы прослеживается два периода, разделенных слоем гравия, время его существования следует определить с XII-XI по X-IX вв. до н.э. Подтверждают такую датировку и радиоуглеродные даты. В 2001 году в Институте геологии в г. Москве был определен возраст фрагментов дерева по C 14 из поселения Асы-I, который равен 1040-900гг. до н.э. Результаты анализов по ЭПР из Института ядерной физики в г. Алматы в лаборатории С.П. Пивоварова датировали нижние строительные горизонты этого поселения поздней и финальной бронзой (1100, 900 и 700 гг. до н.э.).

Среди вещевого материала жилищ поздней бронзы встречаются каменные и костяные орудия труда (рис.5: 3-6,9,10,12, 24-26). Большинство из них характеризуют домашние промыслы – обработку кож и ткачество [20, с.106-119]. В остеологическом материале отмечается преобладание костей мелкого и крупного рогатого скота. Увеличивается количество костных останков лошадей, что фиксирует динамику структуры скотоводческой системы хозяйства древнего населения. Среди другого материала встречаются керамические изделия, бронзовые украшения, костяные наконечники стрел, бляшки из кости.

Большую часть посуды поздней бронзы горной зоны Заилийского Алатау составляет неорнаментированная керамика, которая отличается определенным набором форм. Это банки, горшки, миски и кувшины. (рис.5:13-19). Около 15 % керамики орнаментировано в основном в верхней части сосудов. Орнамент наносился острым инструментом или ногтем, реже гребенчатым штампом в виде косых заштрихованных треугольников, насечек, каннелюр. Ряд венчиков украшен "жемчужинами" и налепным валиком. Аналогии подобной керамике можно обнаружить в центрально-казахстанских поселениях саргаринского типа [21, с.60; 22, с.115-123]. Наиболее близкие аналогии орнаменту этой керамики прослеживаются в материалах поздней бронзы поселений Алтая [23, с. 96-101,120]. Некоторую часть таких сосудов характеризует сильно раздутое тулово и переход к тулову от прямой шейки, либо сразу от венчика, что более характерно для среднеазиатских комплексов, датируемых в пределах XIII-IX вв. до н.э. [24, табл. XXIII: 5,6,14,15]. По совокупности признаков формы и орнаментации посуды керамика позднебронзового этапа горной зоны относится к Бегазы-саргаринской группе среди общности

культур валиковой керамики степной Евразии [25, с. 89-90: рис.6,7].

Раскопки поселений и могильников этого региона представляют интерес для исследователей, поскольку позволяют сделать выводы о том, что население начало осваивать высокогорные пастбища задолго до эпохи раннего железа [26, с.112-123]. На высоте около 2500м над у. м. в наши дни заниматься земледелием нецелесообразно даже в августе месяце по утрам нередко температура падает до - 4 °С. Основу хозяйства составляло скотоводство, причем процент лошадей был невелик. Среди костных останков преобладали кости овец и крупного рогатого скота. Возможно, в эпоху поздней бронзы климат был более теплый и позволял жить на джайляу круглогодично. Археологические комплексы Асы-I и Тургень расположены в высокогорье и позволяют дополнить представления по истории кочевого хозяйства на его ранних этапах. Заселение высокогорных долин было связано с использованием наиболее пригодных для кочевого хозяйства пастбищ. Местонахождение памятников кульсайской культуры в предгорной (Узынбулак), среднегорье (Кульсай) и в высокогорной (Кызылбулак) зонах говорит о том, что у племен, их оставивших, существовала скотоводческая форма хозяйства при вертикальном способе кочевания. Мы рассматриваем кульсайские памятники как своеобразную культуру эпохи поздней и финальной бронзы Северного Тянь-Шаня, сформировавшуюся в зоне горных пастбищ и сыгравшую значительную роль в формировании культуры сакских кочевников Жетысу.

Близкие традиции домостроительства и структуры хозяйства наблюдаются в материалах поселений поздней бронзы в горных и предгорных долинах Джунгарского Алатау. В первую очередь это касается поселений Тасбас, Калакай и Талапты. Поселение Тасбас расположено в долине Каскарау на южных склонах восточной оконечности гор Баянжурек. Оно находится на слабо выраженных террасах под большими скалами и врезано между скал. Выбор места был обусловлен древними климатическими условиями. В долине, расположенной на высоте от 1600м до 2000 м, еще в июне месяце выпадает снег, зимой большие морозы. Всего раскопано два заглубленных в землю жилища каркасно-столбовой конструкции. Оба помещения были разделены каменной выкладкой, а стенами северного помещения с востока и с севера служили скалы. На глубине около 2м были обнаружены два уровня глиняных полов со следами ремонта – один над другим. В глиняной обмазке у восточной стены сохранились столбовые ямы. Под полом у западного края раскопа выявлены два очага, один над другим, верхний был сложен из обожженной глины, а нижний из каменных плит. У восточной стенки обнаружена плохо сохранившаяся каменная выкладка. Она препятствовала сползанию грунта внутрь жилища.

Аналогичную систему устройства жилищ и вещевой материал демонстрирует, расположенное на противоположной (северной) части долины Каскарау, поселение Калакай (рис.6:1). Как и все ранее исследованные поселения этого типа, они двухслойные и позволяют проследить хозяйственное и культурное развитие древних жителей региона в периоды поздней и финальной бронзы. Несколько необычный выбор места на террасах под скалами при свободных ровных участках в долине Каскарау свидетельствует, что древнее население использовало южные склоны гор, которые прикрывали жилища от северных ветров и аккумулировали солнечное тепло. Скалы использовались как часть конструкций устройства жилища. Можно предположить, что сооружение поселения связано с освоением горных джайляу. От поселения переход к летним пастбищам на северные склоны Заилийского Алатау составляет всего несколько часов.

Внутри жилищ найдены каменные зернотерки с курантами, ложила, боласы, песты в форме фаллоса, крышки для сосудов (рис.6: 9-14), пряслица и фрагменты керамики, в том числе с орнаментом. Керамика представлена венчиками, боковинами сосудов (рис.6: 17-25). Орнамент выполнен в форме прямых, косых насечек, «елочки», ногтевидных вдавлений, жемчужин по горловине и тулову и имеет широкие аналоги в посуде Жетысу, Восточного и Центрального Казахстана. Имеется небольшое количество фрагментов с орнаментом в виде соединяющихся

треугольников, наряду с жемчужинами. Как конструкции из нижнего строительного горизонта, так и вещевой материал характерен для поселений последнего периода эпохи бронзы [27, с. 238-239].

У западных склонов хребта Джунгарского Алатау наиболее исследовано поселение финальной бронзы Талапты-I, расположенное на правом берегу р. Коксу, на 10-12 м выше уровня реки. Общая площадь поселения составляет около 4000 м. Были исследованы одно жилище и часть жилого дома. Основа жилища представляет полуземлянку параллелепипедальной формы (рис. 6: 2; рис. 7: 1). Котлован жилища был устроен на глубине 1000-1200 мм от уровня древней поверхности земли, исходя из этого, следует, что по современной классификации этажности здания, жилище относится к цокольному устройству этажа. Внутреннее устройство комнат составляют общий объем жилища, которое имеет лишь один этаж (рис. 7: 2).

Жилище 2 поселения Талапты-I отличается от каркасно-столбовых конструкций жилищ эпохи бронзы региона Жетысу каменной кладкой по периметру и каменной кладкой внутри жилища, образующей основание фундамента северной стенки (рис. 7: 3). Высота этой кладки была около 0,5-0,7 м. Высота наружных стен - 2000-2200 мм, половина стены уходит под землю и поэтому, наземная высота стен составляет лишь 1000-1200 мм. Конструкция наружных стен состояла из опорных столбов, которые определяются присутствием ям, и горизонтально расположенных горбылей.

Следов перекрытий не было найдено, исходя из этого, следует предположить, что скорее всего его не было. Кровля была двухуровневая. Нижний уровень крыши представляется четырехскатным, это определялось природно-климатическими условиями - быстрое изменение направления ветров и обильные осадки. Четырехскатная кровля не позволяла осадкам задерживаться на ее поверхности. Высота вертикальных опорных столбов под квадратной рамой - около 3000 мм. Они располагались по периметру очага. Второй уровень кровли перекрывал квадратную раму и был предположительно двухскатным, с большим световым окном, которое являлось отверстием для дымоотвода и располагалось прямо над очагом. Кровля укладывалась на опорные балки и на основные перекладины. С внутренней стороны она обмазывалась глиной, а с наружной камышом или соломой, это создавало водонепроницаемый защитный слой кровли. Внутренний объем здания состоит из центрального основного помещения, трех спальных двухкомнатных отсеков, а также из вытянутого хозяйственного отсека. Центральное помещение вмещало в себя несколько функций: кухня-столовая и общий зал.

В период поздней бронзы (XIII-X вв. до н.э.) основной формой жилищ, являются полуземлянки каркасно-столбовой конструкции прямоугольной формы, общей площадью от 60 до 120 м². Прямой или Г-образный вход устраивался с восточной (северо-восточной) или западной (юго-западной) стороны. В центре жилища устраивались каменные очаги округлой, овальной и подковообразной форм. Все конструкции стен и четырехскатной крыши выполнялись из деревянных столбов. Деревянные конструкции стен пропитывались растительным раствором и обмазывались глиной. Внутри жилища разделялось на жилую, общую и хозяйственные зоны. Жилая зона располагалась в южной (юго-западной и юго-восточной) части дома и представляла собой несколько отдельных комнат. Общая зона занимала центральную часть дома вокруг очага. Хозяйственная располагалась в северной части жилища. Здесь обнаруживаются многочисленные крупные хозяйственные ямы, посуда и орудия труда.

В предгорной и горной зоне Жетысу еще с периода ранней бронзы появляется традиция устройства каменных оснований стен как наружных, так и внутренних [14, с.20]. В жилище 2 таковой оказалась только северная стенка, обращенная к горам. Ее укрепление, вероятно, потребовалось с тем, чтобы предотвратить, оплыв стенки во время весенних паводков, которые регулярно проходили по устьям горных саев, близ которых было устроено поселение. Сами стены

и крыши по-прежнему изготавливаются из местных пород деревьев. Основная часть жилищ становится прямоугольной формы, общей площадью 80-120м², хотя для жилищ общей площадью менее 80м² сохраняется его квадратная планировка.

Таким образом, мы можем отметить в развитии домостроительства населения эпохи бронзы предгорной и горной зоны Джунгарского Алатау следующие традиции. При устройстве поселений на всех этапах выбирались места на выходе из горных ущелий или отдельных саев на высоких надпойменных террасах горных рек и ручьев (рис. 7: 4). Дома располагались на поселениях в виде отдельно стоящих хозяйственных дворов, в 1-2 ряда по абрису надпойменных террас. Следы деревянных изгородей подтверждают наличие ограждающих конструкций по периметру отдельных жилых комплексов. Сооружались они из дерева, земли и камней. В некоторых случаях к жилищам пристраивались хозяйственные постройки.

Основной материал жилища керамический. Два сосуда обнаружены внутри северной стенки у входа в жилище. Один из сосудов с узкими каннелюрами по шейке и плавной профилировкой тулова был вставлен в сосуд с уступом по плечу. Архаичность форм и необычность местонахождения позволяют считать эти сосуды ритуальными. У остальной посуды в виде горшков округлые плечики, и только на трех из них имелся уступ при переходе от шейки к тулову. Сохранились фрагменты двух сосудов с валиками по венчику. Орнамент на сосудах беден и размещался полосой по шейке сосуда к плечу, в основном это ряды косых и вертикальных насечек, зигзаги, горизонтальные линии, ряды круглых и ромбовидных вдавлений. Много фрагментов орнаментировано каннелюрами по шейке в два-три ряда. Изредка встречаются "жемчужины" (рис.6: 26-30).

Другой материал из жилищ – каменные изделия: зернотерки, песты, точила, терочки, ножи, изделия яйцевидной формы, скребла, мотыга, крышки к сосудам, пряслице, каменное навершие для булавы (рис.6: 6-8,15-16). Обилие пестов, мотыг и зернотерок свидетельствует о значительном развитии земледелия у населения предгорных долин региона. В то же время многочисленные кости животных, а также каменные и костяные орудия труда для ловли животных (болас) и обработки кож (ножи, скребла, тупики, ложила и т. д.) говорят, что система хозяйства была комплексной. Основным видом в животноводстве был мелкий (75 %) и крупной рогатый скот (20 %). Только ~ 5 % костей принадлежали лошади.

Поселение Талапты-I было однослойным и недолговременным. Керамика его близка саргаринским памятникам поздней бронзы [28, рис.140], по ряду показателей она сближается с керамикой донгальского типа [21, с. 60]. Таким образом, поселение может быть отнесено к эпохе поздней и финальной бронзы и датировано рубежом II-I тыс. до н.э.

Характеризуя археологические памятники в районе хребта Ешкиольмес, следует также отметить, что этот природно-географический микрорайон, был плотно заселен практически во все периоды эпохи бронзы. Хозяйство, которое вели жители этой долины, было комплексным скотоводческо-земледельческим. Однако преобладание той или иной формы хозяйства напрямую зависело от циклических изменений климата. Этот микрорегион оставался зоной постоянного проживания значительной массы населения, поскольку позволял стабильно хозяйствовать при любой природно-климатической ситуации. Недаром и местность получила такое название «Ешкиольмес – коза не умрет (прокормится)».

Памятники поздней и финальной бронзы Юго-Западного Жетысу в отличие от горной зоны изучены мало. Известны поселения в урочищах Тамгалы, Ой-Джайляу, Серектас, Унгури, в горах Хантау. Но исследования частично проводились только на поселениях Серектас-I и II. В урочищах Тамгалы и Ой-Джайляу в результате контрольных шурфов только установлены факты наличия таких поселений на значительных глубинах (до 2,5-3,5м) и раскопаны отдельные захоронения. По характеру вещевого материала, конструктивных деталей жилищ и погребальных

комплексов они могут быть отнесены к Бегазы-саргаринским памятникам Центрального Казахстана. Данный регион - это система невысоких горных отрогов, расположенных в степной зоне Жетысу в междуречье крупных рек Чу и Или, через которые проходили основные транзитные пути в древнюю Сары-Арку. По своим природно-климатическим особенностям эта область ближе к центрально-казахстанскому региону, чем к предгорной зоне Заилийского и Джунгарского Алатау. Именно поэтому культурные и хозяйственные традиции древнего населения Юго-Западного Жетысу в позднюю бронзу имеют определенные отличия от культуры жителей горной зоны.

Население Жетысу вело в эпоху бронзы сложное комплексное хозяйство, в котором ведущими направлениями были скотоводство и мотыжное земледелие. В итоге это привело к сложению системы хозяйствования с разделением на зоны преимущественного развития земледелия и скотоводства. Направленность хозяйственного развития была предопределена циклическим изменением климата в сторону аридизации. Эти изменения сопровождалось обезвоживанием степей Центрального и Восточного Казахстана и оттоком населения в представлявшие более стабильные условия жизнеобеспечения регионы. Смена зон обитания вела к поиску новых форм хозяйствования. Это, в частности, привело к освоению племенами эпохи бронзы районов среднегорья и высокогорных плато, где ведущей отраслью хозяйства становится скотоводство при вертикальном способе кочевания. Развитие данного способа хозяйствования для древних скотоводов происходит в Жетысу до появления племен андроновского круга в регионе на основе традиций, заложенных местным населением.

Сущность системы заключалась в том, что часть населения сосредотачивалась в предгорной зоне на стационарных поселениях. Их жители занимались ирригационным земледелием и ремесленным производством. Разведение домашних животных играло подсобную роль и чаще всего носило пастушескую форму скотоводства. Другая часть родственного населения специализировалась на разведении скота. Подобная специализация и взаимовыгодный товарообмен способствовали благосостоянию населения, увеличению территорий охваченных хозяйственной деятельностью людей, и, как следствие, росту численности населения в этот период и усложнению их социальной системы.

Этот процесс происходил очень сложно и постепенно, сопровождался усилением межплеменной борьбы за территорию обитания. Социальная дифференциация достигает также более высокого уровня. Выделяются группы родов и племен (памятники бегазинского и кульсайского типа), которые занимают более стабильные экологические ниши горной зоны и устанавливают контроль над населением предгорной, а возможно и степной зон. Именно рубежом II-I тысячелетий до н.э. следует считать начало сложения новых хозяйственно-культурных традиций, которые в дальнейшем найдут свое выражение в культуре сакских племен Жетысу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область – Алматы, 2009. - 104с.
- [2] Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. – 1970. – Вып. 122. – С. 44-48.
- [3] Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // «Российская археология». - № 1. - М., 1993. – С. 5-20.
- [4] Горячев А.А. Некоторые итоги и перспективы изучения памятников эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева, 22-24 мая 2014 года. Алматы, 2014. С.84-92.
- [5] Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. – Алматы, 2011. – 220с.

- [6] Фрачетти М. Д., Марьяшев А.Н., Доумани П.Н. Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства в бронзовом веке // Известия НАН РК. / Серия общественных и гуманитарных наук – Алматы, 2014. - № 5(295) - С. 15-22.
- [7] Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы – Алматы, 2013. – 150с.
- [8] Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийский Алатау // «Бегазы-дандыбаевская культура в истории Центральной Азии» / Материалы международной научно-практической конференции. - Алматы, 2013. - С. 348-370.
- [9] Горячев А.А. К вопросу о реконструкции жилища эпохи бронзы поселения Бутақты-І // Материалы IV международной научной конференции «Кадырбаевские чтения - 2014» (9-10 октября 2014 года). - Актобе, 2014. – С. 93-100.
- [10] Горячев А.А., Потапов С.А. К вопросу о реконструкции жилища эпохи бронзы поселения Талапты-І // «Казакское ханство в потоке истории» / Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства – Алматы, 2015 – с. 342-351.
- [11] Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ: Серия история, филология - 2016. Т15, №5: Археология и этнография – С.85-123.
- [12] Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук – Алматы, 2015 - № 6(304) - С. 5-18.
- [13] Горячев А.А., Сараев В.В. Древний археологический комплекс ущелья Тургенъ // «Актуальные проблемы археологии Евразии» / Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященная 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана – 18-19 октября 2016г. - Алматы, 2016 – С. 94-110.
- [14] Марьяшев А.Н., Фрачетти М. Исследования могильников и поселения у села Бигаши в Восточном Семиречье // История и археология Семиречья. - Алматы, 2007. - Выпуск 3. – С. 100-105.
- [15] Goriachev A.A. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechie //Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River. CHARTER IV. / Edited by Katheryn M. Linduff. The Edwin Mellen Press. Lewiston, New York, USA. 2004. С.109-138.
- [16] Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. - М., 1977. – 240с. [17] Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. - М.,1994. – 464с.
- [18] Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966. – 436с. [19] Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). - Свердловск, 1988. – 184с. [20] Горячев А.А., Чернов М. А. Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургенъ-II //История и археология Семиречья. - Алматы, 2007. - Выпуск 3. – С. 106-119.
- [21] Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения ент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана - Караганда, 1987. - С. 56-68.
- [22] Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана - Караганда, 1987. – С. 115-123.
- [23] Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, 1985. – 200с.
- [24] Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. - МИА СССР, № 145. Том VI - Л.,1968. - 184с.
- [25] Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. – С.81-99.
- [26] Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургенъ и на плато Асы //История и археология Семиречья. - Алматы, 2001. - Выпуск 2. – С. 112-123.
- [27] Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. - Алматы, 2009. – 264с.
- [28] Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1979. – 360с.

REFERENCES

- [1] Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazahstan. Almatinskaya oblast' – Almaty, 2009. - 104s.
- [2] Kuz'mina E.E. Semirechenskij variant kul'tury ehpoi pozdnej bronzy // KSIA. – 1970. – Вып. 122. – С. 44-48.
- [3] Mar'yashev A.N., Goryachev A.A. Voprosy tipologii i hronologii pamyatnikov ehpoi bronzy Semirech'ya // «Rossijskaya arheologiya». - № 1. - М., 1993. – С. 5-20.
- [4] Goryachev A.A. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya pamyatnikov ehpoi bronzy na severnyh sklonah Zailijskogo Alatau i v SHuiljskih gorah // Voskhozhdenie k vershinam arheologii. Sbornik materialov mezhdunarodnoj

nauchnoj konferencii «Drevnie i srednevekovyje gosudarstva na territorii Kazahstana», posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya K.A. Akisheva, 22-24 maya 2014 goda. Almaty, 2014. S.84-92.

[5] Karabaspakova K.M. ZHetysu i YUzhnyj Kazahstan v ehpohe bronzy. – Almaty, 2011. – 220s.

[6] Frachetti M. D., Mar'yashev A.N., Doumani P.N. Poseleniya gornoj chasti Semirech'ya i voprosy ehkologii i hozyajstva v bronzovom veke // Izvestiya NAN RK. / Seriya obshchestvennyh i gumanitarnyh nauk – Almaty, 2014. - № 5(295) - S. 15-22.

[7] Mar'yashev A.N., ZHeleznyakov B.A. Drevnosti Kulzhabasy – Almaty, 2013. – 150s.

[8] Goryachev A.A. Voprosy tipologii i hronologii poselenij ehpohe bronzy na severnyh sklonah Zailijskij Alatau // «Begazy-dandybaevskaya kul'tura v istorii Central'noj Azii» / Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. - Almaty, 2013. - S. 348-370.

[9] Goryachev A.A. K voprosu o rekonstrukcii zhilishcha ehpohe bronzy poseleniya Butakty-I // Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kadyrbaevskie chteniya - 2014» (9-10 oktyabrya 2014 goda). - Aktobe, 2014. – S. 93-100.

[10] Goryachev A.A., Potapov S.A. K voprosu o rekonstrukcii zhilishcha ehpohe bronzy poseleniya Talapty-I // «Kazahskoe hanstvo v potoke istorii» / Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 550-letiyu Kazahskogo hanstva – Almaty, 2015 – s. 342-351.

[11] Gass A., Goryachev A.A. K voprosu o tipologii i hronologii mogil'nikov ehpohe bronzy v vysokogornoj zone Zailijskogo Alatau // Vestnik NGU: Seriya istoriya, filologiya - 2016. T15, №5: Arheologiya i ehtnografiya – S.85-123. [12] Goryachev A.A., Saraev V.V. K voprosu o hozyajstvenno-kul'turnom razvitii drevnego naseleniya Almaty // Izvestiya NAN RK / Seriya obshchestvennyh i gumanitarnyh nauk – Almaty, 2015 - № 6 (304) - S. 5-18.

[13] Goryachev A.A., Saraev V.V. Drevnij arheologicheskij kompleks ushel'ya Turgen' // «Aktual'nye problemy arheologii Evrazii» / Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennaya 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazahstan i 25-letiyu Instituta arheologii im. A.H. Margulana – 18-19 oktyabrya 2016g. - Almaty, 2016 – S. 94-110.

[14] Mar'yashev A.N., Frachetti M. Issledovaniya mogil'nikov i poseleniya u sela Bigash v Vostochnom Semirech'e // Istoriya i arheologiya Semirech'ya. - Almaty, 2007. - Vypusk 3. – S. 100-105.

[15] Goriachev A.A. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechie //Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River CHARTER IV / Edited by Katheryn M Linduff The Edwin Mellen Press. Lewiston, New York, USA. 2004. S.109-138.

[16] Itina M.A. Istoriya stepnyh plemen YUzhnogo Priaral'ya. - M, 1977. – 240s.

[17] Kuz'mina E.E. Otkuda prishli indoarii. - M., 1994. – 464s.

[18] Margulan A.H., Akishev A.K., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana. - Alma-Ata, 1966. – 436s. [19] Zdanovich G.B. Bronzovyj vek Uralo-Kazahstanskih stepej (osnovy periodizacii). - Sverdlovsk, 1988. – 184s.

[20] Goryachev A.A., Chernov M. A. Orudiya kozhevennogo remesla i tkachestva iz arheologicheskogo kompleksa Turgen'-II //Istoriya i arheologiya Semirech'ya. - Almaty, 2007. - Vypusk 3. – C. 106-119.

[21] Varfolomeev V.V. Otnositel'naya hronologiya keramicheskikh kompleksov poseleniya Kent // Voprosy periodizacii arheologicheskikh pamyatnikov Central'nogo i Severnogo Kazahstana - Karaganda, 1987. - S. 56-68. [22] Loman V.G. Dongal'skij tip keramiki // Voprosy periodizacii arheologicheskikh pamyatnikov Central'nogo i Severnogo Kazahstana - Karaganda, 1987. – S. 115-123.

[23] Molodin V.I. Baraba v ehpohe bronzy. - Novosibirsk, 1985. – 200s.

[24] Mandel'shtam A.M. Pamyatniki ehpohe bronzy v YUzhnom Tadzshikistane. - MIA SSSR, № 145. Tom VI - L., 1968.- 184s.

[25] CHernyh E.N. Problema obshchnosti kul'tur valikovoj keramiki v stepyah Evrazii // Bronzovyj vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. - CHelyabinsk, 1983. – S.81-99.

[26] Mar'yashev A.N., Goryachev A.A. Poseleniya ehpohe bronzy v verhov'yah ushel'ya Turgen' i na plato Asy //Istoriya i arheologiya Semirech'ya. - Almaty, 2001. - Vypusk 2. – C. 112-123.

[27] Bejsenov A.Z., Loman V.G. Drevnie poseleniya Central'nogo Kazahstana. - Almaty, 2009. – 264c.

[28] Margulan A.H. Begazy-dandybaevskaya kul'tura Central'nogo Kazahstana. - Alma-Ata, 1979. – 360s.

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 339.9

THE MAIN FEATURES OF INTEGRATION PROCESSES IN EUROPEAN AND EURASIAN REGIONS

Nursultanova L.N.¹, Sanatova M.K.²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, (Astana, Kazakhstan) Doctor of Historical Sciences, Professor

E-mail: 2012nura@bk.ru

Corresponding authors*

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, (Astana, Kazakhstan) 4th year student

E-mail: meka-madina@mail.ru

Abstract. This article compares the historical stages of EU and EAEU development, their integration and the most important events and achievements. The EU's historical experience in developing EU and EAEU integrations, their similarities and differences are explored. The current level of economic integration in the international arena, trade and economic ties are considered. The institutional structures of the two organizations represented and their economic development are compared. The article outlines a plan for the future of the EU and EAEU and the difficulties of collaboration in the current situation.

Keywords: European Union, Eurasian Economic Union, integration, institutional structure, economic union, Eurozone, currency, customs union, free trade area, common market.

ЕУРОПА ЖӘНЕ ЕУАЗИЯ АЙМАҒЫНДАҒЫ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ҮРДІСТЕРДІҢ НЕГІЗГІ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Нұрсұлтанова Л.Н.^{1*}, Санатова М.К.²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті, (Астана қ-сы, Қазақстан) Тарих ғылымдарының докторы, профессор

E-mail: 2012nura@bk.ru

Автор корреспондент*

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті, (Астана қ-сы, Қазақстан) 4 курс студенті

E-mail: meka-madina@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада Еуропа Одағы мен Еуразиялық Экономикалық Одақтың тарихи кезеңдеріне және интеграциялық дамудың маңызды оқиғалары мен жетістіктеріне салыстырмалы талдау жасалған. Еуропа Одағының тарихи тәжірибесі, интеграциялық даму жолында ЕО пен ЕЭО-тың ұқсастықтары мен айырмашылықтары зерттелінген. Одақтардың экономикалық интеграциясының деңгейлерінің жағдайы, халықаралық аренадағы экономикалық қарым-қатынастары, сауда-экономикалық байланыстары қарастырылған. Екі ұйымның институционалдық құрылымдары және экономикалық дамуы салыстырылған. Еуропа Одағы пен Еуразиялық Экономикалық Одақтың болашақтағы жоспары, үміткер мүше елдер және интеграцияның қазіргі жағдайы мен қиындықтары баяндалған.

Түйін сөздер: Еуропа Одағы, Еуразиялық Экономикалық Одақ, интеграция, институционалық құрылым, экономикалық одақ, Еуроаймақ, валюта, кедендік одақ, еркін сауда аймағы, ортақ нарық.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Нурсултанова Л.Н.^{1*}, Санатова М.К.²

¹ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, (г. Астана, Казахстан) доктор исторических наук, профессор

E-mail: 2012nura@bk.ru

Автор корреспонденции*

¹ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, (г. Астана, Казахстан) студентка 4 курса

E-mail: meke-madina@mail.ru

Аннотация. В этой статье сделан сравнительный анализ исторических этапов развития ЕС и ЕАЭС, их интеграции и наиболее важных событий и достижений. Исследован исторический опыт ЕС в области разработки интеграций ЕС и ЕАЭС, их сходства и различия. Рассмотрен нынешний уровень экономической интеграции на международной арене экономических отношений и торгово-экономических связей. Сравнены институциональные структуры двух отображенных организаций и их экономическое развитие. В статье изложен план на будущее ЕС и ЕАЭС, стран кандидатов, а также трудности интеграции нынешней ситуации.

Ключевые слова: Европейский союз, Евразийский экономический союз, интеграция, институциональная структура, экономический союз, Еврозона, валюта, таможенный союз, зона свободной торговли, общий рынок.

Introduction

Nowadays regional integration is a necessity in the development of international relations. It is practically impossible to find a country which exists without membership in certain organizations or unions. It is a reasonable behavior for the countries as integrational process is a key element for the development of world economy and policy. Unions and groupings were popular in the earlier ages too, however the integration processes started from the second half of XX and the beginning of XXI centuries. When speaking about integration in the modern world, it is important to consider integration between two major unions: European Union and Eurasian Economic Union. It took years for the European Union to see the results of the integration work: EU was established in 1950s and the agreement of European Economic Union was only signed in 1957. The integration of the post-soviet countries as Eurasian Union has taken a longer time and can be truly regarded as a huge achievement despite several false starts experienced in 1999-2000s.

Regional integration in Europe was formed under special conditions. A characteristic of the post-war period, the desire for peace and unification, as well as the creation of a bipolar international system had a significant impact on it. The establishment of the ECSC, and then the EEC and EAEC, meant an achievement in the practice of international cooperation. These associations were more traditional international cooperation. They transferred the part of their national sovereignty to the supranational level and tried to establish a cohesive community with a common destiny.

Over its history, the EU experienced both successful and very difficult periods. However, in the long term integration continued to evolve. The European Communities consistently moved first to the customs union, then to the single internal market and finally to the monetary union. The area of

integration was gradually expanded, both in geographical terms and in terms of activities. From 6 members in 1951 the Community increased to 28 states by 2013. In 2004 the association became a truly pan-European after joining the Central and Eastern Europe. Beginning with trade the integration process gradually seized more broad areas such as transportation, scientific research, environment, energy, culture, etc. Since the 90s the field of common foreign and defense policy showed obvious progress. The breakthrough of integration was directly linked to a particular political culture and legal system of the European Union. The inevitable conflicts between individual nations and interest groups overcome through active dialogue and a constant focus on finding a compromise. The operation of the EU allowed to create a system of institutions, rules, practices and procedures. This system aligned the interests of the different parties in decision-making, and then monitored their performance.

The active development of the EU significantly strengthened its international position. The European Union concluded an extensive network of agreements and dialogues with many countries, regions and integration associations in the world. Its international cooperation covered economics, politics, law enforcement, science, culture, etc. EU promoted its values and interests in the world arena, actively participated in the work of international collaboration and reformed the existing system of international relations [1].

On the groundwork of the CIS cooperation framework EurAsEC and Customs Union was implemented the Eurasian Economic Union. It is the most prospective project aligned at uniting educational and cultural opportunity of the new participant countries. This integration initiative was maintained by specialists and the formation of the Eurasian Union represented a new feature of the post Soviet unification, which abandoned from unclear statements to comprehensible and appealing to nations and businesses, stable and durable project that is free from variations in the modern world [2, p.20].

A new milestone begins on 1 January 2015, when a new integration initiative, the Eurasian Economic Union (EAEU), started to function. The EAEU treaty was concluded by the heads of states of Belarus, Kazakhstan and Russia in the Astana on May 29, 2014. The EAEU provided free movement of services, goods, labour and capital, additionally consistent and united policy in the areas indicated by the document and international negotiations. Armenia joined to the integration cooperation on January 2, 2015, and Kyrgyzstan on May 8, 2015.

The Eurasian Economic Union (EAEU) is a young organization, that was built to ensure economic prospective, enhance economic chains within the territory, and establish conditions for advancing the countries' worldwide competitiveness. The major element of the interaction plan is the acceptance of a common market for labor, services, capital and goods. Following of the unsuccessful attempt in the 1990s and 2000s, the history of the EAEU goes forward. However, the union faced many problems and learnt how to overcome it. Regardless of unresolved problems, the concept of economic collaboration in Eurasia became fully implemented.

This union has been working as a customs union since 2011, and as an economic organization since 2015. Furthermore, due to the geopolitical aims, it is concentrated on a certain long term economic program.

Both EU and EAEU were established with a small number of member countries. However, while the expansion of EAEU has not changed much it consists of 5 countries out of which 3 countries are considered as founding states of the union; the EU has undergone 7 enlargement processes as a result of which the number of its member countries increased from initial 6 states to 28 countries now. EU and EAEU have unique formation stories with own successes and failures. The unions chase mainly the same purposes, though on different territories and possible interaction between such unions may bring new perspectives to the world economy. Every region has unique history, culture, language and political systems which influence their evolution.

EU was initially established to gain the reconciliation between two European countries: France and Germany. The formation of EU was more targeted on resolving a political issue at the time being. The European regionalism appeared to be vital in order to ensure peace in the European continent after the World War II. As opposed to EU, EAEU initially targeted an economic response to the globalization taking place in the world.

Both unions made a high priority to create a customs union as a way to facilitate economic integration in the continents. The first attempt to create the Customs Union in EAEU was made in 1995, however the idea was realized 15 years later, i.e. in 2010. Compared to the EU, the countries of Europe have overcome the path to the Customs Union for 20 years, and by 1968 the parties agreed on the abolition of customs duties. Thus, the EU countries moved to this important integration event for 20 years. The classical introduction of regional integration usually involves several stages of economic integration: free trade zone, customs union, common market, economic and currency union and political union. In the way of evolution both unions underwent through the following stages of economic integration such as customs union, common market, free trade zone and economic union. However, the EU went far ahead in the integration process by establishing currency union and political unions which have not yet been created with the EAEU so far.

If to take into account that EU was initially created chasing the economic integration, through the evolutionary period of over 60 years it has come to focus on political integration of the member countries. So with the vast development of the EU its objectives came to change. At the moment the aim which EAEU has identified for them fully reflects the aim introduced by the EU back in 1957s.

The European and Eurasian region are really unique in terms of historical experience and specifics. The EU and EAEU have legislative, executive and judicial powers. As well as they have a unique history, culture, languages, their own political systems, which determines their distinctive ways of evolution.

It is important to mention that the treaty on the EAEU depicts some important resemblance between the EAEU and other international association of regional integration, specifically the European Union. The first article of the treaty on the EAEU provides the “four freedoms”. They are free movement of the capital, services, goods and labor. As EAEU, the EU guarantees “four freedom”.

The main bodies of the EAEU are: Eurasian Intergovernmental Council; Supreme Eurasian Economic Council; Eurasian Economic Commission; Court of the Eurasian Economic Union. As for the EU, main bodies are: the European Council; the European Parliament; the European Commission; the Court of Justice of the European Union and the Council of the European Union.

The institutional framework of the EAEU and the EU was adopted on the framework of economic and political relations and the main features of the post-Soviet space differ from the unification procedures in the EU region. S. Hix and B. Hoyland remarked that the EU is not an organization or a nation as a federation, but acts as a political system, due to the degree of interaction goes beyond the traditional functioning of international interstate organizations and cooperation. A. A. Maryshev and A. V. Toropygin note that the EAEU should be built as an independent regional financial union that will be part of a new worldwide monetary and financial arrangement.

The institutional structure of the EAEU is in some occasions the same as of the EU but less horizontal. The EAEU is freely focuses on the EU. The distinctive point from the EU, all partners the EAEU have strong executive presidential powers, and the prime ministers have more restricted authority; in comparison to the European Council, EAEU has a Supreme Council at the degree of the head of state and the Intergovernmental Council at the level of prime ministers. The Council of the Economic Commission roughly similar to the Council of ministers of the European Union holds conferences at the degree of the deputy prime minister. Moreover the EAEU has a court, founded in Minsk and there is a plans to create financial regulator in the financial capital of Kazakhstan, Almaty. But, the EAEU does not have a parliament because of the most of its member countries do not have the traditions of

democratically elected parliaments that can hold executive power [3].

The Supreme Eurasian Economic Council of the EAEU bears close resemblance to the EU's European Council: both are supreme bodies of each of the integration areas and comprise of the prime political leaders of each Member State. The Supreme Eurasian Council includes heads of the Member States only, whereas the European Council consists of heads of state or government of the Member States. Within the EAEU the government holds the meetings in the separate building called the Eurasian Inter Governmental Council.

As article 18 of the TEAEU stated, the Eurasian Economic Commission is permanent body of the EAEU. Despite similar name it diversifies from the structure of the European Commission. Opposed to the European Commission, it consists of two governing bodies: the Council and the Board. The Council of the Eurasian Economic Commission is formed of the deputies of the prime ministers and the Board is composed of deputies of the Member States who implement the assignments of the Eurasian Commissioners. Consequently the Eurasian Economic Commission combines some intergovernmental and supranational characteristics, as opposite to the European Commission, which is entirely supranational. The mix of intergovernmental and supranational governance within the Eurasian Commission reveals itself through its assignments and the voting structure. While the Council of the Eurasian Commission satisfies observant control, its choices are made by accord, the Board of the Commission is the formal figure and its choices are made by a qualified majority and by agreement. The Council of the Eurasian Commission describes the problems, where the choices of the Board ought to be made by accord.

Both the Community Court of Justice (EurAsEC) and the Court of the EAEU are exhibited on the European Court of Justice. Their general undertaking is to supervise the execution of the deals concerning EurAsEC and the EAEU. In 2015 the EAEU Court of Justice completely replaced the EurAsEC Court of Justice. As demonstrated by the Annex N°2 of the TEAEU the Court of the EAEU guarantees the uniform utilization of the EAEU law. From the above takes after, that in spite of the authoritative likenesses between the EU and the EAEU there are as yet unmistakable contrasts with respect to the hierarchical structures and designation of capabilities that fundamentally change the general impression of the EU versus the EAEU. The representing collections of the EAEU are moderately emphatically pleasing to the requirements of Member States' focal organization. Eventually they mirror the definitive government structure inside the Member States of the Union.

One as of now specified distinction lies in the working of the Eurasian Economic Commission versus the European Commission. While the European Commission comprise just of the agents of the Member States, who in their part as magistrates wind up plainly free authorities of the EU, the Eurasian Economic Commission has a two-level administration which likewise incorporates delegates of the leaders from the Member States (The Council of the Commission). The Council of the Eurasian Commission in this way turns into a sort of course for the immediate control of the Commission by the focal legislatures of the Member States.

Another significant difference is the EAEU's absence of an association like the European Parliament. In spite of the fact that inside the EurAsEC there was an Interparliamentary Assembly, its skill was no place close to that of the European Parliament. Strikingly the Assembly has not been moved into the structures of the EAEU. The EAEU is additionally exceptional for having the intergovernmental Council, which remains in the middle of the incomparable Council and the Commission in the conditional chain of importance of the EAEU specialists.

The above comparisons illustrate that despite some similarities in organizational structures between the EAEU and the EU, there are still basic differences that stem partially from the unequal advancement level of both integration projects, although for the most part they are the result of the various governmental structures of the Member States themselves. The EU is attempting to embrace a

decentralized governmental structure with strong supranational background in form of the institutions such as the European Commission and the European Parliament. On the other hand the EAEU is built upon the concept of the heads of Member States playing central roles within its organizational framework. The supranational character of the EAEU remains underdeveloped [4].

When comparing EU and EAEU it is important to note that these unions have different populations and different GDP. Hence 182.7 million population of EAEU share 1.9 trillion USD of GDP as of 2016 information. EU has larger population (510.1 million people) and its GDP is 16.2 trillion. It is easy to note that EU population is almost three times larger than EAEU one, however the GDP they produce is even bigger, i.e. 8.5 times more than in EAEU. On its turn, it influences average GDP per capita, which is notably higher in EU. The statistics is on the side of EU even if one makes different comparisons of the both unions member states. As of 2016 data, Romania is regarded as the country which has the lowest GDP in Europe, however this fact doesn't make Romania poorer than the richest countries of the EAEU (Russia and Kazakhstan). Economic potential of EAEU is a way behind of EU economy.

The economic power in EAEU belongs to Russia as it makes 84.2 % of the total unions GDP. One can hardly notice this effect in EU which is aimed at mutually beneficial developments of the member countries. For example, in 2015 67.6% of EU GDP was achieved by economies of 5 countries within it (Germany, UK, France, Italy and Spain).

As oil is one of the main products consumed by the countries, it is important to mention that the EU is one of the largest consumers of oil in the world market. To be more specific it consumes more oil than it is able to produce: EU is on the 7th place as oil producer and on the 2nd as its consumer. EU oil producing countries are made of six member states: the UK, Denmark, Germany, Italy, Romania and the Netherlands. Apart from oil, EU manufactures goods and services which makes 16.5% of the world export and import.

However, EAEU has own advantages due to its geostrategic location between Europe and Asia. 14% of the world land mass belongs to EAEU: it has 1/5 of world natural gas reserves and 15% of oil reserves. The land is rich by various chemical elements within its territory. EAEU is the largest crude oil producer in the world; it is 2nd in natural gas production as well as manufacturing and iron making, 3rd in potato, milk and wheat; 4th in electricity. Moreover, in terms of transportation, EAEU railway network hold the solid second place in the world [5].

Both EU and EAEU have an important role in the international stage. The EU has Association agreements with states in south eastern Europe, western Balkans and the Euro-Med partners, it also has agreements with Ukraine, Georgia, Moldova and other countries. The EU already has Preferential Trade Agreements (PTA) with 52 countries and 72 more are yet to be concluded. It is worth to mention that the EU is an important user of free trade agreements (FTA) and region to region negotiations.

As for EAEU the negotiations on free trade zones with other countries are on the way. As announced in August 2015 there were around 40 countries which are keen on establishing free trade zones with the EAEU: China, Israel, Syria, Indonesia, Cambodia, Thailand, India and New Zealand and other countries. EAEU has memorandum with ASEAN, MERCOSUR, BRICS and etc. Despite the predictions and ongoing negotiations on establishing FTA so far the agreement was signed with Vietnam. This act is considered by Russia as a way for further cooperation of the EAEU with Asia-Pacific and ASEAN states.

EU has FTA with many South East Asian countries. ASEAN is EU's 3rd largest trading partner outside Europe. EU is ASEAN's 2nd largest partner after China. At the same time EAEU is working towards integration with ASEAN states. EAEU is awaiting to finalize free trade zone establishment with Thailand and Indonesia.

Both unions underwent through the following stages of economic integration such as free trade area, customs union, common market, and economic union. However, the EU went far ahead in the

integration process by establishing currency union and political unions which have not yet been created with the EAEU so far.

At first glance, one can think about economic integration in post-Soviet territory as a complex procedure, however it is undergoing a logical development which started from creation of free trade area, customs union, single market and finally economic union. A notable factor to mention, single are problems which complicate the development of integration processes: conflict of interests, sanctions against Russia.

Another important factor which complicates integration in Eurasia is different economic development of its member countries which causes an asymmetric integration of economies. Such economic integration contradicts the European development of synchronous integration. Synchronous transition from one level to another allows to equalize social and economic development of the member states. However, this approach was not initially in the core of EAEU where the leading power has been and remains to be in Russia.

There are also another factors which brings more complexity to the Eurasian integration: different understanding of the union purposes and problems among its member states. As an example, Russia seeks to attain political support from former Soviet countries and therefore moves its political benefits, interests above the interests of the EAEU. For example, Belarus seeks to partnership with Russia in order to avoid destabilization of its economy. It tries to maintain status quo and looks for balance.

As for Kazakhstan, another member of EAEU, the country chases the purpose of economic integration. Kazakhstan supports political independence of the member countries and considers the union as an effective tool for trade interaction with other Asian and European countries.

Armenia find its essential to integrate with Russia as specified in statistical yearbook of Armenia (2015), “the general share of Russia in Armenian economy is 82%.

Meanwhile Kyrgyzstan under the condition of economic decline can benefit from EAEU partnership in terms of overcoming crisis.

It is important to take into consideration the experience of other cooperation figures. In reality, the EAEU holds a watchful eye on evolution in the EU, and acquired skill in. The initial takeaway is that the association opportunity of state is first of all defined by economic controls, which means that in order to achieve success, an integration plan should make real economic results. The second takeaway is that a common currency should have a concrete groundwork in the form of practical and productive techniques for arranging macroeconomic strategies. The third takeaway is that an energetic media plans is demanded for the cooperation project to prosper [6].

The EAEU is primarily the result of economic cooperation in the long-established form of economic integration, which was improved by the Hungarian economist Bella Balassa in 1960-es. The Eurasian Economic Union is the fourth phase of the economic cooperation. However the most exciting detail was changing the phases of the “integration stairs” up to last but one needed only 15 years, while the economic unification in another occasions were extended for the decades (the vivid sample is the EU). It can be characterized by the constraining temper of Eurasian union which all the time had the dual character.

The EAEU search for the positive outcomes of the economies ensured by a bigger market. It is trying to gain the EU’s targets of the free movement of capital, labour, goods and services; it observes the free trade market rule of the WTO. It examines itself to be the space contributing tranquility and welfare. The key resemblance among the EU and the EAEU is that they are launched on the form of the customs union. This means liberty of internal trade and a common external customs tariff. Imported overseas goods are assessed and are purified only once at any place of the external customs boundary, despite of the delivery direction. The common external tariff of the EU is concentrated on the coordinated system for the characterization and coding of products, virtually corresponding with the commodity

nomenclature of external economic performance in the EAEU.

The economy of the EAEU has a number of significant features that distinguish Eurasian integration from the European Union. Firstly, the Eurasian Economic Union unites exporter and importer countries of resources. In contrast, the European Union unites only the countries importers of resources, ie, it is the union that has poor natural resources. Secondly, the Eurasian Union was formed by countries with a low level of monetization of the economy, and the European Union united countries with a high level of monetization. As a result, business entities have the advantage of acquiring cheap resources at the domestic prices in the Eurasian Union. In the European Economic Union, resources are purchased at world price [7].

If compare the EAEU with the EU, it's obvious that countries integrated in Europe had a high level of development of the market economy and democratic institutions. One can hardly say the same about integration amongst the members of post-soviet countries. In addition, each member state has its own motives and priorities for economic integration. The main strength of the EAEU is that the participating countries were previously part of one state the USSR. The mentality of the population, the knowledge of Russian language as a language of interstate communication, the remaining close economic ties, the deep interconnectedness of national economies make it possible to count on additional dividends, modernization and increasing competitiveness of the economies of the EAEU countries in conditions of global instability [8].

The most important measure of any economic association is the aspiration of other member states to enter it. Although, EAEU heads of governments consider about reinforcement of integration procedures with the involvement of China, CIS, India, Iran and “BRICS” and other mediators of states and organizations. Recently, Tajikistan has declared a desire to enter to the EAEU. In the interim, the number of states that want to join the European Union is significantly bigger and comprises of Macedonia, Serbia, Montenegro, Albania, Georgia, Turkey, Ukraine and Moldova. Whereas the EU does not wish further enlargement taking into account the already adequate number of member countries, the EAEU would be advantageous to see a few more regional countries as its members. The EAEU has free trade zone only with Vietnam, whereas the EU has free trade area with a number of non-European states and European and, especially with Lichtenstein, Norway, Switzerland, Iceland, Moldova, Turkey, Tunisia, and about three variety of other countries [9].

For the past 20 years, the European Union has strengthened and expanded. Currently the EAEU is in the process of doing the same procedures. “Strengthening” of this organization is showed in the historical background of the interaction plan from the launch of the Eurasian Customs Union in 2010, to the Common Economic Space in 2012, as well as concluding with the Eurasian Economic Union in 2015. “Expanding” is mirrored in the phases to extend the EAEU’s membership. However this procedures are difficult and takes time [10].

According to the researcher Matthew Jackson of Stanford University, trade is not only advantageous economically but also growth of trade supports to overcome conflicts from escalating. Firstly, trade unites people together, thereby promoting cultural exchange and reciprocal comprehension and secondly, it establishes powerful economic results to improve trade links. These positive outcomes should be used to change conflict with integration. If the competition among EAEU and the EU Neighbourhood strategy ceased to exist, this could promote to a de-escalation of strain. Russia would not need to afraid being sidelined, as it would benefit the same market approach as it nowadays has and further market approach to the EU market in addition to it. It would also be greatly advantageous to the states in Russia’s periphery, particularly Armenia and Belarus, because of their geographic position would have positive effects being part of both trading center. No one would lose from a free trade area from Lisbon to Vladivostok. The economic achievements would be bigger if further members from the European space were to be involved.

The idea of connecting Europe and Eurasia ‘from Lisbon to Vladivostok’ was first brought forward by V. Putin in 2010 who aimed at getting rid off the trade barriers between European and Eurasian unions in this way. The proposal was quite promising in terms of various economic benefits such as establishment of larger FTAs, enormous logistics opportunity and in terms of political effects – deep development of common values. Despite these advantages Europe did not demonstrate eagerness to make the idea of joint project come alive. As Dragneva, Wolczuk (2015) specify there are obvious barriers for such a dialogue between the unions, in particular:

The first obstacle was a technical issue related to WTO membership. When the idea of cooperation was first proposed by V. Putin none of the EAEU states were registered as members of WTO. The situation changed later as Russia entered WTO in 2012, Kazakhstan – in 2015, but Belarus is still leading negotiation regarding WTO accession status.

The second obstacle comes by vague share of competencies between EAEU states: dominance of Russia in decision-making process has negative image to the union and the role of other member states is seen less authentic.

The third issue relates to the economic efficiency of the EAEU, union does not clearly set its compliance and integration structure with WTO trade rules. This fact prevents EU to force the integration as EAEU is yet regarded as a union which has to properly institutionalize its structure.

The fourth obstacle was formed by the start of Ukrainian crisis where Russia had a leading role of unwelcome partner for the European Union. Even if EU representatives expressed different opinions in this regard EU made the position clear that Ukrainian crisis and technical problems shall be first addressed before the dialogue of mutual partnership between EU and EAEU come to fruition.

In 2015 the head of the European Commission Jean-Claude Juncker addressed a letter to V. Putin, where he indicated that the dialogue between EU and EAEU can be renewed once ‘the military conflict in the Eastern Ukraine ends as a result of Minsk agreement’. The message was also mentioned during the Economic Forum in Saint Petersburg a year later. However, the question remains open so far. Apart from it there are other barriers to be sorted and the situation might develop in three possible ways defined as co-existence, cooperation, confrontation (‘3C). Co-existence is maintenance of the current status-quo between the unions, If this scenario is developed than post-soviet countries shall continue reintegration policy and give access to new member countries.

As for the cooperation scenario, there are certain reasons which make this way of the situation development most unlikely – various values set in the structure, different vision of strategic cooperation as well as absence of political drive to develop joint agenda for cooperation. Setting a joint agenda requires regular dialogue for the start of deep partnership, but it won’t only demand solving technical problems aforementioned (accession of Belarus to WTO), but building trust amongst competing states. As seen by EU, EAEU lacks transparency in their performance and sense of democracy, this is another question for the EAEU member countries to consider.

Like cooperation scenario, contradiction scenario is less likely to happen too as relationships between EU and EAEU are not institutionalized.

The letter addressed to V. Putin by European Commission President Jean-Claude Juncker was criticized by Poland and Lithuania as they think several obstacles for that happen, namely:

- conflict regarding Crimea;
- Russia’s opposition to Ukraine, Moldova and Georgia in regards to integration with EU;
- willingness of some EAEU countries to establish independent and direct cooperation with EU, not through EAEU as a union;
- difficulty in bringing balance to EAEU and EU standards and rules;

also many in the EU believe that Russia’s partners are eager to formalize the integration process between Moscow and Brussels. Few European diplomats see possibilities for the dialogue: even if EU

takes the integration preparation further, they are dissatisfied by Russia which is pushing its own interests. Therefore, it is advised that Russia shall allow equal membership for all EAEU states and support the decisions which are made through shared opinions. Nevertheless, it will be the starting point for the dialogue as questions about Ukraine remain of high priority [11].

Overall and despite some obstacles in place, the idea of establishing a partnership with EAEU is actively considered, it means brings new institution to develop economic integration. If the all agreements with Russia is approved, the next action will be to overcome so-called 'zero-sum relationship' between EU and Russian in their neighbor territory. Some have expressed that developing economic partnership with EAEU might allow to influence Russia in its actions and give control over Crimea situation rather than trying to achieve it through military operations. Unfortunately, this goal is hardly achievable at this time as it, first of all, requires substantial changes in Russian policy in the Eurasian region.

Despite the EAEU inability to establish a full strategic partnership with EU, EU has continued to develop economic relations with the members of EAEU on individual basis, namely, they are: dialogue with Armenia on bilateral relations from 2015; 2016 sanctions against Belarus; signature of Cooperation agreement with Kazakhstan in 2015; and Kyrgyzstan's granted GPS+ status in 2016. Membership in EAEU does not prevent these countries from chasing individual agreements with EU. The President of Kazakhstan N. Nazarbayev several times assured that closer relationships between the unions would build a great opportunity in the development of the Eurasian continent and the world too.

The tension at the EU eastern neighborhood is profitable to neither union. After the Ukrainian conflict the trade between EU and Russian disrupted which made several European business industries suffer from it. The situation worsened by flexing of military forces and it was urgent to reestablish confidence over the regions involved. Despite the various development of the situations between EU and Russia, Both Merkel and the Vice-Chancellor and German Minister for Business Affairs, Sigmar Gabriel supporting cancellation of sanctions against Russia once it demonstrates compliance with Minsk agreement. They also considered moving forward with free trade area question between the unions. It goes without saying that these relations bring benefits to many countries involved. First of all, it may influence Russia in reaching peaceful position in the question of Ukraine. Secondly, it decreases the rivalry tensions in EU neighbor countries as well Russia's ultimate influence in the post-soviet area.

Economic integration with EU is vital for the EAEU for several reasons. Firstly, EU and Russia are largest trade partners to each other, Russia is the third largest partner for the EU, Therefore, they mainly need strategic cooperation without conflicts. Secondly, EU is seen as a possible tool for modernization of EU member countries in terms of technology transfers. Thirdly, EAEU is already working on free-trade agreements with some small countries like Vietnam. Of course, reaching the same objective is an inevitable mission and long-term plan for the EAEU. Fourthly, economic integration between EU and EAEU may solve Ukrainian crisis successfully [12].

It is not only EAEU that is mainly interested in integration with EU, it is also fundamental for EU. The main reason is the fact that EAEU is the third largest trade partner for EU following the USA and China in the rating. There is trade interdependence between Europe and Russia in food industry. On the contrary, free trade agreements with EU will allow EAEU industries to make their competitiveness stronger in the new Eurasian market.

EU and EAEU integration has good grounds for the future of the unions. This type of global economic cooperation will effectively solve conflictual situations and allow to unite resources. Both unions gain territorial proximity and depend on each other on the energy-related questions. Moreover, there is huge trade flows between them and there are opportunities for greater investment flows and transfer of technology to EAEU. This partnership will also solve security questions and issues related to safety and tension overcoming. It would have even given a possibility to resolve Ukrainian situation within the joint actions of the EU, Russia and Ukraine itself. No other parties would have suffered from

such a financial burden.

Despite various problems in place a free trade agreement between these major unions has considerable potential. Export will immediately increase and the population gains access to better life conditions. Nobody denies that such an economic cooperation would de-escalate present tension amongst some countries. In the present confrontation between Russia and EU, EU-EAEU FTA would bring peace and prosperity to the region. Industrial cooperation would make the countries work more closely and deal with rivalry in order to reach mutual agreement. If other CIS countries would express a desire to participate, the effect of cooperation would increase drastically. If EU-EAEU economic cooperation is indeed able to solve conflictual situations and bring peace to the regions, than this partnership is something to work harder.

It is quite natural for the unions to try to establish free trade zone, but what are the macroeconomic effects to be achieved. As studied by the Bertelsmann Stiftung (Felbermayr, 2016) such trade effects are of substantial nature. EAEU members are more likely to reach per capita welfare. As an example, one predicts that annual de-facto income in Russia might grow by 3.1%. This cooperation can take a new direction if all EAEU countries are accepted as WTO members. Then the time comes for more comprehensive negotiations aimed at further deepening the integration. Undoubtedly, deeper integration would be invaluable for Kazakhstan as well. At the present time, this development scenario looks less likely to happen, however economic interaction between EU and EAEU is possible and would require improvement of geo-political questions between its leading countries [13].

When one speaks about integration, economic interaction comes as a priority, however there are other integrations possible on a cultural, social and political levels. It is predicted that the cooperation is less likely to happen in the nearest future as it takes time for EAEU countries to deal with present technical problems. Moreover, a credit must be given to possible risks which may appear in the result of interaction between the unions. The first risk is within the structure of EAEU, it is a considerably new union and hence the sustainable development of the Eurasian project is under question. The second risk is existence of unilateral approach within EAEU and dominance of some countries. If these risks are optimized, unions can move forward with the start of active dialogue.

It goes without saying that reaching agreement in EU-EAEU integration is important as it has common grounds in terms of trade partnership: Russia is one of the biggest trade partners of the EU. Also given the fact that EAEU is mainly Russia-led union, cooperation with it might allow EU to influence the resolution of the conflict over Ukraine. The bottom line is EAEU shall solve various economic issues such as institutionalization of relationship, harmonization of trade as well as improve political agenda in order to enter into deep and comprehensive cooperation with EU. In order to change the current attitude of the unions towards each other EU shall see the evidences of improvement in Russia's role within EAEU and its readiness to move forward and give equal voice for the other EAEU member states.

Evolutionary process in the EU has over 60 year's history. EU managed to create the conditions in order to support economic and political integration amongst its member states. It's never ending enlargement processes allowed the gain a vast expansion of economic and political cooperation throughout the European continent and beyond. Originally confined to western Europe, the EU undertook a robust expansion into central and eastern Europe in the early 21st century. It is without doubt that the establishment of the EU allowed intense integration in Europe and brought the economy of the continent to prosper. Concerning the Eurasian Economic Union, it is a young organization, that was launched to promote economic prospective, enhance economic chains within the territory and establish conditions for advancing the countries' worldwide competitiveness. The key element of the interaction plan is the formation of a single market for labor, services, capital and goods. Following of the false starts in the 1990s and 2000s, the evolution of the EAEU goes forward. However, the union faced many problems and learnt how to overcome it. Regardless of unresolved problems, the concept of economic cooperation

in Eurasia become fully implemented. Hence, the EAEU was formed to help its member countries do the best intraregional economic links with other countries, update their national economies and advance their worldwide competitiveness. If compare EU and EAEU, EU started its formation long before the globalization in the regional blocks. However, the further development of the EU was alongside the development of global economy. Nowadays we are witnessing new tendencies of regionalization. Therefore, unlike EU, EAEU is being established and developed in the era of new regionalization. This may become fundamental in the destiny of the unions, however none can deny the value of EU in the development of EAEU. EU has examples and success and failure which will be a good lesson for the EAEU to learn from. Post-soviet countries which long time existed under the Russian Empire, later with USSR, following the dissolution of the latter could not easily rebuild their individual development route. Gaining independence, most of these countries tried to renew earlier established connections with countries of the post-soviet space. As for the European integration project, initially it chased to prevent the world war and strengthen the economy of the European countries. EU and EAEU present themselves as supranational unions. EU functions on that level, while EAEU develops cooperation between the countries. The most influential bodies of the unions have specific rights specified by the agreements and identify main aims of the Unions. Institutional structures of the EU and EAEU systematically chase the aims set, present values and interests of the unions and make decisions on the legal grounds and ensures effectiveness of the policies approved. Institutional structure of EAEU is different from EU as it is formed on the basis of economic and political relations between the countries. Unlike EU, EAEU does not cross parliamentary management structure. Both unions gain territorial proximity and depend on each other on the energy-related questions. Moreover, there is huge trade flows between them and there are opportunities for greater investment flows and transfer of technology to EAEU.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Борко Ю., Буторина О История развития Европейского союза // Европейская интеграция: учебник/ под ред. О.В.Буториной.-М.: Издательский дом « Деловая литература», 2011.-С.81-117.
- 2 Глазьев С.Ю., Чушкин В.И., Ткачук А Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства М.: ООО «VIKOR MEDIA», 2013. — 240 с.
- 3 Yeliseyev A, ‘EEU and EU: Similarities and Differences’, Belarusian Institute for Strategic Studies Eurasian Review. Belarus. Eurasian review. 2013, P.2-5.
- 4 Klofat A. Regulatory Competition within the Eurasian Economic Union and the European Union – a Comparative Legal Analysis. –Germany, 2016. P. 173–196.
- 5 Andronova I. New Mechanisms for International Cooperation: Opportunities and Challenges International organizations research journal. 2016. vol. 11. No. 2 P.7-23
- 6 Vinokurov E., Tsukarev T. Agenda for the EEU Economy Valdai Papers, No. 25, P. 1-15.
- 7 Кротов М.И., Мунтян В.И. Евразийский экономический союз: история, особенность, перспективы. // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). P. 33-47
- 8 Кротов М.И. О диалектике Европейской и Евразийской интеграций // Проблемы современной экономики. – Москва, 2014.№ 4 (52) P. 15-18
- 9 Federov N. The free trade agreement between the Eurasian Economic Union and Vietnam in the context of Russian-Vietnamese relations. Saint Petersburg State University. P.1-4
- 10 Kasciunas L., Sukyt D. Creation of the Eurasian Union and its implications for the European Neighbourhood policy. Lithuanian Foreign Policy Review 2013, P.63-79.
- 11 David J. Kramer. Why Europe shouldn't cooperate with Russia's economic bloc. Washington, DC, 2015. <http://www.politico.eu>
- 12 Vinokurov E. Mega Deal Between the European Union and the Eurasian Economic Union , [MPRA Paper from University Library of Munich, Germany](#), 2014. P.1-7
- 13 Christian Bluth. Free Trade from Lisbon to Vladivostok. A Tool for Peace and Prosperity: The Effects of a Free Trade Area between the EU and the Eurasian Region. Bertelsmann Stiftung. 2016. P.1-18.

REFERENCES

- 1 Borko Yu., Butorina O. Istoriya Razvitiya Evropeiskogo Soyuz. Evropeiskaya integraciya: uchebnik/pod red. O.V.Butorinoi- M.: Izdatelskii Dom «Delovaya literatura» - 2011. P. 81 – 117.
- 2 Glaziev S.Yu., Chushkin V.I., Tkachuk S.P. Evropeiskii soyuz I Evraziiskoe ekonomicheskoe soobshestvo: shodstva I razlichie protsessov integratsionnogo stroitelstva // M.: OOO «VIKOR MEDIA», 2013. - P.240
- 3 Yeliseyev A, 'EEU and EU: Similarities and Differences', Belarusian Institute for Strategic Studies Eurasian Review. Belarus. Eurasian review. P.2-5
- 4 Klofat A. Regulatory Competition within the Eurasian Economic Union and the European Union – a Comparative Legal Analysis. –Germany, 2016. P. 173–196.
- 5 Andronova I. New Mechanisms for International Cooperation: Opportunities and Challenges International organizations research journal. 2016. vol. 11. No. 2 P.7-23
- 6 Vinokurov E., Tsukarev T. Agenda for the EEU Economy Valdai Papers, No. 25, P. 1-15.
- 7 Krotov M.I., Muntiyani V.I. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: istoriya, osobennosti, perspekyivy. Upravlencheskoe konsultirovanie. № 11 (83) / 2015. P.33-47
- 8 Krotov M.I. O dialektike Evropeiskoi I Evraziiskoi integratsii: Problemy sovremennoi ekonomiki. – Moskva, 2014. № 4 (52) P.15-18
- 9 Federov N. The free trade agreement between the Eurasian Economic Union and Vietnam in the context of Russian-Vietnamese relations. Saint Petersburg State University. P.1-4
- 10 Kasciunas L., Sukyt D. Creation of the Eurasian Union and its implications for the European Neighbourhood policy. Lithuanian Foreign Policy Review p.63-79. 2013.
- 11 David J. Kramer. Why Europe shouldn't cooperate with Russia's economic bloc. Washington, DC, 2015. <http://www.politico.eu>
- 12 Vinokurov E. Mega Deal Between the European Union and the Eurasian Economic Union , MPRA Paper from University Library of Munich, Germany, 2014. P1-7
- 13 Christian Bluth. Free Trade from Lisbon to Vladivostok. A Tool for Peace and Prosperity: The Effects of a Free Trade Area between the EU and the Eurasian Region. Bertelsmann Stiftung. 2016. P. 1-18.

**ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 94 (100)**

ҰОС КЕЙІНГІ КЕҢЕС АЗАМАТТАРЫНЫҢ РЕПАТРИАЦИЯЛАНУЫ ЖӘНЕ ОНДАҒЫ ПАСПОРТ ҚЫЗМЕТІНІҢ КӨРІНІСІ

Омарбаев Ы.К.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Алматы қ., Қазақстан) PhD докторант

Аңдатпа. Отандық тарихнама тақырыптарының салыстырмалы аз зерттелінген тұстарының бірі, Екінші дүниежүзілік соғыстың аяқталу кезеңі мен соғыстан кейінгі алғашқы жылдардағы кеңестік азаматтардың репатриациясы болып табылады. 1980-ші жылдардың соңынан бастап кеңестік тарих ғылымында аталған мәселені толық және қарама-қайшылықта қамтыған еңбектер пайда бола бастады. Сонымен бірге, аталған тарихи үдерісте маңызды рөлге паспорт түріндегі куәландырушы құжаттарда ие болды.

Түйін сөздер: Репатриация, паспорт, азамат, ҰОС, лагерь, тұтқын.

РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ПОСЛЕ ВОВ И ОТРАЖЕНИЕ В НЕЙ ПАСПОРТНОЙ СЛУЖБЫ

Омарбаев И.К.

Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (г. Алматы, Казахстан) PhD докторант

Аннотация. Одна из сравнительно малоизученных тем отечественной историографии тема репатриация советских граждан на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. С конца 1980-х гг. в советской исторической науке стали появляться труды, освещающие проблему репатриации во всей ее полноте и противоречивости. А так же в этом историческом процессе важную роль сыграли удостоверяющие документы в виде паспорта.

Ключевые слова: Репатриация, паспорт, граждан, ВОВ, лагерь, плен.

REPATRIATION OF SOVIET CITIZENS AFTER THE SECOND WORLD WAR AND THE MANIFESTATION OF PASSPORT ACTIVITY IN IT

Omarbaev Y.K.

Institute of History and Ethnoogy named after Ch.Ch. Valikhanov, (Almaty, Kazakhstan) PhD doctoral student

Abstract. Repatriation of the Soviet citizens at the final stage of World War II and in the first post-war years is one of rather poorly studied subjects of a domestic historiography a subject. Since the end of the 1980th in the Soviet historical science the works covering a repatriation problem in all its completeness and discrepancy began to appear. And also in this historical process the important role was played the certifying documents in the form of the passport.

Keywords: Repatriation, passport, citizens, Second World War, camp, captivity.

Кіріспе

Ұлы Отан соғысы кезеңіндегі паспорттық жүйе қызметінің нақты көрініс берген тұстарының бірі, әскери тұтқындар мен отанынан кеткен азаматтар тағдырымен байланысты болды. КСРО көпұлтты мемлекеттер қатарына жатқандықтан, аталған аспекті ерекше мәнге ие болды. Германия мен оның одақтастарының аумағына күшпен алынып кетілінген әскери тұтқындар, қашқындар мен тіпті бейбіт эмигранттарды отанына қайтару мәселесі тарихта аз зерттелінген тақырыптардың қатарына жатады. 1980-шы жылдардың деніне дейін осы мәселе аясындағы мұрағаттық құжаттар құпияландырылды немесе қол жеткізілуге шектелінді деуге болады. Нақты құжаттық деректер мен тарихи-ғылыми әдебиеттердің жоқтығы, қоғамдық ортада аңыздар мен қауесеттерді тудырды. Бұл пікірлер ұйғарымы Батыс пен посткеңестік елдерде жарық көрген бірқатар жарияланымдарға да қатысты болып табылады. Әсіресе, «қырғи-қабак соғысы» дәуіріндегі идеологиялық-саяси қақтығыстардың ушығу құбылыстары тарих ғылымын да айналып өтпеді. КСРО туралы біршама тарихи құжаттар мен фактілерге қол жеткізген батыстық зерттеушілер де өздерінің пайымдық тенеулерімен бұрыс айшықтаған тұстары жетерлік еді.

Қазіргі таңда зерттеушілер тобы түрлі жабық деректер көзіне рұқсат алып, тыңғылықты әрекеттер жасауына мүмкіндік алды. Әсіресе, олардың арасында 1944 жылғы қазанда құрылған КСРО Халық Комиссарлар Кеңесі (кейінгі Министрлер Кеңесі) жанындағы репатриация ісі бойынша Басқарма органының құжаттары ерекше рөл атқарады. Бұл мемлекеттік орган репатрианттардың тағдырына тікелей жауап берді. Жоғарыда көрсетілген мәселелердің ортасында паспорттық жүйенің құқықтық талаптары мен ережелері қатарласа жүрді.

Аталған мәселенің төңірегіндегі құжаттық материалдарды қарастырып, маңызды жарияланымдарды ұсынып жүрген ресейлік, отандық зерттеушілер қауымы ұлғайып келеді. Солардың қатарына ресейлік Ю.Н. Арзамаскин, В.Н. Земсков, отандық Г.К. Көкебаева сынды ғалымдарды жатқызамыз. Екінші дүниежүзілік соғыс тұтқындарының тағдырын ғылыми тұрғыда кешенді қарастыра білген Ю.Н. Арзамаскин «Заложники второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944-1953 гг.» еңбегін [1], В.Н. Земсков 2013 жылы «Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944—1952 гг.» атты көлемді ғылыми зерттеулерімен тақырыптың тарихнамалық қорын байыта түсті [2, б. 336]. Мақаланың деректік негізі мұрағаттық құжаттар мен статистикалық мәліметтерге сүйеніліп жазылынған. Г.К. Көкебаеваның Ұлы Отан соғысы тақырыбына қатысты монографиясы, жарияланымдар тобы жарыққа шығып үлгерді. Соғыс тұтқындарының тағдырына қатысты жарияланымдарының алды аталған ғалымның қатысуымен «Былые годы» халықаралық маңызы бар журналында жарияланды [3]. Жоғарыда аталған зерттеулер кешенінде, паспорттық жүйенің қызмет бағыттары жіті қарастырылмағанымен, біздің жұмысымызға берер дереккөздері мен пікір желілері айтарлықтай болып табылады. Енді, паспорттың репатриация ауқымындағы ықпал өрістері көрініс табатын тұстарына тоқталып өту үшін, мәселенің негізгі нысаны болып табылатын тұрғындардың тағдырлары мен заңдық-құқықтық мәртебелеріне көз жүгірту маңызды болып табылады. Біздің міндетімізге қатысты оқиға үдерістерінің мәнін айшықтау тұрасында алдымен тарихи үрдістің жалпы кешендік бастапқы себептеріне, сандық көрсеткіштеріне тоқталып өтуіміз қажет.

Репатриация ісі бойынша Басқарманың мәліметтеріне қарағанда, соғыстың ақырғы сәттерінде КСРО аумағынан тыс жерлерде 5 миллионға жуық кеңестік адамдар қалған. Олардың 3 миллионы Кеңес әскері қимылдары жүріп жатқан аумақтарда өмір сүрсе, 2 миллионы КСРО одақтастарының соғыс ошақтарында (Франция, Италия, Австрия) өмір сүрді [2]. Олардың барлығын отандарына қайтару мәселесі күн тәртібінде тұрды. Оларды қайтару бойынша мемлекетаралық келісімдер сәтті жүзеге асырылғанның өзінде, тасымалдау, жайғастыру, жұмыспен қамтамасыз ету мәселелері өзекті болып қала берді.

Жоғарыда көрсетілген мәселелер тобының ішіндегі бізге маңыздысы репатрианттарды жайғастыру, жұмыспен қамтамасыз ету және азаматтық мәртебе беру аспектілері еді. Кеңес үкіметінің қауіпсіздік органдары шет жерлерде қалған өз азаматтарының сыртқы аумақта қалу себеп-салдарларына, көзқарас тұрғыларына аса мән беріп, соған орай өзіндік амалдармен жағдай жасады. 1940 жылдар соғыс уақытысымен және Сталиннің тоталитарлық-террорлық саяси билігімен ерекшеленгендігін жақсы білеміз. Бірақ, осыған қарамастан, саяси режимдердің аумалы-төкпелі кезеңдеріндегі тарихи фактілердің өзгеру заңдылықтарын ескере отырып, ҰОС барысындағы репатрианттарға қолданылған арнайы тәсілдер тобы көп саралауды қажет етеді.

Соңғы кездері, ресейлік тарихшылардың тақырыпқа қатысты зерттеулерінде, Сталиннен соңғы Хрущевтің «жылымық» дәуірінде көптеген алдыңғы дәуір құжаттарының бұрмаланғандығын растап отыр. Тақырып бойынша зерттеу еңбек шоғырларына талдай жасай отырып, КСРО жетекшілігінің саясатында «тұтқындар» мен «сатқындар» түсінігінің өмір сүрмегендігін айғақтауға болады. Сатқындар тобына лайықты түрде полицияларды, зондеркомандаларды, карательдерді жатқызды. Ал, негізгі кеңестік ауысқан тұлғаларға, оның ішінде тұтқындарға да қатысты арнайы теңеу таңылған жоқ. Зерттеушілер И.В. Сталиннің «бізде тұтқындар жоқ, бізде тек сатқындар бар» деген сөзі, 1956 жылғы жазушы-публицистикалық ортада ойлап табылған, жеке басқа табынушылықты айыптаудың бірі құралы болғандығын алға тартады [2]. Осыған қарамастан, қарама-қарсы көзқарастар желісін ұсынатын зерттеулер тобы да жоқ емес. Ол зерттеулердің деректік мәліметтеріне қарағанда, неміс қолында болған кеңестік тұтқындардың арасында отанына оралушылыққа қарсы ниет тұрғысында, өзін-өзі өлімге қиюшылық көп болған [4, б. 85].

Оның үстіне, КСРО қылмыстық заңнамасында «тұтқынға берілу» туралы баптар қарастырылмады [2]. Осыдан келіп, қазіргі фильмдер мен баспасөз беттерінде жарияланып жүргеніндей, неміс тұтқынында болушылардың барлығы бірдей еліне оралғаннан соң, екінші жазалау үрдісін бастан кешіргендігіне күмән келтіреміз. Кеңестік биліктің тұтқындарға қатысты екіұшты пікірлерінің пайда болуына қатысты, ағылшын-американдық мәліметтер аздаған септігін тигізді. 1944 жылғы батыстық державалар ақпараттарындағы, кеңестік тұтқындардың өз отандарына оралғысы келмейтіндігі жөніндегі мәліметтер желісіне әрине күмәнмен көз жүгірте аламыз.

Біздің «ауысқан тұлғалардың» өзге жердегі уақытша өмірлері мен ахуалдарына ерекше мән беруіміздің себебі, олардың кейінгі отандарына оралғаннан кейінгі өмір сүрулеріне басым ықпал етті. Өйткені, өмір сүру мекенжайлары мен құжаттық рәсімдеулері, оның ішінде паспорттың берілуі үрдістері барлығы олардың кеңес қауіпсіздік органдарымен қалай мінезделінгендігіне байланысты болды. Соғыстың соңғы кезеңдерінде кеңес тұлғалары жайғасқан шет елдердің билік өкілдері мен «ауысқан тұлғалар» тобы бір мәселеге бас қатырды. КСРО билік жетекшілігі оларды отанына қайтаруға рұқсат бермейді деген тұжырым жасалынды. Бірақ, аталған пікірге қарамастан, КСРО жетекшілігі оларды қайтаруға нақты шешім қабылдағандығын тарихтан ұғынамыз.

Елге қайтушы кеңес азаматтарын тергеу, тексеру амалдары қандай сипатта өтті және осы әрекеттер барысындағы паспорттың қызметі немен байланыста деген сұрақ туындайтындығы сөзсіз. Паспорттың қызмет рөліне тоқталмас бұрын, «ауысқан тұлғаларды» отанындағы қабылдаудың тәсілдеріне айрықша мән беру қажет. Соғыстың соңғы уақыттарында мәжбүрлі немесе өз еркімен қайтарылушы кеңес азаматтарын ПХК-ның тексеру-іріктеу бөлімшелерінен өту әрекеттері күтіп тұрды. Одақтас елдермен арадағы келісім бойынша репатрианттар қатарына 1939 жылдың қыркүйек айларына дейін Кеңес Одағы шекарасында өмір сүрушілер жатты. Аталған санатқа жатушы «ауысушы» азаматтарды әскери ошақтар мен теңіз порттарында қабылдау үрдістері жүзеге асты. Соншама адамдарды ПХК-ның тексеру-тергеу амалдарынан қысқа уақытта

өткізудің мүмкіндіктері шектеулі еді. Келуші азаматтар шоғырының уақытша қиын ахуалдарда өмір сүруіне тура келді. Оларды жайғастыру орындары тапшы болып, суық күндерде шатырлар мен нашар жабдықталған мекемелерде күнелтуге тура келді. Бірақ, ПХК-ның қаулысы бойынша қарт адамдар мен балалы әйелдерді тексерудің жеңілдетілген формасы бойынша бес күннің ішінде тұрақты мекен-жайларына аттандыру шаралары қарастырылды.

Осы ретте, паспорттық органдардың қызметтері көрініс тапты. Келуші азаматтардан ең алдымен, бұрынғы мекен-жайларын сұраққа алу іс-әрекеті көзделінді. Мекен-жайларының ақпаратын дәлелдеудің дереккөзі ретінде әрине сәйкестендіру құжаттары алынды. Туу туралы куәлік, мекен-жайы туралы анықтама қағаздары, еңбек кітапшасындағы куәлік беруші ақпараттардың барлығы назарға алынды. Соғыстың қиын ахуалдарына орай, көптеген адамдарда куәлік етуші, сәйкестендіруші құжаттардың жоғалып кетуі заңдылық болатын. Сондықтан да аталған амалдарды жүзеге асыру үдерістерінде адамгершілік, аяушылық, жәрдем берушілік қағидалары алға шығып, құжаттарсыз-ақ, сенім білдіру жағдайлары жиі ұшырасқандығын болжауға болады. Тек, күмән келтіруші және ұзақ тексеруді қажет ететін ер адамдарды ғана ПХК-ның арнайы лагерлеріне аттандырды [2].

Репатрианттар мәселесімен бірге, бізге соғыс уақытысында кең көлемге ие болған жұмысшы батальондарының да тағдырына, ахуалына көз жүгірту қажет болып табылады. Жұмысшы батальондарының туылған немесе соғысқа дейін өмір сүрген тұрғылықты мекен-жайларына оралу мәселесінде, паспорттық саясаттың қызметтері анық көрініс табады.

Германияның ресми тізе бұгуінен соң, күшпенен отандарынан ажырап қалған адамдардың жаппай қайту үрдісі орын алды. Сонымен қатар, кеңес әскерінің де жауынгерлері тұрғылықты мекен-жайларына оралуға рұқсат алды. Олардың арасында жұмысшы батальондарына тап болған түрлі жағдайлардағы азаматтарда болып табылды. Жұмысшы батальондарының құрамында ПХК тарапынан теріс пиғылды деп танылған репатрианттарда еңбек етті. Енді, осы құрам өкілдерінің елге қайтуында бірқатар қиындықтар туды. Кеңес үкіметінің билік жетекшілері, жұмысшы батальонында тіркелушілерді еңбек етіп жатқан орындарында қалдыруға тырысты. Осы мақсатта оларды ұзақмерзімді еңбек шарттарына отырғызып, отбасыларын көшіріп алып келулеріне үгіт жүргізді. Еңбек етуші мекен-жайлары бойынша тұрғылықты тіркеп, жеке куәліктер беруді ұйымдастыруды жолға қоймақ болды. Отбасыларымен келушілерге жайғасу орындары даярланып, жергілікті кеңестік әкімшіліктерге тіркеп отырды. Жаңа туылған нәрестелерге туу туралы куәліктерін беруді ойластырды.

Бірақ, атқарушы биліктің өз дегенімен ұмтылғанына қарамастан, жұмысшылардың басым көпшілігі өздерінің туып-өскен жерлеріне қайтуға тілек білдірді. Осыдан келіп, заңдық-құқықтық ережелерді бұзушылықтар үдерісі көрініс тапты. Мәжбүрлі жұмыс орындарында еңбек етуге көндіге алмаған, тұрғылықты мекен-жайларынан ажыраған азаматтар қатарынан қашу ағымдары жиіледі. Олардың түсінігі бойынша жұмыстан өз еркімен кету қылмыс саналып, сондай тәуекелшіл қадамдарға барды. Олардың саны ондаған мың адамнан асып жығылды. Ал, екінші бір жұмыстан басын алып қашудың жолы еңбек демалыстарын пайдалана отырып, тұрғылықты мекен-жайларында қалып қалу еді. Мұндай қадамдарға баруға КСРО еңбек заңында мүмкіндіктер ашатын. КСРО еңбек заңнамасы бойынша, репатрианттарда елдің басқалай жұмысшы-еңбекші азаматтары секілді барлық құқықтарға ие болып табылды. Оларға жылдық еңбек демалысын алуға, жалақы төленуіне жағдай жасалынды [2].

Заңды түрде өз отандарына оралуға балтық жағалауы мен закавказдық елдер өкілдеріне рұқсат етілді. КСРО Министрлер Кеңесінің 1946 жылғы 13 сәуірдегі, 1946 жылғы 2 қазандағы, 1947 жылғы 12 маусымдағы шешімдері бойынша жұмысшы батальондарына тіркелген репатрианттардың барлығы (немістерден, түрік-месхеттерден, күрдтерден басқалары) елдеріне оралды [2]. 1948 жылдың басына қарай, өнеркәсіптің тұрақты кадрларында тіркелуші

репатрианттардың саны екі есеге азайды. Репатрианттардың бұрынғы мекен-жайларына жіберілуі үрдістері ПХК және жергілікті кеңестік органдар тарапынан қатаң бақылауға алынды. Олардың өздерінің растаушы, куәлік етуші құжаттарының жоқ болғандығының өзінде, ата-аналарының, туыстарының аты-жөндерін дұрыс атаулары керек болды. Жаңылыс кету, күмән тудыруарлық жауап берулер ескі мекен-жайларына оралудың мүмкіндіктерін шектейтін еді.

Үлкен қалаларға репатрианттарды жіберу үрдісі күрделі тетіктерге арқа сүйеді. Бұрынғы орындарына қайта оралушылардың арасында көптеген киевтіктер болды. Елдің басқа да Мәскеу, Қазан, Куйбышев қалалары жаудың қоластына өтпегендіктен ол жерлерде репатрианттармен қатысты мәселелер ортаға шықпады. Киевті барлығымыз білетіндей, 1941 жылдың күзінен 1943 жылға дейін немістердің қоластында өмір сүрді. Қаланың халқы түрлі қиын тағдырды бастан кешіріп, жан-жаққа босып кетті. Осыған байланысты, соғыстан кейінгі қалыптасу кезеңінде қаланың бұрынғы тұрғындарын жинақтау, соларды бірінші кезекте орналастыру жоспары алда тұрды.

КСРО ХКК-ның 1945 жылғы 6 қаңтардағы «репатриацияланған кеңес азаматтарын қабылдауды ұйымдастыру мен орналастыру туралы» қаулысында Мәскеу, Ленинград және Киев қалаларына репатрианттарды жөнелтпеу жөнінде шешім қарастырылды. Аздаған уақыттан соң, репатриант-киевтіктермен байланысты аталған мәселе жұмсара түсті. КСРО ХКК-ның 1945 жылғы 7 шілдедегі қаулысы бойынша Киев қаласына репатриацияланған жасөспірім балалар мен қыздарды жіберу шешімі қабылданды. Бірақ, олардың ата-аналары Киевте өмір сүрулері шарт болды [4, 88 б.].

Ленинград облысында репатрианттарға қатысты Киев қаласындағы секілді ортақ мәселе туындады. 1944 жылдың 19 қарашасындағы МҚК-ның № 6973 қаулысына сәйкес бұрын Ленинград облысының аумағында өмір сүрген ингерманландық текті азамат тұлғаларды отанына қайтару туралы шешім қабылданды. Бірақ, ол азаматтар шоғырын ескі мекен-жайларына емес, Ярослав, Калинин, Новгород, Псков, және Великолук облыстарына жайғастыру қарастырылды [5, 27 б.].

1945 жылы 22 мамырда МҚК азаматтық репатрианттарды 10-күндік мерзімге тіркеу мен тексеру және тұрғылықты мекен-жайлары бойынша жөнелту қаулысын қабылдады. Тәжірбие көрсеткеніндей, аталған мерзім шын мәнісінде іске асуға жарамсыз болды. Репатрианттардың ағымы лагерлер мен тұтқынға түскендер тізіміне (ТТТ) арналған орындарда 1-2 ай немесе одан да көп уақытқа қалып қойды. 1945 жылдың 30 мамырына таман лагерлер мен ТТТ орындарындағы адам саны 1,3 миллионға жетті [2]. Жоғарыда аталған екі құрылым арасында ешқандай да айырмашылық болмады. Бұл тұрғыдағы мәселеде, «лагерь» термині қамау орнының ұғымын емес, ТТТ секілді жинақтау бөлімшесінің міндетін атқарды.

Тұрғылықты мекен-жайларына келуші репатрианттарды жергілікті ішкі істер мен мемлекеттік қауіпсіздік органдарының КСРО ПҚК-МҚХК-ның 1945 жылғы 16 маусымдағы «Репатриацияланған отанына оралушы кеңес азаматтарын тексеру мен іріктеудің тәртібі туралы» Бұйрығының негізінде міндетті түрде тексеру тиіс болды. 1947 жылдың 1 қыркүйегі бойынша тексерілім 1 981 411 адамға (бұл саналымға 1924 мың репатрианттар мен 57 мың ішкі ауысушы тұлғалар енді) қатысты аяқталды. Олардың ішінде негізінен үлкен жастағылары тексерілді. Қатаң режимдерден босаушы репатрианттар мен ауысушы тұлғаларға қатысты кейбір айрықша заңдық талаптар болғанымен, КСРО мемлекеті оларды қоғамдық ортаға сіңірудің біршама шарттарын орындады деуге негіз бар. 1944-1948 жылдары КСРО үкіметі тарапынан репатрианттарды КСРО азаматы ретінде тануды қамтамасыз ететін 67 қаулы қабылданды. Олардың 14 қаулысы жеңілдіктер мен материалдық қамтамасыз етулерге жаты [2].

Репатрианттарды қабылдау үрдісімен қатар, өз отандарынан КСРО аумағына бас сауғалаған өзге елдердің азаматтарын да туған өлкелеріне қайтару әрекеттері жүзеге асырылды. Ол, бірінші

кезекте Польша мемлекетінің тұрғындарына қатысты болатын. КСРО ХКК (халық комиссарлар кеңесі) қабылдаған қаулылардың арасынан келесідегідей бағыттарды анықтауға болады: «репатриацияланған кеңес азаматтарын қабылдау мен орналастыруды ұйымдастыру туралы» (1945 жылдың 6 қаңтары); «Украин және Беларус КСР-ы аумақтарына КСРО азаматтығын танушы барлық украиндықтар мен беларустарға жеңілдетілген тәртіпте кіруге рұқсат ету туралы» (1946 жылдың 14 маусымы) [2]. Әрине, жоғарыда аталғандардан да басқа қаулылар бағыттары іске асырылды. Бірақ, біздің жұмысымызға аса қатыстылары бастапқыда көрсетілгендері болып табылатын. Территориялық бірлікті анықтау мен мемлекеттің құзырындағы адамдардың азаматтық құқықтарын негіздеу мен қалыптастыруда құжаттық рәсімдеудің орны зор екендігін білеміз. Ол құжаттық рәсімделу бірінші кезекте, азаматтың сол өмір сүріп жатқан мемлекетке тиісті болып табылатындығын айғақтайтын куәландырушы құжаттармен жүзеге асатындығы айқын. Осы мақсатта соғыстан кейінгі кезеңдерде КСРО-ның азаматтығын танушы жаңа тұлғаларды паспорттық жүйенің құжаттарымен қамтамасыз ету шаралары жүргізілді. Мәселенің жан-жақты тарихи тереңде қарастырылуы үшін, жаңа қосылған украин мен беларус азаматтарының ахуалдарына жіті тоқталу қажет секілді. 1939 жылға дейін Польшаның құрамында болып келген Батыс Украина мен Батыс Беларус аймақтары, I дүниежүзілік соғыстың басталуымен бөлініске салынып, КСРО қарамағына өткендігінен жақсы хабардармыз.

Батыс украин мен беларус халықтары азаматтық мәртебе ұстаным тұрғысынан көптеген қыспақтарға ұшырады. Неміс басқыншылығы кезінде араларынан сатқындар легіде де көптеп ұшырасты. Жеңістен кейін, жаңадан құрылған Польша мемлекеті өз жерінен КСРО-ға бас сауғалап пана сұраған азаматтарын қабылдай бастады [6, 111 б.]. Олардың арасында бірқатары КСРО аумағында қалуды дұрыс деп шешті. Осы аталған үрдістердің барлығы паспорттық құжаттың анықтамаларынсыз, мәліметтерінсіз жүзеге асуы мүмкін емес болып табылатын. КСРО мемлекеті кеңестік репатрианттарды өз отанына қайтару мәселесімен ғана емес, өзге елдердің азаматтарын да отандарына оралуына жағдай жасады. Ойымызды түйіндейтін болсақ, КСРО мемлекеті екі тағдыр мен ахуалдағы репатрианттарды қабылдаудың және аттандырудың үрдістерін жүзеге асырды. КСРО мемлекетіне фашистік Германия басқыншыларынан бас сауғалаған түрлі халықтар өкілдерін соғыстан кейінгі бейбіт уақытта қайтаруды ұйымдастыру іске асырылды. Осымен қатар, өзінің азаматтарын оралту мәселелері де мемлекетаралық деңгейде ретке келтірілді. Тақырыптың өзектілігі біздің отандық тарихнамада да алдыңғы орында болуы тиіс. Себебі, алапат соғыста өзіміздің ата-бабаларымыздың белсене қатысқандығы, олардың да тұтқын тағдырын бастан кешіргендігі айқын. Олардың бастан кешкен ахуалдарын жіті қарастыратын зерттеу кешендерінің жандануы алдағы уақыттары шешімін табары сөзсіз. Ол тарихымыздың ақтаңдақ беттерін толықтырып, өскелең ұрпақ бойында отансүйгіштік, өткен тарихқа деген құрметтің артарына қосары мол болмақ.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Арзамаскин Ю.Н. Заложники второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944-1953 гг. М.; - 2001. -144 с.
2. Земсков В. Репатриация перемещённых советских граждан. Война и общество, 1941-1945 книга вторая. - М.: Наука, 2004. -С. 331-359.
3. G.K. Kokebayeva, R.S. Myrzabekova, M.S. Myrzabekov. The Activities of Community Organizations in Providing Assistance to Prisoners of World War I. Bylye Gody, 2016, Vol. 42, Is. 4 Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan. -р. 1353-1359.
4. Ежова Г.В., Ежов М.В.. Деятельность советской военной администрации по репатриации бывших военнопленных и перемещенных лиц с территории Германии в послевоенный период // Управленческое консультирование. -2014. -№ 1 (61). -С. 85-91.

5. Большакова Г.И.. Деятельность органов репатриации по возвращению на родину советских граждан и военнопленных из Финляндии в послевоенный период (1944-1953 гг.) // Наука и современность. -2014. -№ 34.-С. 24-29.

6. Пискунов С.А.. Возвращение на родину: участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945-1946 гг. // Социум и власть. -2012. -№ 5 (37). -С. 109-113.

REFERENCES

1. Arzamaskin YU.N. Zalozhniki vtoroj mirovoj vojny: Repatriaciya sovetskih grazhdan v 1944-1953 gg. M.; -2001.-144 s.

2. Zemskov V. Repatriaciya peremeshchyonnyh sovetskih grazhdan.

Vojna i obshchestvo, 1941-1945 kniga vtoraya. - M.: Nauka, 2004. -S. 331-359.

3. G.K. Kokebayeva, R.S. Myrzabekova, M.S. Myrzabekov. The Activities of Community Organizations in Providing Assistance to Prisoners of World War I. Bylye Gody, 2016, Vol. 42, Is. 4 Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan. -p. 1353-1359.

4. Ezhova G.V., Ezhov M.V.. Deyatel'nost' sovetskoj voennoj administracii po repatriacii byvshih voennoplennyh i peremeshchennyh lic s territorii Germanii v poslevoennyj period // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. -2014. -№ 1 (61). -S. 85-91.

5. Bol'shakova G.I.. Deyatel'nost' organov repatriacii po vozvrashcheniyu na roдину sovetskih grazhdan i voennoplennyh iz Finlyandii v poslevoennyj period (1944-1953 gg.) // Nauka i sovremennost'. -2014. -№ 34.-S. 24-29.

6. Piskunov S.A.. Vozvrashchenie na roдину: uchastie pereselencheskih organov RSFSR v repatriacii pol'skih i sovetskih grazhdan v 1945-1946 gg. // Socium i vlast'. -2012. -№ 5 (37). -S. 109-113.

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20.
 ӘОЖ / УДК / UDK 94(3)

THE SIGNIFICANCE OF THE “SILK ROAD” IN WORLD HISTORY

Omarbekov T.^{1*}, Otarbayeva A.B.²

¹Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan) Doctor of History science, professor
 Corresponding authors*

²Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan) 1-year Master Student of History,
 Archeology and Ethnology Faculty

Abstract. Since the period of formation of the Caravan trade Chinese silk has attracted attention of the neighbor and West Antic countries. Silk fabric was not only in great demand in world trade, but in the ranks of countries silk was considered as official currency, other countries pledged to pay a tax in the form of silk. During the article authors tried to define the place of origin of silk production and to demonstrate significance and role of silk tissue in the formation of the Silk Road; to define a land of silk production origin; to make a demonstration of using the terms “The Silk Road” and “Silk Roads”; to make an analysis of ways of transportation of goods from the period of the caravan road had formed. In spite of the fact that on the caravan road which started in China and extended up to the Europe there were hundreds of various goods transported and sold, the silk production always used to be in great demand. As a result, several major caravan roads stayed in the history of the world were named by the name of this marketable commodity and saved in the history called “The Silk Road”.

Keywords: Silk, Silk Road, China, Trade, Caravan Road.

«ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ» ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫНДАҒЫ МАҢЫЗЫ

Омарбеков Т.^{1*}, Отарбаева А.Б.²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан) тарих ғылымдарының докторы, профессор

Автор корреспондент*

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан) Тарих, археология және этнология факультетінің магистратурасының 1 курс студенті

Аңдатпа. Сауда керуенінің пайда болған кезеңінен бастап Қытай жібегі көршілес мемлекеттер мен Антикалық Батыс елдерінің қызығушылығын тудырды. Әлемдік саудада жібек мата үлкен сұранысқа түсіп қана қоймай, кейбір елдерде валюта ретінде саналып, өзге елдерде салық ретінде салынды. Мақала барысында авторлар жібек өндірудің отанын анықтау және жібек матаның «Жібек жолы» қалыптасуындағы орны мен маңызын көрсетуге; жібек өндірудің отанын анықтауға; «Жібек жолы» және «Жібек жолдары» терминдерін қолдануын көрсетуге; Керуен жолы қалыптасқан кезеңнен бері тауардың тасымалдау бағыттарын талдауға назар аударған.

Түйін сөздер: Жібек, Жібек жолы, Қытай, Сауда, Керуен жолы.

ЗНАЧЕНИЕ ШЕЛКОВОГО ПУТИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Омарбеков Т.^{1*}, Отарбаева А.Б.²

¹Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан) доктор исторических наук, профессор
Автор корреспондент*

²Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан) студент 1 курса магистратуры факультета истории, археологии и этнологии

Аннотация. С момента формирования караванной торговли Китайский шелк привлек внимания соседних и Западный Античных стран. Шелковая ткань пользовался не только большим спросом в мировой торговле, но в рядах стран считался официальной валютой, другие страны обязывались, платит налог в виде шелка. Авторы статьи попытались установить мету зарождения производства шелка и показать значимость и место шелковой ткани в формировании Шелкового пути; установить родину производства шелка; показать использование терминов «Шелковый путь» и «Шелковые пути»; проанализировать пути перевозки товаров с периода сформирования караванной дороги.

Ключевые слова: Шелк, Шелковый путь, Китай, Торговля, Караванная дорога.

Introduction

The secret of the production and the expansion of silk. If to speak about the silk production secret, the authentic history of expansion and transportation of silk is represented in documents of European countries and China of that time, in legends and descriptions of journeymen's. So there is no consensus of opinion about the history of silk expansion into other countries and about the period of its production. Still and all, if we lean upon information at our disposal, the secret of silk production was first discovered by Chinese 4000 years ago; yet, the famous West-European researchers named Fava and Witt point out that it occurred 7000 years old [1, p.5]. The results of the archeological dig of 1958 in Zhejiang province give very important information about the technology of silk production in China in the 3 millennium B.C. When there were investigations into Liangzhu cultural heritage, there was a bamboo basket found that contained remains of fabric [2, p.76-85]. The radiocarbon dating method originally made for researches into rice remains indicates the fact that the origin of the fabric dates back to 2750+/-100 year B.C. [3, p.191].

In Tikhomirov's view, silk production began in the 3 millennium B.C. starting with the previous dynasties. In accordance with the data from China, the emperor Ching Chong «got down to increasing the number of methods of silk production and widening silk plantations and also to updating methods of looking after the silkworm». As Poyarkov's opinion goes, silk production home is the Chinese province of Shandong. In the year of 2255 B.C. the province pays the emperor a tribute by silk. Silk got well-known all over the whole territory of China in the 12th century. The professor of the Beijing university Shang Yue Yin-Shan gave the following concepts which were left hieroglyphically on the shell of tortoise and bones found in the city of Yin at that time (1300-1200 years B.C.): “cereals”, “bread”, “silkworm”, “mulberry tree” [4, p. 43-44]. As the archeological researches demonstrated, silk production first appeared on the territory of China. The next remarkable point consists in that who was the next in mastering the technology of silk production after the Chinese and what other states and tribes' attitude towards the silk fabric was.

There's a supposition that in the 4 millennium B.C. silk production appeared in Japan, then in India, after it came into the world in China. Mukherjee regards that the mountainous areas of India is home for mulberry tree. As it's said in his works that came out in 1890-1891, silk production developed not only in one place, but in different places in parallel (perhaps, at the same time). Among the information about silk sourced from ancient Sanscrit heritage there is no mention about China at all [4, p.42]. The first facts about India can be fell across in the works of Greek authors, yet, there isn't a word about silk there.

Rossinsky explains it as follows: “The Indian did take nothing new from the Chinese method of production of silk out of mulberry tree. Development of silk production consisted merely in using various insects”. The German doctor Rumphius who took a trip to Eastern India in the first half of the 18 century reports about ancient Indian high-quality silk fabrics. He noticed that Indians had a number of silk fabrics that weren't related to the Chinese sericulture and were of considerably better quality [4, p.115-116]. The information that in India there were silk fabrics dates from the middle of the 2nd millennium [5, p.55-57]. The ancient Indian treatise titled “Arthashastra” (IV-III centuries B.C.) shows that a string (anapatta) made of silk was fabricated on the territory of China (cinabhamija) [6, p. 45].

Investigating into the residue of fabric found in 585 in the ruined ancient fortification named Toprack-Kola, Lehmann-Haupt came to the conclusion that it was fabricated in China. In the surroundings of Athens German archeologists found ashes in a vessel wrapped around with a fabric. Hundt is of the opinion that the fabric is made with use of the Chinese silkworm [2, p.216]. On the base of the records of Herodotus and Xenophon about the city Median Frankfor demonstrates the fact that the West was aware of silk existence. Frankfor talking about silk production with use of wild silkworm and other ways of its production concludes that silk was well-known in India in the 6-4th millennium [7, p. 213]. It only points out exactly that silk was produced in India, but when it was is impossible to specify. Archeological researches clearly show that the period they began to use silk in India is the 6-4 millennium. As for much earlier periods of it, there is no evidence for that; therefore, it's quite hard to assert with confidence whether India was the land of silk or not. Nevertheless, the accomplishments of India in the ancient weaving craft – spreading and use of silk products from the earliest time – is an evident thing.

Silk production which originated in the 3 century in Japan spread very widely. However, some facts of Japanese legends say that the Japanese started making silk 1800 years ago. Leaning upon the facts, the Japanese empress Jingū-kōgō preferred levied taxes partly by silk as she invaded Korea. Since then, the Japanese had mastered producing silk [4, p.120-121].

Trusting the information we have at our disposal, in the 4-6th centuries China had no one and only monopoly on silk production, although the secret of the production was strictly kept in; silk was also known in Japan, Korea, the Central Asia and India. Still, there are no facts about whether silk was produced independently in these countries or was just transported here from China [8]. Seeing as India, Japan and Korea were familiar with silk products and use them from previous, people of these states were immensely interested in what the silk production technology is, applying themselves to puzzling out the secret of it, and, after all, began to produce it themselves.

For the Western Greeks and Romans the silk production technology was a real puzzle for years. In Rome silk was called “serks” fabrics. Probably, this name is linked with Chinese “sy” that was brought there by trade intermediates. Nevertheless, Romans were ignorant of what the silk land is. The Roman had an idea that the country named “Ser” was situated at the world's end. However, the Roman never regarded that the land of silk was China, mysterious lands known as Tinna whose name dated back to the Qing Empire established in the of 211 B. C. [9, p.15]. The Roman naturalist named Plinius Secundus mentions in his records of 70 B.C. that silk grew in an unprocessed form on leaves of trees. The Roman Empire paid gold and silver for silk. According to Plinius, the costs for silk annually amounted a million sesterces. In the 1st century B.C. silk was as much expensive that rich Romans can't afford buy much of the fabric and had to be satisfied with a small piece of this fabric, then sewing it up to their clothes as a brooch. In Rome people began to wear silk clothes in 46 B.C. Plinius and Seneca criticized silk strongly, demonstrating how much funds are spent to buy silk. Although the Roman senate issued the prohibition against wearing silk clothes, it did not make any effect. Expensiveness of goods out of silk proceeded not only from the secretness of its production; it was also connected with transportation risks, high taxes and extra costs of trader's additions [9, p.16].

The method of silk production with use of silkworm was known in Greece in the 4th century. In “History of animals” by Aristotle there is some information about silk. Discovering and using waterways in the 1st century A.C. besides the continental road linked up China to Rome and Greece gave a great impact to increase of silk volumes in these countries. Despite, China managed to keep its monopoly on silk; in the West the technology of silk production was discovered only in the 6th century [10]. This time, if we decide to go further into the history of spread of the silk fabric around the states located in the Central Asia, Roma and Greece, this costly fabric went into hands of Huns’ that settled in the northern regions of China, before it got to the Roman. The history narrates as follows: Qin Shi Huang, the founder of the first centralized state of China – the Qin Empire (221-206 B.C.), had a wish to win back the lands occupied by Huns. For this purpose, in 215-212 B.C. Shi Huang built a huge wall along the frontiers on North. In the world history it’s now best-known as the Great Chinese wall.

In the 2nd century emperors of Han dynasty failed to resist Huns’ attacks. Inasmuch as they have no chance to set the problem at rest by military actions, they were obliged to resort to conclude agreements towards making peace through marriages. Han dynasty gave Huns gifts once a year. The volume of the gifts came to tens of thousands of silk cloths. Huns exchanged some of it against something else with nomads that settled the West. Thus, the cloths then reached Rome [9, p.16-17]. This throw a light on that how silk came to Rome and the Ancient Greece.

Han empire efforts weren’t enough to stop the danger and Huns’ attack. Emperor Wu of Han started looking for a support of other nations of the Central Asia in order to widen the empire’s trading communications and conquer Huns. For this purpose, in 138 the emperor sent a caravan heading by his diplomatist Zhang Qian from the capital of Han empire to mysterious lands of the West (to establish a diplomatic relationship with the state of Wusuns that inhabited in the region along Ili river and observed the nomadic lifestyle). During 13 years Zhang Qian went a straight way from the regions of China to the Central Asia for the first time and reached Afghanistan [11, p. 8].

The ambassador failed to make a military conjunction with Wusuns, however, he reached his other goals, managing trading communications with the states he had been and gave the Chinese a new view on the world, learned of new trade directions and furthered widening of the Silk route. After the ambassador came back, new trade ways were laid down and China started dealings with the state of Wusuns, the state of Kangly (Zhang Qian saw the state of Kangly, lived in Bactria for a year) and other lands located in the western parts of China (we are going to detail the ambassador’s voyage a bit later).

Thus, the silk fabric which was one of the greatest accomplishments of ancient China both reached Roma and Greece passed a way through states that lied on the territory of modern-day Central Kazakhstan and became a bestseller which were so desired in these lands that they were willing to pay gold and silver for it and very enthusiastic of discovering its production secret.

According Gumilyov’s «Ancient Turks» (1964), the beginning of supplying silk to Europe had commenced since Augustus. Byzantine Empire needed silk a great deal, since, apart from the needs of the court and aristocracy in it, silk was used as a currency in dealings with barbarians, in particular, when hiring additional troops. In Byzantine Empire silk was equivalent to gold and jewels [12]. The artery carrying this precious product to Byzantine Empire pass through Northern Iran; and Sasanian’s government kept the caravan trading in check. The Iranian took away a very big part of transported filocelle to process it into end goods and they had the opportunity to sell goods of silk they made themselves to their western neighbors at prices they quoted themselves [13, p.128]. However, Byzantine Empire couldn’t be tolerant with the situation, since, their paying higher prices for silk made hostile Iran much stronger. In circa 531 Justinian made an effort to persuade Ethiopia to be an intermediate and help organize the transportation of silk through the Indian ocean. But the Persian had such powerful influence in the ports of India that Ethiopians failed to take away their monopoly on purchasing silk, and the peace agreement concluded in 532 brought the trading to its routine [14].

The new war against Iran that took place in 540 made Justinian lowered the prices for silk by a special edict; yet, there was no possibility of forcing Persian merchants sell silk at these prices. As a result, Syria silk-weaving manufactories went bankrupt for the lack of the raw material. In 570 Khosrow Anushirwan invaded Yemen and, in that way, eventually blocked the Byzantine an access eastwards through the Red sea and the Indian ocean. At that time a new participant entered this historical situation. It was the Turkic Khaganate. As shown above, Turkic people took away a big volume of silk from China as a levy. Although Turkic khans applied silk to covering their tents, they could not fully use all the volume of silk they gained. It favoured development of the trading through the Turkic Khaganate [12]. It should be pointed out that the Silk route passed through states and confederacies of tribes situated on the territory of modern-day Kazakhstan, it made favourable conditions to involving them into the trading and developing trade communications as a whole. Since the Turkic Khaganate's territory extended from the Black Sea up to northern China, it had control over trade communications within this region [6, p.48].

As a matter of fact, the Silk route is a close web of different roads, road systems, directions and canals; and its center is the steppe regions of the Central Asia. Goods from China to the western lands very often went through the steppe regions of the Central Asia whose nomads engaged in cattle-breeding, trading and military art; it furthered development of caravan trading.

The secret of silk production was puzzled out in the Kingdom of Khotan (now it's East Turkestan) in the 5th century, in Constantinople in the 6th century, in Sicily in the 12th century [9, p.27]. Silk was likely to get to the territory of Spain through the Byzantine Empire and Arab lands. The secret of the production of silk in large volumes had become known in Europe countries since the 13th century. Silk production came to Russia when the reign of Michael I (Mikhail Fyodorovich Romanov, 1596-1645), at that time they began to make plantations on silk production [1, p.6-7].

Using silk as a precious thing in various lands caused increase of interest to silk production in these lands. The interest and demand for silk were both so high that the countries started breeding the silkworm and also mastered the technology of the production of threads and fabrics. As a result, silk fabric became an everyday thing and lost its past value.

The origin of the name "The Silk route «and the directions of the trading routes. In the science there are concepts linked with silk and known as "The Silk route" and "The Silk routes". A part of history scientists of world are of the opinion that the plural-formed name ("The Silk routes") of the trading route is correct [15]. Modern-day historians taking account of the trading communications through the Indian Ocean, the Red Sea and the Mediterranean Sea use the concept "The Silk routes" [16], whereas French historians traditionally keep to the name "The Silk route" (la route de soie) [17, p.125]. German scientists spare the French ones' opinion regarding the name of the trading route using the plural form (Seidenstrasse) [18]. The British historian David Christian taking account of the fact that the exchanges by people, animals, goods, ideas and diseases were brought about through both the continental and sea routes of Africa and Eurasia supported the name "The Silk routes" [19, p.7].

To talk about the etymology of the name "The Silk route", in 1877 the German geographer, geologist and researcher Ferdinand von Richthofen was the founder of the historical term "The Silk route" and "The Silk routes" [20]. Ptolemy's treatise titled "Geography" (the 2nd century) as well as Marinus of Tyre's one titled "The Silk route" (the 1st century) pointing to "the land of silk" were used by Richthofen in his works. A that time, in the 100 year B.C.-150 year A.C. many trading routes chained the Roman Empire and China were known [21, p.1-10]. Richthofen used the concept "The Silk Routes" for pointing out the relationship between political expansion and the trading communications of the Han dynasty, on the one hand, and geographical knowledge, on the other hand. He used the concept "The Silk Route" in its singular form, leaning upon Marinus's routes, and used the plural-formed concept to show the routes of both the West and East of the Pamirs. He takes pains to emphasize that "it would be a mistake to consider that it [Marinus' route] was the only one at any given moment or even the most

important one” [20].

Thus, the concepts “The Silk route” and “The Silk routes” reflected various roads and routes of trading caravans at different periods which formed and changed under the influence of political events. It gives a clear idea that the Silk route was composed of different routes.

The fact, that the Silk route trading was brought about by different and, at the same time, parallel roads, had decisive influence in favor of accepting the concept “The Silk route”. Some directions of the Silk route (as it’s said in Richthofen’s book) were formed in the 2nd -3rd millennium B.C. [22, p.1].

Also, it was found that there were another part of the Silk route, extended from Japan westwards till Syria, and a sea route from the Southeast Asia to the East Africa and the Mediterranean. But only recently the idea about the existence of the steppe part of the Silk route has been accepted. In the north the steppe route passed through the oasis of Eastern Turkestan across the Eurasian steppe corridor, i.e. across the territory of Kazakhstan westwards, to the Central Asia, the Near East and to the north-west through the south Russian steppes to Europe. It should be pointed out that formation and existence of this route or, more likely, webs of routes were connected with the prehistory of nations, settled Kazakhstan many millenniums ago, and their developing the spaces of the Central Asia [23, p.21].

To get to the bottom of the gist of the trading between the West and the Central Asia, knowledge of the political and social history isn’t enough; for it, it’s necessary to know the organization of the trading starting with the 4th millennium B.C., what goods were in dealings, the administrative and tax system of the states through which the Silk route passed.

Long-distance trade, of course, however we model it, dates back even before “civilization”. The trade, in jade between Khotan and China, for example, is documented at least as far back as 4000 BC. Indeed Mallory and Mair and others have shown, the contact between Central Asia and civilizations to the west began much earlier than that. By around 2000 BC, inner Eurasian exchange networks were well established, and notable institutional shifts in trading occurred in the Near East. Long-distance trade is well documented in the ancient Near East at this time by both land and sea routes. Trade connection, however indirect, were already established between the Harappan civilization in the Indus valley and Oman southern Mesopotamia by the 3rd millennium BC. But by 2000 BC, exchange across wide networks begins to become much better documented in the archaeological and textual records of the Near East [19, p.6-7].

In the 3-2nd millennium B.C., the system of land and water routes Mesopotamia-Harappa formed in the space between the plain of Mesopotamia and the valley of the Indus river, from the deserts of the Central Asia till the Mediterranean Sea. This system connected remote cultures and civilizations. Later on, the system had become one of the main braches of the Silk route [4, p. 42]. To Mr. John Alden’s mind, in the south the caravan road from Mesopotamia reached the centers of cultures of Mohenjo-daro and Harappa situated in the plains of India. In the 4-3rd millennium B.C. the trading was in the control of the ancient cities and urban centers located in the Central East (the lands lied between Mesopotamia and the Indian plains), the trading communications and cultural centers [24, p.613-640]. One of the northward directions reached the Aral Sea. The direction was used for transportation of lazurite to the inner regions of Kazakhstan, Ferghana and Tashkent [25, p. 4-9]. In the 2nd millennium B.C., at the time of the Bronze Age, nomadic tribes that engaged in cattle-breeding have control over trading communications with the nations of the Central Asia, the South Siberian and Uralsk outlying districts. Tribes that were interested in the material belong to the system named “lazarite route”. Since previous times Lazurite had been standing high as a jewel in eastern lands. Lazurite had reached China by the 1st millennium B.C.

Trading across the Silk route periodically fluctuated from raisings to downswings because of influence of various factors – nomadic tribes, rise of states and wars – for the duration of the long history of the Eurasian continent. In the 2nd millennium B.C. the world trading integrated; and new ethnic groups,

which are similar to today's ones, - so-called "trading diasporas" – originated, they controlled the trading.

The best documentation for the early development of long-distance trade between Central Asia and the Mediterranean/Aegean worlds are the Old Assyrian trade networks from the Middle Bronze Age (ca. 1900 BC). This trade is exceptionally well documented from texts discovered at Kanesh, located in central Anatolia some 1,000 km northwest of the Assyrian capital at Assur. Textiles and tin were moved into central Anatolia, and silver and gold were taken back. But these merchants were involved in "a much larger international system of exchange" [19, p. 7].

Functioning of the Steppe route started developing in the middle of the 1st millennium B.C. In Herodotus's works (the 5th century B.C.) there are some information about the Steppe route. This route chained up the West Asia to the Mountainous Altai and the South Siberian. Along this route, extended from the coast of the Black Sea to the Don River, then to the mountains of the South Ural and farther till the Irtysh river and Altai, there were the Sarmatians in ancient times. The Steppe route was actively used for transportation of jewels, Persian carpets, cattle, animal skins and so on. In ancient times an exchange of goods was partly spontaneous: goods passing a way through different tribes and regions were spread via intermediates. As for the formation of the roads, migration of tribes and nations contributed to it a very good deal [6, p.43-44].

The center of silk production formed in the South Ural and Altai, in the Central Kazakhstan, in the regions that shortly became centers of Eurasia-wide production and spread of bronze. The tribe of the so-called Andronovo culture, formed in the 18-16 centuries B.C. in the forest-steppe between the Yenisei and the Ural, played a great part in the history of Eurasia, including in development of trading. The bronze made by melters inhabited in the Central Kazakhstan and Altai and products out of it were spread widely through the trading communications till Dnepr in the West and till Xinjiang in the East. Another center of the fabrication of bronze products was Zhetysay, or Semirechye, occupied the region of the Southeast Kazakhstan and the northern part of Kyrgyzstan. From this place were bronze products (choppers, sickles) made by melters in the 10-8th centuries transported to Western China. Researchers have an opinion that routes of spread of bronze was a kind of forerunner to the Great Silk Route [26, p.112].

Yankovsky says in his works that in the middle of the 1st millennium B.C., volume of traffic becomes greatly important, if one takes into account data of written sources. Yankovsky, analyzing the economical state of Assyrian Power, bring a very interesting fact: in the 8th century B.C., Tiglath-Pileser III introduces a tax in regions dependent upon Assyria that was equivalent to nine tons of lazurite [27, p. 33]. Such numbers, in our view, can give evidence about both demand for the stone and the well-organized practice of mining and transportation of it to long distances. In ancient times here was the "nephrite route" in parallel with the lazurite route". The literature mentions about nephrite minefields from where the stone went to China. One of the minefields was in the region of Baikal and the Eastern Sayan Mountains; in that case, a route of nephrite transportation was likely to go through Mongolian steppes. The other one, the Khotan minefield, that was situated up the Yarkand River, is mentioned in the Chinese sources of Duanhan time [28].

Zhang Qian, paid a visit to the Central Asia in 140-130 years B.C., mentioned that mining and transportation of the stone to China began long before his trip. The Chinese source "Guanzi" mentions that the intermediates in the trading in nephrite are the Yuezhi that controlled the territories of Eastern Turkestan in the 3 millennium B.C. [2, p.213]. Researches point that in the 2nd millennium B.C. the Khotan nephrite were brought into China. In burial place of Fu Hao in Anyang there were about 700 items found, that were fabricated out of the Khotan nephrite dated from the 13-12th millennium B.C. The interesting fact is that most Chinese nephrite finds date back to the Zhou and Early Han periods. Lubo-Lesnichenko points out to the western origin of the Zhou that, evidently, never broke off a relationship with the people of Eastern Turkestan [2, p.212]. Silk had been bringing to Eastern Turkestan and the

Central Asia since the middle of the 2nd millennium B.C. Remains of silk dating from 1700-1350 rr. B.C. were found near the city of Sapallitep (early Uzbekistan) [29, p.173-174].

It's obvious that at the turn of the era s there was the colossal experience of cultural-economic cooperation of representatives of the western antique society via Near-Eastern and western-Asian with nations of the Central Asia. However, an analysis of origin of the Great Silk Route is impossible with no taking account of formation of the communication web from the Far East northwards, westwards and southwestwards. This process was realized on establishing contacts between the Chinese and the nomads, inhabited in the steppe regions of the Central Asia and Eastern Turkestan, and also connections between nomads themselves (Yuezhis, Wusuns and Hun, Kankalis).

As it's been already said before, by the beginning of the Han dynasty reign (202 B.C.), united within the Eastern and Central Asia system of communication routes forms and cover a very spacious area: from Northern China to the Amur, Baikal, Minusinsk Basin, Altai, Tien Shan, Pamir and Tibet. It is known that in 138 BC. The Chinese diplomat Zhang Qian went westwards to the tribe of Yuezhi (Wusuns), in order to persuade them to war with the Hsiungnu / Hsiung tribes. The mission stretched out in time, since the diplomat was captured by the Huns and only ten years later managed to escape and continue his work. By that time the Yuezhi were in Central Asia, subduing Bactria. And although this diplomatic trip ended in vain, for the Chinese's world view, the information gathered by Zhang Qian became indisputably useful. During his trip, Zhang Qian visited Fergana (Davan), Bactria. The Chinese diplomat wrote about the last country: "Their troops are weak, timid in battles. "The inhabitants are adept at trading ... the capital is called Lanshi. In this city there is a market with various goods ... merchants go to trade in India" [30, p.551]. While communicating with traders, Zhang Qian collected information about India (Shendu), about Parthia (Anxi), he found out that China is known to many peoples as a country of silk. The diplomat returned after his first mission along the path that in the Early Han (202 B.C. - 8 A.D.) was known as the "Qiang road". New Knowledge significantly expanded the geographical horizons of Chinese rulers, which affected their foreign policy plans.

Since that time, the western trade routes have become a desirable object of Chinese conquests. The interests of trade are a powerful catalyst for foreign policy processes in the region. To the 2nd century BC, Huns dominated in Gansu - a strategically important communication area. Against them in 121 B.C. China undertook a successful campaign, as a result of which the Huns were forced out of Gansu and also cut off from its allies - Qiang (tribes of the Tibetan Highlands). For the Han Empire, the road to Eastern Turkestan was cleared. The construction of a powerful line of defensive fortifications and settlements till Dunhuang began. The trade caravans sent to Eastern Turkestan lay the beginning of the intensive development of the "Western Territory" by the Chinese state. In fact, since the end of the 2nd century B.C. it's been correct to speak about the emergence of the Great Silk Route as a regular system of trans-Eurasian communications.

According to the famous American scientist Edward Hetzel Schafer: "In the history of the Silk Route, one hundred and sixty-nine kinds of goods were transported, eighteen kinds of a collection of goods through this caravan way". Among these goods the most important and significant commodity was silk, so the caravan road was named "The Silk Route", later this name was approved by the international community [4, p.56].

Analyzing the material given in the article, we can draw the following conclusion:

1. Based on archaeological data, we can say that the original home of silk was China. The achievement of the ancient civilization of China extended to the tribes and the states of East Turkistan, the Steppe Central Asia, India and the Ancient West. Thanks to the preservation of the manufacture of silk, China was able to retain the silk monopoly in its hands until the 13th century.

2. In the caravan trade, which started from China to India and Rome, hundreds of types of goods were transported, but silk was always in high demand, sometimes silk was used as a currency, and was

valued on an equal basis with gold, so the world trade route was called "The Silk Route"

3. In the formation of the silk route we should mention the merits of the emperor of the Han Dynasty and the diplomat Zhan Qian. In addition, the state of the Huns, Wusuns and Kangly also contributed to the development of trade in the Silk Route system.

4. The terms "The Silk Route" and "The Silk Routes" were used to show the land and sea routes of the silk road. However, according to the decision of the international community, the caravan road received the name "The Silk Road".

5. Acquaintance and use of silk in the states of the Huns, Wusuns, India, Japan, Korea, Ancient Greece, Rome, the Turkic Kaganate, Persia, Babylonia and Spain and other states occurred at different times, and this explains the great period of the formation of the Silk Route. However, all these countries are linked by one thing – they were all interested in silk, and also all the above-mentioned countries sought to reveal silk production technology.

6. The historical significance of the Silk Route lies in the fact that the achievement of the ancient Chinese civilization "silk" and the technology of manufacturing this product spread throughout Eurasia, and contributed to the development of the textile industry a great deal.

REFERENCES

1. Radkevich V.A. The Great Silk Road. – M.: Agroprom-izdat, 1990. – 239 p.
2. Lubo-Lesnichenko E.I. The beginnings of silk production (myths and facts). // Arts and religion. – L.: 1981. P. 76-85.
3. Kuchera S. The Chinese archeology. – Moscow, 1977, – P. 191
4. Khoshimov M. The Great Silk Route and the Central Asia. Turkestan. MKTU edition, 2005. – 284 p.
5. Gulati A.A note on the early history of silk in India // Technical reports on archeological remains. Poona, 1961. – p.55- 57
6. Khalidullin T., Daulet Khan A. The Great Silk Route. Almaty, 2012. – P. 45.
7. Frankfor A.P. Did the Great Silk Route exist in II-I millennium B.C. // The interaction of cultures of nomads and ancient civilizations. Alma -Ata., 1989. – p.213
8. Dr. Ron Cherry. History of Sericulture. ESA, Bull. Entomol. Soc. Am. (35:83-84) // <https://www.insects.org/ced1/seric.html>
9. Jean- Pierre Drège. Marco Polo and the Silk route. Moscow: Astrel, 2006. – 192 p.
10. Mei V.D. The Great Silk Route in the history of the Chinese culture. The abstract for the title of the Candidate of the Arts history. Saint-Petersburg, 2004. // <http://www.dissercat.com/content/velikii-sheikovyi-put-v-istorii-kitaiskoi-muzykalnoi-kultury#ixzz4a8yIz6xX>
11. Baipakov K., Nurzhanov A. The Great Silk Route and Medieval Kazakhstan. Almaty: Kazakhstan, 1992. – 208 p.
12. Gumilyov L. N. The ancient Turks. – Moscow, 2014. // <https://mybook.ru/author/lev-gumilev/drevnie-tyurki/reader/>; Heliodor. Ethiopian, Translation by Egunov. M.-L., 1932. – P. 99
13. Chavannes E. Et Pelliot P. Traite maniche'en retrouve en Chme // JA Ser. XI. Vol. I. 1913; p. 128; P.V. Pigulevskaya. The Byzantine diplomacy and the silk trade // BB. 1947. T. I (XXYI). – P. 187; Gumilyov L. N. The ancient Turks. – Moscow, 2014.
14. Dil S. Justinian and Byzantine civilization in the 6th century. Saint-Petersburg, 1908. – p. 546.
15. Jerry H. Bentley, Old World Encounters: Cross-cultural Contacts and Exchanges in Premodern Times (New York and Oxford: Oxford University Press, 1993), chapter 2, "The Era of the Ancient Silk Roads".
16. Beaujard P. "From Three Possible Iron-Age World Systems to a Single Afro-Eurasian World-System, Journal of World History 21 (2010): 1-43.
17. Biarnès P., La Route de la Soie: une histoire géopolitique (The Silk Road: A Geopolitical History). - Paris: Ellipses, 2008
18. Hans-Joachim Klimkeit, Die Seidenstrasse: Handelsweg und Kulturbrücke zwischen Morgen- und Abendland (The Silk Road: Commercial Highway and Cultural Bridge between East and West) (Cologne: DuMont, 1988.
- Mair V.H., Hickman J. Reconfiguring the Silk Road: New Research on East-West Exchange in Antiquity: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2011. – 103 p.

19. F. Freiherr von Richthofen, China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien (China: Results of a Personal Journey and Studies Based Upon It), 5 vols. (Berlin: Reimer, 1877-1912), vol. 1, passim; The Silk Road. Vol. 5. № 1. – 1-11 p.
20. Waugh D.C., “Richthofen’s ‘Silk Roads’: Toward the Archaeology of a Concept,” The Silk Road 5 (2007): 1-10; www.silkroad.com/toc/newsletter.html.
21. Nurtazina N. D. The history of the civilization of Turks. – Almaty: Kazakh University, 2015. – 203 p.
22. Akishev K.A. The way to the land of Hyperboreas. // Iran-name. № 1. 2007. – 21-40.
23. Alden J.R. Trade and Politics in Proto Elamite Iran // Carrent Anthropologi. University of Michigan. 1982. – №2. Vol. 25. – 613-640 p.
24. Shirinov T.S. The oldest trade routes of Central Asia (3-2 millennium B.C.) // Formation and development of the roads of the Great Silk Route in the Central Asia in antiquity and the Middle Ages. Tashkent. 1990. – p. 4-9
25. Baipakov K. The Great Silk Route across the territory of Kazakhstan. Almaty: Adamdar, 2007. – p. 496.
26. Yankovsky N. B. Some issues of the economy of the Assyrian state // VDI. 1956. – p. 33
27. Mamleeva L.A. The formation of the Great Silk Road in the system of trans-civilizational interaction of the peoples of Eurasia // <http://archaeology.kiev.ua/pub/mamleyeva.htm>
28. Askarov A. Sapallitep. Tashkent, 1973. – P. 173-174
The history of the East. – Moscow, 1997. Volume 1. – 572 p.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

ЖЕТІСУ САҚТАРЫНЫҢ ДҮНИЕТАНЫМЫНДАҒЫ ІРІ ОБАЛАРДЫҢ АЛАР ОРНЫ

Оңғарұлы А.

ҚР Ұлттық музейі (Астана қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты

E-mail: Akan123@mail.ru

Аңдатпа. Ерте темір дәуіріндегі Жетісу өлкесі – Қазақ жерінің «алтын бесігі», алғашқы «хандардың» елі мен мекені, алғашқы мемлекеттің орнаған жері. Жетісу сақтары өз заманында Еуразияда ел-жұрттардан барлық салада дамуда алда болды, көрші сырт елдерге ықпал ете білді және өзіндік ерекше дүниетанымы қалыптасты. Мақалада біз аталған өлкеде ж.с.д. VI–III ғасырларда мекен еткен сақ билеушілерінің жерлеу ескерткіштері мен оның айналасындағы кеңістіктің олардың дүниетанымына сай жоспарлануы мен ондағы атқарылған ғұрыптық іс-әрекеттерді соңғы археологиялық зерттеулер негізінде қайта талдауға тырыстық.

Ежелгі тұрғындардың түсінігі бойынша, обалар адамның о дүниеге өтердегі уақытша тұрағы, ал артында қалған жұрты үшін жоғарыдағы беймәлім күш, рухтармен әртүрлі ғұрыптық жосындар атқару арқылы тіл табысатын орын. Обалар бұл дүниеден қайтқан, сол қоғамдағы саяси-әлеуметтік құрылымның тұрақтылығы мен өсіп-өркендеуінің кепілі болған тұлғаға деген құрметтің белгісі ретінде, болмысын ұрпақтары әспеттеп өтуі үшін салынды.

Ерте кезеңдегі сақтардың жер бетіндегі құрылымдары пирамида (Шілікті, Майемер, Бесшатыр, Қарқара) немесе дөңгелек (күмбезді немесе киіз үй тәрізді) пішінді (Желдіөзек, Нүркен 2) болып келеді. Жетісудың әрбір элитарлық обасы архитектуралық ескерткіш ретінде сыртқы құрылысы жағынан конус сияқты тас пен топырақ аралас келген ондаған қабаттан тұрады. Жерлеу құрылысының айналасындағы құрылысты қоршай салынған тас «белдеулер» «Өлілер әлемін» «Тірілер әлемінен» арнайы шекара сызығы арқылы бөліп тұрғандай. Ірі обалардың айналасында қазан көтеріліп, от жағылып, малдың еті асылып құрбандық шалған орындар болған тәрізді. Оған ірі обалар айналасынан, аз тереңдіктен сақ мәдениетінің бірегей көркем бұйымдары – құрбандық тақталарының, шырағандар мен қола қазандардың табылып жатуы дәлел. Оба маңында, не ғибадат ету орындарында арнайы уақытта рәсімдер орындалған сынды. Ал ғұрыптық рәсімдер орындаған бұйымдарды төңкеріп, уақытша қалдырып кетіп отырғандай. Қорытқанда, Сақ пен үйсін мемлекеттік бірлестіктері Цинь және Хань әулеттері билік еткен Қытаймен терезесі тең саяси, экономикалық қатынаста болған. Ши хуанди императордың құрметіне тірі кезінде салына бастаған мавзолейі мен оның аумағын ұйымдастыруда негізге алынған дүниетанымдық түсініктер де ортақтық көп.

Түйін сөздер: Жетісу, сақтар, мемлекеттілік, ірі обалар, дүниетаным, оба маңы кеңістігі, қазан, ғұрыптық іс-әрекеттер.

МЕСТО КРУПНЫХ КУРГАНОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ САКОВ ЖЕТІСУ

Оңғарұлы А.

Национальный музей РК (г. Астана, Казахстан) кандидат исторических наук

E-mail: Akan123@mail.ru

Аннотация: Край Семи Рек – Жетісу – «золотая колыбель» Казахской земли. В этом регионе в

VIII–II вв. до н.э. жили саки, которые воевали на стороне персов в греко-персидских войнах и дошли до Индии. Наемные конные лучники саков составляли ударную часть кавалерии Ахеменидской Персии. В Жетысу во времена саков (саки в китайских источниках встречается под именем «Сэ») существовало раннегосударственное объединение. Во главе «государства» стоял верховный правитель. Власть сохранялась в одном роду или племени. Они правили «по воле богов» и поэтому правители саков одновременно исполняли и роль военных начальников, верховных жрецов.

Курганы в понятии древних кочевников являются местом перехода человека в инобытие, а для сородичей – местом проведения различных ритуалов, ритуально-обрядовых мистерий, связанных с общением с духами и высшими божествами. У разных населения существовали определенные запреты, правила и нормы поведения, связанные с посещением некрополей как священных мест. Возле больших курганов были места жертвоприношения со следами костров и тризн, также атрибутами культа (алтари, жертвенные столы, курильницы и котлы). У саков существовали определенные запреты, правила и нормы поведения, связанные с посещением некрополей как священных мест.

Месторасположение «царских» курганов, их конструктивные особенности, монументальность и предметный комплекс погребений находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Они показывают уровень развития строительного дела у кочевников, их отношение к вопросу жизни и смерти, сложность ритуально-обрядовой практики. Кроме того, принципиальное сходство некоторых конструктивных характеристик погребальных сооружений юго-восточного Казахстана указывает на глубинные связи населения эпохи ранних кочевников, единство религиозных и идеологических установок

Ключевые слова: Жетысу, саки, государственность, большие курганы, мировоззрение, окологурганное пространство, казан, ритуалы.

THE PLACE OF LARGE MOUNDS IN THE WORLDVIEW OF THE ZHETYSU SAKS

Onggaruly A.

National museum of the republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences
E-mail: Akan123@mail.ru

Abstract. The region of Seven Rivers – Zhetysu – "the cradle of gold" in the Kazakh land. In this region in the VIII–II centuries BC lived Saks, who fought on the side of the Persians in the Greco-Persian wars and reached India.

In Zhetysu in the days of the Sak' (Saks in Chinese sources is found under the name "Se") existed early state association. At the head of "state" was the Supreme ruler. The power remained in the same family or tribe and was sacred. They ruled "by the will of the gods" and therefore the Sak rulers also played the role of the military chiefs, the high priests.

Mounds in the notion of ancient nomads are the transition place for a person to otherness, and for kinsmen it is the place for carrying out various rituals, ritual-ceremonial mysteries connected with communication with spirits and higher godhoods. Different nations had certain prohibitions, rules and norms of conduct associated with visiting necropolises as sacred places.

Near the big mounds there were places of sacrifice with traces of fires and threats, as well as attributes of the cult (altars, sacrificial tables, censers and boilers). The Saks had certain prohibitions, rules and norms of conduct connected with visiting necropolises as sacred places.

The location of the "royal" burial mounds, their constructive features, monumentality and the object

burial complex are in close interrelation with each other. They show the level of development of the construction business for nomads, their attitude to the issue of life and death, the complexity of ritual and ritual practice. In addition, the fundamental similarity of some constructive characteristics of the funerary structures of southeastern Kazakhstan indicates the deep connections of the nation of the era of the early nomads, the unity of religious and ideological attitudes.

Keywords: Zhetysu, Saka, state association, big mounds, ideology, near-burial space, cauldron, rituals.

Кіріспе

Өртүрлі табиғи-климаттық және ландшафтылы кең байтақ Қазақ жері ж.с.д. I мыңжылдық бойы жергілікті жағдайға икемделген тиімді шаруашылық-мәдени кешендер, көркемдік эстетикалық құндылықтар мен дүниетанымдық жүйелер қалыптасқан үлкен тарихи орта ретінде болды.

Жетісуда ж.с.д. VIII–II ғасырларда грек-парсы соғысында Ахеменидтік парсы жағында жалдамалы түрде соғысып, Индияға дейін жеткен салт атты садақшы жауынгерлері бар сақтар өмір сүрген.

Қытай деректерінде «Сэ» атауымен кезігетін сақтар кезеңінде Жетісуда ерте мемлекеттік құрылым пайда болды. «Мемлекетті» Жаратушының жердегі өкілі – билеуші басқарды, ол елді басқаруымен қатар абыз бен әскери қолбасшы міндетін де қоса атқарды делінеді. Қасиетті саналған билік ұрпақтан ұрпаққа беріліп отырды. Тәртіп бұзылған жағдайда жерді Қара түнек басады деп сенді.

Сақтарда мемлекеттіліктің бір белгісі – жазуы болды. Оған Есік обасындағы жоғары әлеуметтік санаттағы салтанатты киімді бозбаланың жер «кіндігіндегі» үйінен табылған әлі күнге дейін құпиясы толық ашылмаған күміс тостағандағы 26 белгі-таңбалы жазу дәлел.

Жетісу сақтарының өнері құрлықтағы көптеген мәдениеттермен шығармашылық байланыста дамығандығы мен айрықша жергілікті шеберлер мектебін қалыптастырғандығын көрсетеді. Сақтардың өздері қола мен мыстың қорыту мен құю техникасын, оған қоса құйма алтынды дайындау техникасын жетік меңгерді [1].

Өлке сақтарының өмірінде Қытай (Цинь және Хань әулеті), Парфия, Кушандық Бактрия, Ахеменидтік Парсы және тағы басқа көрші елдермен жасалған сауда-саттықтың орны ерекше болды. Ұлы Жібек жолына дейін осы өлке арқылы сауданың күре және тармақ ескі жолдары өткен еді.

Жетісу сақ әлеміндегі қола металлургия мен көркемдік құйманың ірі орталықтарының бірі болды. Темірдің өндіріске енуімен өлкеде мысты қорыту өндірісі бірден жойылып кетпеді. Оған сақтардың қоладан жасалған көркем бұйымдары дәлел. Жетісудағы қола дәуірінің соңы мен ерте темір дәуіріне өтер кезеңмен мерзімделетін көмбелердің саны – оннан астам. Олар Іле өзенінің аңғары аумағынан табылды. Ең солтүстіктегісі – Андреев көмбесі. Әр көмбе аса маңызды мәнге ие [2–4].

Археологиялық зерттеулердің қорытындылары өлке сақтарының жартылай көшпелі және жартылай отырықшылықты өмір сүргендігін көрсетті. Таудың биік аңғарларындағы Асы, Шөлкөде, Ойжайлау жайлаулары жазда малға жайылым болса, тау баурайлары күзгі жайылым. Ал Іле, Балқаш, Қаратал, Шу өзендерінің алқаптары қыста таптырмас тебін болды. Іле, Шу, Талас және Қаратал өзендерін бойлай жер шаруашылығы кеңінен дамыды.

Сақтар өзендердің тау шатқалынан шығар беткейі мен өзен аңғарларында тұрғызылған Рахат, Өрікті, Цыганка, Ерменсай, Түзусай және т.б. ірі қалалар мен қоныстарда өмір сүрді. Оған қоса қыстау тәріздес уақытша маусымдық тұрақтары да болған сияқты [5].

Құрылыстың оба тұрғызу дәстүрі кең далада көптеген ғасырлар бойы жүрді. Қазақстан территориясында қола дәуірінің соңынан (ж.с.д. IX ғ.) бастап байлықтың қорлануы мен

элеуметтік теңсіздікке байланысты ірі көлемді обалар пайда бола бастайды. Әр тарихи-мәдени кезеңде белгілі бір себептерге байланысты оның архитектурасы мен көркемдік жағына ерекшеліктер қосылып отырды. Осы дәстүрдің ең бір шарықтап дамыған уақыты – ерте темір дәуіріне тән болса керек. Оба ғұрыптық істер атқарылған күрделі мағыналы кешен болуымен қатар тарихи-археологиялық құнды дерек алар орын. Ежелгі көшпелілердің қорымдарында басқа обалардан қарағанда көлемі мен орналасуы жағынан айрықша көрінетін ірі обалардың орны ерекше. Әр қорым сол дәуірдің айнасы іспетті жергілікті елдің барлық салт-дәстүрін қойнауына алып жатты. Сондықтан да әрбір жерлеу қорымы басқа қорымдардан өзгеше болуы заңды құбылыс. Елді вертикальды басқару, элеумет пен әскери-саяси құрылыстың жақсы дамуы мен діни-идеологияның мықтылығы ғана мұндай ірі обаларды салуға түрткі болды.

«Патшалық» обалар түсінігіне мемлекет билеушілерінің, тайпалық одақтар мен жеке ру басыларының, әскери жоғары шен өкілдері, абыздар және т.б. жерлеу ескерткіштері жатады. Әдетте жерленген тұлғаның элеуметтік дәрежесін анықтауда ескерткіштің қорымдағы жоспарлануы мен тұрғызылған орны, табиғи және мәдени ландшафты ерекшеліктері, жер бетіндегі және қабір іші құрылыстарының құрылымдық артықшылықтары, заттай кешеннің сандық және сапалы сипаттаулары, атқарылған ғұрыптық іс-әрекеттердің күрделілігі, жерлеу ескерткішін салуға жұмсалған еңбек шығындары ескеріледі [6].

Хань әулеті кезеңіндегі Қытайда 12,8 м биіктіктегі жерлеу ескерткіші тек императорлық отбасы мүшелеріне ғана салыныпты. Жоғары әулет биіктігі 12,8 м дейін, ал ақсүйектер 4,8 метрден артық емес биіктіктегі жерлеу ескерткіштерін тұрғызыпты [7].

Адамзат мәдениетінің алғашқы қадамын байқасаңыз, қоршаған ортаның әсері қаншама зор болғандығын көресіз. Барлық мәдени білімдердің көне қоры, салттар, тіпті антропологиялық түр мен оның әртүрлі діни дүниетанымына байланысты рухани әлемі осы қоршаған ортадан алған білімдеріне, әсерлеріне байланысты дамыды. Оның әсері әр ортада өмір сүрген барлық тіршілік иелеріне өзіндік таңбасын қалдырды. Әр физикалық, географиялық жағдайлар тұрғындардың тарихи тағдырында бейнелі орнын алды.

Обалар тізбегінің салына бастауы сол дәуірдегі элеуметтік-экономикалық өзгерістерге тікелей байланысты. «Өлілер әлемі» аталатын қорымды салатын жерді таңдағаннан соң ол қасиетті кеңістікті ұйымдастырудың ерте темір дәуірінде екі түрі болды: солтүстіктен оңтүстікке қарай аздап ауытқымалы түрде бір түзу бойына маржандай тізбектеле салыну мен ірі оба маңына дөңгелене, шоғырлана орналасу [8]. Қасиетті «өлілер» кеңістігіне кезекті жерлеу орындарын салуда сол кезеңнің қонысты, тұрақты (тіпті жылжымалы) салу принципі негізге алынуы мүмкін. Ә.Х. Марғұлан айтқандай, жазғы жайлаудағы ел басының үлкен ақ шатырының маңына хотан құра орналасқан ақ үйлердей жоспарлау жерлеу ескерткіштерінің салыну тәртібінде де кезігеді. Тізбектеле салынғанда тізбек солтүстіктен бастап салынуы мүмкін. Ерте сақ кезеңінде тізбектер қысқа болды. Ондағы обалар саны аз және кіші, орташа көлемді үйінділерден тұрды. Дамыған уақытта бірнеше ірі тізбектер үлкен қорымды құрады.

Жетісуда хандық мәртебедегі обалардың саны мен орналасуына қарай төрт ірі өңірді бөлектеп көрсетуге болады. Олар: Іле Алатауының солтүстік беткейлері (Қордай асуынан Шелек өзеніне дейінгі аралық), Кеген өзенінің аңғары, Іле өзенінің аңғары және Жетісу (Жоңғар) Алатауының беткейлері (Текеліден Алакөлге дейінгі аралық).

Іле Алатауының солтүстік беткейлері мен Іле аңғары – сақтардың беделді әулеті орналасқан және олардың ғибадатханаларының салынуына таңдалынып алынған жерлері. Мұнда бір жағынан абыз рөлін атқарған басшыларының қабірлері де болды [9]. Іле Алатауының солтүстік баурайынан Қастек, Қарақастек, Қарғалы, Шамалған, Қаскелең, Ақсай, Үлкен және Кіші Алматы, Талғар, Есік, Түрген, Қаратүрік және т.б. ұсақ өзендер бастау алады.

Аталған өңірдегі билеушілердің жерлеу құрылымдарындағы кешенді зерттеу жұмыстары 2008 жылдан қазақ-герман біріккен экспедициясының Шелек өзені аңғарындағы Жуантөбе обаларын зерттеуімен басталды. Нәтижесінде қорымдағы ең ірі обаның (диаметрі 113 м, биіктігі 11 м) маңындағы ғұрыптық қоршаулар мен жерлеу орындары зерттелінген-ді [10]. Ал Алакөл ойпаты мен Жоңғар Алатауының маңындағы хан шатырлары жайлы деректер аз. Дегенмен соңғы жылдары даярланған Алматы облысының тарихи-мәдени ескерткіштерінің жинағындағы мағлұматтар осы олқылықтың орнын толықтыруға көмектеседі. Жоңғар Алатауындағы соңғы зерттеулерге Ойжайлау обаларындағы проф. Ә.Т. Төлеубаевтың бастамасымен жасалынған қазбаларды айтуға болады.

Ежелгі тұрғындардың түсінігі бойынша, обалар адамның о дүниеге өтердегі уақытша тұрағы, ал артында қалған жұрты үшін жоғарыдағы беймәлім күш, рухтармен әртүрлі ғұрыптық жосындар атқару арқылы тіл табысатын орын. Обалар бұл дүниеден қайтқан, сол қоғамдағы саяси-әлеуметтік құрылымның тұрақтылығы мен өсіп-өркендеуінің кепілі болған тұлғаға деген құрметтің белгісі ретінде, болмысын ұрпақтары әспеттеп өтуі үшін салынды.

Ерте кезеңдегі сақтардың жер бетіндегі құрылымдары пирамида (Шілікті, Майемер, Бесшатыр, Қарқара) немесе дөңгелек (күмбезді немесе киіз үй тәрізді) пішінді (Желдіөзек, Нүркен 2) болып келеді. Жетісудың әрбір элитарлық обасы архитектуралық ескерткіш ретінде сыртқы құрылысы жағынан конус сияқты тас пен топырақ аралас келген оңдаған қабаттан тұрады. Жерлеу құрылысының айналасындағы құрылысты қоршай салынған тас «белдеулер» «Өлілер әлемін» «Тірілер әлемінен» арнайы шекара сызығы арқылы бөліп тұрғандай.

Өлкедегі жақсы зерттелген, ханның бес шатырындай алыстан көрінетін, ж.с.д. VI–V ғасырлармен мерзімделетін Бесшатыр обалары осы өлке тұрғындарының жер бетіндегі жерлеу құрылысының көне түрі [11]. Алдын-ала дайындалған бөренелерді өте жақсы жымдастыра көлденең салып, ішіне топырақ түспес, дымқыл тартпас үшін үстінен қамыс, киіз төсеген. Барлық атқарылған істер өлілердің ағаш үйлерін мәңгілікке сақтауға арналған. Қиюласпайтын камера қабырғаларын ішінен, сыртынан да ұстап тұрған тік бөренелер Беғазыдағы тік плиталардың орнын алмастырып тұр. Үлкен Бесшатыр оба үйіндісінің шығысындағы дөңгелене келген 94 ірі тас менгир мен диаметрлері екі-үш метр ғұрыптық менгир-қоршаулар сынды оба маңындағы құрылыстар Жетісуда әлі ашылмаған. Күмбез тәрізді төбелі, әр жерде шырақтар қойылған орындары бар, биіктігі 1,1–1,68 м, ені 0,75–0,8 м болатын Бесшатыр обаларындағы (үлкен оба, № 3, № 4 және № 6 оба) жер асты жолдары жерлеу ғұрпымен тікелей байланысты [12]. Сақталу диаметрі 105 м, биіктігі 17 м болатын Үлкен Бесшатыр обасын тұрғызуға орташа есеппен 40 мың адам күні қажет екен.

Соңғы жылдары Жетісу өлкесінде әлеуметтік дәрежесі орта және жоғары топ өкілдерінің Жуантөбе, Ұлжан, Байтерек (Ново-Алексеевка), Қарқара және Түрген обалары зерттелінді. Ж.с.д. VI–V ғасырлармен мерзімделетін, Тәңіртаудың солтүстік беткейінде орналасқан Қарқара жерлеу-ғұрыптық кешені ең ірі өкілінің бірі саналады. Кешен жер бетіндегі құрылымнан, үйінді шетіндегі (ж.с.д. II–I ғғ. мерзімделетін 41 жерлеу және ғұрыптық орындары, тас қоршау, ор) және оба сыртындағы құрылыстардан тұрады. Кешеннің жалпы көлемі 125,74 м (шығыс-батыс) × 127,51 м (солтүстік-оңтүстік). Бетін шым басқан, Жер бетіндегі құрылыстың диаметрі 52,11 м (шығыс-батыс) × 53,13 м (солтүстік-оңтүстік), сақталу биіктігі – 4,8 м [13].

Сақтардың мәдени кешенінің қалыптасуының алғашқы кезеңін сипаттауда Жалаулы көмбесінің алар орны ерекше. Көмбедегі алтын бұйымдар (250 данадан аса) аң стилінде жасалған салтанатты киінген сақ киімінің әшекейлері мен оның қанаты – тұлпарының әбзелдері. Жалаулы көмбесінен табылған заттар Кеген аңғарындағы екі жүзден астам «патшалық» обаларды тонау барысында табылған заттар жиынтығы болуы әбден мүмкін. К. Ақышев айтқандай, «Орталық Азия үшін ең сирек олжаға бет жағында архардың мүсіні мен зерленген жарты ай тәріздес мойын

әшекейі жатады» [14].

Ж.с.д. I мыңжылдықтың ортасынан бастап обалардың орналасу реті мен салынуында арнайы дәстүр қалыптасады. Жер бетіндегі құрылымдар бірнеше сатыда (3–12) кезектесе салынады және соңында пирамида (Қатартөбе, Ново-Алексеевка (Бәйтерек), Жуантөбе, Түрген) және дөңгелек пішінге (Боралдай, Ұлжан) ие болды. Салынудың әр сатысында саз және өзеннің жұмыртастарының бір-екі қатары кезектесіп қаланды.

Алматы қаласының түбіндегі ерекше террасада орналасқан 52 обалы Боралдай қорымында солтүстіктен оңтүстікке қарай созылған негізгі екі тізбек бар. Оңтүстік тізбекте ірі обалар шоғыры басым. Ең ірі № 16 обаның айналасында тас құрбандық шалу орындары байқалады.

Түрген, Жуантөбе және Боралдай оба үйінділерінің шетінде ірі жұмыртастардан тас «белдеулер» мен ғұрыптық қоршаулар жасалынған. Оған қоса қорым кеңістігінде ғұрыптық қола бұйымдар (Түрген шырағданы тәрізді) да кезігеді.

Ірі обалардың айналасында қазан көтеріліп, от жағылып, малдың еті асылып құрбандық шалған орындар болған тәрізді. Оған ірі обалар айналасынан, аз тереңдіктен сақ мәдениетінің бірегей көркем бұйымдары – құрбандық тақталарының, шырағдандар мен қола қазандардың табылып жатуы дәлел. Оба маңында, не ғибадат ету орындарында арнайы уақытта рәсімдер орындалған сынды. Ал ғұрыптық рәсімдер орындаған бұйымдарды төңкеріп, уақытша қалдырып кетіп отырғандай.

Қазан – ошақ культінің ажырамас бөлшегі. Ол билік, бірлік нышаны болды, байлықтың өлшемі еді. Көмбелердегі қазандардың санына қарай ғибадатхананың сипаты, рудан тайпаға дейінгі, тіпті мемлекеттік иерархиясы жайлы ақпарат алуға болады. Шырағдандардың сакральды мәнде болғандығы мен ғұрыптық атрибут ретінде пайдаланылғандығын шырағданның ернеулеріндегі жануарлар мүсіндері, ортадағы көрініс, шам жағатын шырақтың болуы айғақтайды [15].

Қоршаған табиғи ортамен күнделікті қарым-қатынаста жүрген ежелгі адамның әлем жайлы ойы қияли болды. Кейбір жасаған заттары да жасырын сырларға толы. Оны ежелгі көшпелілердің заттарға бейнелеген қияли, жан-жануарлар кейіпкерлеріне қарай отырып айтамыз. Олар өздерін қоршап тұрған тау, су және өсімдіктерді емес, тек хайуандарды бейнелеген. Заттың қолдану аясына оның түрі, өрнегі үйлесіп жатады және бір болмысты беріп тұрды.

Егерде жерлеу ғұрпына шебер затты арнайы дайындаса, қабірдегі әр заттың өз «тілі» болды, ал өлген адамға қатысты заттар кешендерінде бір мағыналық код жатты. Әр заттағы ақпараттық мән-мағына оған салынған өрнек-бедер, аң стилдерінде көрініс тапты.

Іле Алатауының етегіндегі Рахат, Өрікті сынды қалалары мен екі жүзден астам обалы ірі жерлеу қорымы бар Есік аймағы келесі мерзімдік кезеңді қамтиды. Есік қорымындағы жоспарлануы бойынша орташа топты құрайтын обадан табылған салт аттының «алтын киімі» магиялық қорғаныс күшін беретін күн түстес болып келеді.

Өлген адам қойылған қабірдің ішіндегі, не үйінді астындағы заттар сол адамның өмірінде пайдаланған, не өлерінде жасалған, не оның даңқ-құрметіне орай кезінде сыйланған құнды бұйымдары болуы мүмкін. Оған қоса құнды, не көп қойылған заттармен бірге ыдыстардағы құйылған сусын, салынған тағамдар өлген адамға емес, ол баратын әлемнің құдайларына, ата-бабаларына арналып қойылса керек. Бақилық болған адам жанына қойылған заттарды өмірінде пайдаланған, жерлеуге таңдап алынған өмірлік және өлгенінен кейін арнайы жасалған жерлеу заттарына бөледі. Адам жанына қойылатын заттар таңдалып алынғаннан кейін олар рухани танымға сай жерлеу құрылысында орнымен қойылды.

Қорытқанда, Сақ пен үйсін мемлекеттік бірлестіктері Цинь және Хань әулеттері билік еткен Қытаймен терезесі тең саяси, экономикалық қатынаста болған. Ши хуанди императордың құрметіне тірі кезінде салына бастаған мавзолейі мен оның аумағын ұйымдастыруда негізге

алынған дүниетанымдық түсініктер де ортақтық көп.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Акишев К. Курган Иссык: ритуал, искусство и социум // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды, 2011. – С. 44.
2. Культура ранних кочевников Казахстана: археологическая коллекция. Научный каталог. – Алматы, 2009. – С. 60-61, 68, 301-321.
3. Максимова А.Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном Музее Казахстана (г. Алма-ата) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-ата, 1956. – Т.1. – С. 254-257.
4. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. – Алма-ата: Издательство АН КазССР, 1969. – С. 105-113; 25–88.
5. Chang C., Tourtellotte P., Vaipakov K.M., Grigoryev F.P. The evolution of steppe communities from the bronze age through medieval periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetysu). – Sweet-Briar-Almaty, 2002.
6. Оңғарұлы А. «Патшалық оба» түсінігі хақында // Қазақ ордасы. № 1-2. – 2003. – 12–16 бб.
7. Терехова Н.Н. Погребальная конструкция эпохи Хань в Китае // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 28–47.
8. Онгар А. К изучению мегаструктуры цепочек курганов ранних кочевников // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. - Омск, 2002. – С. 345-347.
9. Самашев З., Григорьев Ф., Джумабекова Г. Древности Алматы, – Алматы: КазИздат КТ, 2005. – С. 178–187.
10. Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М. Совместные германо-казахстанские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Материалы конференции. – Краснодар, 2009. – С. 350–352.
11. Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан. – Алматы: «Онер», 2011. – С. 308.
12. Акишев К.А. Саки Семиречья (по материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-ата, 1959. – Т.7. – С. 205.
13. Онгар А. Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожахметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники Великой Степи: традиции и новации. – Астана, 2014. – С. 29–58.
14. Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования). – Алматы, 2013. – С. 49.
15. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу.- Алматы, 2013. – С. 47.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
 ЭОЖ / УДК / UDK 355.01 (=512.1) (4)

ФИЛОСОФИЯ «ВОЙНЫ» КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Оразбаева А.И.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан) доктор исторических наук, профессор

E-mail: altaiy_orazbaeva@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье проведен феноменологический анализ роли войны в политике кочевников Евразии. По мнению автора, углубленное познание и справедливая научно обоснованная трактовка различных вариаций форм, видов, типов войн и военных конфликтов поможет по-новому оценить особенности строительства внешнеполитического аспекта казахской государственности, унаследовавшей степные традиции толерантности к окружающему миру. Основное внимание при изучении феномена войны в кочевом обществе должно быть сфокусировано не на сравнение и приравнивание масштабов, причин, поводов, предлогов, имевших место военных столкновений в Степи с мировыми образцами вооруженных акций, а наоборот выявлению их различий и особенностей.

Ключевые слова: Война, феноменология, государственность, преемственность, толерантность, Степная дипломатия, государственная состоятельность.

ЕУРАЗИЯ КӨШПЕНДІЛЕРІНІҢ "СОҒЫС" ФИЛОСОФИЯСЫ

Оразбаева А.И.

Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті (Астана қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының докторы, профессор

E-mail: altaiy_orazbaeva@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада Еуразия көшпенділерінің саясатындағы соғыстың рөліне феноменологиялық талдау жүргізілді. Автордың пікірінше, соғыстар мен әскери қақтығыстардың формаларының, түрлерінің, түрлерінің әр түрлі вариацияларын терең білу және әділ ғылыми негізделген түсіндіру қоршаған әлемге төзімділіктің далалық дәстүрлерін мұра еткен қазақ мемлекеттілігінің сыртқы саяси аспектісі құрылысының ерекшеліктерін жаңаша бағалауға көмектеседі. Көшпелі қоғамдағы соғыс құбылысын зерттеудегі басты назар далада қарулы акциялардың әлемдік үлгілерімен әскери қақтығыстар болған ауқымдарды, себеп-сылтауларды салыстыруға және теңестіруге емес, керісінше олардың айырмашылықтары мен ерекшеліктерін анықтауға бағытталады.

Түйін сөздер: Соғыс, феноменология, мемлекеттілік, сабақтастық, толеранттылық, дала дипломатиясы, мемлекеттік байлық.

THE PHILOSOPHY OF THE "WAR" OF THE NOMADS OF EURASIA

Orazbayeva A.I.

L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan) doctor of historical sciences, professor

E-mail: altaiy_orazbaeva@mail.ru

Abstract. This article presents a phenomenological analysis of the role of war in the politics of the nomads of Eurasia. According to the author, in-depth knowledge and a fair scientifically based interpretation of various variations of forms, types, types of wars and military conflicts will help to re-evaluate the features of the construction of the foreign policy aspect of the Kazakh statehood, which inherited the steppe traditions of tolerance to the outside world. The main attention in studying the phenomenon of war in a nomadic society should be focused not on comparing and equating the scale, causes, reasons, pretexts of military clashes that took place in the Steppe with world models of armed actions, but on the contrary, identifying their differences and features.

Keywords: War, phenomenology, statehood, continuity, tolerance, steppe diplomacy, state solvency.

Введение

“Война - великое дело для государства, почва жизни и смерти, путь существования и гибели”

Сунь-цзы

Лишь произношением в слух вызывая опасение, будоражащее сознание понятие «война» выступает одним из опознавательных маркеров состоятельности государств, т.е. государственности. Так, согласно мнению большинства исследователей на заданную тему, нет ни одного народа, нации и государства созданной без участия войны и ее творцом во все времена выступали отдельные исторические лидеры, «гений представлявшие духовную квинтэссенцию данной цивилизации», обладавшие высокоразвитым и динамичным умом, «а не клубком прихотливых чувств и страстей» (по-Клаузевицу). Тем более, что затрагивая проблемы внешнеполитического аспекта казахской государственности, невозможно обойтись без феноменологического анализа роли войны в политике кочевников Евразии, ассоциировавшихся для «внешних глаз», в первую очередь милитаризованным характером.

Онтология «войны» предполагает анализ таких проблем: природа войны как особого социополитического, социокультурного, геополитического, геоэкономического явлений; генезис и эволюция войн; их типология и классификация; истоки и причины войн; соотношение войны и цивилизации; место войны и ее роль в истории; роль войны в формировании государственности; динамика и тенденции войн; возможности ее устранения; проблема участия человека в войне и др.

Следовательно, углубленное познание и справедливая научно обоснованная трактовка различных вариаций форм, видов, типов данного феномена поможет по-новому оценить особенности строительства внешнеполитического аспекта казахской государственности, унаследовавшей степные традиции толерантности к окружающему миру.

Начиная с военно-стратегических трактатов древнекитайских теоретиков и полководцев Сунь-цзы и У-цзы, соединивших стратегию войны с принципами цивилизационного устройства общества, обращение к проблеме соотношения понятий «война и цивилизации» со стороны исследователей не прекращаются и по сей день. К числу фундаментальных исследований в

данной области относятся работы видных военных теоретиков [1]: прусского генерала К. Клаузевица, американских ученых – Оттербейна, С. Гриффита, Экхарда, К. Райта, британского цивилиографа – А. Тойнби, французских мыслителей – М. Ревона и Р. Арона, русских исследователей – В.Ф. Малиновского, Н. Конрада и многих других. Исходя из этнической, географической и профессиональной принадлежности вышеназванных знатоков “политической хирургии” можно сделать вывод о том, что военная проблематика в современном научном мире обладает солидной систематизированной источниковой и цивилиографической базами.

Осмысление сущности войны как явления вообще, берет начало еще с переплетенной мифами воззрений античных мыслителей, как Демокрит, Протагор, Фукидид, Платон, Сократ, Аристотель, рассматривавших эту данность вкуче [2], как: божий промысел, рок судьбы, несовершенство породы человека, природная предрасположенность народов, беззаконие, несправедливость, порочность политики и пр. В этом ряду, особого внимания заслуживает сравнение Фукидидом войну с болезненным состоянием человека, подлежащей лечению. При этом «... избежать войн, как и избежать болезней, невозможно, ибо источник войн – в природе человека, и происходят они в соответствии с природой человека. Неподражаема и «этика войны» Платона, его призыв: не опустошать поля, не сжигать домов, примирение с противником, а не его уничтожение; мир, а не вражда во внутренних-гражданских войнах, а также запрет на мародерство на поле боя, захоронение мертвых врагов, пожертвование в храм оружия, снятого с врага, осуждение трусости и малодушия во внешних войнах с чужеземцами.

Аналогичны интерпретаций на военную тему и восточных мыслителей. В частности, один из авторов знаменитых древнекитайских «тридцати шести стратагем», почитавшийся в свое время самим «богом войны» Сунь-цзы, утверждал, что: «... в ее (войны – А.О.) основу кладут пять явлений. Первое – путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон» [3, с.140]. Сунь-цзы не отрицает войну в качестве средства насилия, а лишь указывает на применение при возможности рациональных мер воздействия без насилия и ущерба. По его мнению, интеллектуальные и морально-нравственные факторы на войне имеют большую значимость нежели физические. В то время как его последователя У-цзы больше интересовали проблемы: управление страной, управление войсками, моральные качества войска и основы военной дисциплины, роль полководцев, тактика и стратегия, оборона и наступление [4]. Как видим, не ограниченность констатацией фрагментов военных действий, а аналитика, стремление к познанию философии войны, предпринятые мыслителями древности заложили основы научного подхода к будущим исследованиям в этой области.

Спустя время, в эпоху Возрождения происходит смена фокуса мыслителей с церковно-теологических объектов на природу самого человека и созданного им государства. Касательно войн, это передаваемые значением афоризмов: «Цель оправдывает средства» (Н. Макиавелли), «Человек человеку волк» (Т. Гоббс); труды Гроций, Жомини и др. чье внимание больше стали привлекать причины, порождающие войны между государствами, проблемы теории и практики, стратегии и тактики войны [5-6].

На востоке к канонам военной науки этого периода совершенно справедливо будет отнести и военный трактат Шарифа Мухаммада Мансура Мубаракшаха «Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат» («Правила ведения войны и мужество»). Воспитанная армия, считает Мубаракшах, прежде всего дисциплинирована, отлично вооружена и одета, поскольку является лицом государства: «...Воин обязан любить свою Родину, а не чернить перед другими ее прошлое, понимать и прощать успехи и недостатки этого прошлого. Армия, каждый воин должны любить величие, красоту и славу своих предков. Армия должна быть духовно богата, добра, готова на всякий прекрасный порыв и на великую жертву. Она должна нести своему народу защиту и помощь, а не обиду и угнетение. В свою очередь весь народ должен любить свою армию и отдавать ей все

лучшее» [7].

Далее, в новое время, феноменология войны существенно расширилась за счет размышлений просветителей, согласно своей сути оценивавших причины войны в безнравственности и невежестве, а также идеалистов и материалистов, исходящих из субъективности и объективности диалектики. Переломным моментом в восприятии войны явились также наполеоновские войны, отразившиеся на выведении непосредственным участником этой компании генералом К.Клаузевицем классической формулы войны в качестве «продолжения политики иными насильственными средствами». Особый интерес вызывает и «удивительная троица войны», состоящей по мнению корифея: «из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену свободной духовной деятельности; из подчиненности ее в качестве орудия политики, благодаря которому она подчиняется чистому рассудку. Первая из этих 3 сторон главным образом относится к народу, вторая — больше к полководцу и его армии и третья – к правительству» [8].

Таким образом, несмотря на мозаичность взглядов и концепции, эпистемологии периода домировых войн была характерна все же философская трактовка природы войны, одноименное с работой еще одного из участников наполеоновских войн, генерал Жорж де Шамбре «Философия войны». Далее последовавшие серии мировых войн, кардинальное изменение картины мира, геополитика, информационное общество обусловили изменение траектории военной мысли в область «социологии войны», уступив место полемологии от гр. polemos – война, ссора, распря) изучающую войну на междисциплинарном уровне как явления социального порядка: «Конец Второй мировой войны явился исторической цезурой. Международная война, т.е. война между государствами, до этого времени превалировала над внутренней, т.е. гражданской...Количество войн, которые ведутся одним государством против другого, сократилось и продолжает уменьшаться, в то время как общее число войн драматически увеличивается за счет внутренних конфликтов» [9, с.8].

В целом, как свидетельствует историографический экскурс, «война» – явление уникальное, многомерное, имеющее непосредственное отношение наряду с человеком и его деятельностью, к обществу и государству: «Война характеризуется сложным взаимодействием сознательного, бессознательного и иррационального начал; переплетением общественных, личностных, идеологических, психологических, религиозных, социокультурных компонентов духовной жизни общества и личности...Война выступает точкой встречи всех форм движения материи: механической, физической, химической, биологической, психической, социальной, информационной, геологической, ноосферной и других» [10].

Ибо потому, неудивительно, что она явилась источником вдохновения, сюжетом, музой, предметом для думающей, творческой, художественной, научной, одним словом философствующей части Человечества, дополнившие анналы военной мысли разнообразием нижеследующих подходов к сущности войны:

- структурно-функциональный подход (Р. Арон, П. Аснер, В. Шнирельман);
- формационный подход (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин);
- социокультурный подход или цивилизационный подход (П. Сорокин, К. Райт, А. Тойнби);
- культурологический подход (Л. Уайт, Й. Хёйзинга, Т. Шеллинг, Х. Хофмайстер);
- психологического подход (З. Фрейд, К. Лоренц, Г. Зиммель);
- политический подход (Клаузевиц, Л. Ранке);
- геополитический подход (К. Хаусхофер, Дж. Киффер, С. Хантингтон);
- демографический (Т. Мальтус, Г. Бутуа);
- социологический (Э. Кер, Х.-У. Вэлер);

- экономический (В. Вильсон, Э. Фромм);
- космополитический (Н. Энджел, С. Стречи, Дж. Дьюи);
- междисциплинарный подход (Г. Бутуль, Б. Реллинг, Ф. Форнари).

Тем не менее наличие различных теорий и интерпретаций одновременно являются и причиной отсутствия однозначного определения войны до сих пор, поскольку каждый из когда-либо обратившихся в данную сферу научного познания исследователей, ищет, вкладывает и видит в ней лишь то, что он хотел бы найти и увидеть. Тем не менее, как бы старательно не оправдывали суть данного феномена, невозможно было бы отрицать простую истину, что во все времена и для всех, война – это прежде всего, конфликт интересов, противостояние сторон, средство разрешения возникших споров путем агрессии и насилия: «Война - это фаза социетального конфликта, в которой происходит организованное обоюдное массовое насилие (ряд боев) или разрушение, ведущееся двумя или более политическими сообществами и коалициями таких сообществ» [11, с. 29].

Итак, одним из все еще неразрешенных в военно-философской традиции по сей день вопросов войны – это отсутствие единой типологии и классификации. Известно, что предпринятая впервые еще У-цзы классификация войны была дополнена впоследствии еще вариантами В.И. Даля, Н.Я. Бердяева и др., но уже с учетом уровня знания их времени. Так, из имеющейся в арсенале военной историографии информации известны различающиеся по параметрам их следующие разновидности: классические и неклассические; справедливая и несправедливая, большая и малая война; режимные (регулярные, рутинные) и нережимные или разовые (преднамеренные и непреднамеренные); внутренние (сепаратиско-реставрационные и гражданские) и внешние (международные); супервойна; тотальная война; агрессивные и оборонительные; межцивилизационные и внутрицивилизационные; локальные, региональные, крупномасштабные и мировые войны, коалиционные и некоалиционные, продолжительные и кратковременные; колониальная, региональные, массовые; тотальные, обычные и подрывные; кроме того, разновидности современных войн: информационная, холодная, бархатная, и множества других. При том, вне зависимости от типа каждой из них всяким войнам присущи три универсалии: «стремление к могуществу, доступ к ресурсам и престижу» [12].

Немного статистики: по данным военных историков, на земле было более 15 тысяч войн, из них: в XVI веке было 106, в XVII - 231, в XVIII - 703 войны, в XIX - 730 войн, а в XX веке, набирается около 1200 войн [13]. Согласно информации из Википедии, среди них самой короткой по продолжительности 38 минут называется: англо-занзибарская война 1896 года, а к самой длительной относится серия войн, за освобождение Пиренейского полуострова от арабов, начавшиеся в 718 году с битвы при Ковадонге и закончившиеся лишь в 1492 году падением Гранадского эмирата. При том, еще интересный факт, если для античности были больше характерны: захватнические, межгосударственные, средневековью: религиозные: крестовые походы, джихад, то уже новому и новейшему времени: колониальные и национально-освободительные, гражданские, а современности: межэтнические и международные. Кроме того, вместо прежних мотиваторов войн: политических вопросов власти и доминирования (в стране, регионе, мире), реальное время выдвигает на передний план проблемы социокультурных различий, таких как: несовместимость ценностей и идентичности, рост национализма, религиозная нетерпимость. И как видим, войн не становится меньше, и как это непечально «опасность войн исчезнет только при прекращении стремления людей к успеху, то есть не исчезнет никогда».

В целом, дискуссионными темами в феноменологии войны все еще остаются: морально-нравственный аспект войны, антропология войны; проблемы: легитимизации и делегитимности;

генезиса и динамики войн; соотношения войны и религии; мира и войны; геополитики и войны и др.

Исходя из вышеизложенного теоретико-методологического посыла перенесемся теперь к непосредственному объекту своего исследования – истории казахской государственности.

Всякая война неповторима и своеобразна. Она имеет свое лицо и свой характер, почерк, свою эпоху и «конкретно-исторические предпосылки, условия, реальные начала и пределы своего развития, функции в общественной практике, в цивилизационном процессе». Соответственно, для каждого народа, государства, общества присуща своя, собственная война, наряду с пояснением причин внутренних и внешних противостояний, состояния и состоятельности государства, служащий индикатором сплоченности и единства того или иного социума. Сказанное имеет прямое отношение и к истории Казахстана, на внешний взгляд состоящей из многочисленных фрагментов войн, побед, поражений. При этом, присутствует еще ощущение вовлеченности государственных образований на территории Казахстана в эпицентр мировых процессов и превращение Великой степи – Скифии-Турана-Дешт-Кыпчака в театр военных действий древности и средневековья. Несмотря на неоднозначность оценки исторической роли кочевников Евразии в мировой истории, их взаимодействие с обществами Старого и Нового Света всех исторических эпох, во-временном, с Западом и Востоком в-пространственном, традиционными и современными типами цивилизаций, в социокультурном измерении в социокультурном измерении неоспоримый исторический факт. Нельзя стереть из исторической памяти бесстрашных воинов-кочевников Евразии: саков и гуннов, тюрков, кыпчаков, монголов «на острие ножа» которых творилась судьба многих стран и народов. К примеру, военное дело ранних кочевников современные исследователи условно разделяют: киммерийский, скифо-сакский, хунну-сарматский и гунно-сяньбийский периоды [14]. Известно также, что в древности, из гуннских войск «*атты ел*» (страны всадников или конниц – А.О. вполне допустимо предположение о взаимосвязи с именем – Аттила!) состояла армия Китая, наемные кочевники участвовали в войнах персов и византийцев, позже в средневековье, кыпчаки-легионеры, иначе называемые «люди меча» служили в военной гвардии Киевской Руси, Византии, Венгрии, Болгарии, Грузии, Китая. Согласно мнению современных зарубежных военных теоретиков только европейские рыцари и ближневосточные мамлюки могли сравниться с воинами-кочевниками Евразии [15]. Есть яркое описание военного мастерства тюрков, принадлежащее перу средневекового арабского ученого ал-Джахиза: «Если тысяча тюркских всадников натянут тетиву и выстрелят одним разом — тысяча всадников будут сражены, и после такого натиска от войска ничего не останется. Ни хариджиты, ни бедуины не могут так стрелять на скаку, тюрк же одинаково метко стреляет и зверя, и птицу, и мишени во время соревнований, и людей, и неподвижные чучела, установленные изображения, и хищных птиц. Стреляя, он заставляет лошадь скакать вперед и назад, вправо и влево, вверх и вниз. Он успевает пустить десять стрел прежде, чем хариджит успеет пустить одну. Его конь взлетает на склоны гор и опускается на дно ущелий с лёгкостью, недоступной хариджиту даже на ровной местности. У тюрка четыре глаза: два спереди и два на затылке. ... Тюрк ... умеет поражать своими стрелами как отступая, так и наступая».

История знает немало примеров и наделенных особой харизмой отдельных «личностных атрибутов» цивилизации кочевников евразийских степей, коим удалось достойно ответить на «вызов» судьбы поневоле оказаться в чужой среде, созданием ксенократических (от греч. «*xenos*» – чужой, иностранец, и «*krateo*» – управляю) династийных форм государств, как: «Тулуниды (IX в., Египет и Сирия), Ихшидиды (X в Египет, Сирия), с небольшими разногласиями Аюбиды (Египет, Сирия, Диарбекир, Йемен), мамлюки (Египет, Сирия 1250-1517 гг.), Расулиды (Йемен 1229-1454 гг.), Династия Ануш-тегина (1077-1231гг.), Караханиды (Маверанахр и

Восточный Туркестан, 992-1211 гг.), Зингиды (1127-1222 гг., ал-Джазар и Сирия); Ильдегизиды (1137-1225 гг. Азербайджан), Салгуриды (1148-1270 гг., Фарс); Сельджукиды Рума (1077-1307 гг., Анатолия); Данишкмеиды (1071-1178 гг., Восточная Анатолия); Караманиды (1256-1483 гг., Центральная Анатолия); Джалаириды (1336-1432 гг., Ирак, Курдистан, Азербайджан); Сефевиды (1501-1732 гг., Иран); Газневиды (977-1186 гг., Хорасан, Афганистан и Северная Индия); Делийские Султаны (1206-1555 гг.); Туглукиды, Халджиты, Сейиды, султаны Бенгалии (1336-1576 гг.); султаны Кашмира (1346-1549 гг.); султаны Шарки и Джайпура (1394-1479 гг.); султаны Мальвы (1401-1531 гг.); Бахминиды и их преемники (1347-1527 гг.)» [16-17]. По некоторым данным, русская летопись сохранила имена нескольких воевод: Кораз, Кюлдур, Кунтувдый, Тудор, Дудар Сатмасобич, Кокей, Козар, Каракёз Миюзович, Домаш Твердиславич, Кербет-воевода Новгородский.

Кроме того, причастность кочевников Евразии ко всему «Величественному» в истории человечества, глобальным процессам, являющимися результатом опять же мира и войны: Великому переселению народов, Великому шелковому пути, Великой китайской стене, и наконец Великой Монгольской империи также, бесспорно. Однако, было ли это поистине желанием социума, либо исходило из амбиций правителей социополитических образований на территории Казахстана того времени?!... – вот главный вопрос, на который необходимо ответить при анализе внешнеполитического аспекта государственности казахов. Действительно, как говорил Клаузевиц: «Нельзя понять войны, не поняв эпохи».

Попробуем разобраться. Прежде всего, собирательный образ «кентавра», возникавший перед глазами чужеземца, при представлении: «кочевника–степняка–всадника–воина», в силу кочевого образа жизни уже с рождения обладающего военными навыками, полного динамизма, импульсивного, народа вольного, независимого, свободолюбивого (что и сводится к этнониму слова «қазақ» - А.О.), всегда вселял тревогу, страх, наводил ужас. И это вполне естественно, поскольку отсутствие достоверной информации на тот момент, незнание, либо сознательное нежелания понимать других, чуждых правил и норм жизни, закономерностей развития «Иного» мира, всегда способствовало распространению мифов, легенд и давал волю человеческим фантазиям. Здесь было бы уместно упомянуть и А. Тойнби, который несколько позже пересмотрев свое отношение к кочевникам признавался в том, что: «описание примитивных обществ как «народов, у которых нет истории», ошибочно и свидетельствует, прежде всего, об ограниченности наших возможностей» [18, с.89]. Кроме того, О. Шпенглером одним из внешних признаков цивилизации, которая способствует осуществлению ее целей, называется – война. Война, по его утверждению, является «неотъемлемым атрибутом всякой культуры, всякой цивилизации».

Во-вторых, война была не прихотью для кочевника, а необходимостью, вызванной обеспечением основного источника своей жизнедеятельности – скота, жнивьем, пастбищами: «... доместикация животных – искусство более высокое, чем доместикация растений, поскольку это победа человеческого ума и воли над менее послушным материалом. Другими словами, пастух – большой виртуоз, чем земледelec... Номадизм был более выгоден экономически, чем земледелие. Если земледelec производит продукцию, которую он может сразу потреблять, кочевник, подобно промышленнику, тщательно перерабатывает сырой материал. Эта непрямая утилизация растительного мира степи через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли» [18, с. 185]. Соответственно, не во имя совладения чужим добром, а нужда в обеспечении и сохранении собственных ценностей мотивировали кочевников на проявление подобного «героизма». Так, трудно было бы не согласиться с тем, что при имевших место в древности и средневековье военных столкновениях, кочевники Евразии не ставили перед собой задачу завоевания или колонизации чужих земель, по-сути их особо не прельщала и

захват политической власти. Им двигали скорее проблемы, связанные с экономической выгодой: «Аттила, арбитр Римской империи, не уходил дальше равнин Венгрии. Как волк, который был его эмблемой и его любимым животным, этот настоящий кочевник, разумный человек, должен был бродить по окраинам цивилизации, чтобы прокормиться, не смея пойти дальше» [19, с. 123]. Ведь действительно, если призадуматься при всей свирепости их вторжений содержит ли всемирная история факт духовной экспансии кочевников Евразии, нашедшие свое отражение в искажении социокультурных ценностей: языка, письменности, религии, традиций завоеванных ими народов?

В-третьих, опять же не вопреки, а в силу приверженности тюрков традиционному ремеслу своих предков «*ата кәсібі*» – металлургии, коневодству, военное искусство и военная стратегия конниц кочевников Евразии была доведена до совершенства. «...Ни один оседлый народ не имел достаточно пастбищ для крупных стад. Вот почему так часто кочевники предпочитали грабить такие земли, но не селиться на них, зная, что рано или поздно им придется ассимилироваться с местным населением или уйти отсюда по причине не столько «изнеживающей» цивилизации, сколько из-за утраты орудия их завоеваний – конницы. Кочевник брал с собой на войну минимум две-три лошади, что позволяло ему всегда иметь свежего коня, 900 тыс. лошадей было более чем достаточно для армии численностью в 300 тыс. воинов, а это была огромная армия для того времени» [19, с. 122-123].

Кроме того, искусное овладение металлургией позволило тюркским ханам перевооружить свою армию и создать отборные ударные части из латной кавалерии. Тюркская гвардия была регулярной тяжелой конницей, приспособленной к действиям не только в степи, но и в горах. И как считает академик Р. Рахманалиев: «В действительности экипировка и вооружение тюрков постоянно совершенствовались в продолжение столетий с учетом новых условий... у них была прекрасная экипировка: лошадь, защищенная доспехами, а ее голова – бронзовыми пластинами. Солдат носил кирасу и кольчугу, имел щит, длинное и тонкое копьё, боевой топор и, возможно, саблю, которая стала обычным холодным оружием в более поздние времена...» [19, с. 126].

в-четвертых, контекстуальный анализ категории «война» применительно к истории Казахстана не может быть рассмотрена в отрыве и без учета монгольского компонента. Безотносительно к имеющимся разночтениям исследователей касательно реалий «монгольского фактора» во всемирной истории можно было бы смело констатировать факт преемственности и усовершенствования политической технологии Степной демократии в Улуг Улусе. Так, в унисоне, пусть с несколько Иной в этнокультурном аспекте, но все же близкой по духу «надстройкой» продолжила свое развитие толерантная культура и уритальный менталитет тюрков-кочевников.

Несмотря на элитарную ориентацию и стратагемы чингизидов, сами монголы занимали лидирующие позиции лишь в вертикальной социальной структуре новообразованных улусов. Тогда как, состоящее на 3/4 из *кыпшақ, қаңлы, найман, керей, үйсін, аргын* и др. тюркских племен войско хана Бату в средневековых источниках часто именовалось кыпчакским. Следовательно, при осмыслении природы монгольских традиций государственности в Степи колоссальную значимость обретает познание внутренних механизмов коадаптации, толерантности, ассимиляции, коэволюции, интеграции привнесенного извне и местного социополитических конструкций. Имплементацию аналогичных процессов в истории Казахстана мы наблюдаем на атрибутивном примере менеджмента хана Жошы и его потомков.

Искусное сочетание традиционализма с текущей на тот момент современностью, преемственности и наследственности с предприимчивостью и новаторством, свойственные личности Чингиз кагана, способны раскрыть суть логики, идеологии, практики монгольского государствовоительства. Поскольку несмотря на сходство системы иерархии, основанной на

десятичной системе, берущей начало от реформ хуннского Моде шаньюй, почитание мандата духа Тенгри тюрков, проявления взаимовыручки сородичам, интолерантности к предательству, соблюдение норм геронтократии и меритократии, именно чингизиды отказались от веками формировавшейся в Степи родоплеменной структуры, мандата духа Неба при вступлении на престол, на нет свели удельно-лествичную систему престолонаследия.

Йеке Монгол Улус созданная на острие меча, выучке коней и величии Темучина, была единственной в своем роде империей, подчинившей все и вся «капризам» ее величества Войны. После его смерти, изначально исходившие из приоритетов военного формата: государственное устройства, социальное пространство, экономика, быт, право, закон и др. сферы в улусах его потомков еще долго оставались неизменными.

Внедрение институтов: хорчи, баурчи, актачи, кешиктинцев, кебтеулов, тургаудов, чербиев, балджунахцев, элчи, даруга, баскаков, ямчин; законов: Великая Яса (“Yeke Jasa”), Билик; Сейм – Великого Курултая, Верховного суда – Гурдерини дзаргучи; создание систем: «разверстки», «ямов», «пайцзы», военной доктрины, трансформируемой тыловой службы, отрядов «хашар» и пр. нововведения Чингиз кагана, в основном носили милитаристский характер. Однако, важно понять, что феноменология войны здесь скорее заключалась не столько в завоевании мира, овладении ею, сколько в сохранении веры предков в Тенгри, в приверженности традициям кочевников, установлении Законов Степи. При этом, справедливости ради заметим, что в процессе достижения своей главной цели – объединения кочевников Евразии под единой Империей во главе с собственным «алтын уруг», Чингиз каган нередко использовал и изощренные инструменты «богини Марса».

Следовательно, на наш взгляд, основное внимание при изучении феномена войны в кочевом обществе должно быть сфокусировано не на сравнение и приравнивание масштабов, причин, поводов, предлогов, имевших место военных столкновений в Степи с мировыми образцами вооруженных акций, а наоборот выявление их различий и особенностей. Поскольку здесь непосредственной причиной конфликтов выступали не привычные для западноевропейских образцов военных акций – политика и интересы классов, а скорее защита своего рода, не война, а борьба за расширение пастбищ. Не захват и овладение чужими ценностями, а охрана и защита собственных, присущая к традиционным типам цивилизаций характеристика: колоссальная степень зависимости от природных условий, жесткая связь индивида со своей социальной группой, преобладание образа индивида – «групповой человек», свято почитающего свои культурно-исторические традиции, «коллективную память»: «Вытеснение врага с «территории» законов своего рода, в целях обоснования готовности пренебречь выработанной своей культурой запретами, является по всей очевидности, вневременным поведенческим стереотипом. Изменчивой остается лишь конструкция чужого, который исключается из ценностного сообщества и теряет культурно-правовую защиту, т.е. выходит за рамки правил, продолжающих действовать в сообществе и в период войны» [9, с. 12].

Ведь на самом деле, помимо противостояния Ирана и Турана, империи Хань и Хунну, вторжения Аттилы в Западную Римскую империю, увенчанной знаменитой Каталунской битвой а также других известных и малоизвестных «кровопролитных», «разрушительных» – по оценке внешних источников, военных походов древних кочевников и монголов, в анналах военной истории племен и родов собственно казахского народа, содержатся в основном не завоевательные войны, в классическом значении этого понятия, а героические бои, битвы и сражения, оборонительного, освободительного характера, скажем: будь то участие карлуков в битве под Атлахом против арабов и китайцев; или же отчаянное сопротивление местного населения при крушении Отырара, Сыганака, Ашнаса, Узкента; а также движение кыпчака Бачмана против насилия монголов; серия битв против джунгарских войск: Орбулак, Буланты, Аңырақай, а также

национально-освободительные движения казахов во главе: Сырым батыром, Қаратай султаном, Арынгазы ханом, Қайыпқали султаном, Исатай и Махамбет батырами, Жоламан, Саржан, Жанқожа, Есет батырами, ханом Кенесары, получившее продолжение в умах и сердцах, творчестве, в политической борьбе представителей национальной интеллигенции «Алаш», далее у казахской молодежи, продемонстрировавшей протест в декабре 1986 года натиску и навязыванию чуждых правил общежития опять же систем извне: сначала царизма, затем Советов. Как видим, здесь не наблюдается какого-либо стремления к могуществу или доступу к чужим ресурсам, либо классовых амбиций, не идет речи о захвате и завоевании чужих территории, либо социокультурных ценностей, основная задача – защита и сохранение собственных.

Следовательно, очень важно различать типы войн. В частности, из перечисленных выше наименований войн к истории казахской государственности более присущи справедливые по сути: «включенные в режимы самообеспечения и самоорганизации» кочевого социума – режимные; “направленные не на захват, но на удержание территории” – реставрационные; непреднамеренные внешние – например участие казахстанцев в первой и во второй мировых войнах, в афганской войне; преднамеренные сепаратистские (освободительные) «ведущиеся малым сообществом (провинцией или колонией) по отношению к империи, стране-метрополии, местному геополитическому доминанту» [20, с. 31].

Во все времена «философии войны» казахов было чуждо понимание преднамеренной, несправедливой, длительной, масштабной, колониальной, религиозной, международной, гражданской типов войн, не говоря о современных разновидностях мировых войн. В сущности, войны соотносятся с природой человека и сообщества людей. Своеобразие мышления, связанное с созерцательным отношением к окружающей природе, толерантное отношение ко внешнему миру, «қазаққа тән қоңыр мінез» – спокойствие, умиротворенность – присущие казахам-кочевникам объясняют отсутствие выраженных форм агрессии и насилия во внешнеполитическом аспекте казахской государственности. Страницы истории Казахстана изобилуют примерами межэтнической, межкультурной, межконфессиональной, гендерной толерантности. Бесспорно, также приверженность государственных образований на ее территории к идеям: демократии, меритократии, геронтократии, евразийства, содружества, единства и согласия. И как результат, этническое многообразие в независимом Казахстане стало фактором не расслоения и дезинтеграции общества, а напротив, его духовного обогащения и успешного поступательного развития. Как видим: «Основания войны: ее причины, поводы, цели, роль случайности, наличие закономерностей – сложны для выявления и понимания. Основания войны всегда ноуменальны, скрыты, в то время как образы войны лежат на поверхности» [21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сравнительная изучение цивилизаций. Хрестоматия /Сост. ред. и вступ. ст. Б.Ерасов. М.: Аспект Пресс, 2001. 556 с.
2. Философия войны [Электронный ресурс]: <http://kursak.net/filosofiya-vojni/> (дата обращения: 07.02.2017).
3. Сунь-цзы. Искусство стратегии. М.: Эксмо; СПб: Мидград, 2008. 528 с.
4. У-цзы. Об искусстве ведения войны /Под редакцией профессора генерал-майора Разина Е. А. Перевод с древнекитайского и примечания подполковника Сидоренко Е. И. — М.: Воениздат, 1957. 40 с.
5. Макиавелли Н. О военном искусстве. М.: Воениздат, 1939. 225 с.
6. Жомини Г.В. Стратегия и тактика в военном искусстве. – М.: Центрполиграф, 2009. 416 с.
7. Шарих Мухаммад Мансур Мубаракшах. Правила ведения войны и мужество [Электронный ресурс] //Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIII/Mubaraksach/vved.htm> (дата обращения: 08.02.2017).
8. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934; переиздание: М.: Эксмо, 2007. 864 с.
9. Лангевитше Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимность в новое время //Ab Imperio, 2001. №4. С.7-28. (перевод с немецкого А. Каплуновского).

10. Поваляев В.Г. Война как социальное явление: дис. на соиск. канд. философ. наук: 09.00.11. Москва, 2007. 145 с.
11. Розов Н.С. Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия //Гуманитарный вектор. 2009. №1 (17). С.29-39.
12. Суслов М.Г. О характере войн на разных этапах исторического развития [Электронный ресурс]: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=lokalnye-vojny-doklad1> (дата обращения: 08.02.2017).
13. Amitai-Preiss R. Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War. Cambridge, 1995. P. 1260-1281.
14. Симоненко А.В. Периодизация военного дела кочевников Евразии в эпоху раннего железа. В сб.: Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) /отв. ред. д.и.н. С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 329-345.
15. Smith J., Masson Jr. Mongol Society and Military East: Antecedents and Adaptations. War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th-15th Centuries. Ed. by Yaakov Lev. – Leiden, 1997. P. 249-266; Amitai-Preiss R. Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War. Cambridge, 1995. P. 1260-1281.
16. Босворт К.Э. Мұсылман әулеттері. Хронология мен генеология бойынша анықтамалық. Қазақ тіліне аударған Ерлан Әбен. Алматы, Дайк-Пресс, 2008. 424 с.
17. Лэн-Пуль Ст. Мусульманские династии: Хронологические и генеологические таблицы с историческими сведениями /Стэнли Лэн-Пуль; Пер. с англ. С примеч. И доп. В.В.Бартольда. Новое изд. переп. с изд. 1899 г. М.: Вост. лит.: Муравей, 2004. 311 с.
18. Тойнби А. Постигание истории /Пер. с англ. /Сост. Огурцов А. П.; Вступ. ст. Уколовой В. И.; Закл. ст. Рашковского Е. Б. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
19. Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. М.: Рипол классик, 2009. 704 с.
20. Розов Н.С. Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия //Гуманитарный вектор. 2009. №1 (17). С.29-39.
21. Поваляев В.Г. Война как социальное явление: дис. на соиск. канд. философ. наук: 09.00.11. 145 с. [Электронный ресурс]: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/173958.html> (дата обращения: 09.02.2017).

**ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 394.014 /1941-1945/**

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНСКОГО СЕЛА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ)

Орынбаева Г.У.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук
E-mail: orinbayevag@mail.ru

Аннотация. Повседневная жизнь казахстанцев в советском тылу в годы Второй мировой войны до сих пор остается малоизученной темой. В советский период историки и этнографы в той или иной степени вынуждены были придерживаться советских пропагандистских мифов и политики утаивания действительности, слишком неприглядной даже для условий военных лет. В настоящей статье автор затрагивает различные стороны жизни сельских жителей в Казахстане в годы войны, такие как: их участие в общественном хозяйстве, труд школьников, тяжелые бытовые условия сельчан, положение эвакуированных и депортированных граждан, распространение эпидемий, правонарушения и т.д. Картина сельской повседневной жизни в Казахстане показана на материалах Кустанайской области с использованием документов, хранящихся в Государственном архиве Костанайской области (ГАКО), воспоминаний современников тех лет, эпистолярных и других источников.

Ключевые слова: Война, сельская, повседневность, сельский, быт, общественное, хозяйство, колхозы, Вторая мировая, Советский, Союз, Казахстан.

ЕКІНШІ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК СОҒЫС КЕЗІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ АУЫЛДЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ (ҚОСТАНАЙ ОБЛЫСЫНЫҢ МЫСАЛЫНДА)

Орынбаева Г.У.

Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты
E-mail: orinbayevag@mail.ru

Андатпа. Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы қазақстандықтардың кеңестік тылдағы күнделікті өмірі әлі де аз зерттелген тақырып болып қалып отыр. Кеңес дәуірінде тарихшылар мен этнографтар белгілі бір дәрежеде кеңестік үгіт-насихат мифтері мен соғыс жылдарындағы жағдайларға тым жағымсыз шындықты жасыру саясатын ұстануға мәжбүр болды. Осы мақалада автор соғыс жылдарындағы Қазақстандағы ауыл тұрғындарының өмірінің әртүрлі аспектілерін қозғайды, мысалы: олардың қоғамдық шаруашылыққа қатысуы, оқушылардың еңбегі, ауыл тұрғындарының ауыр тұрмыстық жағдайлары, эвакуацияланған және депортацияланған азаматтардың жағдайы, індеттердің таралуы, құқық бұзушылықтар және т.б. Қазақстандағы ауылдың күнделікті өмірінің суреті Қостанай облысының материалдарында құжаттарды пайдалана отырып көрсетілген. Қостанай облысының мемлекеттік мұрағатында (ГАКО) сақталған, сол жылдардағы замандастарының естеліктері, эпистолярлық және басқа да дереккөздер пайдаланылды.

Түйін сөздер: Соғыс, ауыл, күнделікті өмір, ауыл, өмір, қоғамдық, шаруашылық, колхоздар, Екінші дүниежүзілік соғыс, Кеңес Одағы, Қазақстан.

EVERYDAY LIFE OF A KAZAKH VILLAGE DURING THE SECOND WORLD WAR (ON THE EXAMPLE OF THE KOSTANAY REGION)

Orinbayeva G.U.

Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences

E-mail: orinbayevag@mail.ru

Abstract. The daily life of Kazakhstanis in the Soviet rear during the Second World War still remains a little-studied topic. During the Soviet period, historians and ethnographers to one degree or another were forced to adhere to Soviet propaganda myths and a policy of concealing reality, too unsightly even for the conditions of the war years. In this article, the author touches on various aspects of the life of rural residents in Kazakhstan during the war, such as: their participation in the public economy, the work of schoolchildren, the difficult living conditions of villagers, the situation of evacuated and deported citizens, the spread of epidemics, offenses, etc. The picture of rural everyday life in Kazakhstan is shown on the materials of the Kostanay region using documents, stored in the State Archive of Kostanay region (GAKO), memoirs of contemporaries of those years, epistolary and other sources.

Keywords: War, rural, everyday life, rural, everyday life, social, economy, collective farms, World War II, soviet, union, Kazakhstan.

Введение

В литературе советского периода некоторые моменты повседневной жизни и быта рядовых сельчан – жителей колхозов и совхозов можно обнаружить в работах историков, специализировавшихся в области социальной и экономической истории, а также и этнографов [1–7]. Среди этих исследований следует особо отметить монографию Ю.В. Арутюняна, которая выделяется большей информативностью в плане изучения повседневной жизни и быта советских сельских граждан. Из казахстанских исследований стоит выделить работу Т.Б. Балакаева, показавшего особенности хозяйственной жизни казахстанского села в годы войны. В целом, нельзя сказать, что авторы указанных здесь работ не стремились создавать достоверную картину жизни жителей советских сел. Однако, все же в силу пропагандистской направленности исторической науки в советской стране историки должны были изображать массовый патриотический подъем среди населения, не акцентировали особого внимания на невероятно тяжелом быте сельских граждан, на преобладании ручного труда в сельском хозяйстве, массовом использовании труда малолетних детей, массовых эпидемиях и голодных смертях и т.д. Дело в том, что все эти трагические моменты указывали бы на несостоятельность советской экономической, в частности, навязанной крестьянству колхозно-совхозной системы.

В нашей республике на сегодняшний момент о большом интересе к изучению этой темы пока говорить не приходится. Нами выявлено совершенно небольшое количество опубликованных за годы независимости работ казахстанских авторов, касающихся проблемы повседневной жизни сел Казахстана [8–9]. Трагические картины из жизни и быта насильственно переселенных в Казахстан в годы войны народов: немцев, поляков, калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей показывают авторы коллективной монографии «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» – известный казахстанский ученый К.С. Алдажуманов, а также писатель Г. Бельгер и польский исследователь А. Кучиньски [10].

Российскими же исследователями за последнее время создано довольно внушительное количество научных работ, статей и монографий, посвященных жизни в годы войны самых разных регионов России [11–14]. Нужно заметить, что в современной историографии проблемы повседневной жизни и быта советских людей в военные годы наблюдается та же дискуссионность, которая охватила в последнее время всю постсоветскую историографию, касающуюся темы невероятно высокой цены, заплаченной народами СССР за победу во Второй мировой войне и ответственности за это тогдашнего руководства страны. В особенности, конечно же, эту дискуссионность можно увидеть в наиболее хорошо разработанной российской историографии вопроса (на разность подходов, к примеру, указывают уже названия наиболее известных работ по теме: «Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа» М.А. Вылцана и «Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига» В.Т. Анискова). Хотя сегодня, осуждая или поддерживая политику советского руководства по отношению к крестьянству в годы войны (или вообще в период сталинизма), современные российские историки показывают истинное положение вещей в русских деревнях – колхозах и совхозах – на основе рассекреченных источников, в отличие от советских авторов, частично замалчивавших тему из идеологических соображений. На наш взгляд, победа досталась стране жестокой, многократно «переплаченной» ценой человеческих страданий и жизней, ответственность за которую лежит на государстве и его первых руководителях, проводивших волонтаристскую экономическую политику и политику массовых репрессий. Именно эта политика тоталитарного государства явилась причиной технической отсталости сельского хозяйства, нищеты в аулах и деревнях, голода и массовых заболеваний.

Материалы, использованные в статье, были получены в ходе фронтальной научной экспедиции, организованной Институтом истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова в начале 2015 года для сбора сведений об участии казахстанцев в Великой Отечественной войне, и приуроченной к 70-летию Победы. Надо отметить серьезную работу Костанайского областного и городского акиматов в области бережного сохранения исторической памяти, связанной с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Так, к примеру, под руководством местных государственных органов кустанайскими историками были созданы замечательные исследования, раскрывающие историю жизни области и ее жителей в военные годы: «Кустанайская область в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла» [15] и «Кустанайцы – герои тыла. Личный вклад» [16]. В настоящей статье использованы сведения, имеющиеся в этих работах, в основном, личные воспоминания кустанайцев, а также архивные документы, материалы периодической печати, полевые материалы и т.д.

К началу войны СССР с Германией Кустанайская область представляла собой аграрный регион. Промышленность была представлена небольшим количеством предприятий. Каждый район области развивал животноводство и зерновое направление. До 1941 г. сельское хозяйство после проведенной коллективизации не смогло полностью восстановиться. Объекты социальной инфраструктуры постоянно испытывали недостаток финансирования, что заметно отражалось на их общем состоянии [15, с. 81]. В начале 1941 г. в отдельных районах области имелись случаи массового голода. Свидетельством тому, например, является следующий архивный документ:

«Кустанайскому обкому от Ушсорского сельсовета, Тарановского района, Кустанайской области.

Настоящим еще раз обращаюсь к Кустанайскому обкому по части дачи содействия по части голода колхозников ввиду чего множество выходят из колхозов ввиду голода. В нашем сельсовете имеется сапное хозяйство, где были убиты более 2-х месяцев назад лошади, которые были закопаны на скотомогильнике, каковых заставил голод вытянуть из ямы и поест более сто голов. Обращался несколько раз к райсовету за содействием, но ничего до сего времени не получил,

никакого содействия, а потому обращаюсь к вам, дайте на мой неоднократный сигнал, что делать.

Пред. Ушсорского с/с (подпись)

20. II. 41 г.» [17].

Война еще более усугубила положение дел. Область начинает передавать фронту рабочих лошадей, большую и лучшую часть автотранспортной техники. На фронт из колхозов, совхозов, МТС ушли наиболее квалифицированные работники, руководители сельхозпредприятий, значительно сократилась численность трудоспособного населения. Большая часть тяжелого крестьянского труда легла на плечи женщин, подростков и стариков. Колхозники выполняли планы поставок зерна, мяса, другой сельхозпродукции для фронта, работая от зари до темноты, испытывая немыслимые трудности и лишения.

Интересны воспоминания о начале войны очевидцев тех событий. По словам К.К. Успанова, известил о начале войны колокол в центре села, который обычно отчитывал время. Возле колокола на сельской площади на трибуну поднялись трое мужчин, видимо, уполномоченных властью, которые и сообщили о начале войны с фашистской Германией. Сельчане опустили головы, женщины зарыдали, а дети недоумевали, почему так разволновалось село [16, с. 782].

Однако советская пропаганда, работавшая во всю мощь, действовала не на всех. Бывало, что призванные в Красную Армию через некоторое время вновь возвращались к местам жительства из Ташкента, Акмолинска и Ферганы. Причем, не отдельные лица, а целые команды в 150–200 человек. Имелись граждане, открыто заявлявшие об отказе от воинской службы, кто-то убежал прямо во время отправки [16, с. 63].

Чтобы установить новый жесткий порядок, с подачи руководящих партийных органов провозглашались «инициативы» каких-либо коллективов, которые должны были «поддержать» работники других организаций. Так, колхозники области подхватили инициативу сельхозартели «Красные горные орлы» Уржарского района Семипалатинской области: «Мы устанавливаем у себя в колхозе новый порядок – работать всем колхозникам от зари до зари, а машинам – круглые сутки, повысить нормы выработки по всем видам работ от 20 до 50 процентов, значительно сократить перерывы на завтрак, обеды, отдых» [5, с. 68].

Участие в общественном хозяйстве

Сельские жители – работники колхозов и совхозов – в основном были заняты в полеводческом и животноводческом производстве. Рабочие машинно-тракторных станций (МТС) обслуживали потребности в механизации сразу нескольких близлежащих колхозов. В зерноводстве наиболее ответственными видами работ были посевная и уборочная кампании.

В годы войны на селе остро не хватало машинной техники. В предвоенные годы, в связи с обострившейся международной обстановкой, советская промышленность снизила выпуск тракторов в два раза по сравнению с предыдущей пятилеткой [6, с. 170.]. Кроме того, как уже было выше указано, с началом войны вся годная к эксплуатации техника со всей страны отправлялась на фронт. Поэтому посевная в годы войны производилась в основном дедовским способом, без тракторов и машин. Лошадей также забирали на нужды фронта – военные орудия в Красной Армии нередко тоже перемещались при помощи живой тягловой силы. Поэтому пахали преимущественно на быках и коровах. К примеру, в двухлемешный плуг впрягали двух старых быков, в середину – двух молодых быков, впереди – две коровы. За одним плугом работали три человека. Управлял плугом плугалтер, который держал рукоятки плуга и регулировал глубину вспашки. Погонщик направлял быков и коров. Коров на время весеннего сева забирали у владельцев. Часто хозяйки коров становились погонщицами, стараясь уберечь скотину [16, с. 784]. И с этой же коровы еще надо было сдать государству масло и молоко – 8 и 47 кг соответственно [16, с. 740]. Бывало, что и коров не хватало, тогда колхозники брались за лопаты и вскапывали землю вручную [4, с. 566].

В войну люди вынуждены были работать по 20–22 часа в сутки, на ходу засыпая, иногда теряя чувства реальности [16, с. 791]. В период пахоты, как работники, так и быки валялись с ног. Чтобы поднять скотину, требовалось немало сил. Иногда падающих в изнеможении быков приходилось дорезать. Быки в военные годы были основной тягловой силой в полеводстве, в животноводстве и на транспорте [16, с. 719]. Случался и массовый падеж рабочих волов и лошадей в борозде [18]. Семена в отсутствие техники по полю разбрасывались вручную. Люди выстраивались в один ряд с мешком на плече, в котором находилось около ведра семенного зерна. Шли по пахоте «маршем под правую ногу», рукой набирали зерно и рассыпали между пальцами. После них землю боронили, то есть закрывали семена.

В летнее время колхозники заготавливали на зиму топливо, которым служил кизяк. Для этого навоз месили ногами, затем укладывали пластами. Высохшие пласты кизяка, поделенные на квадраты, выдавались колхозникам на трудодни. Надо заметить, что кизяк – традиционное топливо кочевников, для обогрева жилищ в условиях суровой кустанайской зимы был малоэффективным.

Сенокос, а также прополка сорняков проводились в массовом порядке, с привлечением школьников [16, с. 193]. Затем наступала жатва. Для сбора урожая из всех средств механизации чаще использовались лобогрейки на конной тяге, которыми косили еще до революции. Однако, лобогрейки, как и брички, телеги, так и весь другой колхозный инвентарь в годы войны были в большом дефиците. Поэтому в основном хлеб на полях собирался вручную. К сбору урожая привлекалось все городское и сельское население области, снимали с занятий студентов и школьников. В отсутствие транспорта до мест назначения добирались пешком [15, с. 324]. На сбор колосьев бывало, что привлекались и дети дошкольного возраста [16, с. 194]. Чтобы не было хищений, в полях дежурили уполномоченные, под надзором которых были даже дети. Широко известно, что в военное время сажали и за десяток колосков [16, с. 719].

Специальность сельского механизатора пришлось осваивать женщинам, подросткам, юношам и девушкам. Вспоминает Иван Филиппович Токарчук, с 1941 по 1957 годы подростком проработавший трактористом Сорочинской МТС: «Трактор У-2 со шпорами на задних колесах, без света, без тормозов, руль повернуть уморишься. Нас после курсов на такой трактор ставили по 3 подростка. В ночную смену один сидит за рулем, а второй, «высунувши язык», бежит впереди трактора, освещая дорогу. Упасть нельзя, непременно задавит, в сторону – боже сохрани – огрех, – пробежишь 2 км, напарник разворачивается, и мы меняемся местами». За нарушение трудовой дисциплины, к чему относилось и невыполнение дневной завышенной нормы военного времени, следовало наказание. Как вспоминает И.Ф. Токарчук за опоздание на 2–3 месяца лишали мизерной оплаты в 60 коп. на трудодень. А однажды, его, 13-летнего подростка, председатель колхоза угрожал застрелить из нагана. Также, в качестве наказания мальчишек били и закрывали в холодные амбары [16, с. 742].

Зачастую квалификация подготовленных в годы войны трактористов оказывалась низкого уровня. Как говорилось в одной из докладных записок о подготовке механизаторов сельского хозяйства: «Многие из окончивших школы, придя в МТС, боятся сесть за трактор, не умеют водить трактор в борозде или могут работать, пока трактор идет, а стоит ему остановиться из-за малейшей неисправности – не знают, что делать, и зачастую из-за пустяков простаивают часами, пока не подъедет механик» [5, с. 128].

На ферме вместе с взрослыми женщинами работали 12 – 14-летние девочки-подростки. Если взрослым дояркам выделяли до 45 голов, то детям меньше – 12–15. Работницы ферм совмещали обязанности доярок и скотников. Они чистили навоз, доили коров, качали воду из колодца, чтобы напоить скот, сами заготавливали сено. Когда коровы телелись, надо было их раздаивать и до 20 дней выпаивать телят. Члены колхозов обязаны были участвовать и в других

сельскохозяйственных работах. Например, доярки во время жатвы по ночам еще веяли зерно. По воспоминаниям, работницы зимой нередко получали обморожения, от чего по ночам кричали от боли, но и в болезненном состоянии вынуждены были идти на работу. Часов в те годы ни у кого не было, поэтому доярки приходили на ферму пораньше и на рассвете производили первую дойку [16, с. 751].

Чабанами в животноводческих колхозах также работали 12-летние мальчишки. Подростки скот выпасали в суровых условиях: как в летнюю жару, так и в зимнюю стужу. И это почти в отсутствии необходимой одежды и продуктов питания, которыми работники должны были обеспечивать себя сами. За каждую же овцу либо ягненка спрос также был чрезвычайно строгий [16, с. 771].

В 1941–1942 году в Казахстане впервые после насильственной седентаризации было применено в плановом порядке и в широком масштабе отгонное животноводство. Расстояние между летним и зимним пастбищами зачастую превышало 300 км [19, с. 9]. Таким образом, был использован многовековой опыт казахского подвижного животноводства, которое большевиками-модернизаторами в свое время было объявлено примитивным и отсталым. В результате, был значительно уменьшен расход кормов, падеж скота, содержащегося на зимних пастбищах, оказался меньшим, чем при стойловом содержании [5, с. 161]. В Кустанайской области выпас скота на летних и зимних пастбищах был организован внутри области. Ее северные районы принимали стада на летний выпас в июле–августе. Зимой же скот перегонялся в южные районы – Амангельдинский и Тургайский. Для зимовки скота в 1941–1942 гг. было намечено для перегона до 1000 лошадей (кроме племенных и рабочих), а также крупный рогатый скот до 1000 голов [20].

Для побуждения людей на все большую отдачу в работе, использовалось советское ноу-хау – социалистические соревнования: стахановское движение, движение двухсотников, трехсотников, совместителей профессий и т.д. Соревноваться между собой люди должны были при выполнении самых разных задач, и не только производственных. Например, таких, как подготовка женских кадров, сбор теплых вещей и продовольствия на фронт, сбор денежных средств и ценностей в фонд обороны, оказание помощи раненым бойцам и т.д. [21, с. 27].

Агитация и пропаганда

В годы войны, как и в годы массовой коллективизации, в машинно-тракторных станциях (МТС) и совхозах вновь были созданы политотделы, главной целью которых был контроль над выполнением политики партии на местах, укрепление государственной дисциплины в МТС, колхозах и совхозах. Однако, людей настраивали на выполнение тяжелых работ не только с помощью жесткой дисциплины, но и агитационно-пропагандистской работы, которая в советское время была чрезвычайно активной и разнообразной. Для сельских жителей регулярно читались лекции, велись беседы, устраивались читки газет, выпускались стенгазеты на политические и патриотические темы: о положении на фронтах войны, международных отношений, помощи тыла фронту и т.д. Также в массово-политической работе применялись и такие формы, как вечера вопросов и ответов, политдни, встречи с фронтовиками, читка писем фронтовиков, наглядные формы агитации – боевые листки, карикатуры, плакаты, доски показателей и т.д. Этим должны были заниматься сотрудники областных и районных партийных и комсомольских аппаратов, исполнительных комитетов, представители интеллигенции: учителя, врачи, агрономы, а также студенты и ученики школ. Часто подобная идеологическая работа организовывалась в виде агитбригад с концертной программой. Желание трудиться не покладая рук стимулировали также, возбуждая ненависть к врагу. Так, в одной из передовиц журнала «Большевик Казахстана» говорится: «Основной поток газет нужно направить в колхозы, бригады, фермы, полевые станы; повсеместно должны быть организованы газетные витрины с фотографиями о зверствах

фашистов во временно захваченных ими советских районах...» [22, с. 3].

Сложной задачей агитационной работы было побуждение людей к тяжелому и изнурительному труду в условиях недоедания, недосыпания и других лишений. Для этого требовалось уметь найти подход к каждой категории тружеников. Конечно же, агитаторы во время таких бесед вряд ли обращались к сюжетам, вроде тех, которые были широко растиражированы в советской литературе. Как, например: «Наши отцы, деды всю жизнь ели один кислый курт да черствые пригорелые лепешки. Всю жизнь они боролись за блага, которые дали казахам только Советская власть и большевистская партия. Теперь фашистские стервятники пытаются ввергнуть в рабство свободолюбивый народ, отобрать у нас землю, луга, скот, надеть на шею аркан» [5, с. 63]. Наиболее действенными оказывались обращения к личным чувствам граждан, связанным с нахождением на фронте родных. Один из таких примеров, пусть даже и пропагандистского характера, приводит «Большевик Казахстана», когда агитатор в Кызылординской области имел положительный воспитательный результат после вопросов, заданных молодой женщине, не выполнявшей дневную норму: «Неужели ты не краснеешь, когда пишешь письма мужу на фронт? Как ты посмотришь ему в глаза, когда он с победой вернется к тебе?» [22, с. 4].

В советские годы на пропагандистской службе у властей оказалось народное искусство казахов. Так, в годы войны по инициативе отделов пропаганды и агитации райкомов партии в районах организовывались айтысы, то есть поэтические состязания акынов [6, с. 186]. Народные акыны специально командировались в районы проживания будущих оппонентов, чтобы на самом айтысе бичевать недостатки производственной жизни колхоза или совхоза своего противника. Например, акыны могли создавать стихи в форме жалобы коровы, быка или лошади, умирающей от голода и плохого ухода [23, с. 103].

Доходы колхозников

Оплата труда колхозников производилась за так называемые трудодни, которые в народе называли «палочками», так как бригадиры в своих тетрадах их проставляли в виде черточек. Трудоднями измерялись затраты труда колхозников в общественном хозяйстве и их долевое участие в распределяемых доходах с 1930-го до 1966 г. К примеру, в 1941 г. в соответствии с инструкцией Наркомата земледелия СССР, за каждые 100 литров надоенного молока предусмотрено 1,7 и 1,8 трудодня. За выращивание телят до 15–20 дневного возраста и за подготовку коровы к отелу – 8 т/дней. За подготовку нетелей к отелу – 7 т/дней и т.д. [24].

Судя по воспоминаниям очевидцев, за трудодни в довоенные годы в большинстве своем в кустанайских колхозах платили пшеницей, просом, горохом, всем тем, что выращивали в колхозе [16, с. 796]. А в годы войны предназначенная колхозникам на трудодни натуроплата урезалась в пользу Красной Армии [16, с. 222]. По воспоминаниям Е.В. Гиль, девушкой-подростком в годы войны работавшей токарем, оплаты труда почти не было, все шло то на помощь сиротам, то на заем и т.д. По ее словам, каждый месяц на семью выдавали лишь 18 кг муки, хлеба же в магазинах вообще не было [16, с. 793].

В то же время, известно, что колхозное крестьянство переводило значительные средства на строительство танковых колонн, кораблей, авиаэскадрилей и т.д. Большие денежные суммы оказались на руках у крестьянства в результате многократного роста цен на продовольствие, и сельчане получили от колхозно-рыночной торговли достаточно существенные доходы. Однако же, отоварить эти деньги не было никакой возможности. Часть этих денег уходила государству на уплату налогов: сельскохозяйственного, военного, на бездетность. В случае же отсутствия денег для уплаты налогов крестьяне вынуждены были продавать продукцию личного хозяйства. А также значительная денежная масса была изъята через массовые подписки на военные займы и денежно-вещевые лотереи [8, с. 224]. Подписку на военные займы осуществляли нередко под

давлением и угрозами, забирая весь скудный доход [25].

Весьма информативны для исследования стали сведения, полученные во время экспедиции от участника войны И.И. Дьячкова, отправившегося на фронт из Тарановского района. По сообщению ветерана: «В период войны люди жили тем, что выращивали в огороде. В сараях – скот, в огороде – овощи. То, что зарабатывали на трудодни, полностью отдавали на нужды армии. Эти трудодни в годы войны брали лишь те, кому уже было нечем жить. Вся наша семья: мама, сестры, братья все заработанное сдавали в фонд победы. Семья состояла из восьми человек: мама, пятеро детей, жена моя – сноха, мой сын. Имели одну корову и огород большой, на гектар. Там выращивали картофель, овощи, подсолнух, этим и жили. И как большую семью, имеющую двух фронтовиков, колхоз поддерживал, особенно маленьких детей» [26].

Отдельная тема – это переписка Ивана Ивановича, в те годы молодого бойца Ивана Дьячкова, со своей женой Галиной. Письма ярко, без официоза и пафоса, присутствовавшего на страницах периодической печати, свидетельствуют как о жизни простых людей в тылу, так и рядовых бойцов на фронте. Наряду с описаниями повседневности и быта, они содержат выражения чувств молодых супругов друг к другу, производящие впечатление своей силой и чистотой.

Торговля в годы войны

В глубоком тылу уже в первый год войны наблюдался острейший товарный дефицит. Государственная торговля не велась, на рынке произошло сильное вздорожание всех товаров. Люди распродают имеющееся у них добро. «Мама без тебя хотела продать твои пимы, но я не даю, говорят, что 2 или 3 года будут лежать. А Маруся говорит, что продадим велосипед, что, мол, будем без коровы. Но за велосипед я ничего не говорю. Но пока купили телочку и на этом остановились», – пишет Галина Дьячкова (20 декабря 1941 г.). Собираясь стать матерью, в конце декабря 1941 г. она пишет мужу, обучающемуся в школе радистов в Алма-Ате: «Если там можно купить алма-атинских яблок, то купи и наешься сам досыта за себя и за меня. Себя я чувствую покамест хорошо. Только плохо, что ничего не охота есть, все постное как дым. Но это ничего как-нибудь переживем. А купить нигде не купишь ни за какие деньги» (20 декабря 1941 г.). По рассказу И.И. Дьячкова, их первенец родился до того слабым, что у него сквозь брюшную стенку просвечивали внутренние органы.

Как писал в своем отчете Е. Кожевников, начальник Кустанайского облуправления Рабоче-крестьянской милиции: «...ни в одном колхозе нет торговли, но все едят мясо и пьют молоко, но это они не на рынке покупают, а обменивают на дому» [15, с. 266]. Обмен или продажа личных вещей приравнивались к спекуляции и подлежала наказанию. Вопросы снабжения населения промышленными товарами начинают подниматься с 1943 г. Решить эту проблему предполагалось, в основном, за счет предприятий местной и кооперативной промышленности [27, с. 5]. В 1944 г. в сельские магазины стали завозить товары, хотя и по завышенным, недоступным в большинстве своем для населения, ценам. Как, опять же, писала Г.В. Дьячкова: «Сейчас к нам завозят разные товары, спирт. И все под хлеб, картошку, бери, но все очень дорого. 1 м. простой мануфактуры – 40 кг. картошки...» (16 января 1944 г.).

Относительно запасов одежды у жителей кустанайского села можно почерпнуть сведения также из писем Гали Дьячковой: «В чем хожу, я думаю, ты еще не забыл, как ходила, так и хожу в рабочий день в стареньком, а в праздник в новеньком. За два года ничего не прибавилось, а наоборот подносилось. Папа ушел в армию в твоих пимах новых, в куфайке и в шубе, а шинель оставил, его попорол и шьют Мише пальто, ему скатали новые пимы, и Марусе, и Васе» (24 января 1944 г.) [26]. В семье Дьячковых положение с одеждой и обувью еще можно назвать сносным, так как пимы, то есть валенки, по тем временам были признаком зажиточности. Зачастую жители колхозов не имели никакой сменной одежды. Однако наиболее жизненно

необходимыми товарами в годы войны стали хлеб, спички, керосин, соль.

Пища. Хлеб

Почти во всех письмах супругов Дьячковых речь заходит о пище, о том, насколько он или она сыты. Так, например, Галина пишет о питании людей и торговле в тылу: «...а ты поверь, как нам надоел такой хлеб: просянка и просо, горький, не проглотишь сухой, а есть люди завидуют и на этот хлеб... Наша кормилица всего дает только 6,5–7 литров в сутки, на 8 человек разве это молоко. На базаре масло 250–300 р., яички 40–50 р. Картошка пуд – 350 р. Молоко литр 25 р.» (16 июня 1944 г.). С октября 1942 г. специальным постановлением допускалась выпечка хлеба с добавлением от 5 до 10 процентов картофеля. Тем же постановлением ликвидирована продажа хлеба без карточек по повышенным ценам, за исключением коммерческих ресторанов. С 1943 года теперь в муку для хлебопечения стали добавлять до 25–30 процентов ячменя, овса и проса [16, с. 71].

В сельской местности карточки на хлеб не вводились. Здесь устанавливалась продажа хлеба по спискам, составлением которых занимались исполкомы сельских советов [16, с. 70]. В 1943 г. в сельской местности рабочие получали 500 грамм хлеба в день, служащие – 300, иждивенцы и дети – 200. При этом райисполкомы учитывали наличие личных хозяйств у сельских рабочих и служащих, устанавливая уменьшенную норму для этой категории лиц и снимая со снабжения членов их семей [16, с. 71].

Также еще сообщает Галина Дьячкова: «Сейчас весь народ ходит по степи и все собирают колос, просянку и этим питаются» (30 апреля 1944 г.) [15, с. 376]. Такое явление было очень характерно для зерновых хозяйств в голодные периоды. Люди зимой выкапывали из-под снега колосья, а весной искали по полям перезимовавшую пшеницу. В результате случались массовые заболевания граждан септической ангиной, относительно чего принимались специальные распоряжения областных властей [28].

По воспоминаниям жителей Амангельдинского района, людям приходилось в войну есть траву [16, с. 773]. Возможно, здесь речь идет о лебедке, так как именно эта трава традиционно использовалась для пищи в голодные периоды у славянских, кавказских и других этносов. Казахи же в ситуации безысходности стали перенимать этот опыт у живших по соседству народов. Советский этнограф Ю.В. Аругян сообщает, что в отсутствие молока, хлеба и картофеля, деревенские жители в годы войны ели крапиву, лебеду и желуди [1, с. 361].

Школа в годы войны

В годы войны в области было сокращено количество школ и классов [16, с. 195]. О положении дел в школах области можно узнать в следующей официальной докладной записке: «ни в одной школе нет ни одной тетради, недостаточно учебников, в имеющихся школьных буфетах два-три раза в неделю получают по ¼ булочки. В школах занимаются учащиеся только начальных классов, а ученики 5–10 классов до 1 октября работают на полях, огородах. В своем большинстве, особенно учащиеся начальных классов, обувь и одеждой не обеспечены. Так, например, в колхозе им. Ворошилова Затобольского района из 32 учащихся 19 не посещают школу ввиду отсутствия обуви и одежды, в городской школе им. Крупской 120 детей ходят босые...» [15, с. 345]. В целях борьбы с вшивостью, от которой страдала большая часть населения страны, в школах была введена обязательная стрижка школьников включительно по 6-й класс (за исключением девочек) и производился ежедневный осмотр детей [15, с. 355].

Школы в годы войны стали серьезными производственными единицами. Учащиеся городских и сельских средних школ, начиная с 7 класса, обучали сельскохозяйственным работам: как ухаживать за посевами, проводить весенне-полевые и уборочные работы [16, с. 193]. После двух уроков всех ребят отправляли на работу – на поля, на сенокос, на ток; дети собирали верхушки клубней картофеля, на удобрение – золу и куриный помет [16, с. 738]. Детей разбивали

по отрядам, в которых устанавливался военизированный порядок: режим, подъем по сигналу, выход на работу строем, беспрекословное подчинение и строжайшее исполнение поручений учителей, руководителей колхозов, совхозов, МТС [16, с. 199]. В полевых работах были заняты как учащиеся, так и учителя. Так, Закирьянова Кусни Каликызы вспоминает, что, будучи еще сама школьницей, из-за нехватки учителей она работала по вечерам учительницей, а днем ей приходилось пахать на быках [16, с. 742]. Кроме того, школьников обязывали заниматься агитационной, культурно-массовой и военно-физкультурной работой. В школах детей учили стрелять, бросать гранаты, ползать по-пластунски [16, с. 205]. А еще пионеры принимали участие в сборе теплых вещей, подарков для фронта, средств для строительства военной техники [16, с. 194].

Большой проблемой в те годы была детская беспризорность. Беспризорные дети выявлялись в городах, райцентрах, на железнодорожных станциях и размещались в детприемнике-распределителе НКВД и детдомах. 14–15-летних подростков в детдомах не содержали, а трудоустраивали на предприятия, в колхозы и совхозы [16, с. 195]. Из воспоминаний одной из воспитанниц Федоровского детдома: «...в детдоме тогда были эвакуированные сироты из Белоруссии, Украины, Кавказа. Поначалу были ссоры, драки, многие дети (ингуши, чеченцы, немцы) не знали русского языка. Спасибо нашим воспитателям. Они сумели нас сплотить, сроднить. Уже через год мы стали дружными, хотя жизнь в детдоме была суровой. Спали по двое на одной кровати, еда была скудной: жидкий суп, свекла с картошкой, хлеб только в обед, и тот с примесью отходов. Дети старше 10 лет выращивали в подходе картошку, редис, лук, огурцы и помидоры. И еще ходили за щавелем, диким чесноком, ели одуванчики. Собирали ягоды для компотов». На уроках труда дети шили для фронтовиков наволочки, простыни, пряли шерсть и вязали носки, вышивали кисеты. Также воспитанники детдомов выезжали в села с концертами, пололи огороды, мыли полы и белили хаты у инвалидов и одиноких старушек [15, с. 355].

В одной из справок обкома КП(б)К отмечается, что в детдомах «питание детей очень однообразное и лишенное витаминов. Из государственных фондов детдом получает лишь муку. Был один наряд на масло, но было отоварено всего 34 кг, а около 100 кг не отоварено. По нормативам полагается 17 гр. жиров в день, воспитанники получили в июле – 13 гр., в августе – 7,5 гр. Молока получали в июле 306 гр., в августе – 145 гр. Все корпуса детдома – земляные постройки, нуждаются в ремонте. Он еще не начат. В спальнях и в столовой пронизывающий холод. Пекарня зияет дырами, баня разваливается» [15, с. 355]. Для обеспечения школьных столовых власти рекомендовали использовать местные продовольственные ресурсы, например, ловить рыбу в местных водоемах, охотиться и т.д. [16, с. 184].

Эвакуированные

По состоянию на 1 октября 1941 года в Кустанайскую область прибыло всего 11 681 человек, из которых 1131 было мужчин, 4830 женщин и 5720 детей. Всего трудоспособных насчитывалось 5244 человек. Из прибывших основная масса, 6420 человек, была размещена в колхозах, 679 – в совхозах, 42 – в МТС, 2052 – в г. Кустанае, остальные – в районных организациях [16, с. 105].

В колхозах государственного жилого фонда почти не имелось, поэтому прибывшие люди размещались в частных домах колхозников [5, с. 98]. Жильем для жителей колхозов и совхозов Кустанайской области, в основном, в те годы служили полуземлянки и избы [16, с. 677, 751; 29]. За проживание хозяевам домов эвакуированные граждане выплачивали квартплату, которая иногда могла иметь «рваческий» характер. Квартиры стоили 50–70 руб. в месяц, что было очень дорого [15, с. 248; 30]. Там, где не хватало жилой площади, были организованы общежития. Под жилье были отданы все имеющиеся строения: здания правления колхозов, клубы и другие помещения [5, с. 98]. Нередко они совершенно не были пригодны для жилья. Например, в

поселках Кустанайского района людей расселили в помещениях, в которых раньше находились ягнята [16, с. 124].

В надежде более удачно устроиться в материально-бытовом плане, люди переезжали из одного района в другой, уезжали за пределы области [16, с. 106]. Особенно мучительны были бытовые условия в колхозном селе для столичных жителей – москвичей. Несмотря на продолжающиеся боевые действия в местах их прежнего проживания, часто люди пытались выехать назад. Руководящими органами в ответ было издано распоряжение: «...проводить разъяснительную работу, билетов не продавать, вменить в обязанность начальникам станций прекратить самовольный выезд эвакуированных» [16, с. 112].

Из районов в облысполком поступали «бесконечные жалобы от семей военнослужащих». Эвакуированные в основном прибывали без запасов одежды, продуктов. Люди жили в холодных из-за отсутствия топлива помещениях, терпели перебои в обеспечении хлебом, длившиеся иногда несколько дней. Быстро распродав одежду и обувь, часто эвакуированные граждане не имели сменной или теплой одежды, в зимнее время не могли выйти на работу. Они не имели своего личного хозяйства, как местные жители, с которого последние получали хоть что-то съестное. Многие семьи уже в 1942 г. с приходом теплых дней стремились заводить свои огороды [15, с. 252].

В отношении семей рядового, командного и политического состава Красной Армии принимались меры относительно их продовольственного обеспечения, причем опять же за счет местных жителей [31]. Эвакуированные семьи, не имевшие членов семей – военнослужащих, находились в тяжелейшем положении. В поселке Рязановка эвакуированная из Ленинградской области семья Игнатьевых, имеющая шестерых детей и лишенная в результате смерти отца-кормильца, перебивалась на грани голода, что привело к безбелковой отечности. В колхозе имени Молотова Урицкого района эвакуированные ходили побираться в соседний колхоз «Рекорд» [16, с. 124].

Основным народнохозяйственным сектором, в который были направлены прибывшие человеческие ресурсы, было сельское хозяйство. Властные органы внимательно отслеживали, чтобы эвакуированные, как и все граждане, были трудоустроены и активно трудились [21, с. 11]. Газеты агитировали их за активное участие в колхозных работах. В газете Убаганского района «Большевик» в одной из статей под названием «Работать еще лучше» писалось: «В колхозе «Новая жизнь» есть несколько семей эвакуированных. Все они с первых дней приезда в колхоз работают на разных работах и уже так втянулись в колхозную жизнь, что их ничем не отличишь от старых колхозников. Например, Кузьмина Н. до эвакуации никогда не работала возле скота, а сейчас она оказалась замечательной телятницей: всю зиму она ухаживала за 42 телятами, в ее группе не было ни одного случая падежа, все телята хорошо упитанные. Неплохо работает и свиноводка Семенова...»[32].

Депортированные народы

Если местное население и эвакуированные страдали от очень сильного недоедания, то среди депортированных граждан имели место многочисленные факты голода. В Кустанайской области во время войны были расселены тысячи немцев, поляков, чеченцев и ингушей. Многие десятки тысяч из них погибли в первые месяцы после депортации от голода и болезней. Под страхом каторжных работ им запрещалось покидать новое место жительства [15, с. 41].

Депортированная немка М.Ц. Кесслер рассказывает о выпавших на ее долю тяжелых испытаниях следующее: «В 1941 году нас пригнали на станцию, погрузили в товарные вагоны, ехали больше недели, не кормили, не было воды. Привезли в поселок Окраинку Орджонекидзевского (Денисовского) района Кустанайской области. Люди умирали с голоду, мать умерла в 1943 году, потом умерли брат и две сестры, их заворачивали в тряпки и хоронили.

Председатель колхоза Михайлюк выделил нам корову, закрепил женщину, которая отпоила меня молоком. А весной меня определили работать в детский сад. Так как я осталась из семьи одна, меня определили в семью Баевых. Собирали бурьян для топки, прошлогоднюю пшеницу выкапывали из-под снега. По 3–4 дня вообще ничего не ели, люди умирали, хоронили прямо в снегу зимой, а весной все оттаивало, видели трупы, у которых птицы клевали глаза...

В колхозе работали за «палочки» (трудодни), был маслозавод в Окраинке (заведовала им Молчанова Тамара), готовили молочную продукцию для фронта, помогали немецким семьям сывороткой, в очередь стояли за последом после отела, чтобы сварить и съесть, ели павших животных, шкурки от картошки... Все жили одинаково плохо, голодали и немцы, и русские, и казахи... Наша семья принадлежала католической церкви, верим в Бога до сих пор, в годы войны и после церквей не было, поэтому молились, собираясь в одном доме, боялись, закрывали окна и двери, но молились, и это помогало выжить в тех нечеловеческих трудностях» [16, с. 139].

В отличие от других депортированных народов, у поляков – граждан Польши были заступники в лице дипломатических работников Польского представительства. На основании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г., поляки были переведены на положение свободных граждан и на территории Советского Союза проживали временно, до предоставления им возможности выехать на родину [33]. По сведениям кустанайского историка Д.М. Легкого, в числе ссыльных на территории области были родственники офицеров, расстрелянных в Катыни, а также членов польского эмигрантского правительства в Лондоне [34, с. 85].

Однако, положение депортированных поляков после освобождения улучшилось ненамного. Так, представитель командования польской армии в Кустанае М.Ф. Романьский в своем письме к председателю областного исполнительного комитета с возмущением обращался: «Польские граждане принудительно направляются на работу, а в случае невозможности выполнения ими, власти грозят им судом, лишением квартир, отказывают в выдаче хлеба и в праве пользования магазинами, не разрешают перемалывать заработанный хлеб. Польские же граждане не могут работать, в особенности в степи, – так как нет у них ни соответствующей одежды, ни обуви. Износив за работой свою одежду, они ходят буквально в лохмотьях и босые. Кроме того, необходимо принять во внимание, что очень плохое состояние здоровья польских граждан, являющееся следствием длительного пребывания в тюрьмах, тяжелых условий труда в лагерях и плохого питания, – ведут за собой трату сил и потерю трудоспособности. Тяжелые болезни, распространяющиеся среди польских граждан, и очень большой, к несчастью, процент смертности, являются наглядным доказательством их трагического положения...» [35]. Если эвакуированные советские граждане в колхозах могли получать хлеб, независимо от наличия трудодней, то поляки, все лето исправно работая, в зиму оставались без пропитания [36].

Польским представительством в области было открыто 7 школ для детей поляков с польским языком обучения. В школах проводили католические молебны [37]. Поляки также пытались проводить на польском языке платные концерты и вечера для сбора средств в фонд польской армии [38]. Однако, все эти мероприятия были запрещены, а школы подлежали закрытию [39].

В начале 1944 г. в Казахстан был депортирован ряд народов Северного Кавказа, большую часть которых составляли чеченцы и ингуши. В одном из документов того времени сообщалось: «В январе 1944 года имели место задержки санитарно необработанных на станции Кустанай 3-х вагонов спецпереселенцев с чрезвычайно большой завшивленностью и даже трупов с неустановленной причиной смерти» [16, с. 297]. Большое количество депортированных чеченцев и ингушей в годы войны было вынуждено нищенствовать. Переселенцы с этой целью даже выезжали в другие города, в Челябинск и Троицк [16, с. 163]. Также в одном из документов читаем: «...проверка материально-бытового состояния спецпереселенцев чечено-ингушской

национальности, вселенных в Пресногорьковский район в количестве 460 семей или 2446 человек, показала тяжелое положение. ... В районе имеем случаи опухания и смертности. В колхозе «Роза Люксембург» Крутоярского сельсовета от недоедания умерла Тадаева 49-ти лет, в колхозе «Красноармейский» умер Ботаев Усман 40-а лет. В одном из колхозов по той же причине умерли пять человек...» [16, с. 164].

Рядовые граждане с сочувствием относились к переносившим жестокие страдания людям. Хотя среди местного населения проводилась работа по формированию отношения недоверия к спецпереселенцам. Например, как вспоминает Ж.Б. Калмухамбетова из села Денисовка, в доме которой были поселены немцы: «Наша семья отнеслась к немцам хорошо. Жили мы не бедно, были у нас лошади, коровы, овцы. Вместе мы пасли, ухаживали за ними. Свекор – Аубакир Калмухамбетов ценил квартирантов за трудолюбие и честность, помогал им едой и одеждой. Что было у нас на дастархане, то было и у них» [16, с. 139].

Эпидемии. Болезни

Холод, антисанитария, постоянное недоедание и некачественное питание часто приводили к вспышкам различных тяжелых заболеваний: грипп, сыпной тиф, дизентерия, туберкулез, малярия, септическая ангина и т.д.[40] Бичом, как для гражданского населения, так и для солдат в лагерях подготовки и на фронте стал сыпной тиф [26]. Переносчиками заболевания, как известно, являются вши. Архивные документы сообщают, что в области «наблюдается большая завшивленность населения, особенно среди «спецконтингентов» [41]. Похоже, что в годы войны в Кустанайской области одними из первых жертвами эпидемии сыпного тифа стали депортированные поляки. Об этом свидетельствует документ, адресованный председателю Кустанайского облисполкома Д. Керимбаеву: «В связи с эпидемией заболеваний среди польских граждан, расселенных на территории Вашей области, СНК КазССР обязывает в соответствии с постановлением СНК КазССР от 4 февраля 1942 года – из занаряженного Вам хозяйственного мыла выдать 5,0 тонн польским гражданам. Обеспечьте продажу выделенного для польских граждан мыла через торговую сеть. ... Зам. Председателя СНК КазССР Н. Бабкин». Надо отметить, что и в довоенные годы мыла было недостаточно. Использование мыла, зубных щеток и порошков, а также других гигиенических принадлежностей еще прочно не вошло в те годы в обиход сельских жителей Казахстана. Это, теперь ставшее стратегически необходимым, средство гигиены было решено изготавливать из местного сырья – жира, получаемого от трупов павших животных и убитых зверей, которое скупалось у населения [16, с. 226].

Эпидемии распространялись также из-за того, что недостаточно было бань. В большинстве населенных пунктов общественных бань, а также в те годы необходимых учреждений гигиены – дезкамер для уничтожения вшей («вошебоек») не имелось [42]. В документах сообщается, что в одном из районов помещение под баню была перестроена в радиоузел, в другом же бани были засыпаны зерном [41].

Похоже, что эпидемия сыпного тифа свирепствовала всю войну и с каждым годом положение усугублялось. По-видимому, пик эпидемии пришелся на 1944 г. В начале 1944 г. в связи с прибытием в районы области большого контингента спецпереселенцев (чеченцев и ингушей) заболевание сыпным тифом резко повысилось [42]. Г.В. Дьячкова, (о ее переписке с мужем было рассказано выше) в одном из писем сообщала: «В поселке болеют тифом. Нюра Голубова, Нюра Минькина, Нюра Соболева и др. И по другим поселкам то же самое» (13 июня 1944 г.) [15, с. 377].

За годы войны колхозы и совхозы стали заполняться инвалидами войны: слепыми, глухими, без одной из рук, ног и т.д. Инвалиды без обеих ног передвигались на деревянных досках с колесиками. Об одном таком инвалиде войны писала в письме мужу Галина Дьячкова: «Вчера 29 мая приехал из госпиталя Николай Максимович Брыжаха, ранен под Кировоградом, не приведи

судьбы такому быть калекой. Он раненый в глаза. Не видит ни одного процента. Правого совсем нет, а левый чуть-чуть блестит. Эх, Ваня, как только плакали все. Его привез провожатый, он только узнает по голосу. И что теперь ему, вечный калека. Взял гармошку и заиграл, а в эти минуты весь народ навзрыд плакал. Я пишу письмо и вспоминаю его, и у меня слезы капают...» (30 мая 1944) [15, с. 378].

Правопорядок

Самыми распространенными правонарушениями в годы войны в Кустанайской области стали хищение, разбазаривание и порча социалистической собственности, спекуляция, дезертирство и паникерство. Среди них лидировало первое.

Люди, находясь на грани голода, на свой страх и риск шли на мелкие хищения. Например, по фактам, приведенным начальником Кустанайского облуправления милиции Е. Кожевниковым, во время перегонов стада в Троицк, гуртоправы по дороге уничтожают скот, либо производят его обмен. Также, например, в южных скотоводческих Тургайском и Амангельдинском районах производилась покупка-продажа скота, которая тоже была под запретом [16, с. 267]. Конечно же, дело еще и в том, что члены колхозов не имели личной заинтересованности в сохранении колхозной, то есть социалистической, собственности. Колхозная система вообще противоречила крестьянской частнособственнической психологии. На это указывают возмущенные слова секретаря ЦК КП(б)К Н.А. Скворцова о том, что колхозники в 1940-м г. больше заботились о личном скоте, чем о колхозном. При этом он приводит в пример Орджоникидзевский район, где при большом падеже в колхозных стадах, находящийся в личном пользовании скот почти не пострадал [43, с. 20].

Один из фактов «разбазаривания государственной продукции» в области приводит также сам секретарь ЦК КП(б)К Н.А. Скворцов в другом своем выступлении. «Разбазаривание» заключалось в том, что в Карабалыкском совхозе директор Артамонов (видимо, не лишенная чувства сострадания личность) рабочим совхоза роздал 2228 центнеров сена, 236 центнеров зерновых отходов, 38 центнеров мяса, 1,1 центнера сала, 0,6 центнера сливочного масла, 212 центнеров пшеницы, 44 центнера картофеля, 38,5 центнера молока цельного [21, с. 26]. Продажа личных вещей гражданами тоже считалось правонарушением – спекуляцией. Однако, в условиях повального дефицита это было весьма распространенным явлением.

Как в годы Первой мировой, так и Второй мировой войны казахские степи наводнили бежавшие с фронтов и трудовых армий дезертиры. Е. Кожевников, начальник Кустанайского облуправления РКМ, в своем отчете сообщал: «по отдельным сельсоветам, аулам и в городе большой наплыв дезертиров. Есть факты ухода с фронтов и с трудовых армий. Иногда они целыми партиями ютятся в поселках, проживают у отдельных колхозников, в порожных станах, землянках и т.д.» [16, с. 266]. Как в области, так и в целом по республике, в связи с притоком дезертиров был высоким уровень вооруженного бандитизма [16, с. 845]. В числе эвакуированных нередко находились уголовники всех мастей, ранее судимые, которые пытались промышлять прежним способом [16, с. 840].

Известны были факты и политических «преступлений». Так, например, в Семиозерном районе молодежная организация «Группа голода и нищеты» из 17 человек занималась изготовлением и распространением листовок, содержащих негатив [15, с. 129].

Морально-психологическое состояние населения

В условиях постоянной усталости от непосильного труда, переживаний за служивших в армии родных и нерадостных фронтовых известий в начале войны трудно было сохранять присутствие духа. Тяжелый быт: хроническое недоедание, отсутствие смены одежды и средств гигиены, конечно же, угнетающе действовали на людей, которые и в довоенные годы не были избалованы удобствами. Растерянные, озабоченные, отчаявшиеся в душе люди ждали только

одного – быстрее окончание войны.

Об этом свидетельствуют письма Г.В. Дьячковой, в которых она сообщает: «Теперь в нашем поселке от многих совсем вестей нет, или пришли похоронные. И когда этому будет конец, наверное, не дождемся. Нет радостных дней, весь народ как убитый ходит». (30 августа 1943 г.) [15, с. 374]. В начале войны люди еще были настроены на скорое ее окончание. Так преподносила положение дел на фронте советская пропаганда, стремясь предотвратить панику в обществе. Так, в мае 1942 г. Галя Дьячкова писала: «Так что Ваня, загремела уже и бронь, конечно не все. Но, по-видимому, все пойдут после посевной. Ведь война разгорается. Все была надежда, что победят зимой, весной, а теперь говорят летом. А сколько погибло народа. И молодых и старых»[26].

Люди жили в постоянном стрессовом состоянии, вызванном в первую очередь страхом за жизнь мужей, сыновей, отцов и братьев, находящихся на фронте. Об этом опять же ярко свидетельствуют письма Галины Васильевны к мужу: «Я как приду с работы, найду в избе, кругом тишина, пустота, так и хочется поговорить за милого дружечка Ваню. Как будто с кем поговорю и мне легче. ... Как хочется мне, что б было так: сидела я одна дома и сильно задумалась, вдруг бы и ты подошел и я сразу не слышала, а потом увидела... На фронте положение не радует. Дудку М. тоже убило, прислал какой-то товарищ из Елизаветинки. Каждый день известия. А поэтому и мы болеем сердцем по тебе» (1 июня 1942 г.) [26]. Интересно также сообщение Г.В. Дьячковой от 30 апреля 1944 г. о том, что людям было разрешено молиться: «У нас на станции Тобол открыли подобие церкви, ходят богу молятся» [15, с. 377].

Однако проявлять на широкой публике негативные настроения было нельзя – это называлось «паникерством», «дезорганизацией» и «провокацией». Жесткая репрессивная система предотвращала возможность проявлений недовольства. Населению властями давалась следующая установка: «Поменьше шума, бесплодных разговоров об обстановке, об условиях, о событиях на войне и т.д., побольше организованности, упорной будничной работы, помноженной на энтузиазм, на большевистское понимание долга перед родиной» [43, с. 25]. Вместе с тем в советском государстве традиционно большое значение придавалось агитационно-пропагандистской работе, и в этом направлении велась очень активная и продуманная деятельность по формированию патриотических чувств. «Хотя мы тогда были детьми, но хорошо понимали, что надо помогать фронту. Никто и думать не мог, чтобы жаловаться на трудности», – вспоминает Е.Н. Самохвалова, жительница деревни Сретенка Узункольского района [16, с. 751].

Досуг

Удивительно, но и в тяжелейших условиях военного времени молодежь не унывала. По рассказу уже упомянутой Е.В. Гиль молодежь в минуты отдыха развлекалась, сидя на завалинке, распевая песни под балалайку и танцуя краковяк [16, с. 793]. Кое-где даже действовали клубы. По воспоминаниям другой жительницы одного из сел, подростки под коптилку танцевали в клубе – бывшей церкви. Заведующей клубом была ссыльная женщина. При этом часто, несмотря на то, что дневная смена девушками была отработана, работники райкома забирали молодежь с танцев на работы в ночную смену [16, с. 790].

Минутами отдыха подростки считали вечернее время, когда вязали носки и варежки для фронтовиков. Сельские советы обязывали вязать варежки, рукавицы, носки – по две пары на человека [16, с. 790]. В такие моменты девушки пели, а то и плясали под балалайку [16, с. 719].

Перегон скота

Необычным эпизодом в жизни сельских тружеников тыла можно назвать перегоны скота в освобожденные области страны. Казахстан, как и все другие тыловые регионы, принимал активное участие в восстановлении экономики пострадавших в результате военных действий территорий советских республик. В марте 1944 г. Совнарком КазССР принял распоряжение об оказании помощи районам, освобожденным от немецкой оккупации. В числе этих мероприятий

был организован закуп и доставка скота в эти местности. С этой целью только Кустанайская область изыскала 10 570 голов крупного рогатого скота [15, с. 291].

О перегоне скота из области до г. Краснодона Украинской республики вспоминает его участник Абдрахман Ансабаев, в то время 14-летний подросток. Караван, в котором находился и он, был в пути полгода, с июня до ноября 1944 г. В перегоне участвовало 218 человек: гонщики, гуртоправы, доярки, которые в подавляющем большинстве были женщины и подростки, а также руководитель и ветеринарный врач. Все участвовавшие в перегоне скота были на положении военнообязанных. В летнюю жару, осенние холода и дожди, еле одетые и босые люди шли по степи, по камням, разбивая в кровь ноги. Перегонщикам продуктовые пайки не полагались, питались молоком, иногда молоко удавалось обменять на хлеб, картофель. По рассказу А. Ансабаева: «Я засыпал на ходу, падал. Внезапно просыпался и снова шел за змеящейся лентой коровьих спин. До сих пор не могу забыть те утомительные, казавшиеся бесконечными, часы самопреодоления». Когда шли по местам боевых действий несколько перегонщиков подорвались на минах. Через крупные реки – Урал, Волгу и Дон – переправлялись на паромках. Скот был доставлен к месту назначения 6 ноября 1944 г. без потерь, с привесом и приплодом [15, с. 299–301].

Еще одной участницей перегона скота в освобожденные от оккупантов регионы была Е.А. Брусник. «Вернулись полуживые, грязные, голодные, – вспоминает Екатерина Андреевна. – При этом нам не дали никаких справок, ни в каких документах этот перегон не был отмечен...». Спустя годы за тот самый перегон скота Е.А. Брусник получила медаль от Украины «55 лет вызволения Украины» [16, с. 740].

Один из свидетелей перегонной эпопеи Алтай Куаншалулы Тулубаев дважды участвовал в доставках скота, оба раза начиная путь с родного Джетыгаринского района. В первый раз он вместе с отцом гнал стада на Украину, а второй раз пятнадцатилетний Алтай вместе с отцом, сестрой и братом сопровождал скот в Сталинградскую область. Как вспоминает А.К. Тулубаев: «Скот в колхозах района отбирали здоровый, упитанный, одной породы, казахской белоголовой. Сопровождающим выделили две лошади, две брички, в которые запрягали быков, погрузили продукты, палатки, раскладушки, одежду, посуду. Наш маршрут был расписан во всех подробностях, где пасти скот, где делать привал, где поить животных. Нашей главной задачей являлась сохранность скота, и чтобы он не терял упитанность. Законы тогда были строгие, сталинские, если виноват – тюрьма, а то и расстрел» [15, с. 302].

Таким образом, рассмотренные архивные документы военной поры, воспоминания тружеников тыла и письма на фронт воссоздают картину жизни рядовых жителей казахстанской сельской глубинки – колхозов и совхозов Кустанайской области в период Великой Отечественной войны. Необходимо помнить, что война принесла с собой неисчислимые страдания не только на фронте, но и в тылу, проявившие себя в широкой эксплуатации детского труда, детской беспризорности, недоедании, голоде и эпидемиях, приведших к высокой смертности среди гражданского населения. Неэффективная командная экономическая система и репрессивная машина в советских условиях усугубляли неизбежные трудности военного положения, превратив жизнь рядовых людей в каждодневное испытание на выживание.

Автор выражает благодарность сотрудникам отдела внутренней политики Кустанайского областного акимата, руководству областного (К. Укин) и городского совета ветеранов (М.И. Подоляков) за содействие в проведении экспедиции и предоставленные материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 466 с.
2. Война. Народ. Победа. 1941–1945. Статьи. Очерки. Воспоминания. Кн. 1–4. М.: Политиздат, 1984.

3. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Трудовой подвиг народа. М.: Мысль, 1974. 367 с.
4. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985. 711 с.
5. Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Алма-Ата: Наука, 1971. 351 с.
6. Белан П.С. Героический труд работников сельского хозяйства Северного Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР». Т. X. Алма-Ата, 1961. С. 166–188.
7. Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. А.: Казахстан, 1970. 475 с.
8. Абылхожин Ж.Б. Подвиг // Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Гылым, 1998. С. 215–226.
9. Султангазиев М. Будни войны: аулы и села Казахстана в годы войны (1941 – 1945) // Отан тарихы. 2015. № 2. С. 24–33.
10. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: Арыс – Казакстан, 1998. 428 с.
11. Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа // http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6012. (дата обращения: 09.02.2017).
12. Кондрашин В.В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2005/2005_2_289_300.pdf. (дата обращения: 09.02.2017).
13. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
14. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI века // <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-zhizn-v-sovetskom-tylu-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-otechestvennoy-istoriografii-nachala-xxi-v>. (дата обращения: 09.02.2017).
15. Кустанайская область в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла (Сборник документов и материалов). Костанай: Костанайский печатный двор, 2010. 508 с.
16. Кустанайцы – герои тыла. Личный вклад. Костанай: Костанайский печатный двор, 2012. 854 с.
17. ГАКО. Ф. 72. Оп. 6. Д. 29. Л. 31. 20 февраля 1941.
18. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 56. Л. 27. 5 мая 1944.
19. Либкинд А. Об огонном животноводстве // Большевик Казахстана. 1942. № 16. С. 7–10.
20. ГАКО. Ф. 72. Оп. 6. Д. 24. Л. 56. 21 августа 1941.
21. Доклад секретаря ЦК КП(б) Казахстана тов. Н.А. Скворцова на республиканском совещании-семинаре начальников политотделов МТС и совхозов 15 января 1942 г. // Большевик Казахстана. 1942. № 3 (февраль). С. 1–31.
22. Выше уровень партийно-массовой работы в ауле и селе // Большевик Казахстана. 1943. № 11–12 (август). С. 1–4.
23. Нурмаханов К. Роль айтысов в общественной и производственной жизни Казахстана // Отан тарихы. 2016. № 2. С. 98–109.
24. ГАКО. Ф. 72. Оп. 6. Д. 106. Л. 78. 24 ноября 1941.
25. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 197 об. 15 июня 1942.
26. Полевые материалы автора. Информант: И.И. Дьячков (1921 г.р.), г. Рудный Костанайской обл. (Январь 2015 г.).
27. Скворцов Н.А. Больше товаров широкого потребления населению (Речь на республиканском совещании работников местной и кооперативной промышленности 16 июля 1943 г.) // Большевик Казахстана. 1943. № 11–12. С. 5–18.
28. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 56. Л. 28. 6 мая 1944 г.
29. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 221. 18 июля 1942.
30. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 58. 23 января 1942.
31. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 41. Л. 22. февраль 1943.
32. Большевик (газета Убаганского района Кустанайской области). 1942. № 34. С. 2.
33. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 135. 13 апреля 1942.
34. Легкий, Дмитрий. О судьбе депортированных поляков // Мысль. 2014. № 10. С. 81–85.
35. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 4. 6 декабря 1941.
36. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 24. 26 января 1942; 26 об. 20 января 1942.
37. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 216. 19 июля 1942.
38. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 235. 8 сентября 1942.
39. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 236. 9 сентября 1942.
40. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 54. Л. 21. 19 февраля 1944.
41. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 54. Л. 23. 25 октября 1944.
42. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 56. Л. 40. 8 июля 1944.
43. Скворцов, Николай, Все силы, все ресурсы Казахстана – для победы над врагом! // Большевик Казахстана. 1941. № 7. С. 13–26.

**ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
ӘОЖ / УДК / UDK 930.2: 94 (574)**

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ «УШ ЖУЗ» (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ПАРТИИ)

Отеева Г.

Павлодарский государственный педагогический институт (г. Павлодар, Казахстан), доктор исторических наук, профессор
E-mail: g.otepova.hist@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена истории образования и деятельности одной из национальных политических партий Казахстана 1917 года - партии «Уш жуз». На основе исторических источников автор раскрывает идейные основы партии, анализирует ее программные требования, характеризует основные виды деятельности, показывает политическое противостояние «Уш жуз» с партией «Алаш».

Ключевые слова: История Казахстана, Партия «Уш жуз», Революция 1917 г., Исторические источники, Многопартийность, Демократизация общества.

«УШ ЖУЗ» ҰЛТТЫҚ ПАРТИЯНЫҢ ТАРИХЫНАН (ПАРТИЯНЫҢ ҚАЛЫПТАСТЫРУ 100 ЖЫЛДЫҒЫНА АРНАЛҒАН)

Отеева Г.

Павлодар мемлекеттік педагогикалық институты (Павлодар қ-сы, Қазақстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор
E-mail: g.otepova.hist@mail.ru

Аңдатпа. Осы мақала 1917 жылғы Қазақстанның ұлттық саяси партиялардың бірі – «Үш жүз» партиясының құрылу тарихы мен қызметіне арналған. Тарихи деректемелер негізінде автор партияның идеялық негіздерін ашып, оның бағдарламалық талаптарын талдайды, қызметтің негізгі түрлеріне сипаттама жасап, «Үш жүз» партиясының «Алаш» партиясымен саяси қайшылықтарын көрсетеді.

Түйін сөздер: Қазақстан тарихы. «Үш жүз» партиясы. 1917 ж. көтеріліс. Тарихи деректер. Бұратана халық. Көппартиялық жүйе. Қоғамның демократиялануы.

FROM THE HISTORY OF THE NATIONAL PARTY "USH ZHUZ" (TO THE 100-TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE PARTY)

Otepova G.

Pavlodar State Pedagogical Institute (Pavlodar, Kazakhstan), Doctor of Historical Sciences, Professor
E-mail: g.otepova.hist@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the history of the formation and activity of one of the national political

parties of Kazakhstan in 1917 - the party "Ush Zhuz". On the basis of historical sources, the author reveals the party's ideological foundations, analyzes its program requirements, characterizes the main activities, shows the political opposition "Ush Zhuz" with the "Alash" party.

Keywords: History of Kazakhstan. The party "Ush Zhuz". Revolution of 1917. Archival documents. A multiparty system. Democratization of society.

Введение

В ноябре 1917 года в 55 номере газеты «Революционная мысль» появилось сообщение о том, что в Казахском крае родилась новая Киргизская (Казахская) социалистическая партия «Уш жуз» [1]. «Казахи, недовольные программой партии «Алаш», созданной известным кадетом Букейхановым, организовали самостоятельную партию под названием «Уш жуз». Цель ее - защита федерации и объединение тюрко-татарских племен. В Учредительное собрание выдвинули отдельный список. Председатель президиума Айтпенов, секретарь Кабеков» [2]. Был избран Центральный Комитет партии, в его состав вошли: председатель – Мукан Айтпенов; товарищ председателя – Кольбай Тогусов, секретарь ЦК – Искак Кабеков; казначей – Абдрахман Клычбаев. Местонахождение ЦК партии «Уш жуз» – город Омск, ул. Телятникова, 48 [1]. Членами партии «Уш жуз» стали Шаймардан Альжанов, Абдолла Асылбеков, Нургали Кульжанов, Ермухамед Токпаев, Сулеймен Толенгутов, Кажымукан Мунайтпасов, Касен Каранаев, Мукан Есмагамбетов, Карим Дуйсекеев, Кали Есмагамбетов, Калиаскара Куанышев, Карим Сотешев, Абылкаир Досов и многие другие. Провозгласив о своем образовании, ЦК партии принял решение об издании своего печатного органа газеты «Уш жуз», которая печаталась в Петропавловске и выходила два раза в неделю. Редактором газеты был назначен К. Тогусов.

Появление партии «Уш жуз» в политической жизни Казахстана в период революционных потрясений не было случайностью. Ее появление подтвердило, что внутри казахского общества шел сложный процесс социально-политического размежевания. «Некоторые авторы считают «Уш жуз» мелкобуржуазной националистической партией. По нашему мнению, этот образ партии соответствует тому времени, когда она только создавалась. А в ходе развития революции претерпевают изменения ее взгляды, действия, тактика», - писал о партии академик М. Козыбаев [3, с.16].

Партия «Уш жуз» одной из своих ближайших задач считала необходимость участия в выборах в Учредительное собрание России. В газете «Революционная мысль» был помещен список кандидатов в Учредительное собрание от партии «Уш жуз», утвержденный ЦК партии: «В состав Учредительного собрания от партии «Уш жуз» под 11 номером был выдвинут следующий список кандидатов:

1. Беккожин Хасен-Ходжа, член Акмолинского областного киргизского комитета.
2. Альджанов Шаймардан, медицинский фельдшер, социал-революционер.
3. Тогусов Кольбай, журналист, член Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов.
4. Валиханов Махмуд, отставной офицер.
5. Торсанов Казий Торсанович, член Акмолинского областного киргизского комитета.
6. Косаев Усен, общественный деятель.
7. Сайфуллин Садвакас, народный учитель.
8. Адилев Байсеит, член Акмолинского областного киргизского комитета.
9. Куванышев Галиаскар, председатель Петропавловского уездного киргизского комитета.
10. Кульджанов Нургали, преподаватель Семипалатинской семинарии.
11. Талебаев Ибрай, националист.
12. Аблаев Султан Аблаевич, народный социалист.

13. Айтпенов Мухан Кирайбаевич, председатель Омского киргизского уездно-исполнительного комитета.

Список утвержден ЦК партии «Уш жуз» [1].

Однако малочисленная и малоизвестная на тот момент, партия не смогла сохранить всех своих кандидатов. На отказ многих кандидатов от участия в выборах на стороне партии «Уш жуз» сказались неопределенность и расплывчатость программных положений партии, ее неорганизованность и малочисленность. С.Сейфуллин писал по этому поводу: «Акмолинцы не приняли активного участия в выборах, потому что не хотели поддержать «Уш жуз»... Мы не участвовали в голосовании, чтобы показать наше несогласие с политикой «Уш жуз». Мы так поступили не из боязни перед Алаш-ордой и не потому, что думали, будто руководители «Уш жуз» были для народа хуже, чем главари Алаш. Наоборот, в партии «Уш жуз» имелись превосходные, честные товарищи, такие как Шаймерден (Альжанов) и Исхак (Кобеков). Для революции «Алаш» была опаснее и вреднее, чем «Уш жуз» [4, с.143-144].

Выборы в Учредительное собрание показали, что «Уш жуз» в начальный период своего существования не пользовалась достаточным влиянием среди казахского населения. Результаты выборов в Петропавловском уезде подтверждают это. «По 37 избирательному участку, в состав которого входят 15 станиц, кандидатские списки распределились по количеству голосов: № 5 (киргизская партия «Алаш») – 1113; № 11 (киргизская партия «Уш жуз») – 23 [5]. Газета «Вечерняя заря» в январе 1918 года писала: «Партия «Уш жуз» идет под названием «социалистической политической партии». ЦК находится в г. Омске. Партия не имеет никаких отделений в других местностях. Партия бедна и интеллигентными силами. В последнее время ряды все более и более редуют. Не говоря уже о других работниках, «Уш жуз» оставлена многими из тех лиц, имена которых были внесены в список кандидатов от партии в Учредительное собрание. Из 14 лиц, внесенных в кандидатский список, из состава партии вышли 8 человек. Причину этого приходится, по-видимому, искать в программе партии» [6].

Образование партии «Уш жуз» явилось своеобразной реакцией определенной части казахского населения на революционные события, произошедшие в стране в 1917 году. Выступая против своих угнетателей, эти слои населения в силу своей политической безграмотности и заботности не всегда и не сразу смогли разобраться в сложившейся ситуации. Это и определило идейные колебания, политическую слабость и нежизнеспособность партии «Уш жуз». Точных сведений о численности партии «Уш жуз» нет. Однако, судя по тому, что в адрес партии поступали многочисленные телеграммы из различных городов и поселков Казахстана и Средней Азии с приветствиями и заверениями в ее поддержке, численный состав ее постепенно увеличивался. Как указывает В.К. Григорьев, в этой партии «состояло на начало апреля 1918 года около тысячи человек» [7, с.417]. Эти данные подтверждают и другие исследователи, сообщая сведения, что только в Омске членов этой партии было более 450 человек, в Петропавловске около 200 человек [8, с.191].

«Уш жуз» в своем составе объединяла часть интеллигенции, учителей, учащихся, фельдшеров, служащих учреждений, а также мелких скотоводов, крестьян-земледельцев, кустарей, мелких собственников, представителей рабочего класса. Сравнивая социальный состав двух партий «Алаш» и «Уш жуз», С.Сейфуллин писал: «В Алаш-Орде состояли сливки байской верхушки, сынки высокопоставленных чиновников, получивших воспитание в царских гимназиях, потомственные мирзы, можно сказать, элита нации. А в «Уш жуз» собрались омские городские жители, мастеровые, ямщики, пастухи, в основном неграмотная беднота. Оказался среди них и известный борец Хаджимукан, бывший ранее пастухом» [4, с.135].

Большинство рядовых членов партии привлекали идейные позиции «Уш жуз». Вначале они представляли синтез идей эсеров и традиционного мусульманского движения, которые были

наиболее популярны и понятны среди основной массы казахского общества. В начальный период партии К. Тогусов определил позиции «Уш жуз» следующим образом: «Наша партия «Уш жуз» придерживается (платформы) и идет по пути левого крыла социалистов-революционеров» [9]. Постепенно лидеры партии, разочаровавшись в деятельности Временного правительства, все больше и больше склоняются на сторону Советов, им импонируют идеи социализма о свободе, равенстве и справедливости.

Партия большевиков, чтобы укрепить свое политическое положение и достичь своих целей, пыталась поддержать и привлечь на свою сторону все организации и партии, которые, так или иначе сочувствовали и поддерживали революционные преобразования в стране. В этом плане партия «Уш жуз» представляла большой интерес для них. В частности, большевики г. Омска предоставили лидерам партии «Уш жуз» место на страницах своей газеты «Революционная мысль», тем самым, давая ей возможность пропагандировать свои идеи среди населения Западной Сибири и Северного Казахстана.

Большевики не просто поддерживали партию «Уш жуз», но и пытались противопоставить две национальные партии друг против друга, все больше и больше разжигая вражду между ними. Об этих действиях большевиков вспоминает А. Джангильдин: «После возвращения из Москвы в Оренбург (конец апреля, начало мая 1918 года) я был вызван по прямому проводу наркомом по делам национальностей Сталиным, который сказал мне следующее: «Со мной вел переговоры Кольбай Тогусов, который являлся редактором газеты «Уш жуз». Одновременно он является организатором партии «Уш жуз» в противовес алашордынской. Мне думается, что эта партия более близка к нам. Следует с ними связаться, выяснить, что представляет эта партия и что представляет Тогусов сам. Если эта партия действительно идет в противовес Алаш-Орде, если она действительно более близка к нам, следует перетянуть ее на нашу сторону...» [10, с.50].

При поддержке большевиков партия «Уш жуз» получила два места на III съезд Западносибирского совета рабочих и солдатских депутатов, который проходил со 2 по 10 декабря 1917 года в Омске. В работе съезда приняли участие представители Петропавловского, Атбасарского, Павлодарского, Семипалатинского и Кокчетавского советов. Решением съезда Советская власть была признана единственной властью на местах и в центре. Под влиянием решений съезда ушжузовцы совместно стали действовать с Омским областным советом рабочих и солдатских депутатов в различных сферах политической и хозяйственной работы.

Постепенно влияние партии «Уш жуз» расширяется и крепнет среди казахского населения. Комитеты партии «Уш жуз» появляются и начинают действовать в Петропавловске, Кокчетаве, Акмоле, Семипалатинске. В январе 1918 года ЦК «Уш жуз» делегирует в состав Петропавловского совета двух представителей – К. Тогусова и И. Кабекова. В этот же период на заседании исполкома Петропавловского совдепа было принято решение об образовании уездных совнархозов, в состав которого из числа членов уездного комитета партии «Уш жуз» выдвинуты были четыре человека – И. Кабеков, М. Исмагамбетов, С. Теленгутов, М. Усербаев. На этом же заседании решением Петропавловского совдепа К. Тогусов был единогласно избран в Омский губернский исполнительный комитет [11].

18 января 1918 года состоялось заседание исполкома Петропавловского комитета совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовал К. Тогусов как член Западно-Сибирского областного комитета. Он сделал доклад, в котором предложил ликвидировать уездный комиссариат Временного правительства, который возглавлял гражданин Хращевский. На основании его доклада было принято специальное постановление, в котором говорилось: «...организовать уездный комиссариат, влить в него представителей от казахской партии «Уш жуз», от Российской социал-демократической партии, от Совета рабочих и солдатских депутатов и от трудового казачества». От казахской партии «Уш жуз» избранным оказался И. Кабеков.

Петропавловский исполнительный комитет принял решение о сборе денег для оказания помощи нуждающимся. Об этом решении появилось сообщение в газете «Уш жуз»: «Решением Кызылжарского комитета рабочих и солдатских депутатов было принято решение собрать 2 млн. рублей. Для этого были приглашены 13 баев, но так как они добровольно не откликнулись, они были заключены в тюрьму. 11 декабря, когда была собрана нужная сумма денег, они были освобождены. Данные деньги предназначаются сиротам, калекам, детям бедняков для учебы, вдовам погибших на войне солдат и другим обездоленным» [12].

О том, что партия большевиков пыталась рассорить и разъединить казахские демократические силы и противопоставить их друг другу, говорят следующие факты. Большевики г. Омска, узнав, что некоторые представители партии «Алаш» отговаривают население поддерживать кандидатов от партии «Уш жуз», быстро приняли соответствующие меры. Они поместили статью в газете «Революционная мысль» следующего содержания: «Мы призываем киргизскую бедноту не поддаваться на эту агитацию и дружно идти за своими представителями в партию «Уш жуз» [13]. Защищая ушжузовцев, большевики в отношении алашордынцев стали применять и репрессивные меры. Так, например, по решению Петропавловского совета 18 января 1918 года были арестованы члены партии «Алаш» Д. Глеулин и Б. Малдыбаев за явно контрреволюционную агитацию против Советской власти рабочих и солдатских депутатов.

15 марта 1918 года Петропавловский совдеп по предложению большевиков, для поддержания партии «Уш жуз», принимает решение «Об отпуске ЦК партии «Уш жуз» заимообразно 5 тысяч рублей и выдать их по мере надобности» [14, л.102]. Несколько ранее ЦК «Уш жуз» получила материальную помощь от Омского совета.

Партия «Алаш» не признала Советскую власть и не поддержала ее преобразования, она ставила задачи освобождения казахского народа другим путем. Ушжузовцы наоборот поддержали сторону Советов, считая, что именно революция принесет казахскому народу свободу и независимость. На этой почве началась борьба между двумя партиями. Выбрав путь борьбы, эти две партии во многом проигрывали. Однако борьбу этих партий нельзя ставить им в вину. Это была борьба не за власть, а борьба против старого царского режима, борьба за освобождение и независимость казахского народа. Но на этом пути каждая партия выбрала и отстаивала свою тактику. Защищая интересы революции, ушжузовцы верили в правоту своих идей и действий. В целом же, партия «Уш жуз» пыталась отойти от крайних точек политического выбора и занимала срединную позицию по тем или иным политическим вопросам. Она пыталась синтезировать популярные лозунги левых эсеров относительно земли, идеи «мусульманского единения» и большевистские принципы свободы, равенства, братства и найти свой «особый» путь освобождения народа.

Стремление партии «Уш жуз» связать идеи «мусульманского братства», «единения тюрко-татарских детей» с революционным процессом можно объяснить особенностями социально-экономического развития национальных окраин России. Здесь переплетались борьба народа за свою свободу и независимость, борьба против колониального гнета и местных угнетателей, борьба против невежества и засилья безграмотности, борьба за прогрессивное развитие казахского общества и демократию. Подавляющее большинство народных масс Казахстана и Средней Азии было безграмотным и находилось под сильным влиянием мусульманского духовенства. Многие представители казахской интеллигенции считали, что приобщить народ к знаниям, просвещению легче и целесообразнее в тех условиях через ислам. Поэтому столь противоречивы иногда были высказывания руководителей партии «Уш жуз». Но надо отдать должное, что из каждого направления ушжузовцы пытались брать на вооружение самые передовые и прогрессивные идеи, которые были направлены на дальнейшее развитие казахского

общества.

Под влиянием всех этих идей оформились программные тезисы партии «Уш жуз», которая отражала основные аспекты стратегии и тактики Казахской социалистической партии. Программные положения, до конца не оформленные и четко не сформулированные, были опубликованы во втором номере газеты «Уш жуз» в конце декабря 1917 года. Каждый свой шаг партия «Уш жуз» сравнивала и сверяла со своим политическим оппонентом партией «Алаш». В программе нашли отражение некоторые положения ислама, идеологии левых эсеров, принципы демократии и гуманизма. В целом партия «Уш жуз» провозглашала себя защитницей интересов народа, в ней нашли отражение злободневные вопросы современности: автономии, религии, суда, земства, войны и мира, земельный вопрос. Все эти проблемы «Уш жуз» пыталась рассматривать с демократических позиций, учитывая интересы казахского народа.

Первый пункт программы раскрывает отношение «Уш жуз» к актуальной проблеме того периода - о войне. По вопросам войны и мира «Уш жуз» занимала общегражданские позиции и выступала за немедленное прекращение войны, заключение мира между воюющими странами без аннексий и контрибуций. Ушжузовцы считали, что мир должен быть заключен во что бы то ни стало, так как война каждый день уносила тысячи жизней, и все больше и больше разоряла народ. «Қазақ халқына кесір-кесапаты көп тиіп, түгел шаруасын күйзелеткен, дүние жүзін қызыл қанға тойғызған, адам баласын топалаң тиген қойдай қырған қанды соғысты дереу тоқтатып, ешбір жағына айып-қайыпсыз, шығынсыз, көпке бірдей тыныштықты бітім жасау» [14, л.101].

Вторым пунктом программных тезисов партия «Уш жуз» рассматривала вопросы государственного устройства казахов. Ушжузовцы считали, что создать отдельную казахскую автономию будет трудно. В связи с этим партия предлагала создать Тюркско-татарскую автономию в составе России. Эта автономия должна была объединить все тюркоязычные народы, исповедывающие ислам и проживающие на окраинах России. «Көптен келе жатқан қазақ билігінің тізгінін осы жолы Петербургтан жұлып алып, Том шаһарына беріп, Сібірдің автономиясына қосылып, әлі де болса орысты аға қылуға керек деп – «Алаш» партиясы айтады. «Жоқ, сары орыстың бәрі орыс! Қазақтың «кәмшәт бөркін» бір таздан алып, бір тазға кигізгеннен не пайда? Онан да сөз жүйесін тапса, мал иесін табады» деген секілді ата-бабаларымыздың «кәмшәт бөркін» өзіміз кисек болмай ма? Қазақ көрінген орыстын бәрін аға қылғысы келмейді... Онан да «есің бар да, етегіңді жап», «темірді қызу үстінде сок» деген секілді федерация алып, құтты қадам, құтпанды үйімізде құртымызды жеп, қойыртпағымызды ішіп, мұнан бұлай мз қотырымызды өзіміз қасып отырарлық, - деп «Уш жүздің» партиясы айтады» [14, л.102]. Видный представитель партии «Уш жуз» Н. Кульжанов объясняет позицию партии по этому вопросу следующим образом: «Во-первых, совершенно утопично образование в данный момент «Алашского государства», отторгнутого от России, так как его территория не определена, а казахи живут в различных районах Средней Азии и русских губерниях. Во-вторых, вместе с казахами в степи живет немало русского населения. Без его согласия провозгласить самостоятельное государство казахов было бы чревато опасными последствиями. В-третьих, при сплошной неграмотности населения, отсутствии кадров и специалистов, без поддержки русского народа, Казахстану невозможно осуществлять функции суверенного государства» [8, с.26].

Излагая свои взгляды по вопросам политического устройства страны, ушжузовцы выступали против Алашской автономии, подчеркивая нереальность вхождения казахской автономии в состав Сибири. Руководители «Уш жуз» обосновывали это так: «Егер де «Алаш» партиясы айтқандай, біз барып, Сібір автономиясына қосылсақ, анау жақта Кіші жүз һәм қырғыз бауырларымыз Орта Азия, Түркістаннан, мың жылда бізге қосылар ма?.. Қысқасы, ібілістен бір атасы жуық, сонау Томға бағынып, Сібірге табынғанша, ең болмағанда Орта Азия, Түркістан халқы бір ынтымақта болып федерацияны ортаға алалық» [14, л.102]. Таким образом, идеалом

партии «Уш жуз» была Тюркская республика в составе Российской Федерации.

По аграрному вопросу точки зрения «Алаш» и «Уш жуз» были также различны. Партия «Алаш» писала о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, но при этом они предлагали разделить землю среди крестьян по нормам Щербины, который осуществлял в Казахстане переселенческую политику. Партия «Уш жуз» также говорила о необходимости передачи земли тем, кто ее обрабатывает, но только по оседлым нормам. Она призывала казахов перейти к оседлости и заниматься хлебопашеством. Отвечая по этому пункту партии «Алаш», они писали: «Егер Щербинный нормасы басшылыққа алынса, онда осы күнде иіліп, бүгілуге келмей, сынадай қысылып отырған қазақтың жерінен әлі де болса неше миллион десятина жер үлеске кетіп, қазақ жер ортасы көк төбе деп шоңқиып мұзға отырып қалады. Не мал бағуға келмейді, не егін салуға келмейді, өйткені жерінің бәрі топырақ, қызыл құм. Одан да қазаққа өз көзіңді өзін жой десеніңші. Әйтпесе, осындай құдайдың көктен рақат жаңбыры жауып, жер дүние нұрға толып тұрған уақытта кешегі қара көңіл, ала көз ұлықтар заманында шыққан Щербинный нормасымен «жер бер» деп сұрағанымыз – шөлден қаны кеуіп жүрген ақымақтың үй алдында бір күбі салқын суды көрмесі, болмаса тай жүрген сабадағы зәм-зәм шарабы сары қымызды білмей, қолы ашық, жүзі жарық, жомарт бәйбішеден анау іріткіңнен бір жұтқызшы деген секілді ғой» [14, л.103].

В вопросах религии, судеустройства партия «Уш жуз» пыталась сохранить влияние ислама на духовное развитие общества, так как с большим почитанием относилась к мусульманской вере. По этим пунктам точки зрения «Алаш» и «Уш жуз» были прямо противоположные. «Уш жуз» считала, что религия и государство должны быть неразделимы. Более того, они полагали, что ислам поможет преодолеть трудности и лишения на пути к свободе и просвещению, поможет указать истинный путь спасения. В новый сборник законов партия предлагала внести положения шариата о справедливости и честности. Вместе с тем ушжузовцы считали, что при этом надо отбросить жесткие пункты Корана, которые предписывали отрезание пальцев, ушей, носа. «Құранның қатты жерін алмасақ алмалық, ал қатты емес жерін қалай алмаймыз, - дейді «Үш жүз». – Құранның нақақ, талақ хұсусындағы туралығын дініміз мұсылман біз тұрсын, діні басқа кәпір де окружной судьяларына үлгі қылып отырады ғой... Қысқасы, шариғаттың әділдік пен адалдығын алалық, егерде мұны да алмасақ, электрический лампаның жарығы қазақ көзіне жақпайды. Онан да бұрынғы қазақтың білтемен жағатын сықсимасы артық дегеніміз болады ғой деп, - «Үш жүздің» партиясы айтады [14, л.104].

Ушжузовцы ставили перед собой задачу создания земских учреждений в казахских аулах, но таких, которые соответствовали бы хозяйству и быту простых горожан и кочевников. «Орыс түрімен земство ашалық, - дейді «Алаш». Жоқ, қалалы халықтың земствосы көшпелі жұрттың шаруасына қабыспайды. Онан да төрт түлік мал шаруасына қолайлап, ел ақсақалдарымен, көп өткерілген білгіштермен отырып ашалық. Құр, «ойбай земство деген тамаша, оңды нәрсе» деп көзсіз көбелектей, жарыққа айналып, шамға күйіп қап жүрмелік деп, - «Үш жүздің» партиясы айтады» [14, л.104]. Земства, по мнению «Уш жуз», должны были способствовать открытию школ на местах, распространять знания среди населения, помогать бедным крестьянским хозяйствам инвентарем, семенами, кредитами.

Далее в своей программе партия «Уш жуз» предлагала заступаться за слабых, помогать сиротам, обездоленным и по возможности не допускать несправедливости в отношении бедных. «Ғарып-ғасірге халі келгенше болысып, жетім-жесірге шамасы келгенше қарасып, енді мұнан бұлай қара жүрек алауыздарға кедей бейшараларды жегізбеу» [14, л.104].

В последнем пункте программы определялись рамки действий будущей парламентской группы в Учредительном собрании. Ушжузовцы писали о том, что они составят единую фракцию с мусульманскими депутатами и поддержат партию эсеров. «Онан да әуелі күллі мұсылман депутаттары болып бірігіп, оның үстіне федерация сүйетұғын социал-революционерлермен

қосылып, оңдап бүктейтұғын жағына шығалық деп, - «Үш жүздің» партиясы айтады» [14, л.104]. Призыв к эсеровской ориентации свидетельствует о стремлении партии «Уш жуз» отстаивать интересы мелких частных собственников и крестьян, которым были близки и понятны аграрные требования эсеров.

Непоследовательность, расплывчатость программы партии «Уш жуз» были обусловлены еще и тем, что не было единства внутри самой партии. Председателем партии вначале был избран М. Айтпенов, который по многим вопросам поддерживал политическую линию партии «Алаш». Сторонники Айтпенова в ЦК партии были против принятия решений, направленных на укрепление завоеваний революции, Советской власти. На этой почве началась борьба между сторонниками М. Айтпенова и сторонниками К. Тогусова, которая закончилась освобождением М. Айтпенова от поста председателя партии. В феврале 1918 года председателем ЦК партии «Уш жуз» единогласно был избран К. Тогусов. Но борьба между М. Айтпеновым и К. Тогусовым продолжалась и дальше. В апреле 1918 года, являясь комиссаром юстиции, К. Тогусов организовал арест Айтпенова.

С избранием К. Тогусова на пост председателя ЦК в политической линии партии намечаются определенные тенденции, теперь партия открыто начинает поддерживать действия Советской власти. К. Тогусов, считая себя сторонником демократических преобразований в стране, уверенно говорит: «От имени киргизской демократии решительно заявляем, что вновь образованный Акмолинский областной комиссариат в лице Тверитина, Тогусова, Максимова и Токпаева получит твердую поддержку со стороны киргизской демократии» [15].

ЦК партии «Уш жуз» неоднократно подчеркивала, что «всегда и везде будет отстаивать интересы революции, и будет работать рука об руку с Советами, которые были избраны народом» [15]. Ушжузовцы искренне верили, что революция свершилась во имя свободы трудящегося народа, и всячески поддерживали любые революционные преобразования в стране. Газета «Революционная мысль» писала: «Редакция «Уш жуз», орган социалистической киргизской партии «Уш жуз», в довольно сильных выражениях призывает трудящееся киргизское население немедленно сплотиться против эксплуатации и мощно поддержать Советы рабочих и солдатских депутатов на местах и тем закрепить завоевания Октябрьской революции» [16].

Большевики привлекали различные политические организации на свою сторону различными популистскими лозунгами. «Безусловная привлекательность провозглашения права народов на самоопределение, их равенства и суверенности, отмены национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений сыграли огромную роль в утверждении Советской власти на местах. Особое значение имели в этом отношении «Декларация прав народов России» и воззвание СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» [17, с.32].

Как защитники интересов мусульманского движения, ушжузовцы с радостью восприняли и поддержали Обращение СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Для обсуждения этого обращения было созвано экстренное заседание ЦК партии «Уш жуз», на котором была принята специальная резолюция партии. В ней в частности, говорилось: «Кто следил за политическими чаяниями мусульман России, тот может увидеть ясно, что в вышеприведенных цитатах Обращения СНК нашли себе яркое отражение чаяния мусульман. Ведь до сих пор никогда ни русская, ни европейская власть не говорили с нами таким языком. Ведь до сих пор никакие общественные группы Европы не смотрели на мусульман такими глазами. СНК правильно понял общность задач между демократической Европой и 360 млн. мусульманством. Везде в подлунном мире мусульмане жертва Европейского империализма. Объектом захватных стремлений европейской буржуазии являются главным образом мусульмане и мусульманские страны. Борьба с империализмом, провозглашенная русской демократией, в результате должна иметь освобождение мусульманских стран от эксплуатации европейского

капитала и от опасности постоянных разделов. И в этом отношении как раз приняты решительные шаги СНК, чего мы, мусульмане, не видим ни у правительства Львова, ни у правительства Керенского» [18].

К. Тогусов расценивал Октябрьский переворот с позиций того, что он был совершен для народа и во имя народа, и поэтому во всем поддерживал начинания новой власти. «Русский народ, путем переворота 24 октября прошлого года, передал всю полноту власти в Российском государстве Совету народных комиссаров и Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Советы эти, являясь истинными защитниками всех трудящихся, независимо от их национальности и подданства, своим властным словом уже создали в России такие условия, при которых навсегда исключается возможность эксплуатации трудящихся», - писала в своем воззвании к киргизскому народу партия «Уш жуз» [19]. Для К. Тогусова было главным защитить завоевания революции, которая принесет народу долгожданные права и свободы. Всех, кто был против революции, он считал врагами и вел с ними беспощадную борьбу. В связи с этим партия «Уш жуз» выступила против партии «Алаш», считая ее контрреволюционной организацией.

Начиная с января 1918 года, ушжузовцы начали открытую войну против алашордынцев. 26 февраля 1918 года на заседании президиума Омского краевого исполнительного совета, К. Тогусов заявил, что «Казахский областной исполнительный комитет должен слиться с исполнительным комитетом крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и работать совместно во всех административных и хозяйственных организациях» [14, л.99]. Председатель Омского областного исполнительного комитета товарищ Ишмаев в своем выступлении поддержал в основном данное предложение К. Тогусова. Однако он указал, что до созыва Омского областного съезда казахских трудящихся надо воздержаться от «полного официального слияния», т.к. вновь созданный Казахский исполнительный комитет не избран общим съездом казахов Омской области, а имеются только члены его, назначенные от казахских социалистических организаций.

Весной 1918 года состоялось расширенное заседание ЦК партии, на котором присутствовало около 200 человек [11]. На заседании с докладом «О текущем моменте» выступил председатель ЦК партии «Уш жуз» К. Тогусов, который обвинил алашордынцев в контрреволюционной деятельности. По его докладу была принята резолюция. В ней говорилось, что при создавшейся в стране политической обстановке, когда внутренние и внешние враги революции, объединившись, развязали войну против Советской власти, пытаются вызвать волнения среди населения, ушжузовцы решительно осуждают действия «Алаш», которые объединились с контрреволюционными силами. Партия «Уш жуз» от имени своего руководства сообщала о своей полной готовности подавить контрреволюционные выступления и заявляла о своей твердой решимости выступить на стороне революционного народа. Далее ушжузовцы писали, что «вследствие наступления германских империалистов и разного рода контрреволюционных генералов, дворян, священников и других буржуазных классов над революционной Россией нависла серьезная опасность. В связи с этим ЦК партии «Уш жуз» объявляет о желании казахской демократии быть в такой критический момент рядом с русской революционной демократией на страже и окончательно подавить контрреволюционные наступления врагов народа» [20].

Критикуя действия алашордынцев, которые занимали большинство в Казахском областном комитете, ЦК партии «Уш жуз» принимает решение о ликвидации этого комитета, как органа контрреволюции и посылает своих делегатов для создания там своего органа власти. В связи с этим «Центральный комитет партии «Уш жуз» совместно с исполнительным комитетом самостоятельных единиц Омского уезда, учитывая настоящий момент, когда малейшее промедление может вызвать контрреволюцию, постановил: 1. Областной киргизский комитет, как орган контрреволюции, считать низложенным, немедленно делегировать временно до созыва

демократического съезда в областной комитет следующих членов Центрального комитета: Ш. Альжанова, Е. Токпаева, К. Мусина, членов Исполнительного комитета из самостоятельных единиц Омского уезда тов. А. Клычбаева, коим приказать работать рука об руку с русской революционной демократией, в лице демократических Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и их исполнительных органов, поставленных Октябрьской революцией; 2. Довести об этом неуклонном решении киргизской демократии до сведения всех советов и исполнительных комитетов; 3. Сообщить весь обвинительный материал следственной комиссии при революционном трибунале омского Совета рабочих и солдатских депутатов для немедленного привлечения в качестве обвиняемых и заключения под стражу следующих контрреволюционных членов низложенного областного комитета: Асылбека Сеитова, Магжана Жумабаева, Айдархана Турлубаева, Еркосая Мукучева, Ережана Итбаева, Мусульман-Бека Сеитова» [20].

Ушжузовцы, поддерживая власть Советов и проводя ее в жизнь, предупреждают большевиков о деятельности алашордынцев на местах. К. Тогусов 21 апреля 1918 года отправил телеграмму на имя председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина и его копию народному комиссару по делам национальностей И.В. Сталину. В ней, в частности, он писал: «В Западной Сибири и Степном крае наряду с казахской социалистической партией «Уш жуз», стоящей на платформе Советской власти и идущей рука об руку с ней, существует другая буржуазная (партия) «Алаш», во главе которой стоит известный кадет Букейханов и другие. До сведения моего, председателя партии «Уш жуз» дошло, что Букейханов имел с вами разговор по прямому проводу об автономии киргизов. Довожу до сведения, что партия «Алаш» разогнана, члены ее арестованы. Букейханов, один из видных участников выступления Дутова, разыскивается. По имеющимся газетным сведениям видный член партии «Алаш» Габбасов, прибывший в Москву, имел с вами свидание. Просьба сделать распоряжение об аресте Габбасова и выслать в Омск, как привлеченного в контрреволюционном выступлении и подлежащего преданию суду революционного трибунала. Председатель Центрального комитета социалистической партии «Уш жуз» Кольбай Тогусов» [21, л.15]. К. Тогусов не просто отправил телеграмму в Москву, но также хотел лично переговорить со Сталиным. Об этом факте мы узнаем из телеграммы, которая сохранилась в архиве: «Москва. Кремль. СНК и комиссару национальных дел Сталину. Прошу вас тов. Джугашвили-Сталин явиться 21 апреля к 6 часам вечера петроградского времени к прямому проводу с целью выяснения ряда политико-национальных вопросов. Председатель ЦК партии «Уш жуз» Тогусов» [21, л.18].

К. Тогусов искренне верил в то, что большевики приведут казахский народ к свободе. Говоря о необходимости объединения всех казахских демократических сил, на деле он проводил политику Советской власти, которая углубляла разногласия между национальными партиями. По этому поводу видный член партии «Алаш» Х. Габбасов говорил: «Пренебрежение естественным стремлениям народа со стороны местных Советов не прекращается. Гонения казахской организации, аресты членов их восстанавливают казахские массы, углубляют национальный антагонизм» [22, с.36]. Одной из своих задач партия «Уш жуз» считала борьбу с местными структурами партии «Алаш», считая их врагами революции. В Омске был создан областной Казахский революционный комитет в противовес алашордынскому. ЦК партии «Уш жуз» принимает окончательное решение о ликвидации Казахского областного комитета Акмолинской области, которое было создано еще при Временном правительстве. Постановлением ЦК партии «Уш жуз» было принято решение: «Акмолинский областной киргизский исполнительный комитет как орган контрреволюции низложен, члены арестованы. Временно до созыва Областного киргизского демократического съезда делегированы в Областной киргизский исполнительный комитет следующие члены Центрального комитета партии «Уш жуз»: Муқан

Айтпенов, Абдрахман Клычбаев, Сулеймен Теленгутов, Карибай Мусин, Шаймардан Альжанов, Ермухамед Токпаев, Садывакас Джантасов, Мухамед-Рахим Шаймарданов, Ахмед Абдрахимов и Джаркимбек Кабенин» [23].

На место ликвидированных комитетов, считали ушжузовцы, надо избрать новые комитеты, которые будут защищать интересы трудового населения и проводить в жизнь политическую линию Советской власти. В связи с этими событиями ЦК партии в марте 1918 года опубликовало «Воззвание ко всему трудящемуся киргизскому населению». В нем было записано: «ЦК Социалистической киргизской партии «Уш жуз» объявляет всему трудовому киргизскому населению, что 25 февраля нового стиля Областной киргизский исполнительный комитет, как защищавший интересы не широких масс, а лишь буржуазной части населяющих степи киргиз, распущен, члены арестованы, а до созыва Областного демократического киргизского съезда избран временный новый Областной исполнительный комитет, который главной работой своей ставит защиту интересов трудящихся и освобождение их от ига буржуазии и капитала... Киргизы-пролетарии! Вы так же, как и русские рабочие, и крестьяне, измучены веками длившейся эксплуатации вашего труда. Вы, так же как и они, работали не на себя, а на других и жили у тех, у которых были в экономическом рабстве. Вам также хочется лучшей, свободной и независимой жизни. Идите же, чтобы получить такую жизнь рука об руку с русским народом и с Советами рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Помните, что одна Советская власть может защитить интересы трудового народа. Помните, что, устраивая новую жизнь на демократических началах, необходимо работать в контакте с трудовым крестьянством и казачеством, закрепляющем социалистический строй и все завоевания революции, сбросившей с народных масс вековой гнет буржуазии» [19].

Определяя свою политическую линию, «Уш жуз» в этом воззвании говорит о защите интересов трудящихся, о необходимости тесного сотрудничества с органами Советской власти, которую ушжузовцы считали единственной защитницей демократических завоеваний революции. Своим неотъемлемым долгом лидер партии К. Тогусов считал углубление революционных процессов, защиту интересов новой власти. Он говорил: «Советы эти, являясь истинными защитниками всех трудящихся, независимо от национальности и подданства, своим властным словом уже создали в России такие условия, при которых навсегда исключается возможность эксплуатации трудящихся» [19]. Таким образом, видно, что ушжузовцы к весне 1918 года полностью поддерживают власть Советов. Семипалатинскому областному совету ЦК партии «Уш жуз» выдвинул требование ликвидировать уездные киргизские комитеты, а заботу о нуждах казахского населения передать в местные советы. Такой путь ушжузовцам подсказали письма трудящихся пяти уездов области. 14 марта 1918 года представители казахских трудящихся 5 уездов Семипалатинской области (Семипалатинского, Павлодарского, Усть-Каменогорского, Зайсанского, Каркаралинского) обратились со специальным посланием в Семипалатинский областной комитет Советов и социал-демократической партии «Уш жуз»: «Как известно, впервые дни революции на смену кровожадным волостным управителям угнетателям народа появились так называемые исполнительные комитеты. Но что они дали казахскому народу? Вместо одного вампира, высасывающего кровь, появились десятки скорпионов, с большим искусством жалящих своим хвостом наше истощенное тело. Одним словом, в состав Казахского исполнительного уездного и волостного комитетов входят прежние буржуазные элементы старого режима. Этот пережиток необходимо во имя блага справедливости и счастья казахов немедленно уничтожить» [21, л.21]. Трудящиеся обращались с просьбой к партии о ликвидации волостных и уездных комитетов, которые поддерживали буржуазию. В одной из телеграмм говорилось: «Представители киргизского пролетариата пяти уездов Семипалатинской области шлют вам привет и просят поддержать их ходатайство перед Семипалатинским областным совдепом об

уничтожении всех киргизских буржуазных комитетов в области, уезде и волостях, уничтожении их соответственно декретам Советской власти» [21, л.25].

Более четко определив свои позиции по основным вопросам жизни казахского населения, заняв позицию поддержки завоеваний революции и власти Советов, партия «Уш жуз» активизирует свои действия, пытаясь найти поддержку среди трудового населения. Эту мысль подтверждает телеграмма, которую Тогусов отправил в Зайсан. В ней говорится: «Партия «Алаш» разогнана, некоторые члены арестованы, Букейханов разыскивается. Демократическая партия «Уш жуз» разрастается с каждым днем, становится непобедима» [21, л.16].

Партия «Уш жуз» пользовалась авторитетом и имела поддержку среди определенной части казахской молодежи. В январе 1918 года бедняцкая часть молодежи, находившаяся под влиянием «Уш жуз», отделилась от организации «Бірлик» и организовала свой «Демократический совет учащихся» во главе с Абилкайром Досовым. В состав этой организации вошли Таутан Арыстанбеков, Жанайдар Садвакасов, Сарсен Аманжолов, Хамза Жусипбеков и многие другие. 24 марта 1918 года в Омске состоялось собрание учредителей Комитета всепомоществования с участием членов «Демократического Совета учащихся» и правого крыла «Бірлик». На этом собрании присутствовал председатель ЦК партии «Уш жуз» К. Тогусов. С разрешения председателя собрания А. Досова, он обратился со словами к молодежи: «Молодежь! Ваш новообразуемый комитет не только будет комитетом всепомоществования, но и комитетом, защищающим интересы всей мировой демократии, а потому дайте ему название «Демократический Совет учащихся», который должен опираться на какую-либо демократическую партию, например, «Уш жуз». В наше время ничего нет без партии. Это одно. Второе, если вам желательно успешное окончание работы, то этих буржуев и ярых алашордынцев надо немедленно прогнать из собрания, они натворят беды...» [14, л.105]. Для упразднения «Бірлик» 12 апреля 1918 года в его правлении прибыли К. Тогусов и Т. Арыстанбеков в сопровождении двух вооруженных красногвардейцев, которые произвели обыск и опечатали делопроизводство общества «Бірлик» [14, л.106]. В марте 1918 года «Демократический Совет учащихся» организовал литературный вечер, на котором была поставлена пьеса К. Тогусова «Жертва невежества». Вырученные деньги от этой постановки 800 рублей были переданы на нужды курсантов [11].

В отличие от многих общественных организаций и партий, партия «Уш жуз» поддержала Советскую власть в вопросе о заключении мира. Как известно, на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде советов, который проходил с 14 по 16 марта 1918 года, был решен вопрос о ратификации Брестского мирного договора. Левые эсеры выступили против договора о мире и заявили о своем выходе из Совнаркома. Это послужило одним из поводов того, что партия «Уш жуз» отошла от позиций партии левых эсеров. В отличие от них партия «Уш жуз» горячо приветствовала принятие Брестского мира и направила в адрес съезда приветственную телеграмму. В ней говорилось: «Центральный комитет Социалистической партии «Уш жуз» и Казахский областной комитет именем восьмимиллионной Киргизской демократии приветствует Всероссийский съезд советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, шлет горячие пожелания плодотворной работы. Перед съездом стоит огромная задача решить вопрос о мире. Киргизская демократия глубоко и твердо верит, что съезд сумеет решить этот вопрос согласно желаниям и интересам демократии и закрепит за собой завоевания Октябрьской революции. Председатель ЦК социалистической Киргизской партии «Уш жуз» К. Тогусов. За председателя Областного исполнительного комитета Совета киргизских депутатов Шаймарданов» [24]. Телеграмма ЦК партии «Уш жуз», оглашенная на съезде, произвела большое впечатление на его участников. Постепенно деятельность ушжузовцев находит поддержку среди населения восточных областей Казахстана. Телеграмма из Зайсана 22 апреля 1918 года на имя Тогусова

сообщает: «Зайсанский съезд признал Советскую власть. Партия «Алаш» держится прежней платформы. Казахская демократия не организована. Необходимы пропагандисты, организаторы партии «Уш жуз». Обязательно вышлите. Результаты телеграфируйте» [21, л. 16].

На призывы партии «Уш жуз» не поддерживать и не оказывать помощь алашордынцам создавать народную милицию, казахи Омска ответили следующим образом: «Мы, нижеподписавшиеся граждане, казахи Омской области. Нам сего числа, член следственной комиссии Революционного трибунала Е. Токпаев объявил, чтобы мы граждане не делали никаких денежных сборов в пользу белой гвардии под названием «народной милиции» Алаш-Орды, выступающей против Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и СНК. После объявления Токпаева, мы граждане, единогласно постановили: не делать никаких денежных сборов не образовывать никакой (белой гвардии) народной милиции против СНК, далее, мы граждане, обязуемся немедленно принять меры или донести Совету, или следственной комиссии, если только, что услышим или заметим каких-либо вредных лиц и обществ, т.е. контрреволюционных выступлений против власти и Народных комиссаров» [14, л. 120]. Под этим письмом стоит подпись 162 человек.

«Алаш» и «Уш жуз» постоянно вели борьбу на страницах периодической печати между собой, не церемонясь в выборе выражений, обливая друг друга грязью. Газета «Казах» писала: «Злонамеренные, похожие по виду на людей, по инстинкту и действиям на зверей, именуемые партией Уш жуз, стали на путь поношения и очернения деятелей партии Алаш, к которым тяготеет все казахское население. Подобно тому, как для уничтожения волков кладут им яд-стрихнин, так и для них нужен следующий яд. Партия Уш жуз есть партия разбойников. Она представляет язву на теле народа. Долг сынов Алаша – не обращать внимания на ее слова и быть подальше от нее» [11].

«Алаш», подчеркивая приверженность «Уш жуз» социалистическим идеям, большевикам, предостерегала казахов от их влияния. В лице ушжузовцев «Алаш» видела распространителей идей большевизма в казахских аулах. На страницах газеты «Казах» появилась статья под заголовком «Большевики из киргиз». В ней говорилось: «В то время, когда киргизский народ переживает критический момент и старается найти средства спасения себя от разгрома большевиков, появились и среди нас враги народа – большевики. Если большевики-киргизы скоро не прекратят свои преступные действия, поддерживая русских большевиков, то съезд постановил: признать киргизских большевиков врагами партии «Алаш», оклеймить их к позорному столбу и исключить из среды киргизского народа» [11].

Ответ на эту статью дал видный деятель партии «Уш жуз» А. Клычбаев. Он писал: «Вот гнусная статья казахской умирающей буржуазии «Алаш», составившей своей трясущей рукой на смертном одре. Вот агитация кровавой партии «Алаш», строившей свое благополучие до сего времени на плечах казахской бедноты. Прочь, вон! Иначе будете сметены грозными руками Казахской демократии! ... И мы совместно с русской демократией будем бить вас до тех пор, пока не будет рвоты из «кровавого вашего желудка» [11].

Председатель партии К. Тогусов пишет ответ (открытое письмо) органу киргизской партии «Алаш» – газете «Казах»: «Теперь эта партия – партия кучки богатых и реакционных людей, чтобы в корне подавить молодую казахскую демократию, бедную интеллигентными людьми и не имеющую в среде буржуазных элементов сильной опоры, эта партия старается всеми темными и грязными силами дискредитировать в глазах русского общества, обливая грязью партию «Уш жуз», единственную опору киргизской революционной демократии» [25].

В словесной перебранке ушжузовцы допускали недозволенные выражения. Это еще раз свидетельствует о низком интеллектуальном уровне многих членов партии. В связи с этим С. Сейфуллин писал, что ушжузовцы использовали «грубый и непричесанный язык. Они

действовали с прямотошнем бедняка. Алашевцы же были сильнее, бойче, образованнее. «Уш-жузовцы» не всегда понимали, что в запальчивости, осуждая противника, они допускали недозволенные слова и приемы и потому, прежде всего, компрометировали самих себя... В ответной ругани главарям «Уш жуз» ни на йоту не уступали главари Алаш-орды. Они тоже умели браниться и, более того, превосходили намного своих хулителей в этом отношении. Алаш-ордынцев было много, ведущее ядро партии было достаточно грамотно, имело опыт политической борьбы, к тому же все областные газеты, кроме «Тіршилика», находились в его руках. Семипалатинская «Сары-Арка», Ташкентская «Бірлик туы», Астраханская «Уран», оренбургская «Казах» – скопом обрушились с бранью на редакцию газеты «Уш жуз» [4, с. 130-135].

Здесь следует отметить нетерпимость двух политических национальных партий друг к другу, их не умение и не желание соблюдать политическую этику и культуру общения. Это все отражалось на политическом настроении народных масс, которым было сложно разобраться в круговороте политических событий, выбрать правильный путь борьбы. Борьба этих партий отталкивала от них и не давала возможности сплотиться единым национальным фронтом. Многие лидеры казахской интеллигенции осознавали, что подобное враждебное отношение двух партий наносило огромный вред общему делу, вносило непонимание и ненависть, разъединяло общие демократические силы. В связи с этим газета «Сары-Арка» в своей передовой статье писала: «Мы хотели встать на путь справедливости, равенства, братства и единства. Мы хотели объяснить своему народу, что пришло время свободы, что пора покончить с враждой и раздорами. Мы дали друг другу обещание и пошли в народ, чтобы объяснить ему все происходящее и сохранить от повторения ошибок. И что получилось? Полученная свобода привела к распушенности. Братство было забыто, друг друга стали поливать грязью, писать друг на друга доносы и жалобы. Единство мы подменили разногласиями, растеряли все свое богатство; равенство заменили враждой, бедный народ совсем запутали, справедливость была забыта. Это одна печаль, но мы пошли еще дальше. Ради своей выгоды стали обвинять друг друга в различных преступлениях, ввели войска красной гвардии и стали убивать ни в чем не повинных людей. Месть была удовлетворена. Чем все закончилось? А получилось, что мы нанесли большой вред нашему лозунгу Алаш, к которому стремились долгое время. И в это трудно поверить. Мы испортили все дело, направленное на процветание нашего народа» [26]. Весной 1918 года началось открытое противостояние и преследование большевиков, членов Совдепа и партии «Уш жуз» со стороны партии «Алаш». В результате подрывных действий, проводимых внутри партии и различных доносов, К. Тогусов и его ближайшие соратники в скором времени были арестованы. Газета «Сары-Арка» 18 июня 1918 года сообщала, что «киргизские большевики» во главе с Кольбаем Теленгутовым, организатором социалистической казахской партии «Уш жуз», задержаны, а ее члены заключены: в Омскую тюрьму – Кольбай Теленгутов, Ермухамед Токпаев, в Петропавловскую – Сулеймен Теленгутов и Шаймардан Альжанов, в Атбасарскую - Адалбек Майкутов, в Акмолинскую – Абдрахман Клычбаев [27].

Против К. Тогусова были выдвинуты обвинения в различных служебных злоупотреблениях, одним из пунктов обвинения выдвигалось «контрреволюционная деятельность против партии «Алаш». Партия «Алаш» официально выдвинула партии «Уш жуз» следующие требования:

1. Объединить усилия «Уш жуз» и «Алаш» на основе принципа последней.
2. Признать заслуги Букейханова, Дулатова, Байтурсынова, Ермекова, Габбасова, которые приносили пользу своему народу.
3. Созвать съезд казахской молодежи с целью объединить всех младо казахов вокруг «Бірлик».
4. Освободить из тюрьмы взятых под стражу членов Казахского областного комитета, видных алашордынцев М. Жумабаева, К. Торсанова и других.

5. Разрешить печатание официальных материалов «Бірлік» в типографии «Уш жуз» [14, л.119].

Но подтвердить виновность К. Тогусова и его товарищей не удалось. В скором времени президиум Западносибирского областного совета, вновь заслушав дело К. Тогусова, принял решение, что «возводимые обвинения в значительной мере не подтвердились и что, поднявший дело Полюдов, определенных материалов для обвинения не предоставил... На одном из ближайших заседаний президиума заслушать дополнительные объяснения Полюдова по этому делу» [28, л.122]. Однако Западносибирский совет не успел вновь разобраться в деле Тогусова, так как власть была захвачена белогвардейцами, которые обвиняли Тогусова в поддержке Советской власти.

После гибели членов ЦК партии, его председателя Кольбая Тогусова Казахская социалистическая партия «Уш жуз» прекратила свое существование. Партия «Уш жуз» просуществовала не долго, всего полгода. Это объясняется рядом причин. Из-за организационной разобщенности, идейной неустойчивости многих членов партии, «Уш жуз» не смогла распространить свое влияние на широкие слои населения. Многие представители национальной интеллигенции не поддержали партию «Уш жуз». Партия не смогла сохранить единство своих рядов. Социальный состав партии был очень разнообразным, было в ней много случайных людей. Идейная шаткость и неустойчивость лидеров этой партии отразились и на программе партии, которая не затрагивала далеко идущие цели. Сама программа не имела четких задач, была написана в виде тезисов, в противовес программным положениям партии «Алаш». Открытые выступления против партии «Алаш» не способствовали подъему ее авторитета среди казахского населения. Однако важнейшие документы партии «Уш жуз» и публичные выступления ее лидера К. Тогусова в печати свидетельствуют о том, что ушжузовцы искали пути выхода из создавшейся политической ситуации, но для этого им не всегда хватало знаний, сил и опыта политической борьбы. Выступая от имени «молодой казахской демократии», ушжузовцы не всегда быстро и правильно реагировали на создающуюся в стране обстановку, часто допускали ошибки. Исследователь Рахимова Г.М. по этому поводу писала: «Ушжузовцы так и не смогли удержаться на гребне политической борьбы, не смогла их реанимировать и Советская власть. Слишком было много противоречий и внутренней борьбы в этой организации. Но сам факт ее рождения и недолгого существования, говорит о попытке части казахского населения оформить свои политические притязания в конкретную политическую партию, тем самым изменить политически существующие порядки» [29, с.138].

Само время вывело на политическую арену Казахстана в начале XX века первые национальные партии «Алаш» и «Уш жуз». Они соответствовали характеру своего сложного и противоречивого времени. В этот период закладывались основы многопартийности и плюралистической политической системы общества в Казахстане. Но отсутствие опыта политической борьбы, политической культуры, своеобразие исторического момента, неоднородность национально-освободительного движения, давление партии большевиков, - все это затормозило развитие демократических процессов и, в конечном итоге, привело к их уничтожению и формированию жесткой командно-административной системе в стране. На примере деятельности первых казахских политических партий мы должны учиться демократии, политической культуре, умению признавать мнения своих оппонентов, быть терпимее друг другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киргизская жизнь // Революционная мысль Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. - № 55.
2. Телеграмма в редакцию газеты // Сары-Арка. – 1917. - 21 ноября, № 21.

3. Козыбаев М.К. Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения революции 1916 года в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. – Алматы: НАН РК, 1994. – С. 3-16.
4. Сейфуллин С. Тернистый путь. Историко-мемуарный роман. - Алма-Ата: Жазушы, 1975. - 431 с.
5. Киргизская жизнь // Вечерняя заря. – 1918. - 24 января, № 17.
6. Киргизская жизнь // Вечерняя заря. – 1918. - 5 января № 4.
7. Григорьев В., Кривенький В. «Уш жуз» // Политические партии России конца XIX – первой трети XX века. Энциклопедия. - М., 1996. - С.652-653.
8. Елькеев Б. Партия «Уш жуз» и ее деятельность в период установления Советской власти в Казахстане // История Казахстана: «белые пятна». Сборник статей. - Алма-Ата: Казахстан, 1991. - С.49-77.
9. Местная жизнь // Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительного комитета. – 1918. - 21 февраля, № 29.
10. Джангильдин А. Документы и материалы. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1961. - 235 с.
11. Отепова Г.Е. Общественно-политическая деятельность К. Тогусова Диссертация на соискание...канд. истор. наук. - Алматы, 2003. - 146 с.
12. Сообщение из Зайсанского уезда // Уш жуз. – 1918. - № 4.
13. Киргизская демократия // Революционная мысль Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. - 29 ноября.
14. Личный фонд Б. Елькеева // ЦГА РК. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 7.
15. Киргизская демократия // Революционная мысль Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. - 9 января, № 5.
16. Местная жизнь // Революционная мысль Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. - 25 января.
17. Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия. - М.: Россия молодая, 1994. - 205 с.
18. Резолюция // Революционная мысль Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. - 22 декабря, № 76.
19. Воззвание ко всему трудящемуся киргизскому населению // Известия Омского областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. - 1918. - 2 марта, № 62.
20. Резолюция // Известия Петропавловского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. - 10 марта, № 55.
21. Телеграммы разные Комиссариата юстиции краевого управления Западной Сибири и Степного края // ГАОО. Ф.1065. Оп. 2. Д. 3.
22. Григорьев В.К. Идеино-политическая работа партийных организаций Казахстана (1917-1925 гг.). - Алма-Ата: Казахстан, 1989. - 176 с.
23. Внутренние события // Уш жуз. – 1918. - 2 марта, № 7.
24. Телеграмма // Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительного комитета. – 1918. - 16 марта, № 48.
25. Тогусов К. Ответ органу киргизской партии «Алаш» – газете «Казах» (открытое письмо) // Дело Сибири Акмолинского губернского комитета партии социал-революционеров. – 1917. - 20 декабря, № 66.
26. Передовая статья // Сары-Арка. – 1918. - 4 мая.
27. Сообщение об аресте // Сары-Арка. – 1918. - 18 июня.
28. Дело по обвинению бывшего комиссара юстиции областного Совета народных депутатов Западной Сибири К. Тогусова // ГАОО. Ф.Р-643. Оп.2. Д.38.
29. Рахимова Г.М. Город Омск в экономической, политической и духовной жизни казахского общества во второй половине XIX-начале XX веков. Диссертация на соискание...канд. истор. наук. - Алматы, 2000. - 156 с.

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20.

ҚАЗАҚТЫҢ АСПАН ӘЛЕМІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ ТҮСІНІКТЕРІ, ҒҰРЫПТАРЫ

Төлеубаев Ә.Т.

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының докторы, профессор

E-mail: toleubayev@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада қазақтың аспан әлеміне байланысты түсініктері мен ғұрыптары жөнінде баяндалады. Аспан әлеміндегі күн, ай, жұлдыз сияқты аспан денелерінің қазақ тарихының ежелгі дәуірінен тартып олардың түсінігі, сенімінде алатын орны, рөлі жайында зерттеушілер және ғалымдардың пікірі мен қазақ фольклорындағы деректер салыстырыла баяндалады.

Түйін сөздер: Аспан әлемі, мінажат, культ, әдет-ғұрып, дүниетаным, сенім.

КАЗАХСКИЕ ПОНЯТИЯ, ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С НЕБЕСНЫМ МИРОМ

Төлеубаев А.Т.

Казахский Национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан) доктор исторических наук, профессор

E-mail: toleubayev@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается о казахских понятиях и обычаях, связанных с небесным миром. Сопоставляются мнения исследователей и ученых об их понимании, месте, роли в их убеждениях, заимствованные из древности казахской истории небесными телами, такими как солнце, луна, звезда, и данные из казахского фольклора.

Ключевые слова: Небесный мир, молитва, культ, обычаи, мировоззрение, вера.

KAZAKH CONCEPTS AND RITUALS RELATED TO THE CELESTIAL WORLD

Toleubaev A.T.

Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan) doctor of Historical Sciences, Professor

E-mail: toleubayev@mail.ru

Abstract. The article tells about the concepts and rituals of the Kazakh people related to the celestial world. The opinion of researchers and scientists about the role of celestial bodies such as the sun, moon and stars in the celestial world from the ancient times of Kazakh history is compared with the data from Kazakh folklore.

Keywords: Heavenly world, prayer, cult, customs, worldview, faith.

Кіріспе

Күн мінажаты

Күн, Ай және жұлдыздар – аспанның сакралды денелері, оларға қазақтар ежелден мінажат еткен. Шоқанның пікірі бойынша, халықта олардың культіне байланысты көптеген ғұрыптар сақталған [1, 49 б.].

Жалпы, дүниежүзі халықтарының бірінде күнге көбірек мінажат етсе, ал енді бірінің айға құлшылығы көбірек болып келеді. Адам баласы өзіне аса қажетті, пайдасы, не болмаса зияны тиетін дүниелерден, құбылыстардан сескенеді, қорқады. О. Сүлейменовтің пайымынша, күнге құлшылық, әсіресе, солтүстік белдеуде орналасқан халықтарға көбірек тән болуы керек, өйткені олар үшін күннің қажеті ыстық белдеулерде тұратын халықтарға қарағанда маңыздырақ. Біздің ойымызша, қазақ мәдениетінде Ай да, Күн де өз орнымен қасиеттелген.

Қазақстанның ежелгі көшпелі және жартылай көшпелі жұрттарында Күннің культі өте ертеден басталады. Қола дәуіріндегі жерлеу орындарының үстіне салынған дөңгелек қоршаулар, сақтардың «мұртты» обаларының, қабірхана есіктерінің шығысқа қаратылуы, түркі заманының шығысқа қаратылып қойылған мүсін тастары – осылардың барлығы да бұл мәдени нысандарды қалдырушылардың Күнге, күншығысқа мінажат, ғибадат еткендігінің куәлары [2, 3, 4, 5].

Қазақ жерінде табылған «алтын адамдардың» киімінің негізінен қызыл және сары түстерден тұратындығы Күннің және оттың құдыретімен байланысты [6, 127-133 бб; 7, 16-17 бб.].

Ортағасырлық қимақтардың шығып келе жатқан күнді дауылпаздарды даңғырлатып қарсы алатындығы жөнінде дерек бар [8, 69 б.].

Қазақ ғұрпы бойынша, таңертең ас үстіне келген адам астан ауыз тиюге тиіс. Себебі, "Таңертеңгі асты тастама", "Таңертеңгі асты тастасаң – ауыл-үйің сені тастайды" деген тәмсіл бар. Сондықтан таңертеңгі ас үстіне келген адам жақсылық үшін астан ауыз тиіп аттанады. Таңертеңгі ас бір күндік өмірдің бастамасы. Таңертеңгі асты тастамай, көңілді отырып ішсе, сол күнгі жұмысың да оңға басады деп жорылады [9, 10 б.].

Кейінгі замандарда қазақтарда күннің культі оттың культіне ұласып кетеді.

Күннің культімен органикалық түрде күннің шығатын жағы – шығыстың ғибадаты тығыз байланысты. «Мұртты обалардың», ежелгі түрік тас мүсіндерінің, сондай-ақ, қазақтардың киіз үй есігінің шығысқа қаратылуы шығыстың ғибадатымен байланысты екендігінде дау жоқ [10, 26-27 бб; 5, 163-164 бб.]. Қазақ жерін мекендеген сақ, түрік тайпаларының, одан қазақтардың түсінігінде, Шығыс туумен, дамумен, өркендеумен, ал Батыс – жоғалу, жойылу, өліммен байланыстырылды.

Ғұндар таңертең ерте шығып келе жатқан күнге белін бүгіп мінажат еткен. Тәңірге сыйынғанда түріктер бетін шығысқа қаратқан. Көне түріктерде күннің нұрынан ананың құрсағында бала пайда болуы мүмкін деген түсінік болған [11, 93 б.].

Қазақтардың мифологиялық дүниетанымында Күн әйел затымен байланыстырылады [12, 5-10 бб.]. Бұған «Күн астындағы Күнікей қыз» (Қазақ көне ертегісі) да мысал бола алатын шығар.

Көнекөз адамдардың айтуына қарағанда, қазақтар кез келген жұмысты бастау үшін күннің шығу және батуы мезгілдері қолайсыз уақыт деп есептелінген (Автордың жинаған материалдары – бұдан әрі АЖМ). Екінті мен ақшам мезгілінің аралығында дауыс шығарып жыламайды, өксіп үһілемейді, ұйықтамайды, іс, киім тікпейді. Беймезгілде істелген істің берекесі болмайды деп жориды [9, 56 б.].

Ш. Уәлиханов өзімен замандас қазақтарда Күнге табыну ғибадатының болмауына байланысты өзінің таңданысын білдіре келе былай деген еді: Қырғыздарда (қазақтар - Ә. Т.) күнге қаратып дәрет сындырмау әдеті ғана сақталған, бұл осы уақытқа дейінгі бізге белгілі жалғыз ғана ғибадат белгісі» [1, 58 б.]. Жалпы, ертеректе күнге байланысты ғибадаттар қазақ жерін жайлаған жұрттарда аз болмағанға ұқсайды.

Ә.Диваевтің бұрынғы Ташкент уезінде тұрған қазақтар арасынан жинаған мәліметтері бойынша, Күн тозақтың оты, түбінде күнәкәр адамдар сол отқа салынып қинауға түседі [13, 84-86 бб.].

Ә. Диваевтың қазақтардың Күн қозғалысына байланысты, біздің ойымызша, барынша мұсылманшыланды, мына түсінігі қызықты. Ол бойынша, Жаратушы Күнге көтеріл деп әмір берсе, ол жалқауланып жатып алады, сонда періштелер оны күштеп, темір шынжырлармен аспанға көтереді. Ол ашуға булығып, қызарып кетеді, сондықтан, күн шыққанда қызарады. Күн батқанда да осы құбылыс қайталанады екен [14, 374-375 бб.]. Біз жоғарыда атап өткендей Күн ғибадаты көп жағдайда шығысқа мінажат ету, отты қасиеттеу ғұрыптарымен байланысты.

Арғы қазақтар мен бергі қазақтарда күнге мінәжәт отқа мінәжәтпен тығыз байланысты. Қазақ оттың тазалаушылық, аластаушылық қасиетіне қатты сенген. Пәле-жаланы қуғанда отпен аластаған, отпен ұшықтаған. Қазақ отқа түкірмеген, дәрет сындырмаған.

Көне қазақтарда, күнәлі адамдарды қинайтын – тозақ оты Күнде орналасқан деген де түсінік болған.

Орта ғасырларда түркі елінің ішіне бөтен жақтан келген адамдар бірден еніп кете алмаған. Олай етуге қатаң тыйым салынатын болған, себебі ол заманда қалыптасқан магиялық наным бойынша, бөтен елден келген адам, ең алдымен, отпен аласталып, өзімен ала келген бәле-жаласы болса, содан «тазарып», тек содан кейін ғана ел ішіне енуге мүмкіндік алған. Мәселен, Рим империясының түріктермен бейбіт шарт жасасу үшін келген елшілерінің алдынан бақсылар шығып, ең алдымен, елшілер алып келген заттардың бірін қалдырмай оңаша жерге жиып қойып, айналасына хош иісті түтін түтетіп, тоқтаусыз зікір салып, қоңырау соғып, дабыл қаққан. Елшілердің өздерін де лаулап жанған екі оттың ортасынан өткізіп, аластаған. [15, 22-226 бб.; 16, 27-28 бб.].

«Оты өшті», «түтін түтетері қалмады» деген тіркестер бір отбасының құруын, ұрпағының үзілуін бейнелеген. От үйдің, ырыстың қамқоршысы саналған. Оттың орнын басуға, әсіресе, отты сабауға тыйым салынған. Малға ауру-індет келгенде де оны отпен аластаған. Қыстаудан көшкен кезде де малды отпен аластау салты сақталған. Жайлауға шыға беріс көш жолына екі жерден үлкен от жағып, жетектелген түйелі көшті, айдалған қоралы қой мен сиырларды осы екі оттың ортасынан өткізіп аластаған. Әдетте, от басында «алас-алас, бар пәлемен талас» деп, пікір айтып, екі кемпір тұратын болған [16, 29 б.].

Қазақта жанып тұрған отқа май тастап, соның лапылына қарап болашақты болжайтын ырым бар. Май тасталған оттың жалыны ашық түсте болса – жақсылықтың нышаны. Оттың жалыны қарақошқыл болса – жамандықтың белгісі [9, 53 б.].

Қазақ от шашпайды. Ыстық күлді төкпейді. От шашса өрт шығады, күл төксе бұрқырап көзді қармайды, сөйтіп, ойды адастырады деп жориды [9, 66 б.].

Күнге байланысты қазақта мынадай тиымдар бар:

- Күнге қарап дәрет сындырма.
- Күн батарда күнмен таласып жұмыс істеме.
- Күн батарда ұйықтама.
- Күн батқан соң қорадан мал шығарма.
- Күн шығарда ұйықтама [17, 262-б.].

Ай мінажаты

Көшпенділердің өмірінде сакралды аспан денесі Ай өте маңызды рөл атқарған. Көшпелі халықтарда бастапқыда ұзақтығы он айлық ай күнтізбесі болған. Қазақтардың және олардың ата-бабаларының алдымен жиңішке орақ түрінде ғана пайда болатын Ай 7 күннің ішінде жарты Айға толысып өседі. Келесі шерігінде (7 күн) Ай толысып шеңбер, дөңгелекке айналады. Бұны қазақ «онбесінде толған айдай» дейді. Ай өскенде сол жағына қарай толысып өседі. Ал енді келесі

кезеңде Ай біртіндеп оң жағынан бастап кетіліп 7 күннің ішінде тағы да жартыланады – жарты Айға айналады. Осы кетілу әрі қарай жалғасып қалған 7 күннің ішінде толық мүжіліп бітеді. Сонымен мөлшермен алғанда 28 күндік бір айдың алғашқы 14 күнінде Ай туады, өсіп өнеді, жетіледі, толысады. Ендігі қалған 14 күннің ішінде, былайша айтқанда, Айдың біртіндеп кему, мүжілу, тозу, жоғалып біту үдерісі жүреді. Сондықтан да Ай біздің ата-бабаларымыздың мифологиялық дүниетанымында, түсінігінде жаратылып пайда болудың, өсіп-өнудің, толысудың, одан біртіндеп кемудің, азаюдың, түбінде құрып бітудің нақты нышаны, аспандағы көрінісі болып табылған.

Қазақ Айдың 28 күндік бір циклын (айналымын) адам өмірімен салыстырған. Адам баласы да жоқтан бар болып жаратылады, туады, өсіп өнеді, толысады, бұдан соң қартаю басталып, қай жағынан болсын біртіндеп кемиді, мүжіледі, ең аяғында өліп жоқ болады [5, 122-123 бб.]

Жалпы, Азия құрлығындағы көне күнтізбенің тарихын зерттеуші Фролов деген ғалымның зерттеулеріне қарағанда, сонау палеолит заманында пайда болған алғашқы күнтізбені (календарь) әйел заты ойлап тапқан және де ол түп- түгел жатырда баланың пайда болуы, оның жетілуі және дүниеге келуімен және осы үдерістің мезгілдерін анықтап отыру үшін ойлап табылған. Және де ол 28 күндік Ай календары болған [18].

Өте бір кереметі, қазақта да бала көтеріп оны тууға байланысты өзінше әйелдер күнтізбесі болған. Бір айда отыз күн бар. Оның алғашқы үш күні "аспанда ай керінбейтін үш күн, оны «өлі күн» деп атайды да, бұл күндері екі жастың ақ тесекте кездесулеріне тыйым салынады. Бұл – халық есепшілерінің болжауына сүйенген дәстүр. Ал осындай әйел календарын жүргізетін аққол аналардың өзіндік есебі бойынша аяғы ауырлаған әйелдердің әрбір айы 27 күннен тұрады. Әрбір айдың, яғни осы әр 27 күннің басы оның етеккірі келген күнінен басталады. Бұл алғашқы айдың өзі үш тоғызға белінеді. Бірінші тоғызы – "етеккір тоғызы", екінші тоғызы – "арылу тоғызы", үшінші тоғызы – "кездесу тоғызы". Халықтық тәртіп бойынша "бірінші және екінші кезеңде кездессеңдер екеуің де ауруға ұшырайсыңдар" деп, олардың кездесуіне тыйым салынады. Халықтық түсінік бойынша, үшінші тоғыздың әр тақ күні неке төсегінде тән қосылса, олардан ұл туады, ал жұп күндері – қыз туады.

Ана тал бойына біткен баласын тоғыз ай, тоғыз күн көтереді. Жоғарыда атап керсеткеніміздей, әрқайсысы 27 күннен болатын тоғыз айда 243 күн бар. Аққол аналар бұған үшінші "кездесу тоғызын" қосып есептейді. Осыдан келіп тіліміздегі "тоғыз ай, тоғыз күн" тіркесі орныққан. Тәжірибелі ана жаңылмас үшін сол сәтті күннен бастап дорбаға 243 құмалақ салып алады да, осы құмалақтың күніне біреуін лақтырып отырады, осылайша жүкті әйелдің күні жақындаған сайын құмалақ саны да азая береді [19, 57 б.].

Қазақтарда Ай-әйел туралы түсінік соңғы уақытқа дейін сақталғандығы жөнінде бұрынғы зерттеушілер жазған [20; 1, 58 б.].

Жаңа Ай туылғанда қазақтар оған сәлем беріп, былай деген:

Ай көрдік, аман көрдік.

Ат басындай алтын көрдік.

Қой басындай күміс көрдік.

Жаңа ай - жарылқа!

Ескі ай - есірке!

Айға сәлем бергенде, сәлем беруші бір аяғын бүгіп үш мәрте белін иген, содан соң жаз айы болса, ол жерден бір уыс көк шөп жұлып алып отқа тастаған. Егер айға сәлем берген жерден үйі қашық болса, сәлем берген жерден бір тал шөп жұлып алып, құлағының артына қыстырған (АЖМ).

Қазақ ай толып, дөп-дөңгелек болып туғанда да сәлем береді. Айға қарап тілек айтып, бет сипайды. Онысы көңіл айдай жарық болсын, сөзім айдай толсын дегені [9, 66 б.].

Айға байланысты қазақтың наным-сенімі туралы Ш. Уәлиханов мынандай мәлімет береді: "Қырғыздар (қазақтар. - Ә.Т.) Айда кемпір отырады дейді (бұл айдың бетіндегі дақтардың адамның бетіне ұқсатуынан болар). Қырғыздар айға ұзақ қарамайды, сенім бойынша айдағы кемпір адамның кірпіктерін санап қойса, ол адам өледі деп есептеген. Дәрет сындырғанда адам бетін Айға қаратпайды. Жалпы Айға үлкен ғибадатпен қарайды» [1, 58 б.].

Қазақ аңызы бойынша, Ай мен Күн әдемі егіз болған екен, алайда, бірінің сұлулығын бірі қызғанып, ақырыбір-бірін жек көріп кетеді. Бірде Күн-ару Ай-арудың бетін тырнап алады, осыдан, оның бетінде дақтар қалып қояды [21, 230 б.]. Қазақ тілінде егіздердің бәсекелестік тақырыбы дуалистік мифтерде кең тараған болып табылады.

Сұлулықтың Ай мен Күндей қос белгісі қазақ өлеңдерінде былай бейнеленген:

Бір қыз бар Маралдыда Қорлы-қайың

Табиғат берген екен Күн мен Айын

Ахау Гулдерайым, Күн мен Айым.

Жаңа туған Айға қарап, қазақтар сол айдың ауа-райын болжаған. Егер айдың орағы тік орналасса немесе соған жақын жатса (яғни, тігінен туса) бұл қалпы айдың өзіне жайсыз, ал шаруаға жайлы деген. Ал ай шалқасынан жатып туса онда «өзіне жайлы, шаруаға жайсыз деп есептеген».

Қазақ кейбір ұзаққа созылған тері, ішкі құрылыс, психикалық ауру түрлерін жаңа ай туған кезде емдеген [22, 144 б.].

Қазақта Айға байланысты мынадай ырым-сенімдер бар:

Ай шалқайып туса, күн суытады. Ай еңкейіп туса, қыс - жылы, жаз - ыстық болады. Ай мүйізге ұқсап шаншылып туса, күн қыста желді, суық. Жазда аңызак желді болады. Ай дөңгеленіп туса, қыс аязды болады. Аспандағы бұлттар ақ шарбы болып баяу қалқыса, күн жақсы болады.

Айдың мүйізі үшкір болса, ауа-райы жақсы болады, ал мүйіздері шалқақ болса күн бұзылады [23, 75-76-бб.].

Қазақ баласы айға телміріп, ұзақ қарамайды, түнде жұлдыз санамайды. Айда бір кемпір бар, айға телміріп қарасаң, әлгі кемпір сенің кірпігіңді санайды, кірпігі саналған адам қазаға ұшырайды деп жориды [9, 43 б.].

Бұл адамдардың күнәсінің көптігінен аспанды билегісі келген Ібілістің ісі, сондықтан ерте кездегі қазақтар Ібіліс айды қолымен ұстап жібермей тұр деген түсінікпен қатты дауыс көтеріп шулап, темірден жасалған заттарды бір-біріне қатты соғып, әртүрлі әрекеттер жасаған.

Халық ұғымында жаңа ай туғанда қолға алған іс жақсылық нәтиже береді. Сондықтан айға бата жасап: "Жаңа ай өлгендердің күнәсін кешір, тірілердің тілегін орындап, қуанышына атып, бақытқа кенелт" деп, ауруы бар адамдар өзін аурудан қайғы-мұңнан алыстауын сұрайтын болған. Халық сенімінде қолына сүйел шыға беретін адам жаңа ай туғанда "ай-ау, сүйелімді ал да, қолымды бер" деп тілек тілесе сол тілегі орындалады.

Қазақтың қариялары жаңа ай туғанда соған қарап тағзым етіп, алақанын жайып: "ай көрдік, аман көрдік, баяғыдай заман көрдік. Амандықпен осынша жасқа келдік. Ескі айда есіркелдің! Жаңа айда жарылқа! — деп бетін сипап, тілек етеді. Үлкендер: "Көкте тәңір, жерде әулие бар", — деп балалардың аяғын аспанға көтертпеген [23, 79-80 бб.].

- Жаңа туған айды алғаш көргенде тізерлеп отырып, үш рет еңкейіп мінәжәт етеді де, сол тізе бүккен жерінің шөбін жұлып, отқа тастайды. Бұл — әулетім оттай қаулап өсе берсін дегені [9, 52-б.].

Ерте кездегі түркілер, жаңа ай туғанда дені сау адамдардың бетіне қарап, бала-шағам аман болсын деп құран оқып, жақсы адамдармен әңгімелесіп, солардың қасиетін қабылдауға тырысқан. Және айға тесіліп қарауға рұқсат етпеген. Қарағанда көз алдына пышақ, алмас секілді өткір заттарды ұстаған.

Халық ұғымында айдың тұтылуы алланың ісі, осы кезде ол қолымен айдың бетін жабады. Сондықтан айдың тұтылуы тоқтағанша Құран сүрелерін оқып отыру керек.

Халықтың тағы бір сенімінде айдың бетіне пайғамбардың сәулесі түскен. Құрандағы күнге де, айға да табынбай, Аллаға бағынуды талап ететіні сондықтан болса керек.

Халық ұғымында айдың тұтылуы жердегі адамдардың көбейген күнәсі үшін, Алланың қолданған жазасы. Сондықтан құран оқып айдан кешірім сұрау керек. Сондай-ақ, бұл адамдардың күнәсінің көптігінен аспанды билегісі келген Ібілістің ісі, сондықтан ерте кездегі қазақтар Ібіліс айды қолымен ұстап жібермей тұр деген түсінікпен қатты дауыс көтеріп шулап, темір заттарды бір-біріне қатты соғып, Ібілісті қорқытып, айды қыспақтан босатып аламыз деп әртүрлі әрекеттер жасаған [23, 79-80 бб.].

Қазақ Күн тұтылса – мұсылманға, Ай тұтылса – кәпірге көрінеді, патшалары өледі деп жориды [9, 27 б.].

Қазақ Айға, Күнге қарап тұрып түзге отырмайды. Ал құбыла жаққа, күнбатысқа қарап тұрып бұлай істеуге тіпті де болмайды. Бұлай істеу әрі күнә, әрі рух шамданып, ұшынады, ауру иелеп, қуығы тұтылады, жіңішке ауруға тап болады, ауызы қисаяды деп ырымдайды [9, 22 б.].

Қазақта Ай сәулесін бетіңе түсіртпе, Ай толғанда желі тартпа, Ай толғанда жолға шықпа, Ай толғанда көшпе, Ай толғанда қыз ұзатпа, Ай толғанда үй тікпе, Жаңа ай туғанда қойға қошқар жіберме деген де тиымдар бар [17, 261 б.].

Қазақ: «Ай құлақтанса - аяғыңды сайла, күн құлақтанса – күрегіңді сайла» дейді. Оны – Ай қораланса күн жылы болады, Ай шалқасынан туса – қатты аяз болады. Ай қырынан туса – күн жылы болады деп жориды.

Қазақ баласы Айға телміріп қарамайды, түнде жұлдыз санамайды. Айда бір кемпір бар, Айға телміріп қарасаң, әлгі кемпір сенің кірпігіңді санайды, кірпігі саналған адам қазаға ұшырайды деп жориды.

Қазақ өрттің алдына ақ құяды. Онысы оттың тәңіриесінне жалынып-жалбарынғаны, сонда өрт тез өшеді деген.

Жаңа туған Айды алғаш көргенде тізерлеп отырып, үш рет еңкейіп мінажат етеді де, сол тізе бүккен жерінің шөбін жұлып отқа тастайды. Бұл әулетім оттай қаулап өсе берсін дегені.

Аспандағы жұлдыз әрбір адамның жанының бейнесі саналады. Бір жұлдыз ағып түссе – бір жан үзілді деп нанады.

Жұлдыздар қазақ дүниетанымы мен сенімдерінде

XIX ғасырдың ортасындағы орыс саяхатшысы Матвей Ястребов былай деп жазған еді: «Ең алғашқы астрономдар көшпелі халықтар болғаны даусыз. Кең далада мал бағып өмір сүру олардың аспан денелерінің қозғалысына үнемі бақылау жасауға мүмкіндік тудырды және де сол аспан денелерінің адамның денсаулығына, рухани жай-күйіне әсер ететіндігі жөнінде өзінше жорамалдар жасауды тудырды» [24, 306 б.].

Шоқан былай деп жазған: «Кейбір қазақтардың ойынша, жұлдыздар асыл тастардан үйілген таулар, олар жерден соншалықты қашықтықта, нүктедей болып қана көрінеді. Қазақтар жұлдыздардың жер бетіндегі бақытқа әсер ететініне сенеді, халық арасында көк күмбез жайлы әңгімелер де баршылық. Енді біреулердің пікірінше, әрбір жұлдыз жердегі әрбір адамның жанымен сәйкестік тұтастықта, адам өлгенде оның аспандағы жұлдызы да жерге ағып түседі. Аспаннан ағып түскен жұлдызды көрген қазақтар менің жұлдызым жоғары дейді. Болып-толған бақытты адамды «жұлдызы жанған деседі» [1, 56-57 бб; 25, 209 б.]. Осыған ұқсас түсінік Кавказ елдерінде де болған [26, 137- 138 бб.].

Өмірде жолы болған адамдар туралы қазақтар "Жұлдызы жоғары", "Жұлдызы жарық адам" деген (Автордың жинаған материалдары – бұдан әрі - АЖМ).

Қазақтардың тағы бір көне діни түсінігі бойынша «жұлдыздар Алла тағаланың аспанда жаратқан тастары, жындар аспанға көтерілгенде періштелер осы тастармен оларды қуалап ұрады» [13, 84 б.].

С.Е. Маловтың сөзідігі бойынша, ежелгі түріктер ғаламшарды «нысан» деп атаған. М.Ә. Әуезовтың «Еңлік-Кебек» трагедиясындағы Нысан-абыз ұлы әулие, жұлдызнамашы, дүние сырының білгірі болса керек [27, 212 б.].

Көне қазақтар аспандағы Күн мен Айдан басқа бес үлкен планета-жұлдыздарды жақсы білген. Олар Есекқырған, (латынша - Юпитер, арабша - Мүштәри), Кіші Шолпан (латынша – Меркурий, арабша- Үтәрид (Ғытард), Шолпан (қосымша аттары Керуен жұлдызы, Өмірзая, Тұлқатын, латынша Венера, арабша -Зохра), Қоңырқай жұлдыз (латынша – Сатурн, арабша - Зухаль), Қызыл жұлдыз (латынша – Марс, арабша -Миррих). С.Г.Кляшторныйдің пайымдауынша осы жеті аспан денелері жөнінде түріктер ең бері болса түрік қағандықтары кезінен бері біледі [28, 32 б.].

Көне дүние халықтарында Күн мен айдан кейін ең бір қасиетті саналған жұлдыз Шолпан жұлдызы еді. Оны шумерліктер сегіз тармақпен белгілеп, дингир – құдай деп есептеген [29, 201-202 бб.].

Ш. Уәлиханов бойынша: «Жетіқарақшы (Большая Медведица), қазақ арасындағы аңыз бойынша: бұл жұлдыз жеті қарақшының рухы, олар өлгеннен соң жеті жұлдызға айналған, тағы бір аңызда: жеті қарақшы күні бойы ұрлық жасайды да, түн бола өздерінің күндізгі жасаған күнәларына қайғырады. Жеті қарақшы өлгеннен кейін жеті жұлдыз болып кетіпті. Жеті ұрының тұтқынында Үркердің қызы бар» [1, 180 б.].

Қазақ космогониясы мен күнтізбенің білгірі М.У.Искаков «қарақшы» сөзінің ежелде «күзетші», «қарауылшы» деген мағынаны білдірген, оларды «Жеті кәміл піріміз» деп есептеген», - дейді [27, 204-205 бб.].

Қазақтардың күнтізбелік танымында Үркер жұлдызы маңызды орынды алған. Ол бойынша, жыл мезгілдерінің ауысуын анықтап, күнтізбе жасап отырған. Г.Н. Потаниннің қазақтардың арасынан жазып алған аңызы бойынша, «... бұрынырақта Үркер он екі жұлдыздан тұрған, сол себепті, ол кезде көктем, жаз мезгілі болмаған, мәңгі қыс ғана болатын*. Жануарлар қалай болғанда да Үркерді тауып, оны жоюды ойлаған. Жылқы қуып жүріп Үркердің төрт жұлдызын ұстайды да, таптап тастайды, түйе, екеуін тарпиды, ал алтауы сиырдың тұяғымен жаншылады. Алайда, сиыр тұяғының айыр болғандығынан және сиырдың ұқыпсыздығынан алты жұлдыз аман қалады, сондықтан, ендігі жерде қыс алты айға созылатын болған. Бұған ашуланған жануарлар сиырдан жұлдыздарды неге аман жібергенін сұрағанда, сиыр: «Ыстықта пысынап жүргенше, суықта сықырлап жүрген жақсы», - депті. Сондықтан да, сиыр суықтан қорықпаса керек» [30, 124-125 бб.].

Қазақтың басқа аңызы бойынша, жеті қарақшының бірі Үркердің қызын ұрлап кетеді (АЖМ). Үркердің Жетіқарақшыны үнемі өкшелеп жүретінін қазақтар жақсы байқаған. Жетіқарақшының топ басшысы Қыранқарақшы Үркердің қызы Үлпілдекті мінгестіріп алып, үнемі қашып жүретін және ол қызын құтқармақ болып, қуып жүреді. Қазақтар Үркерге қарап түннің қай уақыты екенін және жыл мезгілін анықтайды [1, 57 б.].

Г.Н. Потанин материалдары бойынша, қазақта мынадай түсінік бар: Үркер жерге түскен соң, қырық күн жерде жатады. Үркердің жерге түсуімен байланысты, мамыр айының соңында, маусым айларында жерге көк шығып, жер беті көкке оранады. Жерге түскен Үркер көк шөпті жер бетіне «қуып» шығарады. Үркер жерде неғұрлым ұзақ жатса, соғұрлым жер шөпті болады, мал тойынады [30, 124 б.].

Барлық түркі тілдерінде «Үркер» атауы үндес айтылады. С.Е.Маловтың пікірінше, «үркер» - «мал табыны» дегенді білдіреді. Х.Абишевтің түсіндіруінше, түні бойы жылқы бағатын

жылқышылар, мал күзететін малшылар бөлектеу шоқталып тұрған бір топ жұлдызды үріккен жылқыға ұқсатып «үркер» деп атаған шығар, дейді [21, 284 б.].

Қазақтарда Үркерге байланысты ырымдар мен ауа райын дәл топшылаулар өте көп. Ол бойынша: "Үркерлі айдың бәрі қыс" "Үркер жерге түспей жер қызбайды"; "Үркер жерге түсерде қой қырқылады"; "Үркер туса сорпа ас болады"; "Үркер көтерілгенде шөп те көтеріледі, бидай бас тартады" (АЖМ және т.б.) [27, 206 б.]. Қазақтар: егер «Үркер суға түссе (яғни, көл не өзен бар жерге түссе) қыс қатты болады, егер құрғақ жерге түссе, қыс жайлы болады...» деген. Сондай-ақ, Үркер жерден көтеріле бастағанда жауын-шашын болады, жел тұрады; егер жауын-шашын мол болса, жыл жақсы болып, мал өседі, егер аз болса- құрғақшылық болып, жем-шөптің аз болады деп сенген [30, 124 б.].

Ұзақ жолға шығардың, көшердің алдында қазақтар жұлдыздардың тууына мән берген. Жаңа жұлдыз туып келе жатқанда жолға шығуға болмайды деп есептеген. Әйтпегенде, жұлдыздар: "Білмегенге білдіремін, біле тұра білмегендей болып көшсе, бүлдіремін" дейді екен. Біздің ел ішінен жинаған материалдарымыз бойынша, жұлдыздар сапарға шығуға «жайсыз» орналасқан жағдайда, ырымшыл қазақтар тиісті бағытқа қарай қырық қадам жүріп, қайта оралған (АЖМ). Бұл астрологиялық нанымдар қазақтардың батырлар эпостарынан да көрініс тапқан. Мысалы, «Қамбар батырда»:

Қара қасқа тұлпарға.

Жұлдыздың мініп оңынан,

Сәтті күні шығайын.

«Қобыланды батыр» жырында мынандай жолдар кездеседі:

"Найзасы аумай қолынан.

Жұлдызы туып оңынан.

Кобыланды сонда шу деді".

Қазақта кейбір жұлдыздардың атауы тұрмыстық, шаруашылық және қоғамдық ұғымдар атуымен байланысты. Мысалы, «Темір қазық», "Жеті қарақшы" (Үлкен Аю), "Құс жолы" "Шолпан", "Зухра". Көріп отырғанымыздай, әлемнің мифологиялық, космологиялық бейнесін жасауда адам баласы қоғамындағы бар үлгілер пайдаланылады [31, 49 б.].

Кассиопеяның бес жұлдызын қарақұртқа ұқсайтындықтан «қарақұрт» деп атаған. Адамды қарақұрт шақса, науқасты сол жұлдызға қаратып, былай деген:

Қарақұрт, қарақұрт уыңды ал!

Мына бейшараға көзің сал.

Малы жанының садағасы.

Осы өлімнен алып қал.

Күйту, күйту, күйту (АЖМ).

Қазақта ауа-райы, табиғат құбылыстарына қатысты көптеген ырымдар болған. Олардың кейбірі халықтың метеорологиялық тәжірибе, біліміне негізделсе, енді біреулері таза соқыр сенімге негізделген. Мысалы, "Ай қораланса арбаңды сайла, күн қораланса күрегінді сайла"; "Кешкі Күн құлақтанса, қатының ұл тапқандай сүйін. Ертеңгі күн құлақтанса, елінді жау шапқандай күйін"; "Жұлдыз шақшып тұр екен, ертең аяз болады"; "Жұлдыз жыпылықтап кетіпті боран болады" деген жорамалдар (АЖМ); [32, 218-б.; 33, 338, 455 б.].

Кұйрықты жұлдыздың пайда болуын қазақ келе жатқан бір апатқа, ауа-райының кеселінен малдың қырылуына жорыған [21, 232 б.]. Қазақтың соқыр сенімге негізделген танымы бойынша құйрықты жұлдыз – қысқа ғұмырдың белгісі. Сүйікті ұлы Әбдірахман қайтыс болғанда ұлы Абай былай деген:

Кұйрықты жұлдыз секілді,

Туды да көп тұрмады...

Қазақтың халықтық наным бойынша, Құс жолы – құстардың ұшу жолын көрсететін бағыттаушы, сондықтан оның аты солай қойылған. [1, 180 б.]. Зерттеуші С.Қондыбай қазақ мифологиясында дария, өзенмен шендестіру бар екенін айтады [34, 176-177 бб.].

Қазақтар жұлдыздардың тазалаушы, аластаушы қасиетіне сенген. Сондықтан болар, өліктің үстіне жапқан киізді, кілемді, көрпені "Жұлдыз көрсін, жел қақсын" деп, түнге ашық аспан астына қалдырады.

Қазақта жұлдызға байланысты мынадай сенімдер бар:

Егер жұлдыздар айқын жарық шашса – қатты жел, болмаса жаңбыр болады. Жұлдыз сирек көрінсе, ертеңінде ауа-райы бұзылады. Ал жұлдыздар жиі туса, жазда ыстық, қыста – д аязды болады [23, 75 б.].

Халық ұғымында аспандағы жұлдыздар адамдардың бір сыңары, бір жұлдызы ағып түссе, біреуі өледі, бір жұлдыз туса, бір нәресте өмірге келеді.

Жас жұбайлар үйленіп, той жасап жатқан күні, аспандағы жұлдыздар тығыз, тым көп болса, олар өте тату тұрады және балалары да көп болады деген ұғым қалыптасқан.

Халық ұғымында аспандағы жұлдыздарды санауға болмайды. Онда қолға сүйел шығады, болмаса ауру болып кетеді [23, 80 б.].

Аспандағы жұлдыз әрбір адам жанының бейнесі саналады. Бір жұлдыз ағып түссе – бір жан үзілді деп нанады [9, 52 б.].

Бейтаныс екі кісі жол үстінде кездесіп, бірімен-бірі тез шүйіркелесіп кетсе, жұлдыздары жарасқан деп саналады. Біріне-бірі жұғыса алмай, мәміледе болса, жұлдызы қарсы тұр деп ұйғарылады [9, 58 б.].

Жайлау үстінде далаға қазан асқанда түбіндегі судан жұлдыздар шоғыры көрінсе – мал өседі, төл көбейеді, байлық артып, дәулет шалқып, рахат өмір сүреміз деп ырымдайды. Отқа май құйып қоздандырып, ақ тілеу тілейді [9, 22 б.].

Қазақтың көне түсінігі бойынша, тірі және өлі табиғатта мәңгілік ештеңе жоқ. Өмірдің өзі туу мен өлімнен тұратын мәңгілік айналымды білдіреді.

Мысалы, табиғаттың «өлімі» туралы қазақ былай деген:

Ай менен күннің, өлгені.

Қызарып барып батқаны.

Қара жердің өлгені

Бетін ақ қар жапқаны.

Ағын судың өлгені

Бетінде мұз жатқаны

Қара таудың өлгені

Төбесін бұлт шалғаны (АЖМ).

"Батар күннің атар таңы бар" деген нақыл сөз табиғат пен қоғамдағы ылғи да айналып келіп отыратын өзгерістер сипаттайтын натуралистік дүниетанымнан туындаған. Қазақ күннің шыққан және батқан кездерінде басқа жұмыстың бәрін сырып қойып, тек тілек тілеген. Өйткені осы мезгілдердегі тлек аса қабыл болады деп есептеген (АЖМ).

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов.// Собрание сочинений в пяти томах. 4-том. – Алма-Ата: Главная редакция советской энциклопедии, 1985. - 461 б.
2. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. - 435 б.
3. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Наука, 1963. - 300 б.

4. Акишев К., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1979.
5. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. - Алма-Ата: Ғылым, 1991. - 214 б.
6. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата: Наука, 1984. - 176 б.
7. Толеубаев А.Т. Из опыта научной реконструкции костюма сакского «золотого человека из Шиликты» // Материалы международной научно-практической конференции III Оразбаевские чтения. - Алма-Ата: «Қазақ университеті». 2011.
8. Рашид-ад-Дин Ф. Огуз наме. Пер с персид., предис., коммент., прим. и указ. Р.М.Шукюровой. - Баку, 1987.
9. Қайырбайұлы А., Бопайұлы Б. Қазақ ырымдары. - Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1998. - 159 б.
10. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - Алма-Ата: «Ғылым», 1993.
11. Безертинов Р.Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. - Казань, 2004.
12. Ертегілер. 2-том // Қазақ халық әдебиеті. Көп томдық. - Алматы: «Жазушы», 1988.
13. Диваев А. Небесные планеты по воззрениям киргизов/ Ежегодник Туркестанского народного университета, 1818. №3. 84-86-бб.
14. Диваев А.А. Легенды о происхождении албасты, джинна и дива // ИОАЭ при Казан.ун-те. 1897. Т.14, вып.2.
15. Фрээр Дж. Золотая ветвь. 1990.
16. Ахметов Ә. Түркі тілдеріндегі табу мен эвфемизмдер (салыстырмалы этнолингвистикалық зерделеу). - Алматы: Ғылым, 1995.
17. Сейдімбек А. Қазақ әлемі. Этномәдени пайымдау. - Алматы: Санат, 1997. - 458-б.
18. Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. - Новосибирск, 1974.
19. Күйеу келтір, қыз ұзат, тойынды қыл. Құрастырушылар: Б.Әлімқұлов, Е.Әбдраманов. - Алматы, «Санат». 1994. - 240 б.
20. Потанин Г.Н. Вопросы по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у киргизов и сибирских татар // КСГ, 1894. № 29, 30, 31. - 3-б.
21. Әбішұлы Х. Халық астрономиясы. - Алматы: Қазақ мемлекет баспасы, 1959. - 220 б.
22. Құдайбергенова А. Сырдарияның төменгі ағысындағы қазақтардың әдет-ғұрпы мен салт дәстүрлер ерекшеліктері // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Ғылыми баспа орталығы, 2001. - 143-157,- 426-бб.
23. Қанарбаева Б. Қазақтың наным-сенімдері. - Алматы: «Қағанат», 1999. - 120-б.
24. Ястребов М. Киргизские шаманы // Москвитянин, 1851. - №8. 2-кітап.
25. Валиханов Ч.Ч. Тенгри (Бог) // Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. - Алма-Ата, 1984.
26. Религиозные верования народов СССР. - М., 1951. Т.2.
27. Искаков М.У. Народный календарь. - Алма-Ата, 1980. - 212 б.
28. Кляшторный С.Г. Представление о времени и пространстве в древнетюркских памятниках // Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. - Алма-Ата, 2001.
29. Сулейменов О. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. - Алматы, 2002.
30. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2.
31. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. - М.: Наука, 1982. - 222 б.
32. Қазақ халқының мақал-мәтелдері. - Алматы: «Жазушы», 1980. -352 б.
33. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. 6-том. - Алматы: Қазақ ССР-нің «Ғылым» баспасы, 1982.
34. Қондыбай С. Арғықазақ мифологиясы. Екінші кітап. - Алматы, 2004.

References

1. Valihanov Sh.Sh. Sledi shamanstva u kirgizov // Sbranie soshineniy v piyat tomah. 4-tom. – Alma-Ata: Glavnaya redakciya sovetckoiensiklopediya sovetckoi ensiklopediy, 1985. - 461 b.
2. Margulan A.H., Akishev K.A., Kadirbaev M.K., Orazbaev A.M. Direvnaiya kultura Centralnogo Kazakhstana. - Alma-Ata: Nauka, 1966. - 435 b.
3. Akishev K.A., Kushaev G.A. Drevniyaya kultura sakov I usuney dolini reki Ili. – Alma-Ata: Nauka, 1963. - 300 b.
4. Akishev K., Baipakov K.M. Voprosi arheologiy Kazakhstana. – Alma-Ata, 1979.
5. Toleubaev A.T. Relikti doislamskih verovaniy v semeynoy obriyadnosty kazahov. – Alma-ata: Gilim, 1991. - 214 b.
6. Akishev K.A. Iskustva I mifologiya sakov. – Alma-Ata: Nauka, 1984. - 176 b.
7. Toleubaev A.T. Iz opita naushnoy rekonstruksiy kostiuma saksckogo «zolitogo sheloveka iz Shilikti» // Materiali mejdunarodnoi naushno-praktishesckoi konferensiy III Orazbaevskie shteniya. – Alma-Ata: «Khazakhuniversiteti». 2011.
8. Rashid-ad-Din F.Oguz name. Per c persid, predis., komment., prim. i ukaz. R.M.Shukiurovoi. - Baku, 1987.

9. Khayrbayuli A., Bopayuli B. Khazakh irimdari. - Almaty: «Khazakh ensiklopediyasi», 1998. - 159 b.
10. Puteshestvie v vostochnie strani Plano Karpini I Rubruka. – Alma-Ata: «Gilim», 1993.
11. Bezertinov R.N. Tengiryanstvo – religiya tiurkov I mongolov. - Kazan, 2004.
12. Ertegiler. 2-tom.// Khazakh halikh adebiyeti. Kop tom dik. - Almaty: «Zhazushi», 1988.
13. Dibaev A. Nebesnie planeti po vozzreniyam kirgizov/ Ezhenedelnik Turkestanskogo narodnogo universiteta, 1818. - №3. 84-86-bb.
14. Divaev A.A. Legendi o proishojdeniy albasti djinna I diva// IOAE pri Kazan.un-te. 1897. T.14, vip.2.
15. Frezer Dj. Zolotaiya vetv. 1990.
16. Ahmetov A. Turki tilderindegi tabu men evfemizmder (salistirmali etnologistikalik zerdeleu). - Almaty: Gilim, 1995.
17. Seydimbek A. Khazakh alemi. Etnomadani paymdau. - Almaty: Sanat, 1997. - 458-b.
18. Frolov B.A. Shisla v grafike paleolita. - Novosibirsk, 1974.
19. Kuyeu keltir, hiz uzat, toyindi hil. Khurastirushilar: B. Alimhulov, E. Abdiramanov. - Almaty, «Sanat». 1994. - 240 b.
20. Potanin G.N. Voprosi po izusheniyu poveriy, skazaniy, suvernih obishaev I obriyadov u kirgizov I sibirskih tatar.// KSG, 1894. № 29, 30, 31. - 3-b.
21. Abishuli H. Halih astronomiyasi. - Almaty: Khazakh memleket baspasi, 1959. - 220 b.
22. Khudaibergenova A. Sirdariyaning tomengi agisindagi khazakhtarding adet-gurpi men salt dasturler erekshelikleri.// Obishay I obriyadi kazakhov v proshlom I nastoiyashem. Gilimi baspa ortaligi, 2001. - 143-157,- 426-bb.
23. Khanarbaeva B. Khazakhting nanim-senimderi. - Almaty: «Haganat», 1999. - 120-b.
24. Iyastrebov M. Kirgizskie shamani.// Moskvitiyanin, 1851. №8. 2-kitap.
25. Valihanov Sh.Sh. Tenkri (Bog).// Sobranie soshineniy v piyati tomah. T.1. – Alma-Ata, 1984.
26. Religioznie verovaniya narodov CCCR. - M.,1951. T.2.
27. Iskakov M.U. Narodniy kalendar. – Alma-Ata, 1980. - 212 b.
28. Kliyastorniy S.G. Peredstavlenie o vremeni I prostranstve v drevnetiurkskih pamiyatnikah.// Drevnetiurkskaya civilizatsiya: pamiyatniki pismennosti. – Alma-Ata, 2001.
29. Suleymenov O.O. Proishojdeniy drevnetiurkskih iazikov I pismennostei. - Almaty, 2002.
30. Potanin G.N. Osherki Severo-Zapadnoi Mongolii. SPb., 1881. Vip. 2.
31. Ahundov M.D. Konsepsiy prostranstva I vremeni: istoki, evoliusiya, perspektivi. - M.: Nauka, 1982. - 222 b.
32. Khazakh halihining mahal-matelder. – Almaty: «Zhazushi», 1980. -352 b.
33. Khazakh tilining tusindirme sozdigi. 6-tom. - Almaty: KhazkahCCR-ning «Gilim» baspasi, 1982.
34. Hondibay S. Argikhazakh mifologiyasi. Ekinshi kitap. - Almaty, 2004.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

**ТЫҢ АРДАГЕРІ КӘМШАТ ДӨНЕНБАЕВА ТУРАЛЫ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
МЕМЛЕКЕТТІК ОРТАЛЫҚ МУЗЕЙІ ҚОРЫНДАҒЫ КЕЙБІР ДЕРЕКТЕР**

Хамитова М.А.

ҚР МОМ, Қазақстан тарихын зерттеу орталығы (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі қорынан алынған материалдар негізінде еліміздің дамуына ерен еңбегімен ерекше үлес қосқан, даңқты механизатор, тың ардагері, Социалистік Еңбек Ері Кәмшат Дөненбаеваның азаматтық бейнесі көрсетіледі.

Түйін сөздер: Музей қоры, К. Дөненбаева, механизатор, Социалистік Еңбек Ері, ел дамуы, тың ардагері, абыройлы еңбек, өнеге.

**НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ВЕТЕРАНЕ ЦЕЛИНЫ КАМШАТ ДОНЕНБАЕВОЙ ИЗ
ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН**

Хамитова М.А.

Центр изучения истории Казахстана ЦГМ РК (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук

Аннотация. В статье на основе материалов из фондов ЦГМ РК рассматривается портрет легендарной трактористки, вложившей много труда в развитие страны, ветерана целины, Героя Социалистического труда Камшат Доненбаевой.

Ключевые слова: Музейный фонд, К.Доненбаева, механизатор, Герой Социалистического труда, развитие страны, ветеран целины, плодотворный труд, пример.

**SOME MATERIALS ABOUT THE VETERAN OF THE VIRGIN LANDS DEVELOPMENT
KAMSHAT DONENBAYEVA FROM THE FUNDS OF THE CENTRAL STATE MUSEUM OF
THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Khamitova M.A.

Center for Studying the History of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences

Abstract. The article considered the legendary tractor driver, who contributed a lot in the development of the country, the veteran of the Virgin Lands development, the Hero of Socialist Labor Kamshat Donenbayeva (based on the materials from the funds of the Central Museum of the Republic of Kazakhstan).

Keywords: Museum fund, K. Donenbayeva, machine operator, Hero of Socialist Labor, development of the country, veteran of the Virgin Lands development, fruitful work, example.

Кіріспе

Қазақстан Республикасының Президенті Н. Назарбаев рухани жаңғыру арқылы болашаққа деген өзінің терең, жан-жақты көзқарасын білдірген «Болашаққа бағдар; рухани жаңғыру» атты бағдарламалық мақаласында: «қыруар істі атқарған, ел дамуына зор үлес қосқан азаматтардың өздері мен олардың табысқа жету тарихы әдетте құрғақ фактілер мен цифрлардың тасасында қалып қояды. Шын мәнінде, Қазақстанның әрбір жетістігінің артында алуан түрлі тағдырлар тұр... Біз «Жанында жүр жақсы адам» деген сөздің байыбына бара бермейміз. Шын мәнінде, Тәуелсіздік дәуірінде өзінің еңбегімен, білімімен, өнерімен озып шыққан қаншама замандастарымыз бар. Олардың жүріп өткен жолдары – кез келген статистикадан артық көрсеткіш»-деп көрсетті [1].

Осындай жастарға үлгі болып жанымызда жүрген жақсы адамдарымыздың бірі-биыл 80-жасқа толғалы отырған Социалистік Еңбек Ері атанған санаулы қазақ қызының бірі Кәмшат Байғазықызы Дөненбаева. Жастайынан қиындық көріп, анасы науқас болғандықтан өмірдің ащысы мен тұщысын бір кісідей сезінген, барлық табыстарына өзінің адал еңбек, маңдай терімен жеткен, Кәмшат анамыз: «Қай заманда да, қай ғасырда да қоғамның дамуына дене еңбегі мен ақыл-ой еңбегі адамдарының үлесі бірдей қажет екені белгілі. Адам қандай жұмыс түрін атқарса да оның төккен тері, сіңірген еңбегі өз Отанын өркендетуге, өз басын, отбасын асырауға, жақын-жуықтарына көмек-демеу жасауға арналатындығы анық» дейді [2]. Сондай-ақ «Балаларды қаршадайынан отансүйгіш, денсаулығы мықты, жан-жақты, мемлекеттік тілді білетін азамат ретінде қалыптастыра білу керек» деген пікірді ұстанады.

Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музейі қорында 53 сақтау бірлігін құрайтын Кәмшат Дөненбаеваның жеке кешені сақтаулы. Атап айтсақ: Камшаттың әкелі-балалы және ағайынды механизаторлар Косолаповтар династиясымен егіс даласында түскен суреттері (КП 16705/11); К.Дөненбаева мен Т.Терещенколарға 400 гектар жерді жыртуда жеткен көрсеткіштері үшін вымпел тапсыру сәті (КП 16283/3); Социалистік Еңбек Ері К.Дөненбаеваның Алматы қаласының № 2 мектеп-интернаты оқушыларымен (КП 18999/13), «Харьковский» совхозының оқушыларымен (ФКП 13618/29), Мәскеу қаласы оқушыларымен «Көгілдір от» телебағдарламасында кездесуі (ФКП 13654/5); Еңбек коллективімен (ФКП 13654/10), (КП 18999/15), (ФКП 13654/17), тракторист құрбыларымен (ФКП 13654/11); Түрлі республикалық, Мәскеу қаласында өткен Одақтық конференциялар мен слеттар кезінде түскен (ФКП 13654/2), (ФКП 13654/18), (ФКП 13622/4), (КП 13654/13), (ФКП 13574/14); Ауыл тұрғындарымен детутат ретінде кездесу сәттері (ФКП 13618/28); Ленинградтың Киров заводы жұмысшылары сыйға тартқан К-700 (13654/8), К-701 (КППМ 2547) тракторларымен жер жырту (ФКП 13386), қар тоқтату (ФКП 13654/9) кездерінде түсірген; Үй-жайы (КП 16283/8), отбасымен бірге (ФКП 13654/19), (ФКП 13654/3), фотопортреті (ФКП 13618/27) тағы басқа көптеген фотоқұжаттар мен қатар, Грамотасы (КП 14055/1); Социалистік Еңбек Ері атағын алуына байланысты түрлі Үкімет тарапынан жіберілген құттықтау телеграммалары (КП 14055/6), (КП 14055/7), әсіресе, Қазақстан Орталық ПК бірінші хатшысы Д.Қонаевтың қолы қойылған құттықтау телеграммасы (КП 14055/3); Съездерге (КП 14055/4), Республика аралық жарыстарға (КП 14055/8) шақыру-телеграммалары; К.Дөненбаеваның № 4382 депутаттық мандаты (КП 14055/2); 1967 -1972 жылдардағы Есеп кітапшалары (КППМ 2177/1-10) секілді құжаттарды зерделеп, қосымша деректермен таныса отырып, жастық жігерін еңбек майданына арнаған Кәмшат Дөненбаеваның өмірінен мәлімет аламыз [3].

Кәмшаттың әкесі Байғазы Таспаев – Мәскеу қаласында оқып жоғары білім алған заңгер маман болған. Ұлы Отан соғысына қатысып, Мәскеуді қорғауда ауыр жараланады. Госпитальда емделгеннен кейін оны Қостанайға жібереді сол жақтан Демьяновка аудандық прокуроры болып тағайындалады. Осы Демьянов ауданында 1937 жылдың қыркүйек айының 15 жұлдызында Кәмшат дүниеге келеді. Кәмшат жастайынан алғыр, әдепті де ақылды болып, жастайынан

қоғамдық жұмыстарға араласып, комсомол ұйымының белсенді мүшесі болды. 1959 жылы әскери міндетін өтеп келіп, көрші «Каменск-Уральск» совхозының комсомол ұйымының хатшысы болып жұмыс жасап жүрген Темірбек есімді жігіттің ақкөңілділігі, адамгершілігі, жомарттығы, бір сөзділігі Кәмшатқа ұнаған екен. Екеуі де бір-бірін қатты ұнатады. Болашақ жары Кәмшаттың анасына да өте ұнаған болуы керек, «көзім тірі кезінде сенің шаңырақ көтергеніңді көрейін, Егер Темірбекті шын сүйсең, көп ойланба. Меніңше, ол сені бақытты етіп, алақанына салып өтеді» деп, анасы қызына ризашылығын білдіреді [4].

Сөйтіп, 1960 жылы 17 жастағы көркем бойжеткен Кәмшат тепсе темір үзетін, ақылына сымбаты сай 23 жастағы жігіттің сұлтаны Темірбекке тұрмысқа шығып, Меңдіқара ауданындағы Ақсуат ауылына келін болып түседі. Жан-жары екеуі төрт бала тәрбиелеп өсіріп, тату-тәтті ғұмыр кешті. Өзінің жан-дүниесін терең түсініп, үнемі қамқорлық жасап, бүгінгі күнгі дәрежеге жеткізген жан-жары Темірбектің алдында қарыздармын деп, Кәмшат отағасын өмірі бойы пір тұтты. Музей қорында Социалистік Еңбек Ері, СОКП XXV съезінің делегаты, IX сайланған КСРО Жоғары Кеңесінің депутаты К.Дөненбаеваның 1977 жылы отбасымен бірге түскен суреті сақталған (ФКП 13654/19). қыздары Гүлжан, Гүлшат, ұлдары Асқар және Сырым Кәмшат және жолдасы Темірбек Дөненбаев. 1977 ж. [3]. Бүгінгі күні балалары ел-жұртқа танымал, беделді, абыройлы азаматтар, облыстағы білікті мамандар. Төрт баладан он екі немере сүйіп отыр.

Еңбек жолын Ұзынкөл элеваторында жұмыс істеуден бастаған Кәмшат 1961 жылдан Қостанай облысы, Боровский ауданы «Харьковский» совхозында механизатор болып еңбек еткен. Осы облыстың Меңдіқара ауданындағы «Каменьск-Уральский» кеңшарында механизаторлар дайындайтын курсты, кейін Қостанай ауыл шаруашылық техникумын сырттай оқып бітірген. Тракторшы болу Кәмшаттың өзінің жүрек қалауы және жары Темірбек екеуінің шешімі.

1972 жылы қайырмасыз соқамен жер жыртуда Кәмшат әйел механизаторлар арасында өткізілген облыстық жарыста бірінші орынға, республикалық жарыста үшінші орынға, 1973 жылы Ростов облысындағы Зеленоградта бүкілодақтық жарыста жүлделі орынға ие болған. Музей қорында сақталған құнды фотоқұжаттардың бірі–Кәмшат «Кировец» тракторының кабинасынан төменде тұрған Қазақстан КП Бірінші хатшысы Дінмұхамед Ахметұлы Қонаевпен обкомның сол кездегі бірінші хатшысы Андрей Бородинге алған социалистік міндеттемесін орындағаны туралы баяндап тұрған кезі бейнеленген сәті (КП 13654/12) [3].

Кәмшат елімізде алғаш рет «К-700» сияқты алып тракторды меңгеріп, талай қыз-келіншектерге жол көрсетті. Қазақ қыздарының ауыл шаруашылық техникаларын меңгеруіне үлгі өнеге болды. Музей қорындағы мына бір фотоқұжатта Азово-Черноморский ауыл шаруашылығын механизациялау институтының мамандары ұсынған «К-701» тракторына тіркелген ЖВН-6 атты 3 дестелегіштен тұратын кең ауқымды 18-метрлік егін оратын «Целина» машинасын сынақтан өткізу кезінде сынаққа қатысушы Алматы «Госкомсельхозтехника» тәжірибелік-эксперименттік заводының цех бастығы Арзат Арзиеттің Кәмшатпен агрегаттың тораптарының жұмысын талқылап тұрған кезі бейнеленген (КП 15985/2).

Сонымен қатар, машинаны өндірістік сынақтан өткізген Одақ көлемінде танымал механизатор, КСРО Мемлекеттік сыйлығының лауреаты, Социалистік Еңбек Ері Кәмшат Дөненбаеваның сынақ жұмыстары кезінде КазТАГ-тың фотокорреспонденті В.Давыдов түсірген суреттері сақталған (КП 15985/4) [3]. Әрі жылдам, әрі маневр жасауға епті бұл агрегат егін ору кезінде бір өзі үш комбайнның жұмысын атқарады және Кәмшат бір сменада 100 гектарға дейін егін орған. Ер азаматтан артық ерен еңбегі нәтижесінде Кәмшат Дөненбаеваға Бүкілодақтық халық шаруашылығы жетістіктері көрмесінің Құрмет дипломы және «Москвич» автомашинасы берілді. Ол СОКП XXV съезінің делегаты, IX сайланған КСРО Жоғары Кеңесінің депутаты. 1980–1985 жылдары КСРО Жоғары Кеңесінің Ұлттар Кеңесі төрағасының орынбасары болды. 1976 жылы КСРО Мемлекеттік сыйлығының лауреаты. Екі рет Ленин орденімен, Құрмет белгісі орденімен марапатталған [5].

1990–1993 жылдары Кәмшат Байғазықызы осы кеңшарда қауіпсіздік техникасының инженері, 1993 жылдан шаруа қожалығын басқарды. Жұмысты да үлкен абыроймен орындап, үй шаруасына да үлгеріп, қырық бес жыл жыл енесін қолында ұстап, үстіне кір жуытпай, тырнағын алып, шашын өріп анасынан артық жақсы көріп, тәрбиеледі.

Міне, осының бәрін де менің келіндерім өз көздерімен көріп, көңілдеріне түйді. Сондықтан болса керек, олардың маған деген ықыластары мен құрметтері де ерекше екендігі әрбір сөздері мен ниеттерінен кәдімгідей аңғарылып тұрады,- деген екен Кәмшат Байғазы қызы журналистерге берген сұхбатында. Кәмшаттың «ағайын-туған, абысын-ажын, қайнаға-қайнысымен қарым қатынасының өзі бір өнеге» деп жазды журналист С. Меңдібай.

Қазіргі таңда әрбір қазақтың шаңырағына ұйытқы болып отырған жас келіндер мен болашақта тұрмыс құратын бойжеткендерге Кәмшат ана «Өз азаматтарыңды қалай сыйласандар, оларды жарық дүниеге әкелген аналарына да сондай ілтипатпен қараңдар» деп тілек қылады [6].

Тың ардагері, ардақты ана, сүйікті ене, аяулы әже - Кәмшат Байғазықызы облыс өміріндегі қоғамдық жұмыстардан қалмады. Сайлау кезінде Президентіміз Н.Назарбаевтың сенімді өкілі болды. Кәмшат Байғазықызы «Ардагерлер ұйымы» Республикалық қоғамдық бірлестігі Орталық Кеңесінің мүшесі, Облыстық әйелдер ісі жөніндегі және отбасылық-демографиялық комиссияның құрамында жұмыстар атқарды. Қостанай облысының және Қостанай қаласының құрметті азаматы.

Бүгінгі жастар өмірге шынайы көзбен қарап, өз тағдырларына өздері иелік ете алатын азаматтар болуы үшін олар осы Кәмшат Байғазықызы Дөненбаева секілді өз отанының шын патриоттарын үлгі ұстануы қажет.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Дөненбаева, К. Еңбек адамның жанын түсінген. //Қостанай таңы. - 2006. - 13 қаңтар. – 8 б.
2. ҚР МОМ қоры. ФКП 13618,13622, 13654; КППМ 2177/1-10; КП14055/1-8.
3. Дөненбаева К. Туған жердің армансыз тердім гүлін. //Қостанай таңы. № 102. 13 қыркүйек, 2013. -4 б.
4. Тарихи тұлғалар. Танымдық - көпшілік басылым. Құрастырушы: Тоғысбаев Б. Сужикова А. – Алматы. «Алматыкітап баспасы», 2009.
5. Қазақтың Кәмшаты. //Ана тілі. -2013. 7 наурыз.

REFERENCES

1. <https://egemen.kz/article/nursultan-nazarbaev-bolashaqqa-baghdar-rukhani-zhanhghyru>
2. Donenbayeva K. Enbek adamnyn zhanyn tucingen. //Kostanai tany. - 2006. - 13 kantar. – 8 b.
3. KR MOM kory. FKP 13618,13622, 13654; KPPM 2177/1-10; KP14055/1-8.
4. Donenbayeva K. Tugan zherdin armansyz terdim gulin. // Kostanai tany. № 102. 13 kyrkuek, 2013. -4 b.
5. Tarikhi tulgalar. Tanyndyk - kopshilik basylym. Kurastyrushy: Togysbayev B. Suzkikova A. – Almaty. «Almatykitap baspasy», 2009.
6. Kazaktyn Kamshaty. //Ana tili. -2013. 7 nauryz

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
 ЭОЖ / УДК / UDK 902.2/904

БРАСЛЕТЫ С ЛЬВИНЫМИ ЛИЧИНАМИ: К ИСТОРИИ ОДНОГО УКРАШЕНИЯ

Хасенова Б.М.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) научный сотрудник
 E-mail: alicar@inbox.ru

Аннотация. Украшения – визитная карточка своего времени. Для эпохи Золотой Орды следует отметить появление браслетов с львиными личинами на окончаниях. Такой браслет был обнаружен в некрополе Бозок (Северный Казахстан). Браслеты демонстрируют появление новых элементов в искусстве Великой степи в связи с образованием Монгольской империи. Трактовка образа происходит из Сельджукского Ирана, он был переработан в Поволжье, а в некоторые регионы Евразии эти браслеты попали в результате модернизации в данный период Великого Шелкового Пути.

Ключевые слова: Золотая Орда, украшения, образ льва, Сельджукский Иран, торговые пути.

АРЫСТАН БЕТПЕРДЕЛІ БІЛЕЗІКТЕР: БІР ӘШЕКЕЙДІҢ ТАРИХЫНАН

Хасенова Б.М.

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы қ-сы, Қазақстан) ғылыми қызметкер
 E-mail: alicar@inbox.ru

Аңдатпа. Әшекей заттар – өз заманының визиттік кәртiшкесi. Алтын орда дәуiрiнде арыстан бетперделi бiлезiктердiң пайда болғандығын атап өту керек. Бұндай бiлезiк Бозоқ (Солтүстiк Қазақстан) қорымынан табылды. Бiлезiктер, Моңғол империясы құрылғаннан кейiн Ұлы даланың өнерiнде тың элементтердiң пайда болғандығын көрсетедi. Осы бейне Селжұқтық Иранның бастау алып, Едiл бойында өңделсе, ал Еуразияның кейбiр бөлiктерiне Ұлы Жiбек Жолының осы уақыттағы модернизациялануы нәтижесiнде келген.

Түйiн сөздер: Алтын Орда, әшекейлер, арыстан бейнесi, Селжұқтық Иран, сауда жолдары.

BRACELETS WITH LION IMAGES: ON THE HISTORY OF ONE OF THE PIECES OF JEWELLERY

Khasenova B.M.

Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, (Almaty, Kazakhstan) research associate
 E-mail: alicar@inbox.ru

Abstract. Jewellery has always played the role of identity of the concrete period of time. The period of the Golden Horde can be characterized by bracelets with lion faces at the ends. Such bracelets were discovered at the Bozok necropolis (North Kazakhstan). The bracelets demonstrate the appearance of new elements in the Great Steppe art in connection with the Mongol Empire formation. The interpretation of image is originated from Seljuk Iran, it was manufactured in the Volga region, and these bracelets

appeared in some parts of Eurasia regions due to modernization during the period of the Great Silky Way.
Keywords: Golden Horde, jewellery, lion's image, Seljuk Iran, trade routes.

Введение

Территория Казахстана во все времена играла значительную роль в установлении взаимоотношений между Востоком и Западом. В эпоху средневековья, помимо традиционных перемещений людей (миграции) и идей, эти связи оказались актуализированы, благодаря Великому Шелковому Пути. Кроме основных маршрутов, ориентированных в широтном направлении, существовало множество ответвлений, в том числе меридиональных.

Один из таких путей на протяжении практически всего средневековья (к сожалению, имеются данные не по всему периоду) соединял южные территории с Сибирью. Несколько вариантов маршрутов известны, начиная с эпохи Кимакского каганата (IX-XI вв.) [по: 1]. В погребениях кимаков обнаруживаются многочисленные китайские монеты, бусы, происходящие с территории Западной Европы, импортный художественный металл [2]. По мнению исследователей, два из описанных маршрутов могут быть идентифицированы с торговыми путями гораздо более позднего времени, известными у казахов. Это Ханжол – Ханская дорога, сведения о ней имеются с середины XVIII в., данный торговый путь проходил через Центральный Казахстан в низовья рек Ишим, Тобол, Иртыш. Второй путь, под названием Сарысуйская дорога, связывал города на Сырдарье с жителями бассейна Иртыша [по: 1].

Находки эпохи Золотой Орды дополняют сведения о временном промежутке между этими двумя периодами. В частности, раскопки некрополя Бозок в Северном Казахстане (Акмолинская область) продемонстрировали уровень торговых отношений данного времени.

В одном из погребений был обнаружен богатый сопроводительный инвентарь. Особенности погребального обряда – грунтовый характер погребения, ориентировка умершей головой на северо-северо-восток, помещение определенных костей жертвенного животного – ноги мелкого рогатого скота, расположенной вертикально в изголовье, позволили прийти к выводу о монгольской этнической принадлежности похороненной женщины. Погребение датируется XIII – началом XIV вв. (об этом подробнее: [3]). Умершей женщине было 40-50 лет (определение выполнено А.В. Колбиной).

Под кистью правой руки лежала серебряная чаша. Слева от тела умершей находились железные пика (?) и кинжал. Железные кольчатые удила были размещены вплотную к западному углу ямы. Интересной особенностью обряда является наличие покрывала из войлока (?), расположенного поверх гробовища и фиксируемого в виде прослойки темно-серого цвета толщиной в 5 см. На ее внешней поверхности находились отдельные мелкие кусочки краски ярко-красного цвета.

Большой интерес представляют сохранившиеся детали костюма. В изголовье левее черепа на расстоянии 10 см от него находился берестяной предмет цилиндрической формы, являющийся основой головного убора. Высота цилиндра 9,8 см, диаметр около 5 см. Первоначально, он видимо, находился в области затылка, но сместился в результате того, что рухнуло деревянное перекрытие. К поверхности цилиндрической части головного убора были прикреплены три раковины каури. В районе височных костей расположены скопления жемчуга. При расчистке было зафиксировано, что слева от черепа находилась 321 жемчужина, справа – 309, в районе шейных позвонков – 51. Судя по зафиксированной при расчистке ситуации, жемчужины были нанизаны на шелковую нить, обнаружены такие отдельные фрагменты низок. Также часть жемчуга, видимо, нанизывалась, образуя фигуры ромбической формы. Об этом свидетельствует зафиксированное отдельно справа от черепа небольшое скопление жемчуга, лежащее в отличие от остальной массы на ровной поверхности и образующее именно данную геометрическую форму

(скопление состояло из 93 жемчужин). Основная масса жемчуга сконцентрирована в районе височных костей, что позволяет предположить их назначение в качестве подвесок к головному убору.

В районе височных костей также находились серебряные серьги, перевернутые подвесками вверх. Под правой серьгой обнаружены небольшие фрагменты кожи и шелковой ткани редкого плетения.

В районе шейных позвонков, а также слева и справа от височных костей находились бусины, все они выполнены из стеклянной пасты, за исключением одной – из серебра цилиндрической формы, причем через ее отверстие продета шелковая нить, завязанная посередине бусины, а на окончаниях нити прикреплены две жемчужины. Остальные бусины биконической формы, покрытые золотистым перламутром, с ребристой поверхностью, покрытые голубой глазурью.

Интерес представляют бусины и подвеска с орнитоморфной символикой. В районе шейных позвонков находилась подвеска в виде клюва пеликана: показаны характерные особенности – клюв, немного выпуклый сверху, расширяется к окончанию. Одна из бусин выполнена в виде туловища птички (голова и хвост не сохранились), вторая – в виде ее головки с коротким крупным клювом, они имеют голубой цвет. Интересно, что если в расположении других бусин не зафиксировано закономерностей, то обе бусины с орнитоморфной символикой расположены справа от головы умершей. Все бусины расположены на небольшом расстоянии друг от друга, видимо, они были зафиксированы на нити с помощью жемчужин, заполняющих пространство между ними.

На запястья рук были надеты серебряные пластинчатые браслеты, окончания которых оформлены стилизованными львиными личинами. На их поверхности зафиксированы фрагменты ткани двух типов они, видимо, представляют собой остатки одежды. Непосредственно к поверхности металла примыкали фрагменты ткани редкого плетения типа холстины, в свою очередь, тонкая шелковая ткань находилась над ней. Диаметр 6 см, концы несомкнутые, ширина пластины 1,2 см.

О высоком социальном положении умершей женщины свидетельствует сам факт наличия весьма представительного погребального инвентаря, также такой вывод можно сделать на основании обнаружения в погребении остатков головного убора бокка или боктаг. Такие головные уборы были неотъемлемой частью костюма знатных монгольских женщин. Об этом свидетельствуют данные письменных источников и сохранившиеся изображения того времени [4].

Несомненно, предметами импорта здесь являются раковины каури. Браслеты и бусины с подвеской, в свою очередь, могли быть изготовлены в одном из городов, вошедших в состав государств, созданных под властью Чингизидов.

Весьма показательной находкой в данном погребении являются браслеты с львиными личинами на окончаниях. История этих украшений заслуживает самого пристального внимания. Значительное их количество обнаруживается в составе кладов на территории Крыма и Поволжья. Можно сказать, что они были модными у знатных женщин в эпоху Золотой Орды. При множестве вариантов, вычлняется устойчивый блок характерных элементов при создании образа льва. Квадрат с размещенной на ней личиной льва размещается на окончаниях браслетов. При проработке образа отмечаются следующие детали. Показаны глаза со зрачком миндалевидной формы, нередко раскосые. Линия, их образующая, соединяется с линией носа, он выполнен в виде удлиненной треугольной фигуры. По мнению М.Г. Крамаровского, одним из ремесленных центров, занимающихся производством подобных браслетов было Поволжье, а в качестве исходной формы для создания образа льва выступают образцы с территории Сельджукского Ирана [3]. Образование Монгольского государства привело к появлению новых образов, иной

трактовке уже известных сюжетов в искусстве степных племен. В свою очередь, эти браслеты могли попасть к знатной представительнице монгольского племени, кочующего в степях Северной Сарыарки, по одному из ответвлений Великого Шелкового Пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 156 с.
2. Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX-X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана / Отв. ред. З. Самашев. – Алматы–М., 1998. – Вып. 2. – С. 97-109.
3. Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII-XIV вв. (по материалам некрополя Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: матер. междунар. полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2008. – С. 56-65.
4. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – Санкт-Петербург: изд-во «Славия», 2001. – 363 с.

REFERENCES

1. Kumekov B.E. Gosudarstvo kimakov IX-XI vv. po arabskim istochnikam. – Alma-Ata: Nauka, 1972. – 156 s.
2. Arslanova F.H. Zhenskie pogrebeniya IX-X vv. s busami iz Kazahstanskogo Priirtysh'ya // Voprosy arheologii Kazahstana / Otv. red. Z. Samashev. – Almaty–M., 1998. – Vyp. 2. – S. 97-109.
3. Akishev K.A., Hasenova B.M., Motov Yu.A. K voprosu o mongol'skih pogrebeniyah XIII-XIV vv. (po materialam nekropolya Bozok) // Bozok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii: mater. mezhdunar. polevogo seminar. – Astana: ENU im. L.N.Gumileva, 2008. – S. 56-65.
4. Kramarovskij M.G. Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoj Ordy. – Sankt-Peterburg: izd-vo «Slaviya», 2001. – 363 s.

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
 ЭОЖ / УДК / UDK 902/904 (930.85)

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИИ В КИМАКСКОМ КАГАНАТЕ: ДАННЫЕ ТОРЕВТИКИ

Хасенова Б.М.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) научный сотрудник
alicar@inbox.ru

Аннотация. Вопрос о религиозной принадлежности степных племен эпохи средневековья Евразии в настоящее время относится к числу чрезвычайно актуальных. Имеются сведения о распространении среди степных племен ислама, христианства, зороастризма и других религий. Предметы торевтики используются некоторыми учеными для обоснования манихейской или буддийской принадлежности населения Кимакского и Кыргызского каганатов. Необходимо учитывать, что иноэтничные элементы, к каковым относятся из религиозные символы, могли быть использованы представителями степной элиты для подтверждения, утверждения своей власти. Какое содержание вкладывали в эти символы владельцы таких предметов остается неизвестным. Поэтому предметы торевтики вряд ли возможно использовать как источник по реконструкции религиозной принадлежности населения Кимакского каганата.

Ключевые слова: Кимакский каганат, торевтика, религиозные воззрения, погребальный обряд.

ҚИМАҚ ҚАҒАНАТЫНДАҒЫ ДІН МӘСЕЛЕСІ: ТОРЕВТИКА ДЕРЕКТЕРІ

Хасенова Б.М.

Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы қ-сы, Қазақстан) ғылыми қызметкер
alicar@inbox.ru

Аңдатпа. Ортағасырлардағы Еуразия даласы тайпаларының діни ұстанымдары бүгінгі таңда аса өзекті мәселе. Далалық тайпалардың арасында ислам, христиан, зороастризм және т. б. діндердің таралғандығы туралы мәліметтер бар. Торевтикалық бұйымдар негізінде кейбір ғалымдар Қимақ және Қырғыз қағанаты құрамындағы халықтардың будда немесе манихейлік бағыттағы діни ұстанымда болғандығын көрсетеді. Бір ескере кететін жәйт, өзге этникалық элементтер тобына жататын діни нышандар дала ақсүйектері тарапынан өздерінің биліктерін дәлелдеп және бекіту үшін пайдаланылуы мүмкін. Аталмыш бұйымдардың иелері бұл нышандарға қандай мән-мазмұн бергендігі біздерге белгісіз. Сондықтан да, Қимақ қағанаты құрамындағы халықтардың діни ұстанымдарын жаңғыртуда торевтика бұйымдарын дерек ретінде пайдалану күмәнді.

Түйін сөздер: Қимақ қағанаты, торевтика, діни көзқарас, жерлеу рәсімі.

ON THE QUESTION OF RELIGION IN THE KIMAK KHAGANATE: TOREUTICS DATA

Khasenova B.M.

Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, (Almaty, Kazakhstan) research associate
 E-mail: alicar@inbox.ru

Abstract. The question of the Middle Ages steppe tribes' religion, which occupied Eurasia, is now among the most topical. There is information about the spread of Islam, Christianity, Zoroastrianism and other religions among the steppe tribes. The subjects of toreutics are used by some scientists to substantiate the Manichean or Buddhist affiliation of the population of the Kimak and Kyrgyz Kaganates. It should be kept in mind that other ethnic elements, which include religious symbols, could be used by representatives of the steppe elite to confirm their authority. The content of these characters defined by the owners of such items remains unknown. Therefore, it is hardly possible to use items of toreutics as a source for reconstructing the religious affiliation of the Kimak Khaganate population.

Keywords: Kimak Khaganate, toreutics, religious views, funeral rite.

Введение

Торевтика является одним из ценнейших источников в изучении средневековой культуры степной Евразии. Художественная обработка металла использовалась при оформлении элементов одежды, конской упряжи, оружия, пиршественной посуды, и маркировала тем самым круг предметов, наделенных высокой социальной значимостью. Область применения максимально полно отражала важнейшую – военизированную сущность культуры степных племен Евразии.

Вопрос о религиозной принадлежности степных племен эпохи средневековья Евразии в настоящее время относится к числу чрезвычайно актуальных. Имеются сведения о распространении среди степных племен ислама, христианства, зороастризма и других религий.

Предметы торевтики используются некоторыми учеными для обоснования манихейской или буддийской принадлежности населения Кимакского и Кыргызского каганатов.

Как свидетельствует история, те изменения, которые произошли в мировоззрении населения степных регионов Евразии в связи с распространением новых религиозных систем, отобразились самым непосредственным образом на погребальной обрядности. Наиболее аргументированно этот процесс иллюстрируется распространением ислама, которое привело к появлению установок погребального обряда, фиксирующих рубеж между двумя мирами – до и после принятия новых норм, и смену приоритетов при их исполнении, главное место отводится информации о конфессиональной принадлежности умерших и их сородичей.

Вещный мир маркирует эти изменения в мировоззренческих установках своих носителей не столь однозначно.

Анализ изображений на поверхности предметов торевтики позволил прийти исследователям к следующим выводам. Прочтение надписи на серебряном зеркале из женского кимакского погребения кургана № 146 Зевакинского могильника позволило прийти авторам публикации Ф.Х. Арслановой и С.Г. Кляшторному к тому, что она построена по нормам буддийской этики [1, с. 311-312]. С.Г. Кляшторный переводит текст первой надписи следующим образом: «Знатная женщина освобождается от своего [чувства] зависти (гнева). Ее счастливый удел наступает (ее благодать) наступает». Перевод второй: «Ябчи – рыжий ... дракон» (в примечании он дает еще один перевод, определяемый как более предпочтительный: «огненно (ярко)-красный...дракон»). Тем самым, находка зеркала с такой надписью свидетельствует, по мнению авторов, о том, что кимаки не избежали влияния буддийской миссии [1, с. 312].

Позже один из авторов публикации – Ф.Х. Арсланова, при интерпретации антропоморфных изображений в трехрогих головных уборах вновь поднимает вопрос о распространении среди кимаков в период сложения государства (IX–Xвв.) образов тюрко-буддийского пантеона [2].

Следующие исследователи выделяют канонические элементы в целом в южносибирской торевтике, имеющие в качестве своих прототипов также буддийское искусство: лотос, «пылающая жемчужина», узел бесконечности, побеги и гроздь винограда и другие [3, с.71-76]. По мнению Л.Р. Кызласова, в степи они появились опосредованно через манихейскую символику

[4, с. 125-130].

Целая группа предметов, обнаруженных в детском погребении №2 могильника Кондратьевка, по мнению Ю.П. Алехина, свидетельствует о проникновении буддийско-манихейской идеологии в среду кимакской знати. Это бляшки с изображением Будды-воина, антропоморфных личин, виноградных гроздей с растительным орнаментом [5].

Таким образом, у исследователей не достигнуто единое мнение о конфессиональной принадлежности Кимакского каганата. В пользу буддизма высказывались С.Г. Кляшторный, Ф.Х. Арсланова, Ю.С. Худяков, Л.М. Хаславская. Ф.Х. Арсланова отдельно высказывает мнение о сложении образов тюрко-буддийского пантеона. На буддийско-манихейском присутствии настаивают Л.Р. Кызласов и Ю.П. Алехин.

Необходимо обратить внимание, что религия в степи первоначально выступала, прежде всего, в качестве подтверждения инаковости, признака группы для представителей элиты общества. Отсюда проистекал ограниченный срок популярности, как во времени, так и в пространстве той или иной религиозной системы, обусловленный зачастую лишь годами правления какого-либо государственного деятеля – ее покровителя. Как свидетельствует сфера использования художественного металла, предметы торевтики могли иллюстрировать это явление. «Иноэтничная иконография изображений – лишь инструмент для воплощения в изобразительной форме собственных идей: власти, ее божественности, иерархичности» [6, с. 94]. Так что, вопрос о том, были ли эти изобразительные элементы каноническими для населения Кимакского каганата, на данном уровне исследования не может быть решен утвердительно.

В свою очередь, в кимакской погребальной обрядности обращает внимание факт появления сырцовых попрямоугольных оград. Они выступают в качестве модификации одного из элементов обряда – возведения наземной подпрямоугольной ограды, традиционным, судя по значительному количественному преобладанию таковых, являлось использование в качестве строительного материала камня. Погребения под сырцовыми оградками характеризуются соблюдением норм других элементов кимакской обрядности: восточная ориентировка, сопроводительные захоронения животных, наличие погребального инвентаря [7; 8].

Использование сырца имеет южное происхождение, тем самым, отмечает регион, откуда могла появиться данная инновация, но не свидетельствует о распространении ислама, как это было предложено В.А. Могильниковым в одной из приведенных статей. Незначительное количество погребений под сырцовыми оградками пока не позволяет однозначно говорить о распространении манихейства у группы кимакской знати, но вопрос поставить необходимо. О нерядовом характере данных сооружений свидетельствуют более значительные масштабы, инаковость и наличие, судя по всему значительного вещевого инвентаря (большинство погребений ограблено, но, судя по оставшимся предметам, оно было значительным).

В любом случае, предметы торевтики не могут быть использованы для реконструкции религиозных воззрений населения Кимакского каганата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. – М., 1972. – С. 306-315.
2. Арсланова Ф.Х. К вопросу интерпретации украшений женской одежды из двух курганных групп Кемеровской области // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. – Кемерово, 1987. – Ч. 2. – С. 169-172.
3. Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. Канонические мотивы в орнаментике южносибирской торевтики // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993. – С. 71-76.
4. Кызласов Л.Р. Тюрко-иранские взаимосвязи в эпоху средневековья (язык, письменность, религия) // Древности Алтая. – 2004. – № 12. – С. 123-133.
5. Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998. – Вып. IX. – С. 201-203.

6. Король Г.Г. «Хойцегорский портрет» рубежа I-II тыс. н.э. и манихейство в Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул, 2007. – Вып. 1. – С. 81-99.
7. Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской археологической экспедиции 1955 г. // Труды ИАЭ АН КазССР. – 1959. – № 7. – С. 32-58.
8. Могильников В.А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – № 2. – С. 64-68.

REFERENCES

1. Arslanova F.H., Klyashtornyj S.G. Runicheskaya nadpis' na zerkale iz Verhnego Priirtysh'ya // Tyurkologicheskij sbornik. – M., 1972. – S. 306-315.
2. Arslanova F.H. K voprosu interpretacii ukrashenij zhenskoy odezhdy iz dvuh kurgannyh grupp Kemerovskoj oblasti // Problemy arheologii stepnoj Evrazii: tez. dokl. – Kemerovo, 1987. – CH. 2. – S. 169-172.
3. Hudyakov YU.S., Haslavskaya L.M. Kanonicheskie motivy v ornamentike yuzhnosibirskoj torevtiki // Kul'tura drevnih narodov YUzhnoj Sibiri. – Barnaul, 1993. – S. 71-76.
4. Kyzlasov L.R. Tyurko-iranskie vzaimosvyazi v ehposu srednevekov'ya (yazyk, pis'mennost', religiya) // Drevnosti Altaya. – 2004. – № 12. – S. 123-133.
5. Alekhin YU.P. Kurgan kimakskoj znati na Rudnom Altae // Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja. – Barnaul, 1998. – Vyp. IX. – S. 201-203.
6. Korol' G.G. «Hojcegorckij portret» rubezha I-II tys. n.eh. i manihejstvo v Central'noj Azii // Mirovozzrenie naseleniya YUzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoy retrospektive. – Barnaul, 2007. – Vyp. 1. – S. 81-99.
7. Ageeva E.I., Maksimova A.G. Otchet Pavlodarskoj arheologicheskoy ehkspedicii 1955 g. // Trudy IAEH AN KazSSR. – 1959. – № 7. – S. 32-58.
8. Mogil'nikov V.A. Kurgany s syrcovmi vykladkami na yuge Zapadnoj Sibiri // Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii. – 1999. – № 2. – S. 64-68..

ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.

ӘОЖ / УДК / UDK 94(5-191.2+560)«1991/2016»:327

ТӘУЕЛСІЗДІК ЖЫЛДАРЫНДА ҚАЗАҚ-ТҮРІК МӘДЕНИ БАЙЛАНЫСТАРЫНЫҢ ЖАҢАРУЫ

Шахидулла Д.М.¹, Мұхажанова Т.Н.²

¹Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ (Алматы қ., Қазақстан) магистрант

E-mail: w_datbek94@mail.ru

²Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ (Алматы қ., Қазақстан) тарих ғылымдарының кандидаты

E-mail: tolkyn_3010@mail.ru

Аңдатпа. Кеңес Одағы тараған соң Қазақстан Республикасы сырт мемлекеттермен әр түрлі салаларда байланыстар орнатты. Соның ішінде Қазақстан Түркиямен кеңестік кезеңде үзіліп қалған мәдени саладағы байланыстарды жаңартуға көшті. Қазақ халқы түрік халқымен тарихы мен мәдениеті тамырлас болғандықтан, уақыттың өзі бұл саланың қайта жаңғыру қажеттігін көрсетіп берді. Сондықтан, екі мемлекет екі халық арасындағы ескірген мәдени қатынастарды қайта жаңғыртуға баса назар аударды. Мақала, Қазақстан Республикасының тәуелсіздік жылдарында қазақ-түрік халықтары арасында мәдени байланыстардың жаңаруын көрсетуге арналады. Екі халық үшін ортақ болған рухани мәдениетті жаңғыртуға арналған іс-шаралар мен атқарылған жұмыстарға және олардың нәтижелеріне ғылыми талдау жасау мақаланың негізгі міндеті болып саналады. Сонымен қатар, екі халықты жақындастырудың басты құралы болып табылатын мәдени байланыстардың жаңадан орнауы мен осы саладағы процестердің жүзеге асырылуы туралы тұжырымдар жасалады.

Түйін сөздер: Қазақстан, Түркия, Мәдени байланыстар, Қайта орнату, Жаңғыру, Тарихи тамырластық.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КАЗАХСКО-ТУРЕЦКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Шахидулла Д.М.¹, Мухажанова Т.Н.²

¹КазНУ им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан) магистрант

E-mail: w_datbek94@mail.ru

²КазНУ им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан) кандидат исторических наук

E-mail: tolkyn_3010@mail.ru

Аннотация. В годы независимости Республика Казахстан как независимое государство установил взаимоотношение зарубежными странами в разных сферах. В том числе Казахстан перешел модернизацию в отношении сфере культуры, которое прерванные в советском времени. Казахи и турки является народом тюркского происхождения, имеющие коренные культурно-этническую историю и в годы независимости было необходимо возобновить и модернизировать культурные связи этих народов. Таким образом, Казахстан и Турция обратили внимание на возрождение старых культурных отношений между двумя народами. Статья посвящена изучению историю новых культурных отношений между Казахстаном и Турцией в годы независимости. Научной статье анализируется результаты работ общей духовной и культурной деятельности

сторон для модернизаций культурных отношении между двумя народами. Кроме того, приняты научные выводы в результате изучения новых культурных связей двух народов, которое является основным инструментом в сближении этих государств.

Ключевые слова: Казахстан, Турция, Культурные связи, Возобновления, Модернизация, Исторические корни

RENEWAL OF KAZAKH-TURKISH CULTURAL RELATIONS IN THE YEARS OF INDEPENDENCE

Shahidulla D.M.¹, Mukhazhanova T.N.¹

¹Al-Farabi Kazakh National University, (Almaty, Kazakhstan) master's student

E-mail: w_datbek94@mail.ru

¹Al-Farabi Kazakh National University, (Almaty, Kazakhstan) Candidate of Historical Sciences

E-mail: tolkyn_3010@mail.ru

Abstract. During the years of independence, the Republic of Kazakhstan as an independent state established relations with foreign countries in various fields. In particular, Kazakhstan has passed modernization in relation to the sphere of culture, which was interrupted in Soviet times. Kazakhs and Turks are a people of Turkic origin, having indigenous cultural and ethnic history, and in the years of independence it was necessary to renew and modernize the cultural ties of these peoples. Thus, Kazakhstan and Turkey drew attention to the revival of old cultural relations between the two peoples. The article is devoted to the study of the history of new cultural relations between Kazakhstan and Turkey in the years of independence. The scientific article analyzes the results of the work of the common spiritual and cultural activities of the parties for the modernization of cultural relations between the two peoples. In addition, scientific conclusions have been adopted as a result of the study of new cultural ties between the two peoples, which is the main tool in bringing these states closer..

Keywords: Kazakhstan, Turkey, Cultural ties, Renewals, Modernization, Historical roots.

Кіріспе

Қазақстан Республикасы тәуелсіздікке қол жеткізген соң, отарлық және кеңестік кезеңдерде бұрмалауға ұшыраған қазақ халқының ұлттық тарихи санасын қалпына келтіріп, өз мемлекеттігін қайта тіктеу жолында ұлттық тарих пен мәдениеттің ұмыт болған тұстарын қайта жаңғырту қажет болды. Қазақ халқының мәдениетін мен оның тарихының ұмытылған қайта танып-білуде Қазақстан Республикасы басшылығының ұйғарымымен қазақ халқымен тарихы тамырлас болған туысқан халықтармен кеңестік кезеңде үзіліп қалған мәдени қарым-қатынастарды жаңғыртуға ерекше назар аударылды. Солардың бірі бауырлас этникалық, тілдік, мәдени тұрғыда жақын болған, орта ғасырларда тағдыр тәлкегімен Анадолыға кеткен бауырлас түрік халқы болды. Қазақстан Республикасы тәуелсіздік алған бойда Қазақстан мен Түркия Республикалары арасында саяси және экономикалық байланыстармен бірге мәдени байланыстар да орын ала бастады. Қазақстан Республикасының Президенті Нұрсұлтан Назарбаев түркі халықтарының мәдениеттерінің түбірі бір, ықпалдас екенін алға тарта отырып, саяси-экономикалық байланыстармен қатар мәдениет, оның ішінде білім, ғылым, әдебиет пен өнер салаларында тығыз байланыс орнатуға өз тарапынан үлкен қолдау білдірді.

Тәуелсіздік жылдарында Қазақстан мен Түркия Республикаларының мәдениет саласындағы байланыстарын қазақ-түрік халықтарының мәдени байланыстарының келесі бір жаңарған кезеңі деп айтуға болады. Себебі, қазақ-түрік мәдени байланыстары бұған дейін де болып, алайда

кеңестік саясатқа байланысты қысқарып қалған еді. Мәдени тарих пен сабақтастық түркі халықтарының түбірі бір екенін дәлелдейтін негізгі фактор. Осының негізінде Қазақстан мен Түркия мемлекеттерінің басшылары халықтар арасында үзіліп қалған мәдениетті қайта жалғастыру және ұмыт болған салт-дәстүрлерді жаңғырту жолында арнайы мемлекетаралық мәдениет саласындағы байланыстарды жолға қойды. Қазақстан Республикасы Түркия үшін Орта Азиядағы туысқан мемлекеттердің ішіндегі аз уақыт ішінде тығыз байланыс орнатып үлгірген мемлекет ретінде танылды. Қазақстан мен Түркияның мәдени ынтымақтасуының басты негіздеріне екі елге де ортақ түркі әлемінің мәдени мұрасын сақтау, оны жетілдіру және Еуразия даласында әртүрлі мәдениеттер мен өркениеттермен астасқан түркі халықтарының мәдениетін бірлесе қорғау жатады. Екі халықтың мәдени байланыстары өзара географиялық және мәдени-тарихи сабақтастықтан да туындайды. Мұндай мәдени сабақтастықтар мемлекетаралық өзге де салалар бойынша байланыстардың жүйесін жасау мен оны жүзеге асыруға негіз қалыптастырды. Оның басты мысалдарының бірі Қазақстан Президенті Нұрсұлтан Назарбаев Түркия президенті Түрғұт Өзалмен болған алғашқы кездесуінде оның атажұртқа деген махаббатын терең сезінген. Түрік халқы Қазақстан жерін түркілердің мәдени және саяси-географиялық орталығы деп санап, оның өздерінің атажұрты деп есептейді [1].

Тәуелсіздік жылдарында Қазақстан мен Түркияның мәдени қарым-қатынастар жаңғырту мен дамытудағы бастамалары мен жетістіктері көп болды. Туыстас халықтардың қатынастары мәдени саладағы тығыз ынтымақтастыққа негізделді. Қазақ-түрік мәдени байланыстары тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында өзінің жоғары қарқындылығымен сипатталады. Түрік халқы мен қазақ халқы мемлекеттердің арасындағы жер шалғайлығына және бір-бірінен ұзақ жылдар ажырап қалғандарына қарамастан тілдері бір, өткені мен мәдениеті ортақ екендігін ұмытпағаны бұл саладағы байланыстың тез дамуына жағдай жасады. Екі халыққа ортақ болған қасиетті құндылықтар мен мәдениет, екі мемлекеттің мәдени саладағы қарым-қатынасының негізін құрады. Халықтардың ортақ мәдениеті, тегі, тілі мен рухани құндылықтары екі мемлекетті тез арада тығыз байланыстырды [2].

Тәуелсіздік қарсаңында Қазақстанның Түркиямен мәдени қарым-қатынастарының алғашқы ресми байланысы 1990 жылдың желтоқсанында орнады. Онда Қазақ КСР-нің мәдениет жөніндегі мемлекеттік комитеті мен Түркия Республикасының мәдениет министрлігінің арасында қарым-қатынас туралы келісімге және де Қазақ КСР-і мен Түркия Республикасының Үкіметтері арасындағы ресми хаттамаға қол қойылды. Бұл құжаттарда жастарға білім беру саласында көрсетілетін көмек, жоғары оқу орындары арасындағы қарым-қатынас, бірлескен ғылыми жобалар ұйымдастыру мен оларды жүзеге асыру, студенттермен әр түрлі саладағы мамандар және ғалымдармен тәжірибе алмасу, халықаралық ғылыми-тәжірибелік семинарлар, конференциялар, фестивальдер өткізу, көрмелер ұйымдастыру, екі мемлекеттің мәдениетіне ортақ болған мәдени орталықтар ашу, театрлық, музыкалық және де басқа да шығармашылық ұйымдардың арасындағы қарым-қатынастарды қолдау, марапаттау, қазақ жазушыларының шығармаларын түрік тіліне, ал түрік жазушыларының шығармаларын қазақ тіліне аудару және ең маңыздысы Түркістанда Қожа Ахмет Яссауи мен Отырардағы Арыстанбаб кесенелерін жөндеуден өткізу, сондай-ақ екі ел ғалымдары арасында бірлескен археологиялық зерттеулер ұйымдастыру мен тағы басқа да мәдени саладағы қатынастар туралы шаралар нақты көрініс тапты [3]. Бұл келісім екі тәуелсіздік жылдарында мемлекет арасында ұзаққа созылған мәдени байланыстардың бастамасы болды.

Мәдениет саласындағы мұндай ресми қарым-қатынастар ең алдымен түбі бір туысқан түрік халқы мен қазақ халқы арасындағы біраз уақытқа үзіліп қалған мәдени және рухани байланыстарды қалпына келтіріп, екі халық арасындағы тарихи және мәдени сабақтастықты жаңғыртудың алғашқы қадамы болды. Қазақстан мен Түркия Республикасын мәдени салада

байланыстыратын бұл шаралар республика жұртшылығы тарапынан қолдау тапты, соның негізінде халықтардың бір-біріне жақындығы арта түсті. Екі халықтың туысқандық байланыстары, әсіресе халыққа етене жақын мәдениет пен білім және ғылым саласындағы өзара қарым-қатынастар екі ел арасын одан сайын терең жақындатты.

Қазақстан мен Түркияның мәдениет саласындағы байланыстары, бұдан кейінгі кезде қабылданған құжаттарда да қарастырылып жатты. Қазақ-түрік мәдени қарым-қатынастарына шынайы достық пен туысқандық аясында дамуына бағыт берген негізгі құжаттардың бірі 1991 жылы 15 наурызда Алматыда Қазақстан Республикасы мен Түркия президенттері арасында қол қойылған келесі бір құжатта көрсетілді. Бұл құжат Түркия Республикасы Президентінің Қазақстанға жасаған алғашқы ресми сапары кезінде Қазақстан президенті Нұрсұлтан Назарбаев пен Түркия Президенті Түрғұт Өзал қол қойған «Қазақ Кеңестік Социалистік Республикасы мен Түркия Республикасының қарым-қатынасы туралы» келісімшартқа негізделіп, онда екі ел арасындағы саяси достық қарым-қатынасты нығайту мен оны жан-жақты дамытуға ұмтылу негіздері дәйектелген және соның аясында халықтар арасындағы мәдени сабақтастықты жаңғыртулар қарастырылды. Осыған сәйкес келісімшартта екі ел арасындағы халықаралық мәдени қарым-қатынас саласын кеңейту және өзара байыту, ақпараттық, мәдени және гуманитарлық қарым-қатынасты дамыту, радиохабар және телекоммуникация жүйесінің дамуына ықпал ету, тарихи және мәдени ескерткіштерді қайта қалпына келтіру және оларды қорғау қарастырылды [4].

Аталған келісімшарттан кейін 1991 жылы 26 қыркүйекте Нұрсұлтан Назарбаев пен Түрғұт Өзал «Қазақ Кеңес Социалистік Республикасы және Түркия Республикасы арасындағы қарым-қатынастың принциптері мен мақсаттары туралы» Декларацияға қол қойды. Декларацияда негізінен саяси-экономикалық байланыстардың басты бағыттары көрсетіліп, сонымен бірге тараптар арасында мәдениет, спорт және туризм саласындағы қарым-қатынасты дамытуға ұмтылыс, сондай-ақ, Алматы мен Стамбул, Түркістан мен Байбурт, Қызылқұм мен Кираман қалалары арасында мәдени қатынастар орнату көзделді [5]. Осы келісімшарттар және 1990 жылдан бері мәдени орнатылып келе жатқан мәдениет саласындағы байланыстар қазақ-түрік мәдени қарым-қатынастың жаңғыруы мен оның нығаюына жол ашты [6].

1991 жылы қазан айында Қазақ Кеңес Социалистік Республикасы Президенті Нұрсұлтан Назарбаев Түркияға алғаш рет ресми сапар жасады. Н.Назарбаевтың Түркияға ресми мемлекеттік сапары барысында және одан кейін қол қойылған келісімшарттар негізінде екі ел арасындағы мәдени байланыстар нақты мазмұнға ие болды. Әсіресе, 1992 жылы 1-мамырда Алматы қаласында мәдениет, ғылым, білім және спорт салалары бойынша екі ел үкіметтері қол қойған келісімшарттан кейін екі жақты байланыстың мағынасы және белсенділігі одан сайын артты [7]. Бұл келісімде қарастырылып отырған мәдениет пен ғылым саласындағы байланыстардың терең және нақты мазмұнды сипат алуына осы келісімшарттың атқарған қызметі ерекше болды. Келісімшартта халықаралық ынтымақтастықтың негізгі салалары қарастырылды. Олар ЖОО арасындағы қарым-қатынастың дамуы, ғылыми жобалар мен бағдарламалар алмасу, ғылыми конференциялар, кездесулер өткізу және бірлескен ғылыми жұмыстар жүргізу, маман кадрлар даярлау және алмасу, оқу материалдарымен және ақпараттармен алмасу. Мәдениеттің темірқазығы болған театр, музыка, опера, балет және басқа да өнер салаларындағы өзара қарым-қатынастың дамуы, көрмелер ұйымдастыру, әртістермен және көркемөнер ұжымдарының екі жақты қатынасы және бағдарламалар алмасу, әдеби шығармалармен танысу және оларды екі елде аудару, кинематография, телерадио компаниялары, ақпараттық агенттіктер және баспасөз, жастар ұйымдары арасындағы қарым-қатынасқа ықпал ету. Осының нәтижесінде бүгінгі күнге дейін жалғасып келе жатқан мәдени, ғылыми, рухани, жалпы гуманитарлық саладағы қарым-қатынастар екі елдің бұлтартпас басты қарым-қатынас құралдарының біріне айналды.

1991 жылы КСРО ыдыраған кезден бастап оның құрамында болған түркі мемлекеттері тәуелсіздік алғаннан кейін мемлекеттер арасында қоғамдық негізде достық және бірлік ұйымдары құрыла бастады. Ресми мәдени және ғылыми байланыстармен қатар қоғамдық ұйымдардың, оның ішінде діни қауымдастықтың да Түркия елімен байланыс орнату ниеттері халықтар арасында мәдени қарым-қатынастарды нығайтуға септігін тигізді. Өз тарапынан Түркия еліндегі қоғамдық ұйымдар да осындай талпыныс жасады. Қазақстан мен Түркия мемлекеттерінің қоғамдық ұйымдарының өкілдері түркі елдері арасындағы достық, бауырластық және ынтымақтастық құрылтайларына (Türk Devlet ve toplulukları, dostluk, kardeşlik ve işbirliği kurumları) қатысты. Бүгінге дейін осы іспеттес сегіз құрылтай өткізілді, оның жұмысына түркі тілдес елдердің мәдениет, ғылым және қоғамдық-саяси ұйымдары қозғалыстарының қайраткерлері және басшылары қатысты. Бұл құрылтайлардың мақсаты – түркі әлеміндегі саяси қарым-қатынастың нығаюына, мемлекеттердің экономикалық дамуына, мәдени жақындасуына және жаңаша сипатта пікір қалыптастыруға ықпал ету болып табылады.

Мұндай құрылтайлар Түркияның қоғамдық-мәдени өмірінде маңызды орын иеленді және оның туысқан халықтармен мәдени байланыстарды дамытудағы қызметі өте зор болып саналады. Осындай мәдениет ұйымдары мен құрылтайшылардың қолдауымен қазақ-түрік достығы туралы деректі фильмдер түсірді, түрік телевизиясында қазақтар қазақ-түрік достығы туралы хабарлар даярлады, ал Түркия елі қазақ-түрік достығын нығайтуға өз үлесін қосқан мәдениет және ғылым қайраткерлері мен қызметкерлерін марапаттады. Мысалы, осындай қоғамдық ұйымдардың дайындауымен «Түркі дүниесінің жұлдыздары» атты таныстыру телехабары дайындалып, онда Абай Құнанбайұлы, Мұхтар Әуезов, Жамбыл Жабаев туралы мәліметтер түрік еліне кеңінен насихатталды. Мұның өзін мәдениет орталықтары мен құрылтайшылардың қызметінің үлкен жемісі деп білуге болады.

Қазақстан мен Түркия түрік әлемінде өткізілген ортақ құрылтайларға, көптеген жастар фестиваліне, жазушылар, музыканттар, мәдениет және ғылым қайраткерлерінің жиналыстарына, кинематография фестиваліне екі жақтан да жаппай бұқара өкілдері қатысты. Осы жылдары арнайы суретшілер көрмелері ұйымдастырылды, екі елдің теледидарында елді таныстыру мақсатында түрлі телехабарлар және сұхбаттар дайындалды. Осындай мақсатпен екі жақтың техникалық өзара көмек, кеңесулер, жетістіктер және тәжірибе алмасу процестері жүзеге асырылды [8]. Бұл жағдай кинематография саласындағы ортақ жобалардың жүзеге асырылуына мүмкіндіктер берді.

Қазақстан мен Түркия арасындағы мәдени байланыстар негізінен түркі мемлекеттерінің мәдени байланыстары аясында да жақсы өрбіді. 1991 жылы-ақ КСРО-дан жаңадан тәуелсіздік алған түркі мемлекеттері мен Түркия бірлесіп түркі халықтарының бұрын жойылып кеткен мәдениетін қайта жаңғыртуға кірісті. Оның маңызды мысалы 1992 жылы Стамбулда өткен түрік тілдес мемлекеттердің мәдениет министрлерінің тұңғыш бас қосуы болды. 19-20 маусым күндері Стамбулда өткізілген жиналысқа Азербайжан, Қазақстан, Қырғызстан, Түркменстан, Түркия, Өзбекстан және Солтүстік Кипр Түрік Республикаларының мәдениет министрлері қатысты. Онда түркі халықтарының ортақ тілі мен алфавиті мәселесі көтеріліп мәдени ынтымақтастықтың маңыздылығы сөз болды [9].

Мұндай басқосу осы 1992 жылы 30 қараша мен 2 желтоқсан күндері Бакуда жалғасты. Онда түркі халықтарының мәдениеті мен ортақ тарихына қатысты аса маңызды тақырыптар қозғалды. Жиында бас қосқан өкілдер арасында түркі халықтарының ортақ тарихы, яғни түркі халықтарының тарихын жазу мен оқытуға қатысты пікірлер де айтылды. Баку кездесуінің мемлекеттер арасындағы мәдени байланыстарды қалыптастыру мен нығайтудағы орны ерекше болды.

Кезекті үшінші бас қосу 1993 жылы 9-14 шілде күндері аралығында Алматыда өтті. Бұл басқосу қазақ-түрік мәдени қатынастары мен түркі халықтарының мәдениеті үшін маңызды болды. Өйткені, бұл басқосуда түркі халықтарының ірі мәдени ұйымы болып саналған ТҮРКСОЙ деп аталатын түрік тілдес мемлекеттердің бірлескен мәдениет және өнер ұйымы құрылды. Бұл ұйымды түркі мемлекеттерінің басшылары «Түркі халықтарының ЮНЕСКО-сы» - деп [10] атады. Стамбул кездесуінде түркі тілдес мемлекеттердің ортақ мәдени мұраларының сақталуына және оның танытылуына күш салу қажеттігі алға тартылды. Мәдениет саласының басшылары түркі тілдес халықтардың салыстырмалы сөздігінің дайындалуы тиіс екендігін құптады. Сонымен бірге жаңа құрылып отырған ТҮРКСОЙ ұйымының күшейтілуі, оның студенттерге грант беру жөнінде де шешімдер қабылданды. Түркі мемлекеттерінің белді мәдени ұйымы – ТҮРКСОЙ (түркі елдерінің мәдениет және өнер саласындағы одағы) түркі тілдес халықтардың мәдени ынтымақтастығының органы ретінде 1993 жылы 12 шілдеде Алматы қаласында түркі мемлекеттері Қазақстан, Түркия, Өзбекстан, Түрікменстан, Әзірбайжан, Қырғызстан өкілдері қол қойылған келісім негізінде құрылды. Бұл ұйымның құрылуы қазақ, түрік және өзге де түркі халықтарының тарихи, мәдени, діни, этникалық жақындығымен қатар, түркі әлеміндегі жоғары беделі, аймақтық және әлемдік саясат үрдістеріндегі атқарып отырған маңызды рөлдеріне байланысты болды [11].

1993 жылы наурыз айында түркі халықтарының «Түркі мемлекеттері және қауымдастықтары, достық, бауырластық және ынтымақтастық құрылтайы» деген атпен тұңғыш құрылтайы құрылып, оның мақсаты түркі халықтарының мәдениеті мен білімін және өнерін дамытуға бағытталды. Оның алғашқы құрылтайы Анталияда өткізілді. Бұл кейін үрдіске айналды. 1993 жылдан бастап, 20 жыл ішінде 12 құрылтай өткізілді. Құрылтайға түркі дүниесінің ғалымдары, ақын-жазушылары және зиялы қауым өкілдері қатысып пікір алмасты. Бұл құрылтай тәуелсіздік жылдарында Қазақстан мен Түркияның мәдени саладағы байланыстарын барынша кеңейтуге зор үлес қосты. Құрылтайдың алғашқы жиындарында түркі тілдес халықтардың ортақ мейрамы болған халықаралық Наурыз мерекесінің тойлануы туралы шешімдер қабылданды. Наурыз мерекесі КСРО құрамындағы түркі мемлекеттерінде өткен ғасырдың 80-жылдарының соңынан бастап, ал Түркияда 1989 жылдан бастап тойлана бастады [12].

Екі мемлекет бір-бірінің мәдениетін тереңнен танып білу мақсатында, ауқымды мәдени іс-шаралар өткізуді де тасада қалдырмады. 1992 жылы Қазақстанда Түркияның мәдени күндері өткізілсе, бұған жауап ретінде 1992 және 1996 жылдары Түркияда Қазақстанның мәдени күндері жоғары деңгейде өткізілді. Халықтар арасындағы мәдени ықпалдастықтың дамуына ТҮРКСОЙ-дың ықпалы зор болды. Ұйымның ықпалымен Түркияда 1993 жыл – Қожа Ахмет Ясауи жылы деп аталды. Бұл үрдіс мұнымен тоқтамай, 1995 жылы – Абай жылы, 1996 жыл – Жамбыл жылы, 1997 жылы – М. Әуезов жылы аталып өтілді. 1997 жылы Алматыда ТҮРКСОЙ-дың кезекті жиналысы өтіп, кездесулер барысында түркі халықтарының және қазақ-түрік мәдениеттерінің дамуына қатысты тақырыптар қозғалды. Осының негізінде 1998 жылы – Құрманғазы жылы ерекше аталып өтті. Бұл істер мәдени байланыстардың айтарлықтай дамығандығын көрсетіп берді [13].

Көрініп тұрғандай Қазақстан мен Түркия арасындағы мәдени саладағы байланыстар жылма-жыл дамып отырған. 1994 жылы 13 маусымда Түркия Республикасының Президенті Сүлеймен Демирелдің Қазақстанға жасаған ресми сапарында Қазақстан мен Түркия арасындағы саяси-экономикалық қарым-қатынасты әрі қарай дамыту және нығайту, тереңдету жайлы Декларацияға қол қойылды. Декларацияда мәдени байланыстарға негізделген тақырыптар назардан тыс қалмады. Президенттер екі жақты қарым-қатынастың тереңдетілгені және алдыңғы кезеңде де достық пен ынтымақтастықтың нығаюына барлық мүмкіндіктің бар екендігін айтты.

1995 түркі мемлекеттері арасында Түрік сав деген қоғамдық ұйым құрылып, ол осы жылдан бастап түрік қоғамы мен түркі әлеміндегі қарым-қатынастың нығаюына өз үлесін қосқан адамдарға арналған марапаттар тағайындады. Түрік савтың наградасына ие болған қазақстандық саяси және қоғам қайраткерлері Олжас Сүлейменов – 1996 жылы, Мұхтар Мағауин – 1997 жылы, Нұрсұлтан Назарбаев – 1998 жылы, Мұхтар Шаханов пен Рахманқұл Бердібай – 1999 жылы және 2000 жылы академик Мұрат Жұрынов иеленді [14]. Сонымен қатар, 1995 жылы 20-27 сәуірде ұлы қазақ ақыны, ойшыл Абай Құнанбаевтың туғанына 150 жыл толуына байланысты бұл мереке ТҮРКСОЙ тарапынан қолдау тауып ол ЮНЕСКО көлемінде аталып өтті. Бұл мерекені тойлауға қолдау білдірген Түркияға республика басшылығы мен қоғамдық ұйымдар өкілдері, әртістердің шығармашылық тобы Анкара, Маниса, Измир және Стамбул қалаларында болып қайтты. Аталмыш қалаларда ақын мерейтойын тойлау мақсатында конференциялар мен достық кездесулер өткізіліп, Қазақстан әртістерінің өнері сахналанды. Қазақстаннан А. Қоразбаев, Н. Үсенбаева, М. Ильясова мен Б. Тілеуханов, "Салтанат" және "Гүлдер" мемлекеттік ансамблі қатысты.

Өз кезегінде жоғарыда аталған марапаттар Қазақстан тарапынан да ұсынылып жатты. 1996 жылы желтоқсанда Қазақстан Республикасының Президенті Нұрсұлтан Назарбаев халықаралық ынтымақтастықтың даму ісіне өз үлесін қосқаны үшін Түркияның мәдениет министрі, қазақ-түрік достық қоғамының төрағасы, А. Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің Өкілетті Кеңесінің төрағасы қызметінде болған Намық Кемал Зейбекке "Бейбітшілік және рухани келісім" халықаралық сыйлығын тапсырды.

Жылдар өткен сайын екі мемлекет арасында мәдениеттің сан түрлі тармағы бойынша байланыстар тереңге бойлап жатты. 1997 жылда атқарылған негізгі істердің білім мен ғылым саласына ойысты. 1997 жылы 3-7 қарашада Анкарада Ататүрік мәдени орталығы түрік мәдениетінің төртінші халықаралық конгресін ұйымдастырды, оның жұмысына Қазақстан тарапынан ғалымдар Б. Қарақұлов, Ә. Нысанбаев, Ш. Ыбыраев, К. Қадашева қатысты. Сондай-ақ, осы жылы наурыз айында Анкарада Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі мен Түркия Республикасының Ұлттық білім министрлігі арасындағы білім саласындағы ынтымақтастық туралы келісімшарт қабылданды. Ол бойынша білім және ғылым саласының заманауи талаптарға негізделген тақырыптар қозғалып, бірқатар шешімдер қабылданды.

1998 жылы маусымда Қазақстан Республикасының Президенті Нұрсұлтан Назарбаев ресми сапармен Түркияға барды. Келіссөз барысында Қазақстан мен Түркия арасындағы екі жақты ынтымақтастықты нығайтудың басты бағыттары талқыланды. Сонымен қатар, 1998 жылы Құрманғазы жылы болып, Түркияда қазақтың атақты күйшісі Құрманғазы Сағырбайұлының 170 жылдығы атап өтілді. Ол бойынша осы жылдың 12-19-қазаны аралығында Түркияға Құрманғазы атындағы Академиялық халық аспаптары оркестрі шақырылып, ол Түркияның бірқатар қалаларында концерт қойды. Кайсери қаласының уәлиі және ТҮРКСОЙ-дың демеушілігімен Эржиес университетінде Құрманғазының шығармашылығына арналған апталық өтті. Ал 13 қазанда Қазақстан Республикасының Түркиядағы елшісі Б. Тұрсынбаев қатысқан конференция және Құрманғазы оркестрінің екі концерті өткізілді. Бұдан соң 16 қазанда Анкара қаласында да Құрманғазыны еске алу күні өтіп, онда екі концерт қойылды. Концертте ТҮРКСОЙ төрағасы П. Бұлбүлөғлу сөз сөйледі. Бұдан соң, күйші бабаның шығармашылығына арнап 18 қазанда Құрманғазыға арналған еске алу кеші ұйымдастырылды. Бұл кеш Түркияның Стамбул қаласында өткізілді [15].

Қазақстан Республикасы тәуелсіздік алған уақыттан бастап 10 жыл ішінде Қазақстан мен Түркия арасында мәдени байланыстарға қатысты болған жүзге тарта келісімдер мен хаттамаларға қол қойылды. Мұндай көп қаулы-шешімдер екі мемлекеттің мәдениет саласындағы жақындығының қандай деңгейде екенін айтпаса да көрсетіп тұр. Халықтар арасындағы рухани

байланыстар үшін Түркия мен Қазақстанда екі халықтың мәдениет күндерінің, өткізілуі аса маңызды оқиға болды. 90-жылдардың ішінде «Түркиядағы Қазақстан мәдениет күндері» және «Қазақстандағы Түркия мәдениет күндері» айдарымен ауқымды мәдени фестивальдері өткізілді. Мұндай іс-шаралар кейіннен өз алдына тұрақты сипат алып күні бүгінге дейін жалғасын тауып келеді.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Назарбаев Н. Ғасырлар тоғысында. – Алматы: Өнер, 1996. – 272 б.
2. Құдышев О. Панисламизм және пантүркизм. // Ақиқат 1995 № 11
3. Фейзуллах Б. «Қазақстан: өткені, бүгінгі мен ертеңі» Анкара, 2000 ж.
4. Торгово-экономическое сотрудничество. Протокол о торгово-экономическом сотрудничестве между Правительством Казахской Советской Социалистической Республики и Правительством Турецкой Республики от 15 марта 1991 года. - В сбор. Казахстан-Турция: 5 лет дружбы и сотрудничества. Анкара, "Билиг". 1996. – С. 149-152.
5. Соглашение между Казахской Советской Социалистической Республикой и Турецкой Республикой в области транспорта и телекоммуникаций от 26 сентября 1991 года. - В" сбор. Казахстан - Турция: 5 лет дружбы и сотрудничества. Анкара, "Билиг", 1996. – С. 158-162.
6. Встречи глав тюркоязычных государств Анкараское заявление. - В сбор. Казахстан-Турция: 5 лет дружбы и сотрудничества. Анкара, "Билиг", 1996, – С. 413-416
7. Встречи глав тюркоязычных государств: Стамбульская декларация от 18-19 октября 1994 года; Бишкекская декларация от 28 августа 1995 года; Ташкентская декларация от 21 октября 1996 года. - В сбор. Казахстан-Турция: 5 лет дружбы и сотрудничества. Анкара. "Билиг", 1996. – С. 416-434.
8. Мұхамедов М.Б. Тәуелсіз Қазақстанның сыртқы саясатында негізгі басым бағыттардың қалыптасуы. Алматы, 1999, 29 б.
9. Namık Koçak, “Türklere Çevirmen”, // Milliyet, 20.06.1992.
10. Нұрғали Ораз. Түрксой – Түркі дүниесінің айнасы. // Алматы ақшамы. 11.02.2015
11. Токаев К.К. Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана. – Алматы: Білім 1997. – 733 с.
12. “Nevruz Şenlikleri”, // Milliyet, 22.03.1989.
13. Назарбаев Н.Ә. Сындарлы он жыл. – Алматы: Атамұра, 2003. – 240 б.
14. Писатели и поэты со всего тюркского мира соберутся в Стамбуле // Түркі әлемі. – 2001, қаңтар-ақпан. № 1.-86.
15. Ph.Robins. The Middle East and the Central Asia in "The new deopolitions of Central Asia and its Neighbovrs". Pinter Publishears. London. 1994. Chapter IV - P.165.

МАЗМҰНЫ

Алиясова В.Н. ҚАЗАҚСТАН МҰРАЖАЙЛАРЫ ПАЛЕОНТОЛОГИЯЛЫҚ КОЛЛЕКЦИЯЛАРДЫ САҚТАУ ЖӘНЕ НАСИХАТТАУ ОРТАЛЫҚТАРЫ РЕТІНДЕ	8
Атығаев Н. XVI –XVIII ғғ. ҚАЗАҚ-ҮНДІС ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ ТАРИХЫНА	17
Базарбаева Ғ.А., Жұмабекова Г.С. САРЫАРҚАНЫҢ КӨНЕ ТҰРҒЫНДАРЫНЫҢ ӨНЕРІНДЕГІ ЗООМОРФТЫ БЕЗЕНДІРІЛГЕН ЗАТТЫҢ АТРИБУЦИЯСЫ.....	31
Бисембаев А.А. ОЙЫЛДЫҢ ОРТА АҒЫСЫНДАҒЫ ҚҰМДЫ МАССИВТЕН ЖАҢА ТАБЫЛҒАН «ЕЖЕЛГІ ВЕНГРЛЕР» ТОРЕВТИКАСЫ.....	38
Жұмабекова Г.С., Бейсенов А.З., Базарбаева Ғ.А. «ТАУЛАР БЕЛДЕУ» КӨНЕ ТҰРҒЫНДАРЫ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ МЫСЫҚ ТҰҚЫМДАС ЖЫРТҚЫШТАР БЕЙНЕЛЕРІ.....	45
Исеналинов А.Р. ҚАЗАҚСТАНДЫҚТАРДЫҢ МГИНСК-СИНЯВИНСК ЖОТАСЫНДАҒЫ ШАЙҚАСТАРҒА ҚАТЫСУЫ.....	52
Касенова Б.Б., Келдібаева Д.Р. ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС АЗИЯДАҒЫ ҚЫТАЙДЫҢ ГЕОСОЯСИ МҮДДЕЛЕРІ.....	60
Қозғамбаева Г.Б. ДҮНИЕЖҮЗІ ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ БАСЫН ҚОСҚАН ТҰҒЫШ ҚҰРЫЛТАЙДЫҢ ШАҚЫРЫЛУЫНЫҢ ТАРИХИ МАҢЫЗЫ (25 ЖЫЛ).....	72
Күлсариева С.П., Боранбаева Ж.А. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПОСТКЕҢЕСТІК ЭТНИКАЛЫҚ БІРЕГЕЙЛІК.....	77
Кұрманалина Н.Н. ҚАЗАҚ-ЖОҒАР ҚАТЫНАСЫ АЛЫС ШЕТЕЛ ЗЕРТТЕУШІЛЕРІНІҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕ.....	89
Легкий Д.М. «ОЛ СІБІР МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ШЕКАРАСЫНДА ҚОСТАНАЙ ҚАЛАСЫНА ҚОНЫСТАНДЫ» МИХАИЛ БАХТИННИҢ ҚУҒЫНДАЛУ ТАРИХЫ: ПРОБЛЕМАЛАР, ІЗДЕНІСТЕР.....	100
Мамыров Т.Б., Артюхова А.О. АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ ҚОРЫНДАҒЫ ТАС ҚҰРАЛ- ЖАБДЫҚТАР КОЛЛЕКЦИЯСЫН ЗЕРТТЕУ.....	110
Марьяшев А.Н., Горячев А.А. СОЛТҮСТІК ТЯНШАҢ ҚОЛА ДӘУІРІ ҚОНЫСТАРЫН ЗЕРТТЕУ.....	115
Нүрсұлтанова Л.Н., Санатова М.К. ЕУРОПА ЖӘНЕ ЕУРАЗИЯ АЙМАҒЫНДАҒЫ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ҮРДІСТЕРДІҢ НЕГІЗГІ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ.....	129
Омарбаев Ы.Қ. ҰОС КЕЙІНГІ КЕҢЕС АЗАМАТТАРЫНЫҢ РЕПАТРИАЦИЯЛАНУЫ ЖӘНЕ ОНДАҒЫ ПАСПОРТ ҚЫЗМЕТІНІҢ КӨРІНСІ.....	142
Омарбеков Т., Отарбаева А.Б. «ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ» ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫНДАҒЫ МАҢЫЗЫ.....	149
Онғарұлы А. ЖЕТІСУ САҚТАРЫНЫҢ ДҮНИЕТАНЫМЫНДАҒЫ ІРІ ОБАЛАРДЫҢ АЛАР ОРНЫ.....	159
Оразбаева А.И. ЕУРАЗИЯ КӨШПЕНДІЛЕРІНІҢ "СОҒЫС" ФИЛОСОФИЯСЫ.....	166
Орынбаева Г.У. ЕКІНШІ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК СОҒЫС КЕЗІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ АУЫЛДЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ (ҚОСТАНАЙ ОБЛЫСЫНЫҢ МЫСАЛЫНДА).....	177
Өтепова Г. «ҮШ ЖҮЗ» ҰЛТТЫҚ ПАРТИЯНЫҢ ТАРИХЫНАН (ПАРТИЯНЫҢ ҚАЛЫПТАСТЫРУ 100 ЖЫЛДЫҒЫНА АРНАЛҒАН).....	194

Төлеубаев Ә.Т. ҚАЗАҚТЫҢ АСПАН ӘЛЕМІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ ТҮСІНІКТЕРІ, ҒҰРЫПТАРЫ.....	210
Хамитова М.А. ТЫҢ АРДАГЕРІ КӨМШАТ ДӨНЕНБАЕВА ТУРАЛЫ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕМЛЕКЕТТІК ОРТАЛЫҚ МУЗЕЙІ ҚОРЫНДАҒЫ КЕЙБІР ДЕРЕКТЕР.....	221
Хасенова Б.М. АРЫСТАН БЕТПЕРДЕЛІ БІЛЕЗІКТЕР: БІР ӘШЕКЕЙДІҢ ТАРИХЫНАН.....	226
Хасенова Б.М. ҚИМАҚ ҚАҒАНАТЫНДАҒЫ ДІН МӘСЕЛЕСІ: ТОРЕВТИКА ДЕРЕКТЕРІ.....	230
Шахидулла Д.М., Мұхажанова Т.Н. ТӘУЕЛСІЗДІК ЖЫЛДАРЫНДА ҚАЗАҚ-ТҮРІК МӘДЕНИ БАЙЛАНЫСТАРЫНЫҢ ЖАҒАРУЫ.....	234

СОДЕРЖАНИЕ

Алиясова В.Н. МУЗЕИ КАЗАХСТАНА КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ	8
Атыгаев Н. К ИСТОРИИ КАЗАХСКО-ИНДИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVI-XVIII ВВ.....	17
Базарбаева Г.А., Жумабекова Г.С. К АТРИБУЦИИ ЗООМОРФНО ДЕКОРИРОВАННОГО ПРЕДМЕТА В ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ САРЫАРКИ.....	31
Бисембаев А.А. НОВЫЕ НАХОДКИ «ДРЕВНЕВЕНГЕРСКОЙ» ТОРЕВТИКИ ИЗ ПЕСЧАНЫХ МАССИВОВ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ УИЛА.....	38
Джумабекова Г.С., Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. ИЗОБРАЖЕНИЯ КОШАЧЬИХ ХИЩНИКОВ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ «ПОЛОСЫ ГОР».....	45
Исеналинов А.Р. УЧАСТИЕ КАЗАХСТАНЦЕВ В СРАЖЕНИЯХ НА МГИНСКО-СИНЯВИНСКОМ ВЫСТУПЕ.....	52
Касенова Б.Б., Келдибаева Д.Р. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	60
Козгамбаева Г.Б. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОГО ВСЕМИРНОГО КУРУЛТАЯ КАЗАХОВ.....	72
Кульсариева С.П., Боранбаева Ж.А. ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ.....	77
Курманалина Н.Н. КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ.....	89
Легкий Д.М. «ПОСЕЛИЛСЯ НА ГРАНИЦЕ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА В Г. КУСТАНАЕ» ИСТОРИЯ ССЫЛКИ МИХАИЛА БАХТИНА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ.....	100
Мамиров Т.Б., Артюхова А.О. ИЗУЧЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ В ФОНДАХ АКТЮБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.....	110
Марьяшев А.Н., Горячев А.А. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО ПРИТЯНЬШАНЯ.....	115
Нурсултанова Л.Н., Санатова М.К. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ.....	129
Омарбаев И.К. РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ПОСЛЕ ВОВ И ОТРАЖЕНИЕ В НЕЙ ПАСПОРТНОЙ СЛУЖБЫ.....	142
Омарбеков Т., Отарбаева А.Б. ЗНАЧЕНИЕ ШЕЛКОВОГО ПУТИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ.....	149
Онгарулы А. МЕСТО КРУПНЫХ КУРГАНОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ САКОВ ЖЕТЫСУ	159
Оразбаева А.И. ФИЛОСОФИЯ «ВОЙНЫ» КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ.....	166
Орынбаева Г.У. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНСКОГО СЕЛА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ).....	177
Отеева Г. ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ «УШ ЖУЗ» (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ПАРТИИ).....	194
Толеубаев А.Т. КАЗАХСКИЕ ПОНЯТИЯ, ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С НЕБЕСНЫМ МИРОМ.....	210

Хамитова М.А. НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ВЕТЕРАНЕ ЦЕЛИНЫ КАМШАТ ДОНЕНБАЕВОЙ ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	221
Хасенова Б.М. БРАСЛЕТЫ С ЛЬВИНЫМИ ЛИЧИНАМИ: К ИСТОРИИ ОДНОГО УКРАШЕНИЯ.....	226
Хасенова Б.М. К ВОПРОСУ О РЕЛИГИИ В КИМАКСКОМ КАГАНАТЕ: ДАННЫЕ ТОРЕВТИКИ.....	230
Шахидулла Д.М., Мұхажанова Т.Н. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КАЗАХСКО-ТУРЕЦКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ.....	234

CONTENTS

Aliyassova V.N. MUSEUMS OF KAZAKHSTAN AS CENTERS OF PRESERVATION AND POPULARIZATION OF PALEONTOLOGICAL COLLECTIONS.....	8
Atygaev N. ON THE HISTORY OF KAZAKH-INDIAN RELATIONS IN THE XVI-XVIII CENTURY.....	17
Bazarbayeva G.A., Jumabekova G.S. ON THE ATTRIBUTION OF A ZOOMORPHICALLY DECORATED SUBJECT IN THE ART OF THE SARYARKA ANCIENT POPULATION.....	31
Bissembayev A.A. NEW FINDINGS OF THE "ANCIENT HUNGARIAN" TOREVTIKA FROM THE SANDY MASSIF THE FLOW OF THE RIVER OIL.....	38
Jumabekova G.S., Beisenov A.Z., Bazarbayeva G.A. THE ANIMAL IMAGES IN THE CULTURE OF THE ANCIENT POPULATION OF THE "STRIP OF MOUNTAINS".....	45
Icenalinov A.R. PARTICIPATION OF KAZAKHSTANIS IN THE BATTLES ON THE MGINSKO-SINYAVINSKY SALIENT.....	52
Kasenova B.B., Keldibayeva D.R. CHINA'S GEOPOLITICAL INTERESTS IN THE SOUTH-EAST ASIA.....	60
Kozghambayeva G.B. HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE FIRST WORLD KURULTAY OF KAZAKHS.....	72
Kulsariyeva S.P., Boranbayeva Zh.A. POST-SOVIET IDENTITY IN KAZAKHSTAN.....	77
Kurmanalina N.N. THE KAZAKH-DZHUNGAR RELATIONSHIPS IN THE WORKS OF 'FAR ABROAD' RESEARCHERS.....	89
Legkij D.M. "SETTLED DOWN ON THE BOUNDARY OF SIBERIA AND KAZAKHSTAN IN KOSTANAI CITY" THE EXILE HISTORY OF MIKHAIL BAKHTIN: THE PROBLEMS AND SURVEY.....	100
Mamirov T.B., Artuhova A.O. STUDYING COLLECTIONS OF STONE IMPLEMENTS IN FUNDS OF AKTOBE REGIONAL MUSEUM OF LOCAL HISTORY.....	110
Mar'yashev A.N., Goryachev A.A. QUESTIONS OF STUDY OF SETTLEMENTS OF EPOCH OF BRONZE OF NORTH TIEN SHAN.....	115
Nursultanova L.N., Sanatova K. THE MAIN FEATURES OF INTEGRATION PROCESSES IN EUROPEAN AND EURASIAN REGIONS.....	129
Omarbaev Y.K. РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ПОСЛЕ ВОВ И ОТРАЖЕНИЕ В НЕЙ ПАСПОРТНОЙ СЛУЖБЫ.....	142
Omarbekov T., Otarbayeva A.B. ЗНАЧЕНИЕ ШЕЛКОВОГО ПУТИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ.....	149
Onggaruly A. THE PLACE OF LARGE MOUNDS IN THE WORLDVIEW OF THE ZHETYSU SAKS.....	159
Orazbayeva A.I. THE PHILOSOPHY OF THE "WAR" OF THE NOMADS OF EURASIA.....	166
Orinbayeva G.U. EVERYDAY LIFE OF A KAZAKH VILLAGE DURING THE SECOND WORLD WAR (ON THE EXAMPLE OF THE KOSTANAY REGION).....	177
Otepova G. FROM THE HISTORY OF THE NATIONAL PARTY "USH ZHUZ" (TO THE 100-TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE PARTY).....	194
Toleubaev A.T. KAZAKH CONCEPTS AND RITUALS RELATED TO THE CELESTIAL WORLD.....	210

Khamitova M.A. SOME MATERIALS ABOUT THE VETERAN OF THE VIRGIN LANDS DEVELOPMENT KAMSHAT DONENBAYEVA FROM THE FUNDS OF THE CENTRAL STATE MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	221
Khasenova B.M. BRACELETS WITH LION IMAGES: ON THE HISTORY OF ONE OF THE PIECES OF JEWELLERY	226
Khasenova B.M. ON THE QUESTION OF RELIGION IN THE KIMAK KHAGANATE: TOREUTICS DATA.....	230
Shahidulla D., Mukhazhanova T. RENEWAL OF KAZAKH-TURKISH CULTURAL RELATIONS IN THE YEARS OF INDEPENDENCE.....	234

EDU.E-HISTORY.KZ

электрондық ғылыми журналы

2017. 3(11)

Бас редактор: Қабылдинов З.Е.

Компьютерде беттеген: Зикирбаева В.С.

Жарияланған күні: 30.09.2017.

Пішімі 70x100/16. Баспа табағы 26,6.

Құрылтайшысы және баспагері:

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй

ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru.

Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТжЭИ басылған:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй